В.С. НЕЧАЕВА

Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских „ЭПОХА“ 1864-1865

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

В. С. НЕЧАЕВА

Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «ЭПОХА»

1864–1865

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1975

Настоящая книга является продолжением работы В. С. Нечаевой «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863». Здесь дается характеристика общественно-политического и литературного направлений журнала «Эпоха», определяется его положение в истории русской журналистики 1860-х годов. Значительное место отводится редакционной работе Ф. М. Достоевского. Исследователь устанавливает авторство ряда анонимных публикаций, вводит в научный оборот новые архивные материалы. Работа включает хронологическую роспись журналов Достоевских «Время» и «Эпоха» и аннотированный перечень сотрудников этих журналов, а также указатель имен к обеим книгам.

Н $\frac{70202\text{-}051}{042\ (02)\text{-}75}$ 291-75

Глава I

Организация, издание и ликвидация журнала

История первого журнала братьев Достоевских «Время» (1861—1863) тесно связана с периодом общественного подъема конца 1850-х гг., достигшего наибольшей силы в 1861 г. Журнал Достоевских выступил на арену в ответственный момент исторического пути России и сумел привлечь внимание и одобрение читающей публики. Он горячо высказывался по всем острым вопросам современности — ликвидации крепостного права, проблемам дальнейшего пути экономического развития, демократизации суда, образования, культуры. Редакция сумела не только сплотить вокруг себя либерально настроенных писателей старшего поколения, но привлечь разночинную молодежь, идеи которой выработались под влиянием вождей революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Сотрудников «Времени» объединяло резко критическое отношение к современной русской действительности, вера в возможность и необходимость ее перестройки.

Но революционный путь, на который указывал передовой отряд русской журналистики в лице «Современника», пугал и останавливал руководителей «Времени». Они искали причину трагедии русской жизни в разрыве интеллигенции и народа и видели выход в мирном слиянии «общества» и «почвы». По собственному признанию Ф. М. Достоевского, журнал «Время» был «до крайности наивен и ... может быть, и взял наивностью и верой».

С жесткой переменой правительственного курса в 1862 г. эти качества не могли спасти журнал, и крушение было предопределено. Реакция, вызванная страхом верхов, потрясенных крестьянскими восстаниями, революционными прокламациями, войной в Польше, пожарами в столице, нашла выражение в репрессиях, направленных против печати, изданий, в арестах и ссылках писателей, в цензурных преследованиях. Разгром польского восстания царизмом нанес удар русскому революционному движению.

Взрыв шовинизма в некоторых кругах общества, вызванный «победой», укрепил позиции правительства и позволил ему проводить с еще большей настойчивостью реакционный курс.

Статья о польском восстании, помещенная во «Времени», и послужила поводом для его закрытия.

В нашей книге «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861—1863)». М., «Наука», 1972 г., мы исследовали историю издания журнала и его закрытия в апреле 1863 г. Чтобы стало ясно, как сложно было редакции журнала хлопотать о его восстановлении, приведем следующую официальную оценку положения и трактовку журнала «Время».

В отчете III отделения за 1863 г. под заголовком «О политическом направлении литературы» писалось: «Никогда еще литература не имела такого политического характера, каким она ознаменовала себя с начала 1863 года. Конечно, такое направление дóлжно приписать событиям, влияние которых отразилось во всем государственном строе России, тем не менее, много способствовало тому и само правительство, которое, в сознании важности переживаний эпохи, признало необходимым доводить до всеобщего сведения, посредством газет, не только совершившиеся факты во всей их наготе, но и все свои распоряжения, явно свидетельствовавшие об успешной его деятельности. Печати были переданы все обстоятельства польского мятежа».

Далее обозреватель перечислял, до каких «дерзких» высказываний доходили публицисты, которые, прикрываясь русским патриотизмом и не стесняясь цензуры, требовали дарования Польше автономии и критиковали правительство: «Из ряда всех других статей выступила, по преступности своего содержания, помещенная в петербургском журнале «Время» под названием «Роковой вопрос». Автор Н. Н. Страхов сказал, что одна из главных причин польского восстания и сочувствия к нему Европы есть, во мнении поляка, то, что поляки образованны, а русские варвары; что те имеют свободные учреждения и существуют как исторический народ, хотя и порабощенный, а в России нет народа...» Излагая далее в самом злопыхательском тоне статью Страхова, обозреватель писал: «Статью свою он заключил тем, что для уничтожения притязаний Польши Россия в семье славян должна принять на себя передовую роль в цивилизации. Вследствие этой статьи издание журнала «Время» прекращено» [1].

Возродить в такой обстановке закрытый в мае за «вредное направление» журнал было делом почти безнадежным. Выступить с объяснениями в печати не разрешалось. Попытки устных объяснений редакции в соответствующих учреждениях пресекались. Сам Страхов проявил большое усердие в хлопотах по восстановлению своей репутации и репутации журнала и так рассказывал об этом периоде: «Со своей стороны я делал все, что можно и что мне советовали. Я тотчас написал М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, составил объяснительную записку для министра вну-

---

[1] «Красный архив», 1925, т. 8, стр. 207—232; «Литература 60-х годов по отчетам III отделения».

тренних дел и предполагал подать просьбу государю. Ничего не удавалось, ничего не действовало. И М. Н. Катков и И. С. Аксаков отозвались сейчас же и принялись действовать с великим усердием. Нужно было печатно объяснить недоразумение. Но ни тому, ни другому цензура не пропускала ни строчки по этому делу; приходилось обращаться к министру и настаивать у него. Я написал большую статью для «Дня» — она не была пропущена. О просьбе государю я советовался с покойным А. В. Никитенко и предполагал подать ее через него. После нескольких совещаний он дал мне решительный совет отказаться от этого намерения» [2].

Оба обращения Страхова — в редакции «Московских ведомостей» и «Дня» дошли до нас. В первом, датированном 26 мая 1863 г. и являвшемся ответом на статью Петерсона, погубившую «Время» [3], он пытался «разрушить недоразумение», снять обвинение в непатриотичности. Он заявлял, что не отказывается ни от одного слова в своей статье и видит в ней даже «избыток патриотизма», так как основывал его не на обширности и крепости государства, но на глубоких духовных силах русского народа и «нетерпеливо ожидал нравственной победы России над Европой». В обращении, датированном 22 июня, к редактору «Дня», где в № 22 была помещена «Заметка» о «Роковом вопросе», Страхов выражал удивление, что И. С. Аксаков, хорошо знающий «Время», мог счесть статью «сомнительной» и заподозрить ее в антипатриотизме. Страхов видел причину в «недоговоренности» своей статьи и пытался ее «договорить», развивая ее основные положения. Не силой и не «зоологическим родством» с жителями западных областей надо доказывать свои права: «против культуры должна стать культура, а не что-нибудь другое... Моею целью было доказать необходимость веры в народные начала, с их помощью одержать «нравственную победу над Европой».

Хотя эти обращения Страхова напечатаны не были, но первое вызвало ответное письмо Каткова, датированное 18 июня, в котором он, сообщая о неудавшейся попытке поместить письмо в «Московских ведомостях», надеялся напечатать «статейку» в «Русском вестнике». Он уверял, что не сомневается в искренности объяснений Страхова, но удивляется, как мог Страхов написать статью на такую тему и «ограничиться какими-то смутными и двусмысленными намеками». «Все то немногое, что сказано вами в пользу каких-то начал русской народности, так странно сказано, что всеми очень естественно принято было за иронию, которая еще оскорбительнее, чем резкость» [4].

---

[2] *Н. Н. Страхов.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 255.

[3] См. об этом подробнее в нашей книге: «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., «Наука», 1972.

[4] *Н. Н. Страхов.* Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки, кн. 2. Изд. 2. СПб., 1890, стр. 129—146.

Статья Каткова о «Роковом вопросе» появилась в майском номере «Русского вестника» (цензурное разрешение 28 июня 1863 г.). В нее, согласно обещаниям, данным в письме, он «ввел существенную часть объяснений» Страхова из его письма и постарался по крайней мере раскрыть намерения автора «Рокового вопроса». Но даже не называя «Времени» и тем более имени Достоевского, Катков направил всю статью именно против него как своего недавнего журнального врага. О Страхове он написал, что тот вовсе «не переодетый поляк», а действительно русский, который «хотел в этой статье заявить свое патриотическое чувство и послужить своему народу», что автор известен многими статьями философского и критического содержания, «противник пошлого материализма», и не способен, по мнению Каткова, «к какимнибудь изменническим замыслам». Но, «думая совершить гражданское дело, совершает действие, приводящее всех в негодование», потому что не имеет «почвы под ногами, хотя беспрерывно твердит о почве». Причиной же явилось увлечение гегелевской философией, «давно умершей и похороненной и всеми забытой», соединенное с каким-то славянофильским исканием народных начал и «какой-то почвы».

«Нам давно хотелось поговорить об этих так называемых народных началах — писал Катков. — Чего хотят эти господа, каких народных начал они ищут, какая самостоятельность для них требуется, какой это правды им захотелось?» Пока они не перестанут «пророчествовать и благовестительствовать», «дурманить себя гашишем слов *народные начала, коренные основы,* и не возьмутся за дело, они будут терять почву под ногами и «болтовня» их будет доводить до таких явлений, как статья Страхова» [5].

Влиятельность выступления «Русского вестника» была такова, что появилась перспектива если не возобновления «Времени», то разрешения той же редакции нового журнала. Надежда на продолжение издания не покидала Ф. М. Достоевского в самые трудные месяцы. 19 июня 1863 г. он писал Тургеневу с просьбой «повременить печатанием «Призраков», предназначавшихся «Времени», хоть до осени: «Мы имеем *некоторую* надежду о том, что журнал наш приостановлен только на время», это выяснится в сентябре; в случае успеха повесть Тургенева будет большой поддержкой новому изданию. Но уезжая в августе за границу, сам Ф. М. Достоевский в июле через Страхова предложил в «Библиотеку для чтения» свою будущую повесть за аванс в 500 руб. — деньги, необходимые для поездки. Боборыкин сперва отказал, но в сентябре через Страхова послал ему 300 руб.

В начале сентября Ф. М. Достоевский, находясь в Италии, еще ничего не знал о судьбе издания и укорял брата в том, что тот

---

[5] «Русский вестник», 1863, № 5, стр. 398—418.

ничего не сообщает ему о журнале [6]. Между тем М. М. Достоевский и не мог в это время сообщить что-нибудь определенное о судьбе журнала. 22 августа он писал ему, что начал хлопоты по журналу: «Не знаю, будет ли прок только... Позволят мне «Время»? Если нет, я просто погиб. И теперь уже начинаю погибать».

16 сентября он сообщал о своих хлопотах следующее: «Теперь о журнале. Дело о нем еще длится. Надежды есть у меня большие, но еще ничего решительного не могу сообщить тебе. Я составил объяснительную записку и написал письмо министру. Боюсь только, что решение не выйдет раньше половины будущего месяца: государь теперь в Крыму. Хорошо было бы, если б ты был теперь здесь; но так как тебя нет, то буду управляться как-нибудь сам». Упрекая брата, что он, встретив Тургенева за границей, не взял у него «Призраки», не зная, как обстоит дело с разрешением журнала, Михаил Михайлович в отчаянии восклицал: «Знаешь ли ты, что значит *теперь* для нас Тургенев? Во всяком случае я должен иметь журнал, иначе я погибну. У меня долги, и я сгнию в долговом отделении. А мое семейство?»

Только к половине ноября дело определилось, и М. М. Достоевский смог сообщить брату о достигнутых результатах: «Любезный брат, я говорил тебе при расставанье, что ты уезжаешь от меня в самые решительные минуты нашей будущности. Так оно и случилось. Я сильно хлопотал последнее время по журналу, ездил по разным лицам и был, наконец, у министра. Результатом всех моих хлопот было то, что я узнал, что воскресить «Время» нет никакой возможности, но что мне позволяют издавать новый журнал... Прошение уже подано. Теперь пишу объявление. И все это я должен делать, не посоветовавшись с тобою. Мне это, друг мой, очень тяжело, и хоть я человек решительный и в трудную минуту не задумаюсь, но действовать одному в общем деле очень грустно. Вдвоем мы сделали бы, вероятно, и больше, и лучше» [7].

Письмо это М. М. Достоевский писал 15 ноября, в день подачи прошения на имя министра внутренних дел Валуева о разрешении издавать новый журнал. В прошении он явно стремился отвести обвинения в «антипатриотизме»: «Будучи поставлен в необходимость, по случаю запрещения моего журнала «Время», вознаградить своих подписчиков, честь имею покорнейше просить <...> разрешить мне с января будущего 1864 года издание журнала «Правда». Программу этого журнала при сем на утверждение <...> приложить честь имею. Направление моего журнала будет в полной мере русское. Внешняя политика будет разбираема со стороны русских интересов и блага нашего великого оте-

---

[6] *Ф. М. Достоевский*. Письма. Под ред. А. С. Долинина, т. I. М.—Л., 1928, стр. 319, 333, 330. Далее: Письма, т. I, II, III, IV.

[7] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 540, 541, 543, 544.

чества; события же последнего времени, патриотическое настроение общества и великие силы народа, которые уже дают себя предчувствовать в его настоящих заявлениях, послужат твердою опорою для обсуждения вопросов внутренних»[8].

Ф. М. Достоевский, вернувшись в начале ноября из-за границы, 10 ноября был во Владимире, где находилась его больная жена, и вскоре с нею переехал в Москву, где решил поселиться ввиду тяжелого состояния Марии Дмитриевны. Получив письмо брата, Ф. М. Достоевский тотчас откликнулся на вести о журнале, особенно на сообщение о его названии, о котором в цитированном письме М. М. Достоевский писал так: «Я, брат, решился и буду издавать «Правду». Название «Эпоха» всеми было забраковано. Никто не придумал имени новому детищу, так что я уже сам окрестил его. Всем, т. е. Разину и Страхову, понравилось. Дело уже сделано и назад не воротишь». Ф. М. Достоевский, надеясь скоро встретиться с братом, так реагировал на его сообщение о названии, высказав свое отношение к будущему журналу: «Главное, чтоб не обманывали обещаниями и *действительно* позволили бы поскорее «Правду». Я, признаюсь тебе, не очень в отчаянии, что совсем нельзя воскресить «Время». «Правда» может произвести такой же эффект, если не больше, разумеется, при благоприятных обстоятельствах, это главное. Что же касается до названия «Правды», то, по-моему, превосходно, удивительно, и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль *наиболее подходящую* заключает, и к обстоятельствам идет, а главное в нем есть некоторая *наивность, вера,* которая именно как раз к духу и к направлению нашему, потому что наш журнал («Время») был все время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял наивностью и верой.

Обертку можно ту же, как у «Времени», чтобы напоминало собою «Время», раздел в журнале один, как в «Revue des deux Mondes», и в объявлении о журнале, на 1-ой строчке в начале фразы напечатать что-нибудь вроде: «Время требует правды... вызывает на свет правду» и т. д., так, чтобы ясно было, что это намек, что «Время» и «Правда» одно и то же». Далее Ф. М. Достоевский сообщал, что А. П. Иванову не понравилось название «Правда», и замечал: «Но ведь это страшный рутинер и даже добрый знак, что не понравилось... Что Страхову и Разину понравилось — это я понимаю. Люди с толком и главное с некоторым чутьем». 19 ноября Ф. Достоевский писал В. Д. Констант: «Дела по журналу стали страшно хлопотливы: требуют, чтобы мы изменили название *Время*. Оно положительно запрещено. И потому брат переменил название: вместо «Времени» будет издаваться «Правда»[9].

---

[8] «Журнал Достоевского и цензура». — Сб. «Ф. М. Достоевский». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 570.
[9] Письма, т. I, стр. 340—341, 342.

Ответ на прошение последовал только 21 декабря и был мало утешителен. М. М. Достоевский уведомлялся, что издание журнала под его редакцией «имеется в виду и что г. министр полагает возможным дать уважение ходатайству в начале будущего 1864 года» [10].

Отсрочка должна была пагубно сказаться на судьбе будущего журнала: в горячую пору подписки издатель не мог дать в печать объявления о новом журнале, привлечь к нему внимание, не мог готовить к выпуску первые книги, договариваться о всей технике будущего издания.

В начале января 1864 г. М. М. Достоевский подготовил на имя министра Валуева второе прошение, которое подал 11 января и которое отразило его отчаянное состояние. Вновь напоминая, что он обязан удовлетворить подписчиков «Времени» и о долгах, на нем лежащих в связи с его закрытием, он писал о «решительном неимении средств к существованию на каком-либо другом поприще», так как все деньги, «накопленные долголетними трудами», были истрачены на основание журнала. Упоминая далее о своем «призвании» к этому делу, он называл свое положение крайне затруднительным: «Оно будет совершенно безвыходным, если просьба моя будет отринута или отложена на неопределенное время». Он напоминал, что все журналы готовят свои первые книги, а он до сих пор не может дать объявление о подписке. В заключение М. М. Достоевский опять в нескольких строках, но по-иному характеризовал направление будущего журнала. Не касаясь «патриотизма» и «событий последнего времени», он дал понять, что журнал будет направлен против неверующих в «великие силы» России.

«Направление моего задуманного журнала я мог бы назвать русским, если б можно было характеризовать так направление. Цель его будет — уяснить читателям те великие силы, которые таятся в русской жизни, которые служат задатками нашего будущего развития и блага и к которым так скептически и отрицательно относятся зачастую наша литература и общество».

За время, истекшее после первого прошения, вновь возник вопрос о названии будущего журнала. Название «Правда» не было разрешено, предполагалось название «Почва», которое также не понравилось. Решено было остановиться на «Эпохе».

«Будем издавать «Эпоху»: оно может быть и лучше, потому что многие находят название «Почвы» странным, а иные смешивают с этим словом нечто агрономическое. «Эпоха» так «Эпоха», — писал Михаил Михайлович брату в середине января 1864 г.

Вместе с прошением издатель обязан был представить и «Программу журнала». В ней журнал уже называется «Эпохой»,

---

10 Сб. «Ф. М. Достоевский». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 570—571.

ежемесячным журналом в 30—35 печатных листов каждая книга. В плане указаны три отдела — литературный, юридический и политический и «Приложения». Оставляя до следующей главы характеристику этого плана, здесь отметим как нечто новое, по сравнению с планом «Времени», отдел юридический. Раскрыто его содержание было так: «Ввиду совершающихся преобразований отдел этот имеет занять одно из самых видных мест в журнале. Кроме статей, разъясняющих новые положения по судоустройству и судопроизводству, сюда будут входить русские процессы, лишь только возникнет гласное судопроизводство».

Нами был отмечен особый интерес редакции «Времени» к судебным процессам, проблемам преступления и наказания, психологии преступника (см. нашу книгу о «Времени», гл. V). Деятельность по подготовке судебной реформы обострила этот интерес и вызвала план создания особого отдела в будущем журнале. Но реализовать практически этот план не удалось, так как редакция получила следующее распоряжение: «Программа эта утверждена г. министром внутренних дел с тем, чтобы из нее был исключен отдел юридический как составляющий принадлежность специальных журналов, находящихся под цензурою министерства юстиции».

В сохранившейся копии доклада министра внутренних дел на высочайшее имя о разрешении М. М. Достоевскому издавать «Эпоху» было повторено прошение М. М. Достоевского и добавлено сообщение, которое, вероятно, находилось в представленной Михаилом Михайловичем министру ранее объяснительной записке, а именно, глубокое сожаление редактора, что статья «Роковой вопрос» «напечатана была во время его болезни единственно по прискорбному недоразумению». Упоминалось в докладе и об остальных восьми месяцах со дня закрытия журнала, о том, что редактор «понес чувствительное наказание в материальных потерях», и что III отделение «препятствия к изданию «Эпохи» не встречает».

24 января 1864 г. представленный доклад был рассмотрен. а 27 января М. М. Достоевский получил уведомление от цензурного комитета, что министр внутренних дел разрешил под личной его редакцией издание журнала «Эпоха» по представленной программе, но с исключением из нее юридического отдела [11]. Издатель обязывался «сохранять безукоризненное направление, и чтобы за исполнением сего обязательства имелся надлежащий надзор» [12]. Кончилось «висячее положение», «дело разрешилось». В тот же день, 27 января 1864 г., М. М. Достоевский поспешил известить брата и сообщал ему, что занят составлением

---

[11] Сб. «Ф. М. Достоевский». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 571—574.

[12] *Л. П. Гроссман.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М., 1935, стр. 130 (со ссылкой на документы Ленинградского отдела Центрархива).

объявления для газет о подписке на «Эпоху». Ф. М. Достоевский еще 19 ноября 1863 г. давал Михаилу Михайловичу советы, как писать объявление:

«За одно боюсь, за объявление. Друг мой, тут нужно не искусство даже, не ум, а просто вдохновение. Самое первое — избежать рутины, так свойственной в этих случаях всем разумным и талантливым людям. Напишут умно, кажется, ни к чему нельзя подкопаться, а выходит вяло, плачевно и главное похоже на все другие объявления. *Оригинальность* и приличная, т. е. натуральная эксцентричность теперь для нас первое дело. Пишешь, что уже сел писать объявление. Знаешь, какая моя идея? Написать лаконически, отрывочно, гордо, даже не усиливаясь делать ни единого намека, — одним словом выказать полнейшую самоуверенность. Само объявление (о духе журнала и проч.) должно состоять из 4-х—5-ти строк. А там расчет с подписчиками, тоже крайне лаконический. Надобно поразить благородной самоуверенностью» [13].

Объявление, написанное М. М. Достоевским в конце января, было напечатано в «С.-Петербургских ведомостях» 31 января 1864 г. Оно начиналось так: «Подписка на 1864 год. Об издании нового ежемесячного журнала «Эпоха», литературного и политического, под редакцией Михаила Достоевского». Сообщая об объеме и сроках выхода, М. М. Достоевский предупреждал: «Первые два номера «Эпохи», январский и февральский, выйдут в конце февраля в одном большом томе (не менее 60 листов). Таким образом редакция избегнет дальнейших запаздываний, и с марта книги «Эпохи» будут выходить уже аккуратно. В этом первом томе, между прочим, будет помещена повесть И. С. Тургенева «Призраки» и повесть же Ф. М. Достоевского». Далее указывалась цена издания и крупно было набрано:

«Расчет с подписчиками «Времени» 1863 года».

Изложив детально, как будет производиться расчет (высылкой «Эпохи» взамен восьми неизданных книг первого журнала), издатель писал: «В заключение М. Достоевский считает долгом заявить следующее: Во-первых, он приносит искреннюю благодарность своим прежним подписчикам... Во-вторых, мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала. Великие события последнего времени, заявившие собой первые признаки (после эпохи двенадцатого года) соединения общества с земством, так что и та и другая сторона начали почти понимать друг друга, — составляют наглядный пример того, чего мы всегда желали и к чему стремилось наше направление. Придет же, наконец, время, когда направление всех истинно русских будет

---

[13] Письма, т. I, стр. 340.

слишком ясно без всяких разъяснений, без всяких печальных недоразумений»[14].

Страхов вспоминал, что когда появилась возможность выпуска журнала, то оказалось, что первая книжка, которая могла бы выйти в феврале, не была готова, а так как было решено выпустить ее вместе со второй, то сдвоенный номер за январь—февраль смог выйти только в начале апреля. Объявление об его выходе появилось в «С.-Петербургских ведомостях» 24 марта, когда подписка на журналы уже состоялась, и появление сведений о новом журнале прошло незамеченным.

Это безрадостное начало журнала с трехмесячным опозданием тяжело отразилось и на его дальнейшей судьбе. Страхов в «Воспоминаниях» много писал о непрактичности братьев Достоевских, о неумении их вести дела, но признавал, что значительную роль сыграл «глубокий перелом общественного настроения», отлив интереса публики от литературы в 1863 г.: «При таких обстоятельствах требовалась особенная энергия со стороны редакции. Между тем Михаил Михайлович действовал вяло, может быть, измученный предшествовавшими волнениями, а, может быть, уже носивший в себе ту болезнь, которая скоро должна была свести его в могилу».

К этим общим объяснениям причин недостаточной энергичности М. М. Достоевского надо добавить сведения о совершенно реальных обстоятельствах, в которых он находился. В феврале дети его болели скарлатиной и умерла младшая дочь Варя. В письмах к брату Михаил Михайлович упоминал о тоске, о том, что плачет каждый день, что «горе не уменьшается, а становится все больше и определеннее»[15]. Его одолевали долги и кредиторы. Обрадованный успехами «Времени» в 1862 г., он решил ликвидировать табачную фабрику, что вызвало большие финансовые затруднения, увеличившиеся с закрытием «Времени». Сохранилась «Книга записей хозяйственных расходов» табачной фабрики М. М. Достоевского, в которой начиная с 1859 г. записывались предстоящие ежемесячные платежи (кому, сколько и точная дата)[16]. Эти записи поясняют восклицания, вырывавшиеся у Михаила Михайловича в его письмах к брату: «Кредиторы мои рвут с меня деньги, а их еще нет, и так мне все тяжело».

Подписка на журнал шла медленно, и 3 февраля М. М. Достоевский писал: «Подписка городская началась и у Базунова и у других книгопродавцев. Но сказать еще ничего не смею.

---

[14] Перепечатывая текст «Объявления» («Воспоминания», стр. 276), Страхов сделал примечание к первой фразе его заключения: «Эта нескладная фраза отзывается цензурными поправками, о которых у меня сохранилось смутное воспоминание».

[15] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 548, 549.

[16] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. Достоевского, III/3. 3.

Такое исключительное положение. Что-то скажут наши губернии. На петербургские толстые журналы подписка самая плохая. «Современник», говорят, охает. . .»

Даны были объявления о выходе «Эпохи» в «Московских ведомостях», «Голосе», «Инвалиде» и дважды в «С.-Петербургских ведомостях». «Чего же более? — писал 6 апреля М. М. Достоевский. — Причин не особенно сильной подписки до́лжно искать не в этом, а в ее запоздалости. Публика привыкла подписываться в декабре и в январе, и уж ничем не заставишь ее изменить привычку. Впрочем, подписка еще идет, но уж не так шибко, как прежде. За две тысячи перевалило».

Несомненно важной причиной недостаточно успешной работы по изданию первых книжек журнала было отсутствие Федора Михайловича, прикованного к Москве тяжелым состоянием жены и смертью ее 15 апреля 1864 г. «Да, брат, и я очень ощущаю весь вред для журнала от твоего отсутствия. Ни сговориться, ни посоветоваться», — писал Михаил Михайлович 23 марта. Он приглашал авторов, читал рукописи, составлял книги журнала, боролся с цензурой, правил корректуры, которыми был «завален» и которые его «одолели», руководил финансовой и технической стороной издания.

Когда вышел номер 1—2 «Эпохи», он сообщал брату: «Нынче вышла «Эпоха». Наконец-то! Я измучился. Столько борьбы пришлось выдержать и все безуспешно. Самая патриотическая статья, самая лучшая в журнале, именно «Ряд статей...», не могла быть напечатана. . .»

Он ждал от брата, кроме повести, статей, надеялся на них, но Ф. М. Достоевский был лишен возможности оправдать эти ожидания. Хотя у него было много планов и он горячо принимался за их выполнение, но должен был признаться, что сделать ничего не может. 2 апреля, задерживая присылку конца повести, он так обрисовал свое положение: «Друг мой, большую часть месяца я был болен, потом поправился и до сих пор еще, по-настоящему, порядочно не поправился. Нервы расстроены, и сил до сих пор не соберу. Мучения мои *всяческие* теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них. Жена умирает *буквально.* Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне. . .» [17]

Но при всех тяжелых условиях мысль Ф. М. Достоевского все время обращалась к журналу: в письмах брату он давал советы, развивал свои соображения о новых журнальных разделах, называл темы, разбирал уже вышедшие номера журнала. (К этой его деятельности мы вернемся в следующей главе.) Похоронив Марию Дмитриевну и вернувшись в мае в Петербург, Достоевский смог активно участвовать в журнале. Книги же за

---

[17] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 548—552; Письма, т. I, стр. 355.

январь—апрель и, вероятно, за май вышли без его редакторского участия [18].

Два года М. М. Достоевский страдал от болезни печени. Запрещение журнала, по словам Ф. М. Достоевского, «произвело вдруг такое расстройство во всех его делах, грозило такой грозной катастрофой, что он, весь последний год, был постоянно в тревоге, в волнении, в опасениях». Хлопоты по разрешению и изданию первых книг «Эпохи», необходимость уплачивать долги и поиски новых кредитов, замысел организовать (на 2/3 в кредит) свою типографию, что и было начато, вызвали резкое обострение болезни, но М. М. Достоевский пытался продолжать заниматься делами, ездил из Павловска в Петербург. 6 июля «ему доставили одно известие о запрещении цензурой одной статьи», тяжело им пережитое и сыгравшее роковую роль в быстром ухудшении здоровья. 10 июля он скончался и похоронен в Павловске [19].

Смерть брата была тяжелым душевным переживанием для Ф. М. Достоевского и вместе с тем событием, чрезвычайно осложнившим весь его дальнейший жизненный и творческий путь. «Сколько я потерял с ним, — писал он брату Андрею 29 июля 1864 г., — не буду говорить тебе. Этот человек любил меня больше всего на свете, даже больше жены и детей, которых он обожал... Все дела семейства брата в большом расстройстве. Дела по редакции (огромные и сложные дела) — все это я принимаю на себя. Долгов много. У семейства — ни гроша и все несовершеннолетние... Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам» [20].

Как в этом письме, так и в письме к А. Е. Врангелю от 9—14 апреля 1865 г. Достоевский подробно рассказал о пережитых им трудностях, которые в конечном счете были теснейшим образом связаны с изданием «Эпохи». На оставшиеся после смерти Михаила Михайловича 300 рублей его похоронили. На долю наследников приходилось «до двадцати пяти тысяч долгу, из которых десять тысяч долгу отдаленного, который не мог обеспе-

---

[18] Б. В. Томашевский приводит следующие даты цензурных разрешений и объявлений о выходе первых пяти книг «Эпохи», опубликованные в петербургских газетах: январь—февраль (двойной номер) — ценз. разр. 20 марта, объявлено 24 марта, март — ценз. разр. 23 апреля, объявлено 3 мая, апрель — ценз. разр. 3 июня, объявлено 7 июня, май — ценз. разр. 7 июля, объявлено 12 июля. — *Ф. М. Достоевский.* Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, т. XIII, стр. 563. Далее: *Достоевский*, том и стр.

[19] Предполагаем, что это была статья Страхова «Воздушные явления» для майской книжки (ценз. раз. 7 июля). Статья предполагалась как «Статья вторая» из «Ряда статей о русской литературе», из которых первая (для январской книжки) «Перелом» также была запрещена цензурой. Обе статьи Страхов напечатал в сб. «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890, кн. II), причем «Воздушные явления» имеют пометы: «не была напечатана», «1864, май». Об этих статьях см. далее: гл. III и гл. VIII.

[20] Письма, т. IV, стр. 272—275; т. I, стр. 396—401.

коить его семейство, но пятнадцать тысяч по векселям, требовавшим уплаты». Кредит в деловом и финансовом мире, которым располагал Михаил Михайлович, рушился с его смертью, а журнал для своего продолжения требовал по меньшей мере 18 000 руб., что вместе со срочными долгами составляло 33 000 руб., «чтоб кончить год и добиться до новой подписки журнала».

«Бесконечно любя брата», Ф. М. Достоевский не мог оставить его семью (жена и четверо детей), которая была «буквально без всяких средств» и для которой он «остался единой надеждой». Перед ним предстали две возможности, рисовались «две дороги». Первая — прекратить журнал и предоставить его «вместе с мебелью и домашним хламом» кредиторам, а семью взять к себе и работать «с утра до ночи всю жизнь», чтобы ее прокормить. Вторая — продолжать издание журнала, дойти до годовой подписки, оплатить часть долга и, продолжая улучшать журнал, через несколько лет передать его кому-нибудь, «обеспечив семейство брата». В первом случае семья, отказавшись от наследства, отказывалась и платить долги Михаила Михайловича, во втором случае их предстояло выплачивать: «Я предпочел второе, т. е. продолжать издание журнала. Но я, впрочем, не один предпочел это. Все друзья мои и прежние сотрудники были того же мнения... К тому же надо было отдать долги брата: я не хотел, чтоб на его имя легла дурная память».

Решив продолжать издание журнала, Достоевский должен был найти деньги и официального редактора: его имя, как находящегося под надзором бывшего политического преступника, не могло быть поставлено на журнале ни в качестве издателя, ни редактора. В письме к Врангелю Достоевский рассказал, как выпросил у богатой тетки Куманиной 10 000 руб., назначенные ему в ее завещании, и с их помощью принялся за дело. Редактором же он пригласил хорошо известного ему с 1840-х годов и постоянного сотрудника «Времени» А. У. Порецкого и получил его согласие. От имени Эмилии Федоровны, жены М. М. Достоевского, Федор Михайлович написал 18 июля в С.-Петербургский цензурный комитет прошение об утверждении за вдовой права продолжать издание «Эпохи» и об утверждении редактором журнала Порецкого. На основании этого прошения, а также прошения самого статского советника А. У. Порецкого и благоприятной справки о нем со стороны III отделения разрешение было дано, и начиная с июньской книги журнал стал выходить под редакцией Порецкого как издание «семейства М. Достоевского» [21].

В гонорарных ведомостях появляются с 15 сентября пометы об уплате Порецкому за июньскую, июльскую и далее книжки

---

[21] О Порецком см. нашу книгу «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 50—51; сб. «Ф. М. Достоевский». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 574—576.

с указанием в одном случае, «жалов<ания>» в размере около пятидесяти рублей. Несомненно, как официальный редактор Порецкий прочитывал готовящиеся книги, подписывал объявления от редакции, имел дело с цензурой, но всю внутреннюю редакторскую работу выполнял Ф. М. Достоевский. В письме к Врангелю он так характеризовал эту работу, продолжавшуюся девять месяцев, с июля 1864 г. по март 1865 г.: «Редактором был один я, читал корректуры, возился с авторами, с цензурой, поправлял статьи, доставал деньги, просиживал до шести часов утра и спал по 5 часов в сутки...»

Те или иные отголоски этой «каторжной работы», как писал Достоевский, дошли до нас в разных документах. В объявлении об издании «Эпохи» в 1865 г., подписанном для печати 22 октября 1864 г., Ф. М. Достоевский так изобразил трудности, которые встретили его, когда он взял в свои руки издание: «Письменные сношения журнала, несколько сот рукописей, хранящихся в конторе журнала, — все это было незнакомо, неизвестно; все это предстояло разобрать и распутать, иногда совершенно без руководящей нити. Переписка с иногородними увеличилась, усложнилась. Прежние решенные дела требовали объяснения, проверки, новых решений. Рукописи требовали нового разбора и нового с ними знакомства. Не говорим уже о чисто материальных препятствиях и заботах, которые, однако же, все требовали настоятельного и скорейшего разрешения и отнимали время у редакции» [22].

«Материальные препятствия» нашли отражение в записях приходно-расходных тетрадей, которые почти до дня своей смерти вел М. М. Достоевский. С августа 1864 г. за весь 1865 г. имеются записи рукой Ф. М. Достоевского, в которых уплаты наличными перемежаются записями о выдаче векселей и перепиской этих векселей на новые, более отдаленные сроки [23].

Приближался период подписки на 1865 год, а издание журнала за 1864 г., как уже было сказано, отставало чуть ли не на три месяца, что не могло не влиять на отношение подписчиков к журналу. Опоздание, начавшееся с первой книги и сокращенное М. М. Достоевским в первое полугодие, вновь увеличилось из-за задержки утверждения в правах издания «семейства М. Достоевского» и редакторства Порецкого. Ф. М. Достоевский писал позднее Врангелю: «Дело протянули так, что только в конце августа могла появиться июньская книга журнала. Подписчики, которым ни до чего нет дела, стали негодовать... Надобно было решиться на меры энергические. Я стал печатать разом в трех типографиях, не жалел денег, не жалел здоровья и сил... Верите ли: 28 ноября вышла сентябрьская книга,

[22] *Достоевский*, т. XIII, стр. 521—522.
[23] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. Достоевского, I, 3, 22; III, 9, 3, 21.

а 13 февраля генварская книга 1865 года, значит по 16 дней на книгу и каждая книга в 35 листов. Что же мне это стоило!»[24]

Печатанием в разных типографиях одной книги журнала объясняется, что в последних книгах «Эпохи» нет сплошной пагинации: каждая статья имеет свою. Редакция неоднократно печатала обещания выпускать журнал в установленный срок. В «Объявлении» об издании на 1865 г. Достоевский писал: «Редакция поставила себе в обязанность ввести журнал в срок. Сентябрьский и октябрьский номера будут печататься разом в двух типографиях и выйдут оба в ноябре месяце. Ноябрьский и декабрьский номера выйдут в декабре. Январский № будущего 1865 г. выйдет непременно в январе. Придать делу такой усиленный ход редакция не могла с самого начала; она должна была сперва обеспечить почти все отделы журнала, не повредив ему поспешностью»[25].

В начале 1865 г. Достоевскому пришлось подвести итог за истекший год. Сумма, полученная с подписчиков, составляла 22 000 р. Это было почти в три раза меньше, чем было получено по подписке на «Время» 1862 г. Но надо учитывать, что редакция обязана была рассылать «Эпоху» и подписчикам, уплатившим за годовой комплект «Времени» 1863 г. и получившим — только четыре книги. В результате баланс за 1864 г. «Эпохи» был такой: 22 000 прихода, а расхода 29 000 наличными деньгами и 9 500 — векселями. Плохо начиналась подписка и на 1865 год. Достоевский объяснял это в письме к А. Е. Врангелю от 14 апреля 1865 г. общим журнальным кризисом: «Современник», имевший постоянно 5 000 подписчиков, очутился с 2 300. Все остальные журналы упали... Никогда еще не бывало с самого начала нашего журнализма, с тридцатых годов, чтоб число под-

---

[24] Письма, т. I, стр. 400. По данным Б. В. Томашевского, книги проходили цензуру и выходили в свет: июнь — ценз. разр. 20 августа, объявление 30 августа; июль — ценз. разр. 19 сентября, объявление 29 сентября; август — ценз. разр. 22 октября, объявление 27 октября; сентябрь — ценз. разр. 22 ноября, объявление 28 ноября; октябрь — ценз. разр. 24 ноября, объявление 12 декабря; ноябрь — ценз. разр. 24 декабря, объявление 1 января 1865 г.; декабрь — ценз. разр. 25 января, вышел 25 января; январь — ценз. разр. 5 февраля, вышел 13 февраля; февраль — ценз. разр. 13 марта, вышел 22 марта (Достоевский, т. XIII, стр. 563).

О работе Ф. М. Достоевского в этот период его младший брат Николай Михайлович так писал их сестре В. М. Ивановой: «Брат предался весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится ранее 5 часов ночи, работает как вол; и днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке; а вместе с тем я не желал бы быть на его месте, он, по-моему, несчастнейший из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него, может быть, накипело на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня» («Литературное наследство», т. 15. М., 1934, стр. 291).

[25] *Достоевский*, т. XIII, стр. 522.

писчиков убавилось в один год более, чем на 25 процентов. И вдруг, почти у всех, убавилось на половину, а у нас на 75 процентов».

С сентября 1864 г. кончая мартом 1865 г. подписка на «Эпоху» дала всего 15 820 р., тогда как за этот же срок «Время» давало в 1862 г. — 46 000, а в 1863 г. — 54 800 руб. По некоторым упоминаниям в письмах начала 1865 г. можно думать, что Достоевский еще в феврале 1865 г. надеялся не только продолжать журнал, но и укрепить его: «Надеюсь сделать журнал интересным. Долгов много, очень трудно будет, но выдержу год и к следующему году станем твердо на ноги», — писал он Тургеневу 13 февраля[26]. Но надежды эти рассеялись, так как подписка остановилась, денег не было, кредиторы требовали уплаты. О мартовской книге не приходилось думать — наступило время, когда иного выхода, как ликвидация журнала, не было. А. Е. Врангелю Достоевский так обрисовал «агонию» журнала: «При начале подписки долги, преимущественно еще покойного брата, потребовали уплаты. Мы платили из подписных денег, рассчитывая, что за уплатою все-таки останется чем издавать журнал, но подписка пресеклась и, выдав два номера журнала, мы остались без ничего... Я ездил в Москву доставать денег, искал компаньона в журнал на самых выгодных условиях, но кроме журнального кризиса у нас в России денежный кризис. Теперь мы не можем за неимением денег издавать журнал далее и должны объявить временное банкротство, а на мне, кроме того, до 10 000 вексельного долгу и 5000 на честное слово... О, друг мой, я охотно бы пошел опять на каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным».

В «Книге записей хозяйственных расходов» М. М. Достоевского на листе 65—68 сохранился список внесенных рукой Ф. М. Достоевского его долгов с декабря 1864 г. по май 1866 г. с указаниями по месяцам имени кредитора, размера долга и даты уплаты по векселю. Тут и фамилии владельцев типографий, где печаталась «Эпоха» (Прац, Тиблен), и Покровская бумажная фабрика, и бывшие сотрудники журналов, которым был не выплачен гонорар, и ряд лиц, снабжавших издателей «Эпохи» деньгами за большие проценты. Можно проследить, как одни и те же векселя переписывались на более отдаленное время. Сохранились отрывки черновых бумаг Ф. М. Достоевского, связанных с выяснением долгов и расходов по журналу и подготовкой какой-то объяснительной записки (вероятно, кредиторам) о своем финансовом участии в ликвидации «Эпохи». Достоевский писал: «Одним словом, мы утвердительно можем сказать, что не выставлено в расход более 10 000 руб., передержанных собственно на один журнал. Эту сумму я, Федор Достоевский, при-

---

[26] Письма, т. I, стр. 400—401, 395.

нужден был перетратить из своих собственных последних средств, ибо хотя я, Федор Достоевский, не был ни наследником, ни даже участником в праве издания журнала, но как брат покойного. видя, что семейство осталось после его смерти в нищете и в долгах и рассчитывая, что поднятием журнала, в случае успеха, можно не только уплатить долги, но даже придать изданию, освобожденному от долгов, некоторую ценность (в пользу семейства покойного брата), и я, побудив вдову покойного, Эмилию Достоевскую, к продолжению издания журнала, естественно, должен был взять на себя весь риск неудачи. А потому, истратив 10 000 своих собственных денег, т. е. все, что имел я, и при ежегодно усиливающейся падучей болезни моей, остаюсь при приближении преклонных лет без всяких средств к существованию, кроме тяжелой литературной работы моей. . .» [27]

Существование «Эпохи» закончилось объявлением, напечатанным в газетах и журнале «Библиотека для чтения» в середине июня 1865 г. под заголовком: «От издателей журнала «Эпоха»: «Многие неблагоприятные обстоятельства, большею частию от нынешней редакции не зависевшие и постигнувшие наше издание еще с прошлого года, заставляют нас прекратить в настоящее время выпуск нашего журнала, а вместе с тем и продолжающуюся на него подписку».

Далее сообщалось, что, по соглашению с издателем «Библиотеки для чтения», этот журнал будет высылаться подписчикам «Эпохи» вместо нее до конца года, начиная с апрельской книжки, для чего подписчики должны прислать заявления. В конце указывалось, что контора редакции журнала «Эпоха», а вместе с тем и вся текущая ее переписка перемещается в контору «Библиотеки для чтения».

Но и на последнем этом этапе неудача преследовала «Эпоху»: «Библиотека для чтения» кончила свое существование на том самом номере, где было напечатано это объявление, и его обещание не могло быть исполнено [28]. П. Д. Боборыкин, издатель и редактор «Библиотеки для чтения», переживал в 1865 г. крушение своего журнала, как и Достоевский. Расстроив свои средства, он также был обречен на долголетнюю уплату журнальных долгов. Но летом 1865 г., еще веря в свое издание, он встретился с Достоевским и взял на себя обязательство по удовлетворению подписчиков «Эпохи». Встречу эту с Достоевским Боборыкин запомнил и описал в своих мемуарах, хотя ошибся в наименовании журнала, приурочив беседу и соглашение к закрытию «Времени», а не к ликвидации «Эпохи».

«Федора Достоевского я в гостиных или редакционных кружках не встречал, но слыхал о нем и его жизни в Петербурге довольно много от Воскобойникова, который был вхож к Досто

[27] «Литературное наследство», т. 15, 1934, стр. 291—293.
[28] *Ф. М. Достоевский*, т. XIII, стр. 568—569.

евским. Когда стряслась беда с их журналом «Время», мы с ним видались у него по поводу того соглашения, в которое «Библиотека» вошла с редакцией «Время» насчет удовлетворения подписчиков.

Достоевский не был еще тогда женатым во второй раз, жил в тесной квартирке, и в памяти моей удержался довольно отчетливо тот вечер, когда мы у него сидели в его кабинетике, и самая комната, и свет лампы, и его лицо, и домашний его костюм. В тот вечер он не произвел на меня впечатления мистика и неврастеника, говорил очень толково, на деловую тему, своим тихим, нутряным и немножко как бы надорванным голосом» [29].

Этим деловым разговором двух потерпевших крушение редакторов закончился для Достоевского важный в его жизни этап, обогативший его опытом общественно-политической и издательски-журналистской деятельности, но и надолго обременивший тяжелыми материальными обязательствами.

---

[29] *П. Д. Боборыкин*. Воспоминания, т. I. М., «Художественная литература», 1965, стр. 332—333, 391.

Глава II

Планы и сотрудники журнала

Первые декларации о направлении «Эпохи» были составлены М. М. Достоевским и помещены в прошениях о разрешении журнала, обращенных к министру внутренних дел. Ф. М. Достоевский вряд ли мог принимать участие в их подготовке, так же как в составлении первого объявления для печати, хотя в письме из Москвы от 19 ноября 1863 г.[1] давал брату обстоятельный совет, как нужно составить это объявление. Вместе с ходатайством о разрешении журнала М. М. Достоевский уже 15 ноября должен был представить программу будущего журнала. В своей программе он назвал отделы: литературный, юридический и политический и «Приложения». Юридический был, как отмечалось ранее, запрещен министерством, а другие получили в «Программе» некоторое развитие[2]. Интересно сопоставить программу «Эпохи» с программой «Времени», в которой значилось шесть отделов. Несомненно, предшествующий опыт был учтен редактором: не так легко было для каждой книги и каждого отдела журнала найти необходимый материал и сотрудников, и поэтому часто тот или иной отдел отсутствовал, переставлялся или сливался с другим. Так, во «Времени» отдел третий — «Статьи ученого содержания» — скоро перестал существовать как самостоятельный, а «ученые» статьи печатались или в первом — «Литературном», или во втором — «Критико-библиографическом», или даже в шестом — «Смеси». В программе «Эпохи» в первом — «Литературном отделе» — были объединены все три первых отдела «Времени»:

«1) Романы, повести, рассказы, мемуары, путешествия, вообще все, что относится к изящной словесности.

2) Критика и библиография как русских сочинений, так и иностранных. Сюда же войдут и обозрение наших театров, оценка пьес и игры актеров.

3) Статьи научного содержания по всем отраслям знания».

---

[1] Письма, I, стр. 340.

[2] «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1924, стр. 572—579.

Отметим, что в первом подразделе программы «Эпохи» не указываются «стихи», которые были в программе «Времени». Во втором подразделе говорится о разносторонней театральной критике, тогда как во «Времени» был назван лишь «разбор пьес, поставленных на наши сцены». Это, возможно, связано с тем, что в журнале сотрудничал Ап. Григорьев — театральный рецензент. «Эпоха» коротко обещала «статьи научного содержания по всем отраслям знания», «Время» перечисляло «вопросы экономические, финансовые и философские, имеющие современный интерес».

Существенное изменение претерпели объяснения к четвертому и пятому разделам «Времени»; там они были сформулированы так: «IV. Внутренние новости. Распоряжения правительства, письма из губерний и проч.; V. Политическое обозрение. Полное ежемесячное обозрение политической жизни государств. Известия последней почты, политические слухи, письма иностранных корреспондентов». Запрещение журнала «Время», политическая ситуация в стране не допускали таких формулировок в программе нового журнала. Может быть, в связи с тем, что последние месяцы оба отдела «Времени» вел Разин и редакция рассчитывала на него же в «Эпохе», эти отделы были объединены в один «Отдел политический», и он был комментирован не как информационный, а как идеологический, основополагающий: «Все, что касается до внешней и внутренней политики государства. Внешняя политика будет рассматриваема со стороны русских интересов и блага нашего отечества; события же минувшего года, патриотическое настроение общества и великие силы нашего народа послужат твердою опорой для обсуждения вопросов внутренних, на которые будет обращено редакцией особое внимание».

В последнем, шестом отделе «Время» предполагало помещать небольшие рассказы, письма в редакцию, фельетоны и юмористические статьи. Однако этот отдел также не получил определенного лица, фельетоны, юмористические статьи печатались очень редко, чаще появлялись письма и небольшие статейки пестрого содержания. Может быть, явная неудача со «Смесью» во «Времени» объясняет отсутствие этого отдела в программе «Эпохи». Отдел «Приложений» дан с такой расшифровкой: «Исторические сочинения, как оригинальные, так и переводные, романы и повести, статьи легкого содержания и пр.» Это было выдержано при издании всех 14 книг «Эпохи».

Обоих братьев волновал вопрос о помещении в первую же книгу статьи, которая определила бы направление журнала. Естественно, что ее должен был написать Ф. М. Достоевский, и в ноябре, очевидно, была уже договоренность об этом. 19 ноября он писал брату из Москвы по поводу перемены названия журнала: «Другая фирма журнала («Правда») не будет иметь никакого влияния на *передовую статью.* Разбор Чернышевского

романа и Писемского произвел бы большой эффект и главное подходило бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу. Значит правда. Я думаю, что все эти три статьи (если только хоть 2 недели будет работы спокойной) я напишу».

Этот план как бы приоткрывает взгляд Достоевского на направление будущего журнала. Статей должно быть три. Передовая дает общие установки издания, а две другие будут отданы разбору романа Чернышевского «Что делать?», напечатанного весной в «Современнике», и роману Писемского «Взбаламученное море», появившемуся в «Русском вестнике». И революционно-демократическую идею первого и антинигилистическую тенденцию второго Достоевский предполагал оценить отрицательно, «обеим по носу», вероятно, определив будущую позицию «Эпохи», чуждую и тому и другому направлению.

Намерение Ф. М. Достоевского писать о «Что делать?», возможно, удерживало М. М. Достоевского от публикации уже имевшейся в портфеле редакции статьи «По поводу рассказа Чернышевского», которая, как мы думаем, принадлежала Страхову (см. далее, гл. 8). Но ни одной из трех предполагавшихся статей Ф. М. Достоевский не написал. Кроме болезни и тяжелой домашней обстановки, мешала его отдаленность от редакции, от петербургского журнального мира. «Про себя вот что скажу: отсюда нельзя *сотрудничать* в Петербург. Журнал издается *походя,* а я далеко; здесь я бы мог только повести писать, да и то не сумел», — сообщает он брату 9 февраля 1864 г.[3]

Беспокоило отсутствие руководящей статьи и М. М. Достоевского. Не имея уверенности, что брат ее напишет, он, договорившись со Страховым, писал Ф. М. Достоевскому в Москву 14—15 января: «Вот еще что. Мне бы очень хотелось, и Страхов одобряет очень мысль мою, чтоб в первой книге был «Ряд статей о русской литературе». Это напомнило бы наше старое время, и я предлагаю тебе вот что. Страхов пишет о народности в нашей литературе. Он тебе говорил об этой статье, и ты знаешь мысль ее. Так вот он же готов поместить ее под этой фирмой. Согласен ли ты? Отвечай, не забудь, на этот вопрос» [4]. «Фирма» эта принадлежала Ф. М. Достоевскому: под ней им были опубликованы в 1861 г. в журнале «Время» пять статей, которые определяли направление редакции. Очевидно, Ф. М. Достоевский дал свое согласие, и Страхов приготовил для первой книги «Эпохи» «Ряд статей о русской литературе. I. Перелом». Но цензура не пропустила ее. Ф. М. Достоевского это очень огорчило. Когда сдвоенный (январь—февраль) номер «Эпохи» попал ему в руки, он изложил свои впечатления в письмах к брату (от 26 марта и 2 апреля), в которых выражены требования, предъявляемые им к журналу. 26 марта он писал: «Если не эффект, то любо-

---

[3] Письма, т. I, стр. 341, 347.

[4] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 545.

пытство номер произведет наверно. А это хорошо. Вообще же номер — очень порядочный. Насчет же разнообразия — я даже не ожидал, что будет такое...» А 9 апреля, повторяя свой отзыв о подписке на журнал, замечал: «Объявление же и статьи 1-й книги заманчивы».

Он ценил редакторскую способность Михаила Михайловича составлять журнальные номера. О следующей, мартовской книжке он писал: «Выдавай скорее книгу. Какая бы ни была, все же будет лучше «Отечественных записок». А может и «Современника». И первый сдвоенный номер он в общем оценил положительно, но не по своим требованиям, а применяясь ко вкусам публики.

Однако Достоевский очень хорошо видел отрицательные стороны журнала. Отметив мимоходом «крайнее неряшество» издания, его «бесчисленные опечатки», которые были действительно отличительной чертой «Эпохи» на протяжении всего ее существования, Достоевский тяжело переживал тот факт, что в книге нет «ни одной руководящей, вводной, хотя бы намекающей на направление статьи... никак не разберешь, какого мы направления и что именно хотим сказать». Насколько этот вопрос был для него важен, подтверждает его замечание в письме к брату от 27 февраля о первом номере «Современника» за 1864 г. Он отмечал, что в нем «критики много и вообще тех статей, где выражается мнение журнала». В «Эпохе» же, по подсчету Достоевского, половину двойного тома составили три публикации: «Записки помещика» О. Ержинского (140 стр.), «Из уголовных дел Франции 1847 г.» (60 стр.) и в приложении роман Шпильгагена «Загадочные натуры» (200 стр.). Причину этого отрицательного для журнала явления он хорошо понимал: с одной стороны, издание двух номеров «на скорую руку», с другой — вмешательство цензуры, о чем Достоевский писал: «Знаю, что все это от запрещения «Ряда статей». Но мне-то тем нестерпимее, потому что эти 2 номера решительно имеют теперь вид сборника... Ради бога, проси Страхова выправить свою статью в цензурном отношении для следующего № или написать новый «Ряд статей». Как можно скорее статью руководящую!» О такой статье Страхова Достоевский писал 20 марта, предлагая ему разобрать «Записки актера Щепкина», «впрочем, не минуя руководящей статьи, т. е. «Ряда статей».

Мысли Ф. М. Достоевского, очевидно, все время возвращались к необходимости воплощения главной идеи журнала и, вероятно, такое назначение должен был иметь и следующий, неосуществленный в эти месяцы замысел: «Выдумал еще великолепную статью на теоретизм и фантастизм теоретиков (Современника). Она не уйдет, особенно если они нас затронут. Будет не полемика, а дело» [5].

---

[5] Письма, т. I, стр. 373, 352, 353, 352, 349. А. С. Долинин, печатая письма Достоевского и точно соблюдая его начертания, нигде не ставит слова

Но не только вопрос об основополагающих, принципиальных статьях волновал Ф. М. Достоевского. Он был озабочен и расширением литературной и научной информации журнала. 27 февраля он поделился с братом планом, который, очевидно, увлек его: «Вот что мне пришло в голову: как бы завести в «Эпохе» прежний отдел, бывший в старину в журналах, — «Литературной летописи». Тут вовсе даже не надо статей. Тут только перечень всех книг и переводов, явившихся за прошлый месяц, но зато *всех* без исключения. Из-за убеждения, бывшего в свое время, что вся литература сосредоточилась в журналах, перестали обращать внимания на появляющиеся книги. Прежде это было справедливо, но теперь не так, потому что много книг появляется, а публика должна непременно следить за газетными объявлениями, чтоб знать их названия, но все-таки и, зная названия, не имеет об них понятий. Тут же о каждой книге надо сказать строк шесть, много десять, а иногда и две. (Об иной уж очень любопытной книге можно, разумеется, написать и страницу и две.) Весь этот отдел мог бы составлять весьма удобно кто-нибудь из молодых людей, а то, например, и Бибиков. Ему нечего делать, как следить за этим. Таким образом, в одном только нашем журнале и будет полный каталог с необходимейшими объяснениями о вышедших книгах. В «Современнике» как будто уж заводится нечто подобное. Наконец в каждые два месяца можно помещать в журнале и обозрение библиографическое других журналов, — не прежние обозрения, где журналы разбирали друг друга, а тоже, как в «Литературной летописи», перечень всех статей, явившихся за два месяца в журналах и газетах, с отметками против некоторых о их достоинствах в двух словах.

Если будут соблюдены точность и полнота, то журнал принимает вид деловитости, вид серьезно пекущегося о литературе органа. Право бы не худо; даже и теперь можно начать и летопись и журналы с 1-го января» [6].

Но этот развернутый Ф. М. Достоевским план не выполнил ни Михаил Михайлович, ни сам Федор Михайлович, когда начал редактировать журнал. В его попытке «серьезного попечения» о литературе и общения с ее читателями выражено намерение, высказанное им в плане на 1865 год, «внимательно следить за ходом и развитием литературы, уважая ее как явление жизненное и органическое».

Месяцы апрель—июль 1864 г. были слишком тяжелы для Ф. М. Достоевского, чтобы он мог проявлять заботы о руководстве и улучшении журнала. Только после смерти Михаила Ми-

---

«Ряд статей» в кавычки, никак не выделяет это выражение как название и не объясняет в примечаниях его смысл. Без выделения кавычками и заглавной буквой по тексту письма Достоевского можно думать, что цензурой было запрещено несколько статей и он просит Страхова написать «новый ряд статей». — Письма, т. II, стр. 612—614.

[6] Письма, т. I, стр. 348—349.

хайловича, после формального и практического устройства дальнейшего издания, он мог заняться вплотную волновавшим его вопросом — направлением журнала, объявлением его основополагающих принципов. В первую, полностью им подготовленную книжку (август) он поместил «Объявление о подписке на журнал «Эпоха» 1865 г. Об издании ежемесячного журнала «Эпоха», литературного и политического, издаваемого семейством М. Достоевского».

Выше мы приводили совет Ф. М. Достоевского брату: в ноябре 1863 г. о составлении объявления об издании «Эпохи» на 1864 г.: надо «написать лаконически, отрывочно, гордо, даже не усиливаясь делать ни единого намека, — одним словом, выказать полнейшую самоуверенность»[7]. Объявление Ф. М. Достоевского на 1865 г. не получилось ни лаконичным, ни кратким. Четыре печатных страницы он посвятил разъяснению «направления журнала», не обошелся без «намеков» на прошлое, и вовсе не подчеркнул свою «полнейшую самоуверенность». Вместе с тем в этом «Объявлении» ощущается заметная разница с основными положениями «Объявлений» «Времени». Если во «Времени» постоянно указывалось на разрыв общества и «почвы», на необходимость соединить их, засыпать ров, образовавшийся между ними, и общество призывалось к активному участию в этом деле, теперь центр внимания не на «почве» и обществе, а на самом народе как таковом, его своеобразии и «своеисторичности», развитии его национальности как «высшем преуспеянии». Слово «почва» упоминается лишь один раз, его всюду теперь заменяет — «народ». Говоря о том, что в обществе существует полное разногласие и «неумелость» оценить, что есть «хорошего» и «нехорошего» «на Руси», Достоевский писал: «Неумелость эта — опасный и червивый признак для общества. Вот отчего нас (т. е. общество) до сих пор и не понимает народ. Народ и мы — любим розно; вот в чем наш главный пункт разделения, — непонятно и смешно другим стало наше выражение: *«Почва»*. Почва вообще есть то, за что держатся и на чем укрепляются. Ну, а держатся только того, что любят».

Определение, данное еще Михаилом Михайловичем, — «русское направление», собственно и составляет основную мысль «Объявления» «Эпохи» на 1865 г. «Направление журнала неуклонно остается прежнее. Разработка и изучение наших общественных и земских явлений, в направлении русском, национальном, по-прежнему будут составлять главную цель нашего издания», — заявлял Ф. М. Достоевский.

Не обличать дурные стороны русской жизни, что было характерно для литературы последних лет, а искать в ней то ценное, что заслуживает любви и развития, и на этой любви объеди-

---

[7] Письма, т. I, стр. 340.

ниться, признать своеобразие и «своеисторичность» ее национальной жизни, которая не терпит «захожих идей», «всестирающей цивилизации», и которая «безо всяких внушений и рекомендаций извне, сама собой выживает идеи, которые ей необходимы и потребны». Народу должно быть предоставлено самому «выживать свои выводы практически, на примерах»: «Всякая здоровая и земская сила верит в себя и в свою правду, и это есть самый первый признак здоровья народного. Эта народная вера в себя и в собственные силы — вовсе не застой, а напротив — залог жизненности и энергии жизни и отнюдь не исключает прогресса и предсказания... Народ как бы ни был он груб, не станет упорствовать в дряни, если только сам сознает, что это дрянь, и будет иметь возможность изменить ее по своему собственному распоряжению и усмотрению. От науки тоже никогда народ сам собою не отказывается. Напротив, если кто искренно чтит науку, так это народ. Но тут опять то же условие: надо непременно, чтоб народ сам, путем совершенно самостоятельного жизненного процесса дошел до этого почитания. Тогда он сам к вам придет и попросит себя научить. Иначе и науку он не примет от вас и от дряни своей никогда не откажется». Самостоятельная практическая жизнь натолкнет его на «собственный неоспоримый пример», а для этого не надо посягать на его национальную жизнь, а, наоборот, всячески ее расширять и отстаивать ее самобытность и оригинальность: «Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя, как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга ее самостоятельной деятельности как в экономическом, так и в духовном отношении, — пропорциональной постепенности освобождения ее от вековой ее в себе замкнутости». «Мы по-прежнему убеждены, — продолжал Достоевский, — что не будет в нашем обществе никакого прогресса, прежде чем мы не станем сами настоящими русскими. Признак же настоящего русского теперь, — это — знать то, что именно теперь надо не бранить у нас на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить уметь — вот что надо теперь как наиболее настоящему русскому».

Противопоставляя эту свою точку зрения «заболевшему» обществу, которое в «отвлеченности» путается в понятиях о добре и зле, о вредном и полезном, Достоевский, несомненно, вспоминает колебания, пережитые им и его журналом «Время» в начале 1863 г. Страхов писал, что петербургская пресса долго не откликалась на польское восстание, колеблясь, какую занять позицию. Теперь Достоевский сам признал этот факт. Изложив свою общую позицию к развитию русской национальности, он писал: «На такой точке зрения мы уже не можем, например, оставаться в недоумении перед недавними фактами нашей национальной жизни, не зная, как отнестись к ним, т. е. и за общечеловеческие наши убеждения боясь и неотразимый факт про-

глядеть боясь, — сбиваясь и путаясь и на всякий случай наблюдая благоразумное виляние туда и сюда» [8].

Два факта русской жизни Достоевский высоко оценил как ее органические, самобытные явления. В народе — это общинное землевладение: «По убеждению француза, человек без земли, пролетарий, все-таки может считаться свободным человеком. По русскому, основному, самородному понятию не может быть русского человека без общего права на землю. Западная наука и жизнь доросли только до личного права на собственность, следовательно, чем же был француз виноват? Чем же он виноват, когда мы сами наше братское, широкое понятие о праве на землю за низшую степень экономического развития по западной науке считаем?»

В обществе Достоевский признавал как продукт органической жизни литературу и во «Времени» горячо выступал на ее защиту: «Если проявлялись где признаки самостоятельной жизни в нашем обществе (т. е. собственно в образованном обществе), то уже, конечно, наиболее в литературе. Вот почему мы, несмотря на смешение языков и понятий и на всеобщие ссоры, все-таки смотрим на нашу литературу с уважением как на явление жизненное, и в своем роде — совершенно органическое.. Конечно, и ловкие спекуляции на убеждения уже водятся в нашей литературе; но в сущности даже и тут — более явлений смешных, чем серьезных... Мы обещаемся внимательно следить за ходом и развитием нашей литературы и обращать внимание на все, по нашему мнению, значительное и выдающееся». Далее Достоевский, не отказываясь «от споров и серьезной полемики», выступал против личной полемики, брани, искусственной подборки фактов под определенное «направление».

Страницу «Объявления» Достоевский отвел изложению неблагоприятных условий, в которых издавалась «Эпоха», сведениям о ее сотрудниках и обещанием регулярно издавать журнал [9].

Содержание записных тетрадей Ф. М. Достоевского за 1864—1865 годы («Литературное наследство», т. 83) вводит нас в его редакторско-издательскую деятельность. На их страницах, конечно, немало записей, имеющих отношение к направлению

---

[8] Память о недавних событиях в западных губерниях отразилась и в следующих строках «Объявления» о «народной вере в себя и в собственные силы»: «Без этой веры в себя не устоял бы, например, в продолжение веков белорусский народ и не спас бы себя никогда». — *Достоевский*, т. XIII, стр. 519.

[9] *Достоевский*, т. XIII, стр. 517—522. Эта августовская книжка вышла в свет лишь 27 октября.

В протоколе заседания СПб.-цензурного комитета от 21 октября 1864 г. было записано: «Объявление об издании журнала «Эпоха» на 1865 г. с объяснением национального, почвенного направления этого журнала. *Определено*: дозволить к напечатанию с исключением мест, доложенных цензором» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 245).

журнала, наметки будущих полемических выступлений, и о них мы будем говорить ниже. Прежде всего бросаются в глаза столбцы цифр и столбцы имен и названий. Это записи платежей, связанных с организацией финансовой и технической сторон издания [10], заметки об авторах, о распределении их рукописей по составу подготовляемых журнальных книг начиная с июльской, подсчеты размеров статей и гонорара за них. Здесь мы находим десятки имен авторов, их адреса, краткие замечания о переписке с ними, записи о том, что необходимо сделать: «Подробно пересмотреть последние рукописи», «завтра — подыскать повесть», «к 15-му числу просмотреть и дать ответ о статье «История одного еврея», «Завтра же составить объявления в «Голос и проч.», и т. д.

Общее число сотрудников «Эпохи» было около пятидесяти, из них двадцать печатались и во «Времени». Основные сотрудники «Времени» оставались и в «Эпохе» наиболее деятельными; это, кроме Ф. М. Достоевского, — Ап. Григорьев, Н. Н. Страхов, Я. П. Полонский и А. У. Порецкий. Заметнее стала роль М. И. Владиславлева; продолжали давать социально заостренные, бытовые очерки Соколовский и Горский, по вопросам права выступали братья Филипповы. Одну статью дал Ткачев, по роману — Бабиков и Бунаков. Продолжали сотрудничать старые друзья редакции — Плещеев, Милюков, Ап. Майков, но выступления их были в «Эпохе» малоинтересны, бесцветны.

Из новых сотрудников «Эпохи» надо отметить двух, которые вошли в основное ядро журнала. Это — Д. В. Аверкиев и Н. И. Соловьев. Особое место заняло произведение Тургенева «Призраки», которого давно добивалась редакция и на которое сильно рассчитывала, заботясь об успехе журнала у публики. Яркими страницами украсил издание Лесков, напечатав «Леди Макбет нашего уезда», значительным вкладом явились три статьи А. Н. Серова о музыке. Более близкими к идейной направленности журнала оказались роман Н. Д. Ахшарумова и пьесы Н. А. Чаева. Но об участии этих и других новых и старых авторов мы будем говорить в дальнейших главах, здесь же дадим характеристику деятельности в «Эпохе» тех сотрудников, которых мы включаем в ее основное ядро.

Авторское участие Ф. М. Достоевского в «Эпохе» очень невелико, по сравнению со «Временем»: это две части «Записок из подполья», незаконченная сатирическая повесть «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», четыре полемические статьи и две полуредакторские, полумемориальные статьи, посвященные М. М. Достоевскому и Ап. Григорьеву. Дошедшие

---

[10] Отметим, что еще в августе Ф. М. Достоевский планировал организовать собственную типографию, которую ранее затеял (в долг), но не успел осуществить умерший брат. На стр. 184—185 (ЛН, т. 83) находятся расчеты стоимости помещения, рабочих, наборщика, машин, словолитца, краски и т. д. и даже рисунок пером наборной кассы.

письма того времени, заметки в записных книжках и тетрадях говорят о многочисленных планах, проектах статей, которые возникали у Ф. М. Достоевского в период издания «Эпохи», но так и не были осуществлены. Тяжелые переживания и неблагоприятные условия жизни в первую половину этого периода и перегруженность издательско-редакторскими обязанностями во вторую половину вполне объясняют слабое участие Достоевского как автора в «Эпохе».

Немногочисленны, по сравнению со «Временем», были и выступления в «Эпохе» Ап. Григорьева, скончавшегося 25 сентября 1864 г. Он напечатал всего девять статей, из них четыре — театральные рецензии, три — по теории и практике литературной критики и два мемуарных отрывка из «Моих литературных и нравственных скитальчеств». Но и после смерти имя Аполлона Григорьева не сходило со страниц «Эпохи»: в августовской книжке (вышла 27 октября) был помещен некролог, написанный Аверкиевым, в сентябрьской — стихотворение К. И. Бабикова «Памяти А. А. Григорьева» и «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Н. Страхова с публикацией писем Григорьева к Страхову. В той же книжке напечатано «Примечание» Ф. М. Достоевского по поводу писем Григорьева. В февральской книге за 1865 г. Страховым были напечатаны «Новые письма Аполлона Григорьева» с комментариями Страхова. Как увидим далее, этот обильный материал, связанный с Ап. Григорьевым, все же не выражал позиции журнала. Полного контакта с редакцией, как во «Времени», так и в «Эпохе», у критика не было до последних дней его жизни.

Самым плодовитым сотрудником «Эпохи» был Страхов. Он чувствовал себя здесь свободнее, чем во «Времени», в котором явно звучала у ряда участников симпатия к направлению «Современника». В «Эпохе» он уже не встречал в редакции сдерживающего начала в выражении своей ненависти к материализму и «нигилизму». И Михаил Михайлович и Федор Михайлович ждали от него основополагающих статей общего характера. Он написал их в январе и мае под «фирмой» «Ряд статей о русской литературе», но цензура их не пропустила [11]. Тогда Страховым была создана своя «фирма», свой жанр — «Заметки летописца» — критико-публицистические статьи на литературные, научные, философские и общественные темы, в среднем около 15—20 стр. в каждом номере с марта 1864 по февраль 1865 г., за исключением сентября, когда он поместил свои «Воспоминания об А. А. Григорьеве». Страхов опубликовал в «Эпохе» еще семь статей научно-философских, оригинальных и компилятивных. В общем им было напечатано в «Эпохе» не менее тридцати печатных листов, а кроме того, около четырех листов, как нам известно, не были пропущены цензурой. Влияние Страхова на на-

---

[11] См. о них далее в гл. III и VIII.

правление журнала и общий его характер, так же как па взаимоотношения с другими изданиями, было очень заметно и значительно.

Участие Полонского в «Эпохе» не столь широко, но более тесно связано с общественно-политической позицией журнала, чем это было во «Времени». Кроме лирических стихотворений, он поместил в «Эпохе» сцены «Разлад», связанные с польским восстанием, и «обличительную» комедию «Свет и его тени», высмеивающую нравы высшего петербургского света.

Нам трудно определить степень участия А. У. Порецкого в «Эпохе». П. В. Быков назвал его в своих воспоминаниях «литератором-невидимкой, много писавшим, но никогда не подписывавшим своего имени» [12]. При жизни М. М. Достоевского он вряд ли печатался в «Эпохе», так как его имя отсутствует в книге гонораров. Надо также принять во внимание, что он какое-то время, в конце 1863 г.— начале 1864 г., замещал Цейдлера, редактора журнала «Воскресный досуг», уехавшего в ноябре на несколько месяцев за границу [13]. Вместе с вступлением Порецкого в звание редактора «Эпохи», после смерти Михаила Михайловича, в журнале открылся отдел «Наши домашние дела», тот отдел, который Порецкий вел во «Времени». Судя по отметкам гонорарной книги, он получал жалованье за редакторство, но иногда еще какие-то суммы, всего вероятнее, за написание «Наших домашних дел». Но все же он не был единственным и постоянным их автором. До нас дошло письмо к Порецкому Ф. М. Достоевского (конец ноября—начало декабря 1864 г.), в котором он «умоляет» Порецкого поскорее написать «Внутреннее обозрение» для ноябрьской книги, так как Филиппов «написал ужасную дичь», а номер надо «выдать до Рождества». Достоевский жаловался: «Страшное дело: написать совершенно некому Внутреннее обозрение и я поневоле должен беспокоить вас» [14].

Если об этих основных сотрудниках «Эпохи» мы достаточно говорили в нашей книге о «Времени», то двум новым, которых, по нашему мнению, есть основания считать в «Эпохе» также ведущими, надо дать здесь хотя бы общую характеристику.

Д. В. Аверкиев (1836—1905) происходил из купеческой семьи (Екатеринодар), в 1859 г. он окончил Петербургский университет по факультету естественных наук. Уже в годы студенчества он увлекался литературой, писал стихи, повести, пьесы. Об этом времени остались некоторые записи о нем Добролюбова, характеризующие Аверкиева далеко не с лестной стороны. Так, 1 августа 1856 г. в письме к Н. П. Турчанинову Добролюбов сообщал: «Аверкиев написал повесть, — mauvais genre, которой я не читал, но с которой он носится как курица с яйцом». 3 января

---

[12] *П. В. Быков.* Силуэты далекого прошлого, стр. 62.

[13] «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1924, стр. 575.

[14] Письма, т. I, стр. 379.

1857 г. Добролюбов записал в дневнике: «...отправился с Аверкиевым к А. Е. Разину... Дорогой, при возвращении от Разина, Аверкиев рассказал мне содержание некоторых стихотворений Кускова, их общего знакомого... Аверкиев тоже написал повесть и прочел ее Разину; тот сказал, что она не годится, Аверкиев переделал ее в комедию. Отрывки из нее читал я, но ничего не мог заключить о достоинстве пьесы...» 20 января 1857 г. Добролюбов как бы подвел в дневнике итоги своих впечатлений от Аверкиева: «Я зашел по дороге к Аверкиеву. Он разошелся теперь с Кельсиевым и живет с Дементьевым. Аверкиев для меня довольно загадочен. В первое время знакомства он очень мне нравился по своей живости, подвижности, любви к литературе. Но с течением времени все это потеряло для меня свою цену. Я увидел, что он жив оттого, что по молодости пустоват, подвижен оттого, что ни на чем еще порядком не установился, видит литературу, не углубляясь в смысл ее, а восхищаясь удачными стихами, прекрасными картинами, ловкими фразами. Может быть, все это перемелется, но теперь пока с ним еще трудно провести несколько часов, не соскучившись нестерпимо» [15].

После смерти Добролюбова Аверкиев поместил в «Русском инвалиде» (1861 г., № 267) статью «Русский публицист. (Памяти Н. А. Добролюбова)», в которой сообщал о частых встречах с Добролюбовым, студентом Педагогического института, беседах с ним о произведениях литературы, подчеркивая его интерес не к художественной, а общественной их стороне.

Вероятно, в «Эпоху» Аверкиев попал по рекомендации Ап. Григорьева, страстным поклонником которого он был. Аверкиеву Ф. М. Достоевский поручил написать для «Эпохи» некролог Ап. Григорьева, сопроводив его следующим примечанием: «Автор говорит здесь как бы от лица редакции. Действительно, по нашей просьбе написал он эту оценку деятельности и литературных заслуг покойного и дорогого сотрудника нашего. Как ближайший из друзей покойного он полнее и удобнее других мог исполнить эту обязанность (*Ред.*)» [16].

Сотрудничество Аверкиева в «Эпохе» чрезвычайно обильно и разнообразно. Он выступал как драматург, как литературный и театральный рецензент и обозреватель, но, главным образом, как публицист на злободневные темы, касающиеся журнальных статей научного и общественного содержания. Аверкиев оставил свидетельство о влиянии, которое имел на его работу Достоевский, иногда направлявший и помогавший ему. В 1885 г., задумав издавать свой «Дневник писателя», Аверкиев предпослал первому номеру объяснение: «С чего я вздумал издавать „Дневник“, где поместил следующую интересную для издания «Эпохи» страницу:

---

[15] *Н. А. Добролюбов.* Собрание сочинений, т. IX, стр. 249; т. VIII, стр. 508—509, 538.

[16] «Эпоха», 1864, август, стр. 1—16.

«Покойный Федор Михайлович был первым из писателей предшествовавшего поколения, признавшим во мне не только литературные способности, но — horribile dictu — художественный талант. Далее я имел честь принадлежать к кружку «Эпохи», издававшейся Достоевским. То был кружок людей разного возраста и воспитания; кружок, сплотившийся вокруг Федора Михайловича в силу общности умственных и нравственных запросов и стремлений и любви к искусству, выражавшейся по преимуществу в культе Пушкина, чье имя тогда столь усердно позорилось журналистикой, самозвавшейся передовой. Многие из мнений и взглядов, которые с таким блеском и проповедническим жаром развивал Достоевский как в «Дневнике», так и в других своих сочинениях, были общим убеждением кружка, и в первичном своем, конечно, еще далеко несовершенном виде, выработывались дружными усилиями всех его членов.

Основной мыслью было убеждение, что обе наши литературные школы, неправильно именуемые партиями, как западническая, так и славянофильская, отжили свой век не в смысле исчезновения с лица словесности, а в смысле умственного движения: их способности к долгому еще топтанию на одном месте никто не отвергал. Обе школы сходились в одном: в отрицании современной России, обе искали идеалов вне живой деятельности, хотя и в разных местах и временах».

Остановившись далее на отрицательном отношении кружка «Эпохи» как к западничеству, так и славянофильству, Аверкиев противопоставлял им позицию журнала Достоевского. Он видел ее дальнейшее развитие в речи Достоевского о Пушкине:

«Искание живой действительности, искание „почвы“, как тогда выражались, уяснение задач русского просвещения и любви к искусству, не разрывая с культом к могущественнейшему его выражению на русской почве, в лице Пушкина, — вот что дружило меж собою сотрудников «Эпохи».

В заключение Аверкиев, называя свой «Дневник писателя» «слабой данью признательности благодарного ученика», писал: «Не было журнала, где бы я писал так много и охотно, как в «Эпохе». Некоторые из тамошних статей, обозначенных моим именем, были написаны при ближайшем сотрудничестве Достоевского. Смею думать, что имею право считать его одним из своих литературных учителей и то, конечно, был самый талантливый, самый влиятельный и любительный мой учитель» [17].

Помещая в каждом номере «Эпохи» статьи Аверкиева, Ф. М. Достоевский, очевидно, привлекал его и к своей редакционной работе. В его записных книжках читаем заметки: «Спросить Аверкиева о продолжении Серова», «С Аверкиевым о Бабикове». Снабжал он Аверкиева и книгами из своей библиотеки [18]. Под-

---

[17] *Д. В. Аверкиев.* Дневник писателя за 1885 год. Январь.
[18] «Литературное наследство», т. 83, стр. 201, 202, 272 и др.

тверждение тому, что Достоевский участвовал советами или правкой в некоторых статьях Аверкиева, находим в близости текста оценок, высказанных Достоевским в письме к Бурдину (вторая половина октября 1864 г.), с текстом статьи Аверкиева о театре в сентябрьской книге (вышла 28 ноября). По этому поводу Долинин пишет: «Совпадение целого ряда мыслей и выражений ... объясняется, по всей вероятности, тем, что история с Бурдиным была безусловно предметом обсуждений в редакции, и Достоевский мог высказать свой взгляд на нее в присутствии Аверкиева, а может быть и внес в его статью свои редакционные поправки» [19]. Достоевский дружески продолжал относиться к Аверкиеву и после закрытия «Эпохи». Аверкиев был свидетелем на бракосочетании с Анной Григорьевной. Достоевский часто упоминает его в письмах к Ап. Майкову. Надо отметить чрезвычайно высокую оценку, которую дал Достоевский «Фролу Скобееву» Аверкиева в 1869 г.: «Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после «Капитанской дочки» я ничего не читал подобного... У Аверкиева, не знаю, найдется ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух изображения — безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого... Это великий новый талант... И может быть повыше многого современного. Беда, если его хватит только на одну комедию» [20].

Значительную роль в «Эпохе» последнего полугодия ее существования стал играть еще совершенно неизвестный в литературе Н. И. Соловьев (1831—1874). Окончив в 1855 г. медицинский факультет Киевского университета, он служил военным врачом в различных госпиталях и полках. В начале августа 1864 г. он прислал в редакцию «Эпохи» рукопись и следующее письмо:

«Прошу покорнейше редакцию просмотреть и, если найдет годным, напечатать сочинение мое под названием «Теория безобразия». Н. Соловьев. Адрес мой: Врачу Арсенала Николаю Ивановичу Соловьеву. В г. Брянск» [21]. В это время готовилась июльская книжка «Эпохи», и Достоевский включил в нее полученную статью с большим примечанием от редакции, которое начиналось так: «С удовольствием печатаем эту статью (из губернии), хоть и не во всем согласны с ее почтенным автором. Но не согласны мы, говоря относительно, только в мелочах, например, в некоторых суждениях его о наших современных литераторах и проч.; но главная основная идея его совершенно разделяется нами. Нам особенно приятно указать читателям на твердый, искренний и благородный тон статьи; так может выражаться только твердое убеждение и искреннее желание добра...» Заканчивалось примечание словами: «Мы помещаем статью г. Соловьева почти без изменений и просим его сотрудничества. *Ред.*».

---

[19] Письма, т. II, стр. 518.
[20] Там же, стр. 187—189.
[21] Письма Н. И. Соловьева Ф. М. Достоевскому. — Гос. библиотека им. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 8, 125.

Н. И. Соловьеву были высланы 1 октября деньги, и вскоре от него была получена вторая статья — «Теория пользы и выгоды», которая была напечатана в ноябрьской книжке, а в декабрьской — еще две: «Бесплодная плодовитость» и «Женщинам». Появилось по одной статье и в двух книгах «Эпохи» за 1865 год («Дети», «Разлад. Критика критики»). Судя по его письму к Достоевскому 20 февраля 1865 г., Соловьев, очевидно, готовил статьи и для следующих книг: «Через неделю доставлю в редакцию статью вроде прежних — «Школа жизни». «Пьяницу» же теперь не могу передать, не было времени окончательно просмотреть... Отчего бы, Федор Михайлович, Вам «Неволю» мою теперь не взять. Публике бы она понравилась».

После закрытия «Эпохи» Соловьев как критик сотрудничал в «Отечественных записках», «Всемирном труде», «Русском вестнике». В 1869 г. он издал свои критические статьи в трех томах под названием «Искусство и жизнь» (М., 1869). С 1871 г. много писал по вопросам санитарии в «Медицинской газете» и других изданиях. В начале января 1874 г. Соловьев умер, и Достоевский поместил в «Гражданине» № 2 (14 января) некролог, несомненно, написанный им. Приведем его здесь, так как он запечатлел симпатию Достоевского к этому сотруднику журнала и дает несколько черточек для характеристики Соловьева и издания «Эпохи».

«Литературную деятельность покойного по характеру ее можно разделить на две части: на чисто литературную, критическую (в разных журналах) и на специально научные, но популярно изложенные им, некоторые изыскания и исследования его по санитарной части в России. Этот второй отдел его деятельности обратил на себя наиболее внимания публики и доставил ему почетную известность между специалистами дела. Тем не менее мы помянем добрым словом и чисто литературную его деятельность. Она не могла быть оценена по достоинству в то больное время, когда он начал писать; напротив, возбудила против него даже порицателей. И однако же им было высказано несколько весьма здравых идей, в весьма талантливом изложении. Мы не распространимся об этом в этой коротенькой заметке нашей; прибавим лишь, что впоследствии, когда будут припоминать и пересчитывать всех замечательных литературных деятелей нашей эпохи, сгоряча не замеченных или криво понятых поколением, то наверно помянут добрым словом и более верною оценкой и чисто литературную деятельность покойного Соловьева.

Заметим, что во всех посмертных словах о покойном, появившихся в газетах, сделана одна общая биографическая ошибка. Везде сказали, что он начал свою литературную деятельность в «Отечественных записках» (прежних, под редакцией А. А. Краевского). Это несправедливо; он начал свое литературное поприще в журнале «Эпоха» покойного М. М. Достоевского. Туда он прислал (кажется, из Тулы, где служил) свою первую статью — несколько критических заметок о современной литературе, —

весьма талантливо написанную. Она тотчас же была помещена в «Эпохе» с отметкой от редакции, весьма приветливой для начинавшего автора. Через два месяца Николай Иванович был уже в Петербурге, куда перевелся на службу, и — по собственным словам его пишущему эти строки — эта-то лестная для него отметка редакции и вызвала его тогда на литературную деятельность. С тех пор он продолжал участвовать в «Эпохе» и только по прекращении ее перешел работать в «Отечественные записки», вместе со многими из бывших сотрудников «Эпохи» [22].

В главе о полемической деятельности «Эпохи» (см. гл. VIII) мы будем говорить о том, что представляли собою выступления Соловьева. Здесь же коротко изложим его собственное понимание назначения его статей. В «Письме к издателю», служащем введением к его трехтомному изданию «Искусство и жизнь», куда вошли все статьи, опубликованные в «Эпохе», Соловьев стремился доказать, что искусство — величайшее и могущественнейшее орудие прогресса, но еще мало используемое людьми, так как еще мало осознана мысль, что «между идеями морали и идеями красоты, между этикой и эстетикой нет существенной разницы. Чувство нравственное, как стараемся мы доказать в своих статьях, есть то же, что чувство эстетическое, примененное только к действительной жизни. Тождественность нравственного и эстетического начал несомненна, и этот взгляд на явления нравственного мира тем более оказывается плодотворным, что при таком взгляде критика получает несравненно более широкое и самостоятельное значение и не может быть уже смешиваема с публицистикой» [23].

Борясь далее за отделение критики и публицистики, что, по его мнению, должно служить на пользу той и другой, Соловьев всеми своими статьями, направленными против идей «Современника» и «Русского слова», вызывал на острые публицистические выступления критиков этих журналов, став объектом беспощадной иронии Писарева. Если Щедрин последовательно вел бои против позиции редактора журнала «Эпоха», Антонович старался разбить философа-идеалиста Страхова, то Писарев высмеивал эстетика-моралиста Соловьева. Полемическим выступлениям «Эпохи», как характернейшей черте этого издания, мы отводим особую (предпоследнюю) главу.

---

[22] *Достоевский*, т. XIII, стр. 591.
[23] *Николай Соловьев*. Искусство и жизнь, т. I. М., 1869, стр. VII—XI.

Глава III

«Наши домашние дела». Статьи о внутренней жизни России

В первых пяти книгах «Эпохи» не было раздела, посвященного внутренней жизни страны, хотя в программе журнала говорилось, что на обсуждение «вопросов внутренних» «будет обращено редакцией особенное внимание». Помещались отдельные статьи, отзывавшиеся на проведение крестьянской реформы, организацию земских учреждений, подготовку реформы суда, но постоянной информации, которая из месяца в месяц велась во «Времени», в «Эпохе» не было до июньского номера, вышедшего в свет 30 августа. Только после смерти М. М. Достоевского, когда Федор Михайлович взял журнал в свои руки, а Порецкий возглавил редакцию, появился раздел, скромно названный «Наши домашние дела». Он был небольшой по объему (не более двадцати страниц) и очень пестр по содержанию. В нем не было единого плана, системы подачи материала и сколько-нибудь заметной основной идеи.

Думаем, что отсутствие этого раздела в начале издания журнала объяснялось сложностью обстановки, в которой готовил Михаил Михайлович первые книги, и неимением сотрудника, который смог бы выполнить это ответственное задание. Разин, ведший внутреннее обозрение во «Времени», уехал в Польшу. С появлением в редакции Порецкого можно было предполагать, что он возьмет этот раздел в свои руки, но приведенное выше письмо Достоевского свидетельствует, что это не входило в его обязанность, что он только «выручал» журнал, так как, по словам Достоевского, «написать Внутреннее обозрение совершенно некому». Но несомненно, что Порецкий принимал участие в составлении первых внутренних обозрений. В записной тетради 1864—1865 г. сентября 1864 г. Достоевский записал: «Повидать Порецкого («Наши домашние дела»)», а 3 сентября: «Собрать для Порецкого газеты, завтра раньше» [1]. Некоторая пестрота и случайность тематики «Наших домашних дел», конечно, объяснялись тем, что не было одного обозревателя, а поручалось это разным сотрудникам журнала.

[1] Письма, т. I, стр. 379; «Литературное наследство», т. 83, стр. 202.

В июньской книжке раздел «Наши домашние дела» открывался так: «В первых книжках нашего журнала нам не случалось побеседовать с читателем о наших внутренних делах, и потому он вправе ожидать от нас обозрения не только за последний месяц, но с начала нынешнего года». Признавая, что это слишком трудная задача для одной статьи, обозреватель считал, что важнее всего сейчас говорить об «Уставе земских учреждений». Он отмечал, что в период решения крестьянского вопроса о земских учреждениях было много толков, о них писали, их напряженно ждали, а теперь всеобщее внимание занято «экономическими интересами», затронутыми реформой. По мнению обозревателя, после организации земских учреждений «началась самостоятельная деятельность народа», началось «соединение сословий в одном общем собрании». Он старался внушить мысль о важности земских учреждений, много раз упоминал о «доверии правительства», о его «благодетельных реформах», и здесь же он прозрачно намекал на «теоретиков», которые сперва предавались «иллюзиям», оторвались от «действительности» и теперь считают идею земства ничтожной. Обозреватель же видит ее значение для будущего, одобряет ход крестьянской реформы, которая, по его мнению, совершилась «тихо и мирно», и, отмечая деятельность правительства, надеется на постепенное, а не скачками, развитие общественной и политической жизни страны, основой которого должно служить «соприкосновение с действительностью, с опытом, с народной почвой».

Несколько неожиданной при этой явно редакторской установке является концовка обозрения, где его автор, разбирая государственную роспись дохода и расхода на 1864 г., сравнивает ее с данными западноевропейских государств и восхваляет бюджет Англии как результат правильной экономической системы, ума государственных деятелей, а главное существования парламента, без которого не могли быть достигнуты такие успехи (уменьшение налогов, количества бедных и т. д.). Эта концовка в духе катковского «Русского вестника» ощущается в «почвеннических» журналах Достоевского как чуждое, инородное тело.

Если концовка июньского обозрения напоминала об установках «Русского вестника», то июльское построено на статьях «Дня» по вопросу о положении сельского духовенства и его взаимоотношении с прихожанами. Продолжая мысль первого обозрения о важности развития крестьянского самоуправления, автор приводит примеры (из области взаимоотношений с духовенством), свидетельствующие о практическом смысле крестьян и их способности «делать умные и справедливые постановления». В этом же обозрении был вновь поставлен вопрос, уже обсуждавшийся во «Времени», о постройке железной дороги на юг «на домашние средства», без иноземных компаний, и о ее необходимости для заселения юга русскими, вместо немцев, татар, болгар и греков.

Длинное обозрение в августовской книжке в первой половине полно откликов на польские дела, о которых мы будем говорить в конце этой главы как о теме, чрезвычайно характерной для разных разделов журнала. В этом же обозрении интересны наблюдения над областными корреспонденциями, которые высоко расцениваются автором, так как дают много материала для характеристики земства и взаимоотношения «образованных людей» и «меньшей братии», возможности их объединения. Обозреватель выделяет одну корреспонденцию, в которой говорится, что «труп» крепостного права и его «химическое разложение» препятствуют сближению образованного общества и народа. Соглашаясь с этим утверждением, обозреватель приводил пример из «Дня»: мировой посредник приказал розгами наказать мужика за «излишние разговоры» и никакие мольбы не могли принудить его отменить наказание.

В августовской и сентябрьской книгах продолжалось обсуждение постройки южной железной дороги, приводились расчеты ее стоимости в условиях России и за границей, отмечалась порочная практика акционерных обществ, спекуляции подрядчиков, вносились предложения с целью ускорить и удешевить постройку железных дорог. Сентябрьское обозрение откликнулось на открытие Всероссийской сельскохозяйственной выставки, назначение которой должно бы быть связано с реформой сельского хозяйства, оценкой того, что было и какими путями оно должно идти далее. Однако, по словам обозревателя, эти ожидания выставка не оправдала. Образцы скудные, многие губернии не представлены, крестьяне не поняли цели выставки и связали ее устройство с опасениями возвращения крепостного права, а фабрики не хотели сопоставления своих работ с иностранными. Обозреватель приходил к выводу, что выставка не могла быть «народной», так как у народа нет сознания важности развития сельского хозяйства и промышленности, нет сознания «общего дела», необходимости поддержки друг друга. К критической оценке выставки журнал вернулся в ноябрьской книжке, где была помещена специальная статья П. А. Зарубина «Еще один практический взгляд на всероссийскую сельскохозяйственную выставку». Автор — мещанин-самоучка, получивший признание и известность как изобретатель ряда механизмов и сельских орудий, удостоенный за них Демидовской премии. В противоположность статьям о выставке, написанным специалистами, Зарубин поставил себе задачей взглянуть на нее с точки зрения посетителей. По его мнению, выставка должна была дать возможность «систематически и наглядно» изучить сельское хозяйство и промышленность. Но самое расположение выставки, где для сравнения не объединены одинаковые экспонаты, нет системы, плана, письменных объяснений, не дает возможности сделать полезные выводы и ответить на основной вопрос: «для чего?, т. е. для какой цели?» проведена работа и затрачено много денег.

В связи с приближающейся судебной реформой в сентябрьской книге начато, а в октябрьской продолжено обсуждение вопросов о судоустройстве и судопроизводстве. Обозреватель «Эпохи» пропагандировал расширение юридических знаний, их проникновение в народную массу, создание доступных юридических книг и повышение квалификации провинциальных «законников», организацию «публичных чтений из области права». Он приводил сообщения с мест, где уже делаются опыты такого рода, призывал окончивших университеты нести «науку в жизнь», делиться своими знаниями. В связи с опубликованным 20 ноября указом, утверждающим судебную реформу, обозреватель счел нужным рассмотреть порочные стороны старого суда, которые находились «в сильном противоречии с нашим гражданским развитием и требованиями жизни». Он критически оценивал подготовку в России юристов, а также их посылку для усовершенствования за границу. В результате выходят ученые, совершенно не знающие практически русской жизни, интересующиеся иностранными теориями права и не умеющие приложить свои силы и знания к русской практике. Не ученые откликнулись на призыв правительства о разработке нового устава, а литература «заявила о жгучих требованиях жизни и указала на необходимость реформ законодательства». Необходимо поставить под контроль общества постановку юридического образования в университетах, где профессора десятилетиями читают одни и те же курсы лекций, отстают от науки [2].

Автор октябрьского обозрения развивал мысль, что в обществе еще сильно действует привычка, оставленная в нем «двумя разлагающимися трупами: откупной системы и крепостного права». Их «замогильные голоса» продолжают слышаться, хотя их с ликованием похоронили.

Так, например, в распространении пьянства обвиняют новую систему акциза, в ликвидации крепостного права видят причину «безнравственности прислуги», не приспособленной «к обычаям порядочного дома». Последнее обвинение взято из письма «Голос женщины», напечатанного в «Современной летописи». Обозреватель высмеивает автора письма, который забитую дворню считает «приличной порядочному дому» и который выражает пожелание «о создании специальных школ для выпуска господской прислуги». Обозреватель отрицает возможность такой подготовки до тех пор, пока сами господа не изменятся, не станут с уважением относиться к личности прислуги и точно не определят ее обязанности по отношению к хозяевам. Должна измениться психология господ, которые обязаны видеть в прислуге «равноправных себе лиц».

Обозреватель встал также на защиту «нигилисток», в которых

---

[2] Есть основание предполагать, что этот отклик на судебную реформу написан О. А. Филипповым.

автор того же письма в «Современной летописи» готов видеть чуть ли не гибель России, так как они влияют на воспитателей будущих поколений. Обозреватель же, указывая на внешние признаки (стриженые волосы, отсутствие кринолина), видит в них женщин, которые отказались от роскоши в костюмах, серьезно относятся к своим общественным обязанностям, «стараются понять время, в которое мы живем, и повести себя пособразнее с этим временем». Защищал обозреватель и организацию женских мастерских, необходимых для одиноких городских женщин, не имеющих семьи и не могущих найти заработка. Общество поощрения женского труда облегчает условия жизни «безродных и бесприютных обитательниц углов в чердаках и подвалах», а его обвиняют, что оно служит к разрушению семьи и якобы способствует поискам легкой жизни.

Интересно отметить, что октябрьское обозрение заканчивается протестом против воспитания русских детей за границей, куда их для этой цели увозят родители, лишают их чувства родины, делают из них «общечеловеков», в то время как нужны «общественные деятели с чуткой русской душою».

В «Дневнике писателя» (июль—август 1876 г.) в главе III «Русский или французский язык? На каком языке говорить будущему столпу своей родины?» Достоевский горячо развивал близкую идею.

Автором ноябрьского обозрения следует считать Порецкого, которому Достоевский писал, очевидно, в начале декабря: «Ради бога, умоляю Вас, присядьте поскорее за Внутреннее обозрение... Надобно спешить, Александр Устипович, а потому, если на то пошло, наделайте побольше выписок (не сплошь, конечно), но только чтоб вышло побольше Обозрение. Хорошо бы тоже связать все какой-нибудь общей мыслью, общим взглядом. Главное надо как можно скорее. Сядьте теперь же, умоляю Вас. Главнейшее дело в том, чтоб выдать ноябрьскую книгу до Рождества» [3].

Ноябрьский номер прошел цензуру 24 декабря. Его раздел «Домашние дела» представляет обширный отклик на опубликованный «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу». И выбор темы, и подчеркнуто благонамеренный характер изложения подтверждают авторство крупного чиновника, каким был Порецкий. Это — апофеоз крестьянской реформы, раскрытие ее «лучезарного будущего», противопоставленные ее непониманию на Западе. Следуя за правительственной публикацией, обозреватель излагает, как совершался переход к новому. Признавая «случаи беспорядка, возбужденного новым положением крестьян», когда пришлось прибегать «к содействию военной силы», Порецкий объясняет их неподготовленностью крестьян: «Тут была темнота и недостаток знания и более ничего». Крестьянские волнения характеризуются как «оборони-

[3] Письма, т. I, стр. 379.

тельные», т. е. вызываемые боязнью крестьян как бы не быть обманутыми, не получить «меньше того, что царь велел». Количество волнений быстро снижалось, и «по мере усвоения крестьянами смысла новых положений, в них проявилось большее стремление к законному выражению своих нужд».

Вслед за официальным министерским отчетом обозреватель «Эпохи» сообщал сведения о деятельности мировых учреждений, посредников, о выборах должностных лиц в волостные и сельские управления, о волостных и сельских сходах. Здесь обозреватель высказал свое мнение о сходах: «А кто знает отношения русского крестьянина к *миру* и его понятие о *мире*, тот никак не усумнится в близком развитии и значении сходов. «Мир» для русского мужика — олицетворение разума... И суд мирской страшен неправому человеку». Далее, излагая правительственный отчет, обозреватель говорит об успехах в области просвещения народа, развития школьного дела, усиления внутренней торговли и участия в ней крестьян и общего улучшения их благосостояния как результата реформы.

Сообщая сведения о введении уставных грамот, возникавших недоразумениях и констатируя общий успех проведенного дела, обозреватель восклицал: «Неужели же успешность мирного совершения огромной реформы нисколько не зависела от свойств русского народа, ему исключительно принадлежащих?» Автор обозрения переходит к анализу одного из свойств русской народной жизни, ее многовекового опыта «в своеобразном союзе, *артелью* называемом». Приводя многочисленные примеры этого «своеобразного народного учреждения», он противопоставляет его чуждым «форменным порядкам» агентских контор, которые русскому человеку «не с руки». В этой статье со ссылками на «такую честную газету, как «День», ясно ощущается влияние этого органа.

Столь же ясно оно ощущается в обозрении декабрьской книги. Значительное по размерам (28 стр.), оно распадается на две части, принадлежащие, по нашему мнению, двум авторам. Вот какой перечень тем предпослан этому обозрению: «Старый год и его судьи. — Жалобные речи прогрессиста и могущий последовать ответ на них — жажда искренности и правды. — Надежды, поданные журналистике отходящим годом. — Обзор недавней полемики о южной железной дороге. — Проектируемый святой человек». В сущности предпоследней теме посвящено более 20 страниц, которые написаны, очевидно, человеком, тщательно следившим за долго длившейся полемикой о направлении железной дороги из Москвы на Одессу. Не считая возможным критиковать уже состоявшееся постановление правительства о прохождении дороги через Киев, а не через Харьков, обозреватель излагает аргументы обеих боровшихся «партий» — московской («Московские ведомости» и «День»), отстаивавшей дорогу через Киев в основном по причинам политическим, и петербургской, выдви-

гавшей харьковское направление по причинам экономическим. Приводились сведения о перевозках товаров — хлеба, шерсти, табака и т. д., о населенности местностей, мнения из экономических работ Обручева, Бушена, Чижова, статистические таблицы. Симпатии обозревателя «Эпохи» были на стороне петербургской «партии». В заключение он откровенно сообщал свое мнение об утвержденном «киевском варианте»: «Что касается до значения Киева на этом пути в отношении политическом, т. е. до необходимости теснейшего сближения его с великорусскими областями, то во всяком случае как-то не верится, чтоб историческая правда не осталась навсегда бесспорною и не восторжествовала над какими бы то ни было пришлыми проделками и интригами».

Специальному вопросу о направлении железной дороги были в обозрении отданы страницы с 7 по 28, первые же шесть страниц имели совершенно иной характер и писались они от имени редакции; говорили о позиции журнала, его отношении к деятельности правительства и к направлениям других органов печати. Если эти страницы не написал сам Достоевский, то несомненно он не мог в них не участвовать, так как тут было высказано credo журнала. Вернее же, он написал их сам. Двенадцатая книга вышла 25 января 1865 г. Автор заявлял, что он будет подводить итоги прошлого года, учитывая также начало нового. Поэтому он строит свое выступление как полемику с появившейся уже в 1865 г. статьей в «петербургской газете» («С.-Петербургские ведомости», 1865, № 1), которая, «едва успевши перешагнуть в новый год, произнесла следующие слова: «Вообще в минувшем году наше общество было расположено очень слабо увлекаться прогрессивными идеями, и, может быть, никогда еще, с тех пор как русские люди привыкли говорить сознательно, самое слово *прогресс* не пользовалось у нас таким малым уважением. Мы, казалось, совершенно разубедились как в могуществе прогресса, так и в его пользе, и, главное, в *нашей способности двигаться прогрессивно...*»

Редакция «Эпохи», считая, что в русском обществе «все растет и растет вера в свои силы и в способность двигаться вперед», так отвечала газете: «Правда, слово *прогресс* пользовалось у нас очень малым уважением, но именно — в устах ваших, потому что вы отлично сумели его опошлить». «Эпоха» обвиняла газету в том, что она, твердя «как выученный служебный термин» слово «прогресс», прямо задевала журналистику: «Против прогресса, говорит она, воевала одна часть нашей *прессы,* к сожалению, наиболее влиятельная, соединившая в себе вместе с несомненным талантом долговременный навык и неимоверную ловкость в преодолении многочисленных трудностей русского журнального дела ... Деятельность журналистики была в переходном состоянии, вследствие ожидания нового устава о печати... Апатия русского общества отразилась на русской печати, вера в прогресс была поколеблена... Журналистика прошлого года была, по край-

шей мере, в лице одного из наиболее влиятельных органов, скорее ретроградною, чем прогрессивною».

На этот выпад газеты, очевидно, против «Русского вестника», «Эпоха» с вызовом спрашивала, как же представляет себе газета прогресс, в чем она видит ретроградство журналистики и просит выслушать «нашу крепкую правду»: «Слушайте же: поддавались мы влиянию того, — ретрограда или прогрессиста, не знаем, — от кого слышали живое слово, твердое, дышащее силой слово, а не сонное мурлыканье одной и той же всесветной песни, еще поддавались мы влиянию того, кто глубже проникал мыслью в нашу насущную жизнь и шевелил нас свежею, близкою нашей русской душе речью. Вы вот полагаете, что мы пошли назад, а это не так, — вы не угадали: мы точно, может быть, немножко повернули, только не назад, а в сторонку, а вы-то этот поворот должно быть проглядели, след наш потеряли, сами сбились с пути и с толку и остались одни, со своим вечным бесплотным прогрессом. Вы вот желаете воскресить в нас угасшее расположение к вашему надорванному коньку, выдохшемуся словцу — *прогресс,* да тут и ставите точку, а послушай-ка каким желанием одушевлены истинно живые люди. Они говорят:

«Если бы нужно было определить краткой формулой, чего именно нужно для России, когда в ней, по-видимому, всего так много: и правительственной благонамеренности, и твердой власти, и внешнего могущества, и покорности, и преданности народов, и всяких сил материальных и нравственных, — чего именно нужно для России (потому что *чего-то* в ней нет, и именно чего-то такого, что дает жизнь всем элементам жизни), — мы бы сказали одно: *ей нужно искренности, ей нужно правды слова!»* [4]

Редакция «Эпохи», целиком солидаризируясь с приведенной цитатой, убежденно продолжает повторять за «Днем»: «Да, милостивые государи! И мы, ретрограды, повторяем вслед за живым человеком: «Общество тогда только вполне может оказать правительству помощь искреннего содействия, когда живет искреннею внутреннею жизнью, когда чувствует за собою *возможность быть искренним и в мысли и в слове!»* А вы вот и не догадались пожелать нам этого блага, которое куда как много питательнее вашего-то заветного словца... Вы, кажется, не совсем довольны 1864 годом, а живой человек говорит: «Дело стало за русскою жизнью. Много роскошного груза наложено на нее теперь разными благонамереннейшими правительственными преобразованиями, изданными в 1864 году; много придется ей вывозить на своих плечах в 1865 году, когда дойдет дело до исполнения всех этих громадных реформ...»

Подтверждая далее от своего имени социально-политические достижения 1864 г., редакция «Эпохи» переходит к надеждам на

---

[4] Цитата из редакционной статьи «Москва, 1 января» в газете И. Аксакова «День», 1865, № 1, стр. 3.

новый год, связывая их с появлением нового устава печати, который откроет для литературы возможность проявить «искренность убеждений и слова».

«В самом деле, скажем мы уже от себя, мудрено произнести что-либо в осуждение 1864 году, когда он дал начало введения в жизнь земских учреждений и судебные уставы, призывающие на деятельность и труд лежавшие втуне общественные силы, и... действительно, чтобы этот труд был плодотворен, остается желать только искренности, правды в мысли, слове и деле. Но 1864 год показал издали и возможность этой искренности...» Указывая на заявление «Северной почты» о том, что проект нового устава о печати уже внесен на рассмотрение государственного совета и что это сообщение просияло «зарею надежды» для русской литературы, автор обозрения обратился к статье в газете «День» (№ 50) и назвал ее «одним из чистосердечнейших органов наших», который выразил всеобщее мнение журнального мира. Приводя далее большие цитаты из «Дня» о том, что русская журналистика «при выгодных условиях у себя дома» может приобрести доверие за границей как «самостоятельный орган общественного мнения», а во внутренних делах быть «усердным поборником правительственных реформ», редакция «Эпохи» уже явно от себя заявляет:

«Искренность убеждений и слова!.. Оно, это искреннее убеждение, как красное солнышко, должно разогнать те неискренние, напускные, ни к какому насущному применению не ведущие теории, над которыми мы не раз, грешным делом, позволяли себе глумиться... Так вот какие обеты завещал нам 1864 год, и потому пусть говорят нам, что будто бы с ним «в область прошедшего отошло много неисполнившихся надежд», — мы свои надежды не относим в область прошедшего, потому что они при нас, потому что мы еще верим в их исполнимость».

Так как, по нашему мнению, эта часть обозрения выражает позицию редактора журнала и написана Достоевским, то следует напомнить, что в его записных тетрадях этого времени явственно звучит обличение «мещанства либерализма», о чем мы пишем в последней главе.

Остается сказать еще о двух обозрениях «Наши домашние дела» в январской и февральской книгах за 1865 г. Прося Порецкого в начале декабря 1864 г. написать внутреннее обозрение для ноябрьской книжки, Достоевский ему сообщал: «Только до январского № будет продолжаться эта сбивчивость и хлопоты: а там пойдет в отношении Внутр. и Полит. Обозрений по новому плану». К сожалению, для нас остается неясным, в чем заключался этот план и кто написал внутреннее обозрение для двух последних книг. Для них характерен пересказ сообщений, взятых из разных периодических органов, столичных и провинциальных (например, из «Русского инвалида» о настроениях в Остзейском крае и т. п.). Интересны отклики на деятельность и на развитие

земских учреждений. Обозреватель констатирует, что, судя по провинциальной прессе, население относится к ним с апатией, и лишь в немногих губерниях начинает возникать интерес и внимание к ним. «Эпоха» встает на защиту земства: «Общественная, земская жизнь только теперь вызывается на свет и получает возможность сколько-нибудь проявить свое бытие, а мы уже хотим, чтобы она вдруг, по щучьему велению, ключом закипела. Весь прошлый год тянулись протяжные жалобы на равнодушие общества к делу земских учреждений, и только вот теперь начинают они перемежаться веселыми вестями» (январь). В февральской книге даются сведения о том, как проходят волостные выборы в разных губерниях, в некоторых срываются из-за непонимания существа дела, в других — из-за розни интересов участников: «Сословная рознь, недоверие одного класса к другому, отсутствие общности даже в одном сословии, образовавшееся вследствие известных исторических причин и поддерживаемое упорною привычкою, конечно, должны будут исчезнуть, как скоро разовьются и усвоятся земские учреждения; теперь же появляются местами признаки этого ожидаемого строя».

Интересно в февральской книге сопоставление взглядов «Московских ведомостей», «Дня» и «Голоса» на судьбу освобожденных по реформе крестьян. «Московские ведомости» считают, что, дав крестьянину личную свободу, реформа не дала свободы экономической, обязывает его вести крестьянское хозяйство, препятствует переходу к другому труду, который мог бы его обогатить. Газета защищала возможность ухода крестьянина на фабрику и аргументировала это так: «Разве лучше жить хозяином в развалившейся избе и по полугоду не иметь хлеба, нежели быть работником и жить хотя в чужой, но сухой и теплой избе на сытных хозяйских харчах, пользуясь всеми выгодами большого спроса на труд».

«День» решительно возражал против образования «класса бездомных рабочих», которых голод, страх и опасность остаться на улице будут принуждать к работе. Наличие своего дома и земли не мешает крестьянам уходить на работы косцами, плотниками и т. п. Но «Московские ведомости» готовы окончательно разорить крестьян, чтобы сделать из них отличных работников. «День» видит в теории «Московских ведомостей» «англоманию», посягательство на общинное землевладение и стремление сделать из крестьян «класс рабочих», видит «деспотизм теории».

Что касается «Голоса», то он выступает за развитие исторически сложившегося «труда общинного, выразившегося в артельных ассоциациях», и за распространение этого принципа на фабричные, торговые и ремесленные предприятия.

«Эпоха» сочувствовала критике, которой подверг «День» «англоманию» «Московских ведомостей». Последние страницы обозрения автор посвятил проблеме нищенства. Он утверждал, что оно вовсе не всегда является следствием праздности и неуме-

ренности, а чаще — это «результат невыгодного экономического положения известного класса общества», а порой — случайных несчастий. Россия противопоставляется Западной Европе, где в результате богатой промышленности «страшный пример бедности многочисленного класса, который получил особое название — пролетариев и который составляет язву в порядке общественного устройства». Это явление — результат безземелья. В России этого нет. По числу нищих первое место составляют отставные солдаты и их семьи. Второе место — мещане и ремесленники; третье — временнообязанные и бывшие дворовые. Но рядом с этими категориями обозреватель отметил и нечто новое; появились случайные и временные бедняки в связи с развитием машинного фабричного производства, заменившего ручную выработку, в результате чего «в первое время» те, кто не приспособился к новым условиям, остаются без дела. Примером может служить с. Иваново, где фабриканты вынуждены бесплатно кормить безработных. Автор обозрения делает отсюда вывод:

«Вот этот-то мало известный нашему отечеству род нищих, здоровых и трудолюбивых, ждет от экономической науки помощи, — так как частная благотворительность и не надежна и унизительна для человека, привыкшего добывать хлеб трудом, а не христовым именем. И это невольно, косвенным образом наводит на грустные воспоминания о теории «экономической свободы»!»

На ту же тему, в том же февральском номере за 1865 г. часть своих ежемесячных «Заметок летописца» написал Страхов, дав подзаголовок «Экономическая свобода»: «Спор об общинном землевладении, этот нескончаемый спор опять возобновился в последнее время. Два раза «Московские ведомости» восставали против общины и два раза были победоносно опровергнуты «Днем». Считая, что понятие «экономическая свобода» взято из западной науки, Страхов доказывает, что не «всякую свободу надо защищать», что проповедь экономической свободы может вызвать войну всех против всех, что в обществе члены сами отказываются от некоторых прав, и что «право дорого только в том случае, если оно будет право на нормальное здоровье, внушаемое правильной потребностью проявление жизни». Страхов не предлагал устанавливать общинное хозяйство, где его не было, но считал нужным сохранить его тем, кто им пользовался и не желает разрушать. Разрушение в таком случае было бы прямым нарушением свободы и права.

«Заметки летописца» Страхова, в основном посвященные журнальной полемике, касаются и ряда тем, трактуемых в «Наших домашних делах». Для этих его статей характерен такой ретроградный ультрамонархический тон, которого мы не найдем у авторов «Наших домашних дел». Он высмеивал в мартовской книжке использование «чужих «кличек» в применении к нашим «коренным» явлениям: «Не понимая сущности дела, мы наше царелю-

бивое земство называем *демократическим* и тем навязываем ему разные антагонизмы, которых в нем вовсе нет и не будет. В самом деле, разве все наше земство, вся наша почва, если уж так нравится это слово, не благоговеет перед своим великодушным царем. Разве явления, которые воочию совершались и совершаются вокруг нас, не могли еще убедить «Современник», что ни демократии, ни демократов у нас нет и не было, кроме, пожалуй, той небольшой кучки людей, которая мыслит по чужим книжкам».

Для характеристики Страхова как сотрудника «Эпохи» интересно привести материал из его «Записок летописца» в январской и февральской книгах 1865 г., названный им «Из истории крестьянского дела». По поводу состоявшегося в начале января московского дворянского собрания появилось в газете «Le Nord» письмо из Петербурга, перевод которого был перепечатан в «Северной почте». В письме рассматриваются разные партии среди дворян, указывается на их недовольство отменой крепостного права, стремление к парламентаризму. Перечисляются различные политические и экономические затруднения, которые переживает Россия и которые вызвали «попытку демонстрации» среди дворян. Хотя тут не было и намека на «революционность», на «заговор» или выступления сильных партий, которые бы стремились бороться с правительством, все же эта демонстрация была похожа «на парламентские прения Запада» и показала, что «Россия не созрела для серьезных представительных учреждений».

Страхов, сообщив в январской книжке «Эпохи» об этом письме и заметив, что «оно заключает в себе такие верные черты современного состояния России, которые показывают основательное знакомство с ходом нашего внутреннего движения» и вообще «касаются предметов величайшей важности», полностью перепечатал письмо в «Заметках летописца». В заключение он старался несколько ослабить утверждение, что помещики отнеслись враждебно к крестьянской реформе, указывал на участие дворянства в ее подготовке, на «здоровое его ядро», которое не до́лжно смешивать с московским дворянством.

Не успел еще выйти номер «Эпохи» с этой страховской статьей, как в «Московских ведомостях» появилась передовая статья, которая полностью отрицала обвинения московского дворянства, появившиеся в заграничной печати. «Московские ведомости» во всем видели интригу, клевету на русские дела, русскую публику и уверяли, что «никогда русское дворянство не было так мало наклонно сожалеть о совершившейся великой реформе и роптать о своих потерях; никогда не было оно одушевлено в большей степени искреннею преданностью своему государю».

Страхов, признавший в январе в заграничном письме «верные черты современного состояния России», в февральской книге поспешил отречься от своих утверждений и привести в «Заметках летописца» «выписки из передовой статьи «Московских ведомо-

стей», восхищаясь не только правотой газеты, но и ее «блистательным» выступлением против «клеветы» на дворян и на их поведение на московском собрании.

Переходим к рассмотрению статей «Эпохи», посвященных наиболее актуальным темам современной внутренней жизни России.

В первой сдвоенной книге (январь—февраль 1864 г.) М. М. Достоевский поместил большой очерк (стр. 64—202) О. Ержинского: «Старые и новые порядки. (Записки помещика)», в котором автор описал свои заботы и деятельность с марта 1861 г. по февраль 1863 г. Автор лишь условно может быть назван помещиком. Сын художника, никогда не владевший крестьянами, получив в дар от бабушки перед самой реформой где-то под Москвой деревеньку в 10 дворов и должен был погрузиться в составление уставных грамот, выделение наделов, не желая обидеть крестьян, но и заботясь о своих выгодах. Автор касается лишь мимоходом интересов и жизни богатых помещиков, но очень много отводит места обрисовке быта крестьян, стараясь запечатлеть общий характер их поведения. Ни «почвеннического» умиления перед жизнью народа, ни особых забот о его будущем в «Записках» нет. Автор видит в крестьянах наивных хитрецов, основная цель которых «обойти» помещика: они его все время подозревают в обмане, подвохе, и более верят посреднику, чем ему. В его изображении крестьяне слегка придурковаты, лживы и вороваты. Показывая отрицательные стороны поведения крестьян, их пассивное несогласие, а иногда и грубость, автор не высказывает своего осуждения, он настроен в общем доброжелательно, но ни одного положительного образа не нарисовал и в сущности совершенно равнодушен к их судьбе. Главное он подметил: уже намечавшееся расслоение крестьянства, обещавшее образование среди них будущих кулаков и купцов: «Великое добро дано крепостному сословию Положениями 19 февраля 1861 г. Но Положение, наградив крепостного правами, не могло оградить его от употребления во зло новых прав. И первый воспользовался ими, очертя голову, московский крестьянин. Как человек бывалый и, коли сам неграмотный, то свояк или кум грамотному, он скорее уфимца или курянина прочел или выслушал Положение и понял разницу между старыми порядками и порядками новыми. Пока в дальних деревнях не было с крестьянами ладу, не поддавались они ни на какие уговоры, ожидая *настоящей* воли, подмосковный крестьянин давно перепросился на оброк, если был на барщине, надоел помещику, торопя уставную писать, и на опыте оценил приобретенные права...» Как последствие реформы автор приводит насмешливый разговор в железнодорожном вагоне третьего класса: «Не бойсь, брезгали прежде господа сидеть с нашим братом в третьем, а нонче ничего, спеси поубавилось».

Ф. М. Достоевского первоначально напугал объем «Записок помещика». Он писал брату 26 марта 1864 г., получив книгу: «Жаль, что не читал Ержинского. Если хорошо, так все спасено,

а если не хорошо, то очень плохо». Прочтя «Записки помещика» в ближайшие дни, он сообщал о своем впечатлении брату 2 апреля: «Что же касается до статьи Ержинского, то она действительно хороша и прекрасно читается» [5].

Уже после смерти М. М. Достоевского в «Эпохе» были помещены две статьи под названием «Отрывки из записок мирового посредника», отражающие период межевания и составления уставных грамот и постоянное общение посредника с помещиками и крестьянами. Статьи подписаны *Вл. Нарпенский* — это псевдоним Д. А. Смирнова, который, очевидно, не мог под своей фамилией опубликовать очерки, резко обличающие помещичьи нравы. Отметим, что в записной тетради Ф. М. Достоевский, планируя августовскую книгу «Эпохи» (вышла 27 октября), пометил под 8 октября: «В „Записках мирового посредника“ чтоб не было Смирнов» [6]. Но помещенные в декабрьской книжке очерки Смирнова «Из старинной бывальщины» подписаны подлинной фамилией автора.

В «Записках мирового посредника» (1864, кн. 8 и 1865, кн. 2) автор выводит целую галерею типов помещиков и помещиц, проявляющих свои характеры в такой решительный момент, как составление с крестьянами уставных грамот. Автор принужден был констатировать, что иной помещик (человек совершенно благородный или благодушный или, по крайней мере, «достаточно не злой и не вздорный») вел себя в этих условиях как многие, т. е. затягивал соглашение, играл «в кошку-мышку» и всячески старался «прижать» крестьян, раздражая и их, и посредника. Но приводил он примеры и «вампиров»—бой-бабы, помещицы, готовой высосать из выкупной операции все возможные выгоды, и образованной девицы-помещицы, проявившей такую же алчность и принудившей посредника обличить ее «в непорядочности и грязности» поступков.

Что касается крестьян, то, не говоря ни слова о трагической судьбе, на которую их обрекало «Положение», нисколько не идеализируя их поведение в спорных ситуациях и не оправдывая их оппозицию помещикам (он часто упоминает о крестьянском «невежестве», о «тупом, косном и часто злонамеренном упрямстве»), автор не может умолчать о том отпоре, на которое постоянно на-

---

[5] Письма, т. I, стр. 352, 356. В примечании (стр. 568) А. С. Долинин называет очерк Ержинского «весьма талантливым».

[6] «Литературное наследство», т. 83, стр. 204. Комментатор обе фамилии, Нарпенский и Смирнов, считает псевдонимами некоего Поливанова, который хотел подписать «Записки» псевдонимом Смирнов», но «этот псевдоним был почему-то нежелателен для Достоевского, и «Записки» были подписаны Вл. Нарпенский» (стр. 237). Недоразумение это объясняется, вероятно, тем, что в гонорарных ведомостях имеются расписки в получении денег за «Записки» и за «Были» Д. Смирнова «Гвардии подпоручика Поливанова». Сведения о Дмитрии Александровиче Смирнове и его псевдониме Вл. Нарпенский см.: *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II. М., 1957, стр. 250.

талкивалась работа посредника, стремящегося к «законному» проведению разделов и межевания. Он рассказывал, как отстаивали крестьяне свое понимание «Положения», как выступали их вожаки, твердо убежденные в том, что и помещики, и посредники готовы обманом обобрать их. Указывал он и на намечающееся расслоение крестьян, объединение будущих кулаков против общинного «мира» и на их сделки с помещиками.

Злободневным для 1864 г. было утвержденное 1 января этого года «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Земские учреждения создавались как учреждения выборные. Но выборы, основанные на имущественном цензе, при формальной «бессословности» обеспечивали фактическое преобладание за дворянским сословием. Земство было поставлено под контроль центральной власти в лице губернатора и министра внутренних дел. В 1864 г. вышла книга А. В. Лохвицкого, защищенная им как диссертация на степень доктора наук, — «Губерния, ее земские и правительственные учреждения», в первой части которой рассматривалась «теория провинций», во второй — историческое положение и устройство в древней Руси, а в третьей был дан разбор положения о земстве 1 января 1864 г.

В № 9 «Эпохи» появилась статья «Несколько слов по поводу книги г. Лохвицкого» без подписи автора, который, отказавшись рассматривать первый раздел, поскольку «это не входит в программу нашего обозрения», да и самый раздел неясно разработан в книге, остановился исключительно на истории вопроса в древней Руси. Автор решительно расходится с Лохвицким во взгляде на существование местной автономии и самоуправления в допетровской Руси. Он упрекает Лохвицкого в том, что этот период «разработан весьма неудачно и лишен почвенных начал», так как «г. Лохвицкий доказывает в нем, что в древнерусской жизни не было провинциальной жизни». Лохвицкий утверждал, что централизация в Московском государстве была следствием сознания народа, что в слиянии заключается его спасение и что 1 января 1864 г. народ впервые получает права земства. Автор статьи, пользуясь богатым историческим материалом, доказывал, что земская форма самоуправления существовала до Петра, но подавлялась московскими царями, прибегавшими к терроризму: «Народ во все существование Московского царства вечно желал земского самоуправства, вечно был недоволен, вечно волновался, протестовал и заявлял свои нужды». Петр нанес удар по земству: «он упустил из виду главнейшее стремление русского духа и уничтожил совсем до отрицания самую первую, всенародную и необходимую потребность России», ввел европейский регламент, немецкий дух. Бегло коснувшись мероприятий, сделанных в царствование Екатерины II, и состояния земского дела до нового «Положения», автор писал: «Конечно, права земства древнего и настоящего далеко не тождественны: первые были продуктом обычая, возникнувшего историческим путем из народного духа, поня-

тий и требований, были и не права, а сама жизнь; а вторые, как верно замечает г-н Лохвицкий, не имеют корня в нашей истории и составлены преимущественно по образцам: французскому, со стороны компетенции земских собраний, и германскому, со стороны формы. Но, тем не менее, факт существования земства в допетровский период неоспорим». Автор обещал о новом «Положении» как о «чрезвычайно интересном предмете» поговорить в ближайшем будущем.

В осуждении политики Петра и высказанной уверенности, что Московское государство непременно «поторопилось бы осуществить в себе великое русское целое на земских началах», а также в подчеркнутой антипатии к европейской централизации, регламентации, ощущается очень ясно близость автора к славянофильским тенденциям и предубеждение по отношению к результатам новой реформы.

Откровенно сатирическое изображение происходивших объединенных съездов с участием дворян и крестьян дано в № 1 «Эпохи» за 1865 г., в статье также без подписи, названной «Записки служившего по мировым учреждениям». Статья состоит из трех глав: «I — Первый съезд дворян для поверки списков»; «II — Рассылка «Положений». Крестьянские чтецы и последствия их вычитывания. Первые крестьянские выборы»; «III — Канун первого мирового съезда и первый мировой съезд». Уездное дворянство, съезжавшееся в город, изображено остросатирически. Среди них и закоренелые крепостники, защитники «ежовых рукавиц», и либеральные болтуны, чья деятельность сводится к организации дворянского обеда, и сынки, которых маменьки хотят протолкнуть в выбранных.

Что касается крестьян, то вскрывается их зависимость от мошенников, которые морочат им головы и наживаются на них, толкуя «Положение» в том духе, в каком хотелось бы его понимать крестьянам. Автор особенно останавливается на страхе крестьян перед выборами из своей среды старшин, сельских старост и волостных судей, их стремление всячески избежать участи быть выбранными. Далее показывается подлинная карикатура на «первый мировой съезд»: «соединение» сословий, о котором немало писали правительственные отчеты и сама «Эпоха». Это болтающие и готовящиеся к обеду дворяне и пригнанные из деревень мужики, толкущиеся в коридорах, валяющиеся на дворе и только ждущие разрешения скорее разойтись по домам. Это сатира уже не на помещичий класс, а на самую идею по административному распоряжению объединить крепостников с их вчерашними рабами.

Автором сатиры был начинающий свою публицистическую деятельность сотрудник «Искры» и будущий автор внутренней хроники «Отечественных записок» (в 1869—1876 гг.) Николай Александрович Демерт. Статья для «Эпохи» — результат его работы как мирового посредника. Позднее он стал председателем

уездной земской управы. Сохранилось его письмо к Ф. М. Достоевскому, которое раскрывает авторство Демерта и свидетельствует о его намерении сотрудничать в «Эпохе»:

«Милостивый государь Федор Михайлович! На страстной неделе поста я сдал Вашему секретарю статью свою: «*Записки служившего по крестьянскому делу*», продолжение той, которая была напечатана в 1-й книжке «Эпохи». Так как по слухам можно заключить, что журнал «Эпоха» прекращается, то покорнейше прошу возвратить мне как эту статью, так равно и небольшую статейку: *Рассказ хлебопромышленника.* В надежде, что в субботу, часу в первом, я найду статьи свои в редакции готовыми к возвращению мне. Имею честь быть покорным слугой. Н. Демерт. 4-го мая 1865 г. С. Петербург» (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей).

Для характеристики Н. А. Демерта этого времени отметим, что 10 декабря 1864 г. в СПб.-цензурном комитете была запрещена его статья для «С.-Петербургских ведомостей» — «О ходе крестьянского вопроса, осуждающая распоряжения губернского по крестьянским делам присутствия» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 274).

«Время» не раз писало по вопросам финансовой политики. Это были статьи проф. Шилля, Вл. Фукса и Разина. В «Эпохе» была напечатана в мартовской книге 1864 г. всего одна статья — «О средствах к отвращению затруднений нашего денежного рынка» А. А. Головачева. Он вносил свое предложение по борьбе с общим безденежьем, а в связи с этим — с застоем промышленности. Точка зрения Головачева резко противоположна той, на которой стояло «Время», боявшееся внедрения иностранных капиталов в оборот русской промышленности и торговли. Головачев же как раз предлагал способ привлечения в Россию иностранного капитала. Идея его заключалась в том, чтобы выкупные свидетельства превратить в оборотный капитал: «Выкуп крестьянских угодий дает нам возможность произвести эту мобилизацию. Россия за недостатком собственных оборотных капиталов поставлена в необходимость привлечь их с иностранных рынков и с этой целью в лице временнообязанных крестьян, должна мобилизовать часть своих недвижимых имуществ за границей. Для достижения этой цели условия, в которые поставлены у нас процентные бумаги по выкупной операции, должны быть таковы, при которых продажа их на заграничные рынки и затраты внутри России вырученных капиталов были бы возможны и выгодны» (стр. 266—267).

Подобный способ привлечения в Россию иностранного капитала особенно прельщал Головачева тем, что капитал попадет в руки не торгового сословия, а землевладельцев, у которых эти капиталы скорее «найдут себе помещение на внутренних рынках, чем в руках торгового класса». Автор надеется, что его «главная мысль — воспользоваться выкупными кредитными бумагами, как

средством для привлечения заграничных капиталов на наши рынки» — обратит на себя внимание. К этой столь явно антидемократической и антипочвеннической идее «Эпоха» более не возвращалась, да и вообще не помещала более специальных статей по экономике и финансам. Но думаем, что эта статья Головачева сыграла какую-то роль в будущем идейном расхождении Ф. М. Достоевского с этим сотрудником. (Об этом см. в следующей главе.)

Реформа суда — вторая тема внутренней жизни России, которая охотно трактовалась в «Эпохе». В книге о журнале «Время» мы писали о пристальном внимании журнала к судебной реформе и ставили это в связь не только с ее актуальностью, но также с особым интересом Ф. М. Достоевского, вынесенным из Мертвого дома к психологии преступника и проблеме наказания. Интерес и внимание редакции продолжались и при издании «Эпохи». В первой ее книге М. М. Достоевский поместил перевод очерка под рубрикой, бывшей во «Времени», — «Из уголовных дел Франции». Очерк назывался «Госпожа де-Прален (Pralin). Процесс 1847 г.» (он занимал 60 страниц). Кроме детального расследования убийства герцогини ее мужем и его самоубийства, допроса свидетелей, очерк содержал публикацию дневников и писем убитой, отражающих ее душевное состояние и семейные отношения [7].

В мартовской книге М. М. Достоевский напечатал статью сотрудничавшего во «Времени» П. Н. Ткачева по поводу вышедшего перевода с немецкого двух книг Миттермайера «Руководство к судебной защите по уголовным делам» и «О сословии адвокатов». Статья Ткачева называлась «Быть или не быть сословию адвокатов». В ней рассматривалось, что́ надо считать полезным, а что вредным в создании особого, замкнутого сословия адвокатов, за которое ратует Миттермайер и которое существует в Англии, Франции и других странах. Ткачев признает, что наличие «касты», закрытого сословия адвокатов имеет свои преимущества, так как гарантирует хорошую подготовку допущенных в нее членов, проверку доброкачественности работы каждого и обеспечение тяжущихся квалифицированной защитой. Но как каждая «каста», она является злом, так как будет закрывать доступ к защите талантливым самоучкам, удорожать защиту, способствовать сокрытию истины, задерживать прогресс, охраняя отжившее, и вообще «противна чувству человеческой справедливости, как всякая монополия, стеснение индивидуальной свободы человека». Хотя Ткачев понимал, что, если не будет «касты», то могут появиться шарлатаны, которые будут использовать темных

---

[7] Перевод из издания: *Fouquiér Armand.* Causes célèbres de tous les peuples. Edition illustrée, Paris. Lebrun 1857—1874, t. 1, liv. 11—12. См. сб.: «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», 1. Л., «Наука», 1974, стр. 240—241.

непонимающих тяжущихся, но считал, что «каста» будет защищать прежде всего свои интересы, а не общественные, адвокат не сможет «свободно и беспристрастно относиться к клиенту и быть ему вполне верным». Без конкуренции адвокат будет менее добросовестно относиться к делу и ставить личные интересы на первый план.

Вопрос о сословии специально подготовленных адвокатов заинтересовал Ф. М. Достоевского. В одной из записных тетрадей 1864—1865 гг. он записал: «NB. отнюдь не надо ждать, пока у нас *образуются* адвокаты, т. е. пока мы подрастем да разовьемся, а лучше уж вводить суды повсеместно, без дожидания. Во всяком случае хуже прежних судов не будет, хотя бы в новые поступили большею частию или старье или неумелая молодежь. В этом решении надобно различать *главнейшую идею:* именно что подготовка никогда не делается предварительно; будут только болтать, будет только одна болтовня и ничего больше. На деле, на деле совершится подготовка!.. *Дело* очищает разум, формирует человека, а болтовня растлевает... Да и почему так уж решено, что людей нет? Правда, по-видимому, их нигде нет. В учителя — нет, как в высшие, так и в низшие. В адвокаты, в судьи тем паче. Но мы еще переживаем и не можем дожить совсем старые порядки. Куда же денется страшно обедневшее и не при чем находящееся дворянское сословие, особенно второго и третьего разряда? Безденежье скоро доконает и научит выходу: явятся адвокаты и учителя, а покамест они переговариваются и перекликаются по-французски на земских сходках. Но это уже последние могикане... Может быть, всеобщее то обеднение отчасти и пользу принесет. Правда, кто говорит, — и множество мошенников образуется» [8]. Можно предположить, что это был отклик на статью Ткачева.

Кроме обсуждения в «Наших домашних делах» судебного «Положения», во второй половине 1864 г. и в начале 1865 г. в «Эпохе» были помещены пять статей, знакомивших общественность с основами юридической теории и практики. Авторами были два брата — М. А. и О. А. Филипповы, очевидно, юристы-профессионалы. М. А. Филиппов активно сотрудничал в «Современнике» в 1859—1862 гг. и поместил в нем четыре статьи на тему «Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство» и четыре статьи на тему «Взгляд на русские гражданские законы». В «Эпохе» (1864 г., № 10) он напечатал статью «Об особых родах гражданского судопроизводства», в которой развивал мысль о необходимости единого общего порядка судопроизводства и изъятия тяжб из мест административных. В разделении судебных и административных властей он видел залог борьбы с злоупотреблениями, взяточничеством: «Правительство должно как можно ско-

---

[8] «Литературное наследство», т. 83, стр. 219.

рее дать понять народу, что между его стремлениями и действиями низших администраций и администраторов нет ничего общего; что оно все их двусмысленные действия передает суждению судебной палаты». Статья помечена как «первая», она заканчивалась сообщением, что «продолжение следует». Но его не последовало, а в ноябрьской книге в статье от редакции было объявлено: «Окончание статьи г-на Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства» не могло явиться в ноябрьской книге».

Объяснялось это вмешательством цензуры. Уже о первой статье, рассматривавшейся на заседании цензурного комитета от 25 ноября 1864 г., было определено: «дозволить ее к напечатанию, с исключением мест, несогласных с цензурными правилами». О второй же статье, рассматривавшейся 10 декабря, было записано: «Статья г. Филиппова об особых родах гражданского судопроизводства, в которой разъясняются положения, что 1) процессы против административных мест и лиц должны быть защищаемы в судах на общем основании, как и все частные иски и тяжбы, 2) что споры о казенном имуществе между министерствами должны представляться в Комитет министров или в суды и 3) что необходимо преобразовать духовный суд. *Определено*: не дозволять статьи к напечатанию, как заключающей резкую критику на недавно изданное законоположение» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, лл. 264 и 273).

Возможно, что М. А. Филиппову как специалисту по гражданскому судопроизводству принадлежит статья «О коммерческих судах и о делах торговой несостоятельности», «Эпоха», 1864, № 1—2. Автор статьи не указан. В ведомости гонораров она значится за Филипповым, но без инициалов. В этой статье, как и в предыдущей, автор ратует за уничтожение взяточничества. Ее основной материал — дела, возникающие в связи с торговыми «товариществами», акционерными обществами, банкротствами и т. д.

О. А. Филиппов[9], который поместил во «Времени» «Выдержки из русского законодательства», в № 12 «Эпохи» опубликовал статью «Мотивы русского уголовного права», сделав такое примечание к заглавию: «Судебная реформа вызывает наши народные силы к участию в юрисдикции. Но как многие из будущих деятелей незнакомы с «Уложением о наказаниях», то мы и взяли на себя труд изложить хотя главные его основания». В первом разделе «Смертная казнь» он решительно стоит за уничтожение этого вида наказания, не излагая своих аргументов, а отсылая к своей статье, напечатанной в «Русском слове» (за 1863, кн. 11

---

[9] О. А. Филиппов, судя по конторским книгам, принимал какое-то участие в сношениях редакции с типографией, исполнял разные поручения Ф. М. Достоевского, писал «Внутреннее обозрение», правда, не всегда удачно, как отметил Достоевский в письме к Порецкому.

и 12). Во втором разделе «Каторжные работы» он дает исторический очерк их происхождения и изменений; автор энергично выступает против клеймения, телесного наказания и бессрочной каторги, он требует равные наказания, независимо от сословности преступника, разного рода облегчения, которые ведут к его перевоспитанию: «Только при изложенных выше условиях и возможно некоторое примирение с каторжными работами, и то как с мерою переходною до совершенного уничтожения этой системы наказания, но не иначе, потому что каторжные работы составляют наносный пласт на нашей почве, чуждый русского духа, народных требований». Отметим, что, рисуя психологию каторжников, О. Филиппов подкрепляет свои соображения цитатой из «Записок из Мертвого дома».

Филиппов дает исторический очерк «ссылки на поселение», ее эволюцию от «опалы» и отсылок на отдаленную службу до современных пяти существующих ее разрядов. Он предлагает создавать из поселенцев трудовые ассоциации или общины с выборными старостами, с обязательным для всех личным трудом. Ему видится полное уничтожение паразитов, «неравноправности, недостатка средств к существованию, эксплуатации труда и других болезней экономических и социальных... Здесь, — писал он, — каждый член ассоциации, чувствуя себя звеном всей общины, — ее деятелем, на которого смотрит все общество, будет сдерживать свои дурные наклонности, чтобы над ним не разразилось общественное презрение, которое страшно для всякого человека...». Свою поселенческую утопию Филиппов заключает так: «Эта система может принести хорошие плоды еще потому, что между поселенцами уничтожены все сословные перегородки и бездны, лежащие между богатым и бедняком, трудом и капиталом, дававшим возможность бездарности и лени жить потовыми трудами бедняка».

Та же идея об исправлении преступника нормальным, здоровым трудом пронизывает и две статьи О. Филиппова, помещенные в двух книгах «Эпохи» за 1865 г., — «Мотивы исправительных наказаний» (январь) и «Системы русских исправительных наказаний» (февраль).

В первой из них О. А. Филиппов рассматривал так называемые пенициарную и оборнскую системы (системы одиночек, бездействия и молчания), распространенные в Америке и Западной Европе, и возмущался их «безобразием», так как они органически противны природе человека и могут его лишь озлоблять, доводить до сумасшествия, но не исправлять. Автор считал их особенно неприемлемыми для русского народа: при его исконно «*артельном* и *мировом* характере» «келейная» и «молчальная системы» были бы для него «изощренной пыткой». Во второй статье О. Филиппов резко критиковал состояние русских тюрем и решительно выступал против телесных наказаний, которые хотя de jure отменены в 1863 г., но de facto продолжают существовать.

Он развивал идею учреждения таких тюрем и с таким персоналом, которые способствовали бы внутреннему перевоспитанию преступников и возможности вернуть их к нормальной жизни (учение, мастерские и т. д.). Особенно это важно в отношении несовершеннолетних, «тем более, что в самой преступности отчасти виновата общественная совесть, не заботившаяся устранением мотивов к преступлению и охранению невинных детских душ и сердец от дурных примеров разврата».

Некоторый интерес для сопоставления с творчеством Достоевского представляют помещенные в «Эпохе» «Записки следователя» Н. М. Соколовского. Он сотрудничал во «Времени», после его закрытия поместил в октябре 1863 г. отрывок из «Записок» в «Современнике», а в 1866 г. издал «Острог и жизнь, из записок следователя» отдельной книгой. В очерках Соколовского не столько рассказывается о сложных историях раскрытия преступлений, сколько делается попытка проникнуть в психологию преступника, нарисовать его состояние, его поведение во время следствия. Автор делится своим опытом следователя-психолога. При этом нужно отметить его прекрасное знание и умение нарисовать разные социальные типы и картины как жизни столичных низов, так и провинциального мещанства и крестьянства. В очерке «Озорков» (1864, № 5) с большой симпатией выписана фигура рабочего крепостной фабрики, отданной помещиком в аренду купцу. Купец Чижов не только жестоко эксплуатирует прекрасного работника, но издевается над ним, ощущая его скрытый отпор, протест и ненависть: «Чижову хотелось сломить Озоркова как личность, выходящую из уровня забитых фабричных, как представителя недовольства и ропота. Неподатливо смелая фигура Озоркова колола глаза строгого «кулака»; озорковские вольные речи выводили из терпения арендатора. Почти с первого дня Чижов и Озорков возненавидели друг друга, стали готовиться к упорной борьбе». Озорков бежал, но продолжал следить за Чижовым и убил его, подкараулив его возвращение с деньгами из города. Озоркову удалось скрыться. Начавшееся следствие пошло по ложному пути, так как из села Озоркова явились три крестьянина и «признались», что они убийцы, хотя никакого отношения к убийству не имели. Чем объяснялось это их «признание», в очерке не сказано. Вскоре односельчанин Озоркова сообщил следствию о их непричастности к убийству и о подлинном убийце. Обнаруженный в Москве Озорков с большим достоинством держался при аресте и допросе, признавая свою месть за «нестерпимые обиды», которые терпел от Чижова, но не желал рассказывать о них подробнее. Эпизод с ложным признанием крестьян в убийстве, из которых один, «принеся повинную, побежал топиться» и его еле спасли, заставляет вспомнить рабочего Николая, приведшего своим признанием в смущение Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании», и рассказ последнего о том, как один «наклепал» на себя убийство.

В очерке «За городской чертой» (1864, № 11) преступником является подгородний мещанин, отрицавший свою вину и всячески затруднявший следствие. На допросе он заявил, что без ратмана его как мещанина допрашивать нельзя, он не будет отвечать. Вспомним требование Раскольникова допрашивать его по форме с депутатами, длительные рассуждения Порфирия о «формальностях», что форма — вздор, об игре «кошки с мышью», его характеристику поведения Раскольникова с полупризнаниями и отрицаниями.

У Соколовского следователь по поводу требования обвиняемого допрашивать его по форме «с ратманом» рассуждает о типичных особенностях психологии преступника: «Надо заметить, что из долгих наблюдений я вывел такое заключение (которое никогда не опровергалось): что когда допрашиваемый ратмана требует, депутатов разных, словом — начинает искать спасения в проволочке времени, в придирке к формам, то, во-первых, это показывает в нем бывалого человека, виды видавшего, а, во-вторых, дело нечистое. Невинный человек, заподозренный в преступлении, держит себя просто, опираясь более на суть дела, а не на формальную сторону его...» Далее Соколовский дает такую общую характеристику русского человека на допросе, близкую насмешливым высказываниям Порфирия по поводу Раскольникова: «Экой же вы вертун,... да с вами, батюшка, и не сладишь: мономания какая-то в вас засела...» Соколовский писал: «Я уже раз заявил, что русский человек плохо себя вообще держит (хотя есть, конечно, и блестящие исключения) при допросах: сноровки в нем нет, хитрости мало, заладит себе одно да и валяет; не видит, что в яму прямо лезет, обойти ее не умеет, к обстоятельствам подделаться не может, чтоб так выходило, что и виноват, да невиноват. Заперся да и баста! Солгать-то он солжет, только не тонким манером, больше все на широкую ногу. Для него ничего не значат противоречащие, уличающие его факты; он не хочет или не умеет к ним подлаживаться, хоть в этом подлаживании заключается все его спасение!» С беседой Порфирия с Раскольниковым вполне гармонирует общее заключение Соколовского о работе следователя: «Вообще я советую следователям крепкими нервами запастись: во многих драмах участником приходится быть; людские страдания воочию, как они есть на самом деле, перед тобой проходят. Часто приходится такие вздохи, такие судорожно-подавленные стоны слышать, что кровью сердце обливается, нестерпимо больно сожмется оно; здесь как в жизни... большие куши на карту ставятся, с замиранием, с трепетом следят за игрой...»

Напомним, что если очерки следователя, помещенные в «Эпохе», Ф. М. Достоевский читал осенью 1864 г., то он, весьма вероятно, мог иметь их в руках в начале 1866 г., когда они вышли в Петербурге отдельной книгой. В апреле этого года на них уже появилась рецензия в «Современнике», а встречи Рас-

кольникова с Порфирием (конец III части и части IV и VI романа) писались летом и осенью этого года.

Мы не нашли биографических сведений о Н. М. Соколовском, но по опубликованным им «Студенческим воспоминаниям» («Русское слово», 1863, № 5, стр. 1—43) можно заключить, что он родился в начале 30-х годов в небогатой провинциальной семье, кончил гимназию: «Я поступил в университет в 185... году... еще довольно задолго до окончания Крымской кампании». Судя по описанию университетского города, это была Казань, учился он на юридическом факультете. С ненавистью описывая первые годы студенчества, он благодарно вспоминал последний год, когда «пробуждение новой жизни в университете» вызвало среди студентов особый интерес к литературе, чтению, кружковую жизнь, девизом которой стало стихотворение Плещеева:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной...

Умер Н. М. Соколовский после 1900 г., к которому относится последняя известная нам его статья («Деревенская консультация. Очерки и наблюдения». — «Русское богатство», 1900, № 3).

Книга «Записки следователя» Соколовского открывается очерком «Скверные минуты». Это признание тяжести обязанностей следователя, перед которым ежедневно развертываются человеческие драмы, возникают раздумья о связи преступления с условиями жизни, о необходимости решить «проклятые вопросы» — «кто виноват?»: «Окончательное открытие следователя — только известная формула, выраженная дубово-канцелярским языком, но за нею скрыта вся жизненная суть, все те лихорадочно-страстные проявления борьбы, свидетелем которых бывает один только следователь. Эти последние не укладываются на бумагу, их не уловишь... Да, быть лицом к лицу с «преступником» нелегко: целая жизнь проходит перед вами... тогда он зеленеет весь, губы дрожать начинают, и все лицо выражает такую беспомощность, такое глубокое страдание, что... что я желаю вам как можно меньше видеть на своем веку таких физиономий».

Среди очерков, посвященных преступникам из крестьян, мещанства, особое место занимает рассказ «Из неподатливых» (стр. 303—342). Он был ранее напечатан в газете «Русь». В протоколе СПб.-цензурного комитета от 29 января 1864 г. читаем: «Статья под заглавием «Из неподатливых»: *Определено:* на основании доклада г. цензора дозволить статью к напечатанию, с исключением из нее резких мест, доложенных комитету» [10]. Очерк

---

[10] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 33; газета «Русь», 22 января 1864 г., № 4, СПб.; 29 января № 5. — *Н. Соколовский.* Из неподатливых. (Рассказ следователя).

посвящен анализу психологии особого преступника, бывшего студента, поэта и мыслителя.

«Щукинский был невысокого роста, с красивым, чрезвычайно подвижным лицом. Глаза были очень хороши у Щукинского: умные, смелые, взглянув в которые сразу поймешь, что этот человек никому и никогда спуску не давал, что на ногу наступать ему опасно. Лоб у Щукинского гладкий, открытый: мозговой лоб. Вообще все черты лица далеко не из дюжинных. Щукинскому не больше двадцати восьми-девяти лет...» «Попавшись в уличной истории с полицией», Щукинский был изгнан из университета, поступил на службу, но был уволен за грубость и дерзость с начальством, сидел в остроге за ядовитую эпиграмму и пощечину полицмейстеру, прославился «беспокойным характером» и, выпущенный, оставался под полицейским надзором. У него была прекрасная память, он пользовался приобретенными в университете знаниями, проникновенно переводил Гейне: «Горький отравленный смех Гейне сказался у острожного вовсе не так, как сказывается он обыкновенно в бесчисленных виршах отечественных ломателей бессмертного поэта».

На Щукинского пало подозрение в убийстве купца Носова, но его иронические ответы, уменье держать себя с полицией, защищаться от обвинений надолго затянуло следствие: «Он пускал в ход все: логику, насмешку, знания, способность группировать факты и т. п. ... он положительно сбивал всех с толку: сегодня следователям казалось, что Щукинский запутался совсем, что ему предстоит один только выход из темного лабиринта — признание в убийстве, назавтра же дело принимало другой оборот: Щукинский завязывал снова ожесточенную борьбу и выходил из нее сильнее, чем прежде».

И все же, как утверждал автор, несмотря на мастерскую защиту, на отсутствие предубеждения у следователей, последние были уверены в виновности Щукинского, которая и была потом доказана. Соколовский сделал попытку на основании почти дружеских бесед с Щукинским показать истоки его поведения: «Эти люди говорят: количество всего имеющегося устроило жизнь так, что она должна покончиться не добром, стало быть и все имеющееся, как принимавшее участие в развязке, негодно; сознавая свои собственные, хотя и надломленные силы, они в своем *я* видят начало и конец разрешения; суд и проговор других для них не существует... Его постоянно лихорадочно раздражало неравенство прав, обязанностей и возмездия; в своих оправданиях он постоянно опирался на кодекс безобразно исковерканных понятий, он проводил параллель и спрашивал: что лучше? где разница?» Он признавался в своем презрении к людям, в своей злобе на всех, стремился философски их обосновать и был при этом уверен «в своей обреченности», в том, что «добром не кончит».

Вспомним, как писал Достоевский девятую книгу «Братьев Карамазовых» — «Предварительное следствие», которая появи-

лась как результат советов и бесед с «одним прокурором (большим практиком)». Достоевский позднее считал необходимым перед публикацией перечитать ему «написанное, чтоб не случилось какой важной ошибки или абсурда в изложении» «Предварительного следствия», хотя он «писал его, все время советуясь с этим же прокурором». По нашему мнению, есть все основания поставить вопрос: не сыграл ли ту же роль в 1860-х годах хорошо знакомый лично Достоевскому следователь Н. М. Соколовский и выпущенная им в начале 1866 г. книга? В черновиках романа мы находим лишь одну наводящую на эту мысль запись: «Капитальное. NB. Порядок такой: 1) Сначала Порфирий допрашивает о пустяках. 2) Затем донос мещанина. Порфирий арестует... 5) Между тем за Раскольникова хлопочут. Его выпускают из-под следствия (NB. Это можно ли сделать?)».

Как известно, этот план Достоевским был отброшен [11].

Отметим, что общение Достоевского с Н. М. Соколовским было в 1864—1865 гг. очень интенсивным. Кроме четырех напечатанных в «Эпохе» очерков следователя, он предполагал в последней, февральской книге за 1865 г. напечатать еще один, который не пропустила цензура. В протоколе заседания цензурного комитета от 3 февраля 1865 г. по докладу цензора Лебедева по журналу «Эпоха» записано: «Записки следователя. — Последний из могикан», статья Соколовского; в ней излагается, как палач, с наслаждением отправлявший свою службу и пользовавшийся почетом, в отставке от всеобщего презрения и насмешек нигде не мог найти себе пристанища и, убивши мужа своей любовницы, подвергся гонению в остроге, где прежде боялись его. В статье изображается самыми яркими красками картина телесного наказания и резко представляется общее презрение к палачу как орудию правосудия. *Определили*: согласно с мнением цензора статью к напечатанию запретить» [12].

Н. М. Соколовский поместил в «Эпохе» (1864, № 1—2) очерк «Больницы, их администрация и хозяйство». Тема о медицинском обслуживании народа поднималась во «Времени» и была близка братьям Достоевским, выросшим в семье врача «больницы для бедных». Не считая себя специалистом, Соколовский не касается медицинской деятельности врачей, но вскрывает порочность их административно-хозяйственной организации. В ней все построено на «хищениях» — от «публичных торгов» на ремонт, на дрова, белье, освещение, продовольствие до мелкого жульничества (даже на мертвецах). Наживается вся администрация, весь персонал, а население смотрит на больницы со страхом и «только в случае крайней нужды идет лечиться в них». Соколовский считает, что если будет организован публичный контроль, то на

---

[11] Письма, т. IV, стр. 118 и 127; «Преступление и наказание». М., «Наука», 1970, стр. 569.

[12] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 509, л. 40.

те же деньги возможна организация в больницах здорового быта и питания. «Представьте обществу только право следить за действиями больничных деятелей, и, поверьте, — оно окажется страшно ревнивым к своим интересам...» Нужно, «чтобы все общество, не входя в стены больницы, знало бы все, что за ними творится, оно бы невидимо присутствовало при каждом распоряжении больничного начальства, знало бы каждую жалобу, приносимую на него, было бы уверено, что за нарушение доверенности виновники подвергнуты наказаниям, соответствующим их вине». Соколовский верил, что среди медиков есть «люди в высокой степени честные, благородные, с негодованием смотрящие на неблаговидные проделки» [13].

В том же сдвоенном номере «Эпохи» М. М. Достоевский поместил очерк П. Горского «Бедные жильцы. В больнице и на морозе». Продолжая цикл, начатый во «Времени», Горский беспощадно обличал лицемерие, ложь больничных «филантропов», которые обогащаются на украденные у нищих больных деньги. Обличение больничных порядков переходит у Горского в обвинительный акт всей «Северной Пальмире», в которой возможны такие случаи, как ночевка выписанного из больницы в тридцатиградусный мороз в канаве под мостом. «Загляните в демидовский дом трудящихся, когда бедным раздают пищу, так вы увидите, как процветает наша Северная Пальмира... Пройдитесь по Спасскому, Конному переулку, по всем улицам, группирующимся между Невским и Вознесенским, около Садовой, так вы не можете не убедиться, какое ужасающее количество бедняков обитает в столице».

Остановимся еще на одной теме, которая, по нашему мнению, планировалась самим Ф. М. Достоевским и была как-то связана с его идеей о значении для государства азиатских территорий, идеей, может быть, зародившейся еще во время его жизни в Семипалатинске и Кузнецке и нашедшей яркое выражение в последнем выпуске «Дневника писателя» (1881): «Азия — да ведь это, и впрямь, может быть наш исход в нашем будущем... и если б совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — какой корень был тогда оздоровлен!»

В декабрьской книге Достоевский поместил по поводу «Географическо-статистического словаря Российского императорского общества» (вып. 1—6, 1862—1864) статью Н. Воронова «Одна из настоятельных потребностей для многочисленного изучения России». Автор считает, что словарь плохо удовлетворяет потребностям широкой публики, желающей знать свою родину, давая лишь сухие статистические сведения для справок. Он предлагает создать «русскую дорожную книгу», в которой, кроме

[13] В заседании цензурного комитета от 15 февраля 1864 г. статья Н. М. Соколовского о больницах была «дозволена к напечатанию с исключением из нее резких мест» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 50).

справочного материала, были бы сведения исторические, этнографические, археологические, естественнонаучные, бытовые, чтобы местности характеризовались собранием выдержек из научных сочинений, из художественной литературы, чтобы такая книга помогала не только путешественникам, но и тем, кто, сидя дома, хотел бы знакомиться с родиной. Особое внимание Н. Воронов уделил «нашей колонизации», т. е. обживанию территории, занятой местным населением. Обращает на себя внимание уважительное, гуманное отношение к нему; автор пишет о роли, которую должны играть русские в этом процессе: «Успехи дальнейшей нашей колонизации, каково бы ни было ее прошлое, несомненно, требуют от нас наибольшего знакомства с местом предстоящих нам успехов или неудач на этом поле; так или иначе, но мы пришли в соприкосновение с инородцами и они делаются нашими братьями по обществу, нашими согражданами по государству. И вот на нас падает обязанность разгадать вполне весь общественный склад инородческого племени, т. е. изучить весь организм во всех его проявлениях и в причинах этих проявлений, отличить части его, полные жизни, от частей, отживших свое и поддерживаемых лишь обстоятельствами, посторонними самому организму... Только, изучивши до подробности нравы и обычаи этого инородческого племени, мы вправе надеяться на прочность слияния его с нами, на помощь от его свежих непочатых еще политическою жизнью сил, а также на то, что и оно в свою очередь не встретит в нас тех ярых цивилизаторов, которым нипочем никакая ломка в общественном складе быта, выработанного веками...»

Возможно, что Н. Воронов, развивая идею создания «русской дорожной книги», предполагал участвовать в ее составлении. В ноябрьской книге «Эпохи» он поместил очерк «Долина Риона. Из путевых воспоминаний», в котором даются и исторические и этнографические сведения с рядом библиографических ссылок, и обильные личные впечатления от природы и местных жителей, и соображения по поводу возможностей для сельского хозяйства и промышленности. Но этот очерк, проникнутый сочувствием к «бедным пририонским обитателям» и, несомненно, построенный на изучении соответствующей научной литературы, все же напоминает очерк туриста, посетившего «русскую Бразилию».

Иной характер имеет большая статья М. Иванина о киргизах-кочевниках в заволжских степях от Урала до Каспийского моря. Она называется «Внутренняя, или Букеевская киргизская орда». Ее автор — генерал-лейтенант М. И. Иванин, член военно-ученого комитета, автор труда о военном искусстве и завоеваниях монголо-татарии Чингис-ханом, в течение трех лет (с 1854 г.) был управляющим Внутренней киргизской ордой, собрал много сведений и хотел поделиться ими, не претендуя на литературность изложения. Автор сообщал статистические сведения о числе кочевников, кибиток, скота, о характере управления ордой ха-

нами, о существующих обычаях, судах, налогах, злоупотреблениях, о волнениях при межевании земель, при назначении податей с ханов и мулл. Основная мысль автора заключается в том, что можно избежать и голода, и падежа скота, и возмущений, и злоупотреблений, если лучше знать народ: «Из описания последних событий во Внутренней орде, — писал автор, — мне кажется, можно заключить, что мы не знаем хорошо ни свойств, ни обычаев, ни степени образования, ни наклонностей, ни стремлений подвластных нам племен... Чтоб Внутренняя орда была полезна в государственном отношении, для нее нужен хороший хозяин, который сумел бы постигнуть быт кочевого народа и приобрел бы его доверие и, таким образом, имел бы возможность приступить к значительным преобразованиям, необходимым для улучшения хозяйства киргизов... Долговременный опыт уже показал нам, что самые деятельные полицейские меры к прекращению заразы <скота> без сознания в пользе их самого народа бывают недействительны и только кажутся народу напрасным стеснением. Потому, еще повторяю, что образование народа есть самое верное средство к прекращению заразительных болезней скота; а с образованием уменьшится и пьянство, улучшится и нравственность и увеличится благосостояние народа, а тогда явятся и охота и возможность и средства к устройству искусственного орошения, что и даст возможность ввести травосеяние на юго-востоке России в больших размерах...»

Помещение этой специальной статьи в «Эпохе» кажется нам данью Ф. М. Достоевского памяти его друга Ч. Валиханова и годам, проведенным в степях Сибири.

Мы закончим эту главу рассмотрением откликов «Эпохи» на тему, сыгравшую в жизни изданий Достоевских роковую роль. Постоянное возвращение к ней особенно заметно в первое полугодие выхода «Эпохи», когда, казалось, не было у нее более актуальной, более животрепещущей темы, как польские дела. «Вопрос о Польше принадлежит внутренней, а не международной политике», — заявлял обозреватель «Эпохи» в декабрьской книге.

Готовя первую сдвоенную книжку журнала, М. М. Достоевский поместил в ней (без подписи) статью «Что такое польские восстания» (стр. 59). Есть все основания предполагать, что она была написана А. Е. Разиным. Лишь закончив ее, он предполагал приступить к работе над внутренним и иностранным обозрением [14].

Три четверти статьи автор отдал историческому введению (что было вполне в духе статей Разина), где рассматривалось прошлое Польши с точки зрения роста в ней власти магнатов: «Это была даже не федерация, а только жительство многих отдельных, независимых друг от друга деспотов... Сто или пол-

---

[14] О Разине и его участии в «Эпохе» см. далее в гл. IV, стр. 73—74.

тораста магнатов были в самом деле свободны; но все остальное население края принуждено было ползать перед ясновельможными и вполне зависело от их произвола». Рассказывая историю Польши конца XVIII и первой половины XIX в., Разин стремился показать, какую роль в польских восстаниях играли шляхетская выгода, привилегии, «гонор» шляхты и ее личные интересы. Обнаруживал Разин и связи восстания с политическими интригами западных держав против России, с происками католической церкви и ее влиянием. В последнем восстании Разин видел враждебность польских панов к крестьянской реформе и особенно подчеркивал тяжелое положение православных «хлопов» в рабстве у магнатов и ксендзов.

Ничего не говоря о подавленном силой и залитом кровью восстании, Разин считал, что «одной из самых важных мер» для ликвидации повстанчества будет «подписанный нынешнего 19 февраля указ «Об устройстве крестьянского сословия в царстве Польском». По его мнению, этот указ, надлежащим образом исполненный, совершенно преобразит всю Польшу, она переродится. Хлопы не только получат гражданские права, но и землю, которая будет выкуплена у помещиков; вместо нынешних шести тысяч землевладельцев явится их несколько сот тысяч, и условия гражданского быта изменятся самым неузнаваемым образом. «Бесправные хлопы исполняли все требования господ, сочувствующих восстанию. Теперь у них будут права и свое собственное имущество, и панам не так удобно будет распоряжаться ими, и, что всего важнее, они увидят, что законное русское правительство для них несравненно благоприятнее панства. Надо надеяться, что крестьянское сословие, уже и теперь ненавидящее своих панов, под впечатлением благодеяния, полученного от законного правительства, будет ему предано душою и телом».

Наверное, по заказу редакции сотрудник Долгомостьев приготовил компиляцию вышедшего в Петербурге в 1863 г. перевода с немецкого сочинения Ф. Смита «История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов». Статья Долгомостьева (принадлежность устанавливается по гонорарным ведомостям) была помещена в февральской, мартовской и апрельской книгах (более 90 страниц). В первой статье дано предисловие, вероятно, написанное Долгомостьевым: «Критически отнестись к этому труду мы не намерены, так как это пока почти единственный источник, из которого мы можем почерпнуть более достоверные сведения о июльской революции 1830—1831 годов. Поэтому мы ограничимся простой передачей содержания, интересного не только потому, что вся вообще история этого восстания (особенно в Литве) чрезвычайно похожа на историю нынешнего восстания в Польше, но и потому, что она передана нам автором, который был, по-видимому, очевидцем многих из описываемых им событий, а о прочих событиях заимствовал сведения из наиболее достоверных источников». Изложение изобилует цитатами и эк-

скурсами в историю Польши с конца XVIII в. Особенно много внимания отводится времени Александра I, истории польской конституции и первых сеймов, росту тайных политических организаций и их деятелям, особенно Чарторижским и Лелевелю, а также связи с общеевропейским революционным движением, нашедшим выражение в июльской революции во Франции. Излагая подробно во второй статье военные действия, компилятор останавливается на рассказе о внутренних несогласиях среди руководителей восстания, образовавшихся политических партиях, об отсутствии единого фронта, что обнаружилось при предложении революционной партией освобождения крестьян с землей, и резко отрицательное отношение к этому предложению польских магнатов. Несомненно, что автор компиляции все время имеет в виду вопросы, актуальные для 1864 г., вставляя иногда прямые ссылки на последние события.

Основная мысль автора та же, что в статье Разина. Восстание организовано панами с католическим духовенством, а народ, если и восставал, то не против правительства, а против польских панов — землевладельцев.

Нужно здесь сказать еще о третьей, связанной с польским восстанием статье, которая должна была появиться в первой книжке «Эпохи». Ее автор, Страхов, по его словам, «рвался заявить свой патриотизм и снять с себя обидное обвинение». Он написал статью под названием «Перелом». И он и М. М. Достоевский хотели ее провести как статью редакционную [15]. Однако статья Страхова в «Эпохе» не появилась, и была напечатана только в 1890 г. в сборнике его статей [16] с таким заглавием — «Ряд статей о русской литературе (1864). Статья первая. Перелом. (Не было напечатано)». В конце статьи помещена справка: «Написано для первой книги „Эпохи“ 1864».

Можно думать, что М. М. Достоевский писал брату, не читая статьи Страхова, так как в ней речь шла вовсе не «о народности в нашей литературе», как он сообщал в письме, а о настроении русского общества до петербургских пожаров и главным образом о польском восстании. Время до пожаров, писал Страхов, было кипучее время господства идей отвлеченных, далеких от действительности, доходящих до фантастической неестественности. «Польское дело разбудило и отрезвило» общество, вызвало раздумье и колебание. Вместо идей — факты, вместо мечты — события, «кровь и плоть живая людей». Автор считает, что события объединили общество и народ в одну семью. Далее Страхов, как в «Роковом вопросе», представлял как бы анализ того, что думают и говорят поляки о своем превосходстве, их гордость своей историей и цивилизацией. Но решительнее и подробнее, чем

---

[15] *Н. Н. Страхов*. Воспоминания, стр. 269. См. об этой статье в гл. II, стр. 25.

[16] Сб. «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки», кн. 2. Изд. 2. СПб., 1890, стр. 147—175.

в «Роковом вопросе», Страхов развивал мысль о преимуществе духовных сил России в ее борьбе с Польшей. Повторяя то, что он писал об отношении Европы к восстанию, Страхов в новой статье отвел главное место связи «польского дела с крестьянским как о его необходимом следствии». Он характеризовал восстание как «шляхетское», «противонародное», целиком повторяя позицию славянофильского «Дня», прямо на него ссылаясь: «Польское дело застало врасплох наше общество и нашу литературу... Только «День» открыл и объяснил, что делается в Западном крае. А Петербург не находил языка, слов, чтобы откликнуться, когда уже обнаружилась действительность. Стали повторять слова москвичей, «Московских ведомостей» и «Дня». Только их голос был слышен».

Страхов довольно неожиданно закончил статью жалобой на то, что русская литература носит тяжелые путы, «кандалы на ногах», т. е. что ее стесняет цензура. «Поэтому надежда на свободу слова составляет одно из самых сильных и живых чувств настоящей минуты».

Через двадцать пять лет Страхов вспоминал: «Мою статью «Перелом» запретила напуганная цензура, вообще очень подозрительно следившая за «Эпохой», а меня считавшая чрезвычайно опасным, так что не пропускала тех самых моих статей, в которых я рвался заявить свой патриотизм и снять с себя обидное обвинение».

Сохранившиеся архивные материалы раскрывают историю рассмотрения этой статьи Страхова. Запрещенная Петербургским цензурным комитетом к напечатанию, она была, «согласно ходатайству автора», представлена в Совет по делам книгопечатания в корректурных листах в сопровождении докладной записки председателя цензурного комитета М. Н. Турунова, в которой он писал: «В настоящей статье г. Страхов выставляет те же основные данные, какие выставлены им в его же статье, помещенной в жур. «Время» под заглавием «Роковой вопрос» (1863 г., апр.). И там и здесь различие культур лежит в основании борьбы, но в статье «Перелом» нет тех резких выражений и суждений о нашем народном развитии, как в «Роковом вопросе»... Признавая, что основные положения обеих статей общие, Цензурный комитет не считает возможным дозволить вторую статью к печати».

Далее следуют изложения мнений членов Совета по делам книгопечатания: ординарного академика Никитенко, который считал возможным, исключив некоторые места, напечатать статью, так как в ней автор «выдвинул навстречу польским претензиям наши настоящие великие национальные силы и в борьбе с ними дал нам почувствовать, что в этих силах, в развитии их лежит основание нашего законного преобладания над чуждою враждебною нам народностью». Другой член Совета, соглашаясь с Никитенко, предлагал исключить еще конец статьи, где говорилось о «путах» печати, т. е. цензуре, а два последних члена

высказались за запрещение, так как видели у автора «софисмы», «вымышленные автором мнимые истины, созданные кабинетным воображением», и подозревали у автора скрытое предпочтение польской культуры. В результате в Петербургский цензурный комитет 28 мая 1864 г. было послано уведомление Совета по делам книгопечатания о том, что министр внутренних дел по выслушании заключения Совета не признал возможным дозволить к напечатанию статью «Перелом». На заседании цензурного комитета 30 мая было определено: «принять к сведению и уведомить автора статьи г. Страхова»[17].

Помещая в дальнейшем в «Эпохе» «Заметки летописца», Страхов возвращался в них к польскому вопросу, не забывая о пережитых репрессиях. Так, в мартовской книге он поместил главку «Член жонда в нашей журналистике», где привел большую цитату из «Московских ведомостей» с добавлением от себя: «Многое тут конечно справедливо, и читатели без сомнения легко отделят искажение, порожденное незнанием и увлечением, от верных черт». В июньской книге Страхов пересказал в краткой форме запрещенную статью «Перелом» в главке под выразительным заголовком «Славянофилы победили». Он писал, что «*в последние два года*» в настроении общества и в литературе произошли «глубокие перемены», и давал сочувственную оценку позиции «Дня», «Русского вестника» и «Московских ведомостей». «Перемены» он связывал с польским вопросом, который столкнул проснувшееся общество с действительностью, пробудил чувство народности, вызвал к действию «все внутренние силы, весь наш исторический организм». Большую роль при этом сыграл «День», который Страхов не уставал восхвалять. Провозглашая лозунг — «славянофилы победили», Страхов видел их победу в развеянии ложных теорий и сближении общества с задачами текущей жизни.

К польскому вопросу, хотя и не систематически, обращались и авторы «Наших домашних дел». В духе страховского «перелома» упоминается польское восстание в июньском обозрении, где оно оценивается как «лекарство нашему обществу» от пустых теорий и как средство возвращения к действительности, к почве. В том же обозрении, вероятно, по материалам писем Разина из Польши, говорится о значении получения польскими крестьянами экономической независимости, земли, прав выбора войтов, но говорится также и о «преувеличенных их надеждах на панскую землю», что может затруднить проведение реформы. Обозреватель «Эпохи» озабочен проблемой реформы образования в Польше, вопросом, на каком языке будет вестись преподавание в Варшавском университете, опасаясь «ополячения» русских и литовских студентов. Опасается он и использования поляками «брожения» в русской общественной жизни в своих интересах.

---

[17] ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, д. № 37, начато 5 мая 1864 г.; ф. 777, оп. 2, ед. хр. 508, л. 133 об.

В ноябрьской книжке обозреватель вновь возвращается к тяжелому положению польских хлопов, почти «илотов», осуждает презрение шляхты к личному достоинству крестьян, ее жестокость и безнаказанность. Обозреватель резко выступает против иностранной прессы, которая старается земельную реформу в Польше представить как уничтожение польской национальности, как подавление образованных классов низшими. В то время как Россия, заботясь о массе народа и условиях его жизни, идет по пути прогресса, Европа защищает «интересы аристократии».

Многочисленные высказывания «Эпохи» по польскому вопросу свидетельствуют о том, как памятна была журналу недавняя катастрофа, как явно старалась редакция защититься от возведенных на нее обвинений в полонизме, антипатриотизме и восстановить доверие к себе правительства. С этой тенденцией связано было и помещение в журнале двух художественных произведений — в четвертой книге 1864 г. (на 134 страницах) Полонского «Разлад. Сцены из последнего польского восстания», а в первой книге 1865 г. — драмы Н. Чаева «Дмитрий Самозванец» (стр. 1—104). В этих произведениях резко критикуется польская шляхта и высоко оценивается патриотизм русского народа.

В заключение мы можем лишь указать на статью об Остзейских провинциях, которую Ф. М. Достоевский предполагал поместить в последних книгах «Эпохи», но которая была запрещена цензурой. Автор ее неизвестен, а о содержании можно судить по следующей записи в протоколе заседания цензурного комитета (январь 1865 г.) по докладу цензора Лебедева: «Для журнала «Эпоха». В «Повествовании о том, как уничтожалось крепостное право в Остзейских провинциях и что из того произошло?» на основании трех изданных за границею брошюр изложено, как туземцы лишены были права на землю искателями приключений под знаменами ордена меченосцев, и как дворяне постоянно успевали парализировать распоряжения правительства, особенно русского, к существенному улучшению быта поселян, доведенных на деле до крайней степени стеснения при видимой, однако ж, обстановке их положения учреждениями, по-видимому, облегчающими их быт.

Определено: хотя статья эта и была дозволена к печати в журнале «Время» в июле 1862 г., но, принимая в основание последующие распоряжения по цензуре: запрещать статьи, могущие возбудить ненависть одного сословия к другому, на основании доклада цензора, статью как содержащую много данных, противных последним распоряжениям, к напечатанию в настоящее время запретить» [18].

---

[18] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 509, л. 17.

Глава IV

Политическое обозрение. Очерки иностранной жизни

Аккуратно, из месяца в месяц, от первой до последней книги журнала «Время» в нем помещалось «Политическое обозрение», которое писал один человек, выработавший свою систему и манеру изложения, очень живую, популярную, ясно отражавшую его принципиальную позицию в излагаемом вопросе. Это был Алексей Егорович Разин, которого высоко ценила редакция журнала, передавшая ему в конце 1862 г. и отдел внутреннего обозрения[1]. Есть основания думать, что и в «Эпохе» редакция рассчитывала на продолжение его сотрудничества по обоим разделам.

По сохранившимся письмам Разина к М. М. Достоевскому и по гонорарным книгам мы знаем, что в начале года он брал у редакции вперед крупную сумму и потом расплачивался за нее статьями[2]. Так было и при организации журнала «Эпоха». 30 декабря 1863 г. Разин, получив от М. М. Достоевского 150 руб. и обещание выдать еще столько же, писал ему: «Я этого — по гроб жизни не забуду». Он просил сообщить, может ли он за деньгами приехать в Петербург, так как жил в Любани. М. М. Достоевский послал ему еще 150 руб. и записал в расходную книгу под 12 февраля 1864 г.: «Разину — 300 руб.». Разин стал готовить для первой книги журнала статью, о которой сообщал из Любани 24 февраля 1864 г.: «Посылаю Вам окончание статьи своей, . . я еще не в состоянии отсюда вырваться, чтобы повидаться с Вами, прошу Вас уведомить меня, успею ли я еще до выхода Вашей книжки написать что-нибудь или из иностранной политики, или из внутренних дел. Мне очень бы хотелось эти несколько дней, вероятно, всю масленицу, утилизировать для того, чтобы как можно больше сделать дела, а потом отправиться в Питер, чтобы освежиться».

Это письмо подтверждает предположение, что Разин должен был в «Эпохе» вести два отдела. По нашему предположению, Разин сообщал в письмах о статье «Что такое польское восстание», помещенной в № 1 без подписи (см. об этом предыдущую главу).

[1] См. нашу книгу о журнале «Время», стр. 58—62, 155—174.

[2] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. Достоевского, II, 8, 7. Января 19 1862 г. выдано Разину вперед 300 руб. См. расчет по ним в письме к М. М. Достоевскому от 11 июля 1862 г.

Ни политического, ни внутреннего обозрения Разин для первой книги не написал, так как, очевидно, неожиданно в его жизни произошла решительная перемена. Через десять дней после цитированного выше письма он оказался на службе в Варшаве, в связи с проведением в Польше крестьянской реформы по указу 19 февраля 1864 г. Политические обстоятельства вынудили царское правительство провести аграрную реформу в Польше на более широких основаниях, дать крестьянам в собственность обрабатываемую ими землю, чтобы отвлечь их от участия в восстании. 16 марта Разин писал Михаилу Михайловичу: «Я в Варшаве по крестьянскому делу и освобождению хлопов и наделению их панскою землей. Это великолепное дело...» Сообщал Разин, что 4 марта проезжал через Питер, но не мог зайти, что одиннадцатый день живет в «мятежном городе», встречает «тысячи неприязненных взглядов» и «начал схватывать здешний couleur locale». Он просил прислать номер «Эпохи» и подсчитать, сколько он еще должен журналу. Он хотел бы остаться его сотрудником и надеялся «сообщать совершенно живую верную картину того, что здесь делается», но опасается, что сделает с его рассказом цензура: «Может быть, Вы не прочь и сохранить меня своим сотрудником. Наша здешняя работа по наделу хлопов землей представит тысячи любопытнейших встреч, столкновений, споров, и польский характер обрисуется со временем в широкой картине»,— писал он.

Федор Михайлович был поражен вестью об отъезде Разина и о потере его как ведущего сотрудника по политическому обозрению. 20 марта он писал брату: «Известие о Разине меня обухом по лбу хватило. Ну, что теперь делать? Кому-нибудь нельзя дать отдел. Мое мнение — лучше ограничиться перечнем событий с присовокуплением какого-нибудь (политического) письма в редакцию о чем-нибудь частном и политических делах. Если тебя не давит дело, почему бы тебе не составить хоть на один только март политического отдела? Можно и не все писать, а частными вопросами заняться и его отделать. Боюсь, что поручишь какому-нибудь бродячему господину, по необходимости. Лучше ничего, чем такой господин...» [3] В ответ на сожаления Ф. М. Достоевского Михаил Михайлович сообщил ему о получении (выше цитированного) письма Разина из Варшавы: «Разина, конечно, не скоро заменишь. Кстати, я получил от него письмо. Он предлагает писать в «Эпоху» корреспонденции из Варшавы, по поводу тамошнего крестьянского дела. Он и поехал-то туда, чтобы быть одним из приводителей его в исполнение. Корреспонденции его могут быть в высшей степени интересны. Таким образом потеря в одном отделе может с лихвою вознаградиться в другом» [4].

Кажется несколько наивным это рассуждение Михаила Михайловича. Couleur locale Польши 1864 г., да еще в изложении

---

[3] Письма, т. II, стр. 613—614.

[4] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1938, стр. 550.

Разина, в опальном журнале при свирепой цензуре появиться никак не мог. Мы ничего не знаем о дальнейших отношениях Достоевского с Разиным: ни в «Эпохе», ни в гонорарных ведомостях имя его не встречается [5]. Только в своем «Примечании» к письмам А. А. Григорьева, опубликованном в «Эпохе», Достоевский вспоминал о «весьма талантливо» составлявшихся во «Времени» «замечательным сотрудником» политических обозрениях и о трудностях найти подобных сотрудников «начинающему журналу. Уж довольно того, что журнал ищет этих людей и сознает их необходимость» [6].

М. М. Достоевскому не удалось найти заместителя Разину, и в изданных им пяти книжках «Эпохи» не было ни политического обозрения, ни внутренних известий. Когда Ф. М. Достоевский взял в свои руки издание журнала, то вопрос о политическом обозревателе встал перед ним со всей остротой: отсутствие политического обозрения в «литературно-политическом» журнале, как именовалась «Эпоха», далее не могло быть терпимо. В это время он договаривался о сотрудничестве с А. А. Головачевым, статью которого «О средствах к отвращению затруднений нашего денежного рынка» М. М. Достоевский поместил в мартовской книге «Эпохи» [7]. Головачев представил Ф. М. Достоевскому статью о классическом образовании, которую тот отверг, так как у него возник ряд возражений и по существу и по характеру изложения. Это мы узнаем из более поздних писем Головачева к Достоевскому, когда последний, очевидно, предложил Головачеву взять на себя политическое обозрение для августовской книги. Полученное обозрение также вызвало ряд замечаний у Достоевского, о чем он писал Головачеву в недошедшем до нас письме от 2—3 сентября [8]. Головачев отвечал ему лишь 15 сентября, извинившись в запоздании, так как был в отъезде. Его письмо раскрывает разногласия между ним и редактором: «Вы говорите о внешности взгляда; но в этом случае я не хотел именно обратить внимание на внутреннюю разницу, потому что в статье моей о классическом образовании была проведена мысль о разности нашей цивилизации от западноевропейской, но вы забраковали ее, и потому я избегал этого». И далее шла

---

[5] Из письма Ф. М. Достоевского к П. А. Исаеву (май 1867 г.) мы узнаем, что Разин вернул вдове М. М. Достоевского 400 руб. долга, очевидно, взятые авансом по журналу, и это явилось большим подспорьем семье. А 1/12 июля 1867 г. Достоевский писал Э. Ф. Достоевской: «Хорошо кабы Разин отдал еще хоть 100 руб. (больше он не даст и рассчитывать, по-моему, нечего. Хорошо и это)». Письма, т. II, стр. 22—23.

[6] *Достоевский*, т. XIII, стр. 352.

[7] В Записной книжке Ф. М. Достоевского 1863—1864 г. на первой странице записан адрес: «В Москве, на Живодерке, дом Глаголевой, Алексею Андреяновичу Головачеву» («Литературное наследство», т. 83, стр. 171).

[8] «2 ‹сентября›. Письмо Головачеву. 3 ‹сентября› Головачеву письмо и деньги» («Литературное наследство», т. 83, стр. 202). Письма А. А. Головачева Достоевскому. Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 2, 98.

речь о каких-то несогласиях редактора и сотрудника: «Впрочем, я вам очень благодарен, что вы сообщили мне ваши замечания о недостатках статьи, только жаль, что не вполне. Вообще со стороны все недостатки виднее, и потому желал бы более подробно выслушать ваше мнение. Что касается до выборки из моей статьи, то предоставляю вам полное право распорядиться с нею как вам угодно [9]. Жалею только, что мы не сходимся в мнениях по поводу, вероятно, свободной торговли. Если бы мы побольше лично потолковали об этом вопросе, то я надеюсь, что вы согласились бы со мною, тем более что все эти мысли суть не что иное, как логический вывод из тех положений, с которыми вы соглашались» [10].

Вероятно, отвечая на предложение Достоевского, Головачев писал далее: «По политическому обозрению попробую написать еще статью, в которой конечно поговорю и о речи Персиньи. Вопрос о децентрализации очень важен у нас, чтобы пройти молчанием толкование его со стороны французских государственных людей». Сообщал Головачев и о своих соображениях по поводу других тем «Обозрения» и запрашивал мнение Достоевского: «Потрудитесь мне сказать, можно ли говорить о греческой конституции в таком тоне, что, по-видимому, Греции суждено другой раз явить истинный свет миру? Кажется, что это будет самая либеральная конституция в Европе. Черкните об этом хоть два слова».

Разногласия с Головачевым не помешали опубликованию в августовской книжке его первого политического обозрения, хотя, несомненно, Достоевский в чем-то «исправил» его. 4 сентября Достоевский пометил в записной тетради: «Статью Аверкиева в типографию (немедленно). «Политическое обозрение» не забыть тоже в типографию скорее». 19 сентября записал: «Исправить «Записки мирового посредника и политическое обозрение». А 3 октября такая помета: «Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением» [11]. Августовская книжка вышла только 27 октября, а Достоевский продолжал, очевидно, сомневаться в приглашенном политическом обозревателе.

---

[9] Выше, в гл. III, мы отмечали в июньских «Домашних делах» концовку с восхвалением бюджета Англии (стр. 40). Не попала ли она туда как «выборка» из «Политического обозрения» Головачева? (ценз. разр. кн. VI — 20 августа).

[10] Вопросу о «свободной торговле» были посвящены несколько статей во «Времени» (Шилля, Фукса и Разина), в которых доказывался ее вред для России в этот период. См. кн. «Время», гл. V.

[11] «Литературное наследство», т. 83, стр. 204. Следующие сведения о А. А. Головачеве (1819—1903) до какой-то степени освещают назревавший конфликт между редактором и сотрудником. В конце 1850-х годов Головачев был, вместе с Унковским и Европеусом, видным деятелем либеральной оппозиции, в Тверской губернии по вопросу освобождения крестьян с землей, а далее работал в Тверском земстве. Давний друг Щедрина и Некрасова, он стал сотрудником в их «Отечественных записках», где с 1875 г. вел общественную хронику «Мысли вслух». — «Литературное наследство», т. 51—52, ч. II, стр. 215—217.

Между тем Головачев продолжал работать для сентябрьской книги «Эпохи» над «Политическим обозрением» и обращался 14 октября с новым запросом об отношении Ф. М. Достоевского к речам Гладстона: «Последние газеты принесли нам известия о речах Гладстона, не говорить об них в политическом обозрении неловко. Но все они проникнуты пользой свободной торговли, а этого мнения вы не разделяете. Что же касается меня, то я не могу говорить об них иначе, как с сочувствием. Потрудитесь их прочитать хорошенько, вглядитесь в настоящее положение Англии, что поставило ее настолько выше, в сравнении с другими державами, как ни применение начал свободы торговли. Эта политика избавила ее от тех кризисов, которые разразились во всех других государствах. Применение этих начал во Франции и таможенном союзе также выказывает свое полезное действие. Мне кажется, что в речах Гладстона есть достаточный аргумент против всех возражений, которые можно сделать против свободы торговли».

Послав «по оказии» это письмо Достоевскому, через шесть дней Головачев отправил ему «Политическое обозрение па сентябрьскую книжку» и новое письмо, в котором вновь запрашивал об отношении Достоевского к политике Гладстона и может ли он «проводить идею свободной торговли» или должен отказаться от этой мысли. Это письмо относится к 20 октября, а 22 октября прошла цензуру августовская книжка, и 23 октября Достоевский выслал Головачеву письмо и 112 руб. за первое обозрение. В этом письме, судя по ответному письму Головачева (без даты), содержалось предъявленное ему Достоевским обвинение в закоренелом «западничестве», на которое Головачев поспешил так реагировать: «P. S. Какой я закоренелый западник? Напротив, я всегда считаю учреждения запада довольно гнилыми: для меня на западе существует только одна наука, которая, добывая общечеловеческие истины, не может быть ни западной, ни восточной».

Это возражение Головачева могло только утвердить Достоевского в праве называть Головачева западником. Во второй записной книжке он как раз осенью 1864 г. записал о западниках: «У них великий аргумент, что наука общечеловечна, а не национальна. Вздор, наука есть в высшей степени национальность. 2×2=4 — не наука, а факт. Открыть, отыскать все факты — не наука, а работа над фактами есть наука и т. д.» [12]

Обвинение в западничестве не остановило Головачева: он запрашивал Достоевского, к какому числу ему надо приготовить обозрение для октябрьской книжки, все еще ждал ответа на вопрос о Гладстоне и пока делал лишь «выборки и отдельные заметки».

Можно предположить, что в середине ноября он отослал очередное обозрение, в ответ на что получил гонорар за сентябрь-

---

[12] «Литературное наследство», т. 83, стр. 176.

скую книжку (81 р. 25 к., высланные 27 ноября) и письмо, глубоко его поразившее. В нем был отказ Достоевского печатать его октябрьское обозрение и, вероятно, вообще отказ от сотрудничества. Не имея письма Достоевского, мы можем судить только по ответному письму Головачева от 19 декабря на четырех страницах, полному недоумения и обиды [13]. Но несомненно, что основой конфликта явилось резкое идейное расхождение редактора и сотрудника в вопросе о значении экономического начала в дальнейшем развитии и жизни русского народа. Ввиду важности этой темы приведем основную часть письма. По ней можно догадываться о позиции, которую занимал Достоевский, отказывая Головачеву в дальнейшем сотрудничестве:

«Простите меня, что я долго не отвечал вам; причиной этого было собственно содержание вашего письма, которого, я признаюсь, до сих пор не могу себе объяснить. Вы даете мне тему для статьи, я совершенно с нею согласен, пишу статью на эту тему, но вы не согласны ее напечатать только потому, что в ней придано большое значение экономическому началу. Но скажите мне, пожалуйства, неужели в государстве экономическое начало не имеет большого значения? Ведь у меня нигде не сказано, чтобы это начало было единственной целью государства. Мне кажется только, что другие цели могут лучше достигаться при условии правильного развития экономических отношений. Мысль, что русские интересы в европейской политике еще не выяснились, кажется, также не может шокировать, кажется, никого, потому что наш народ не жил политически и его интересы мы угадывать не можем. Навязывать же русскому народу то, что кажется нам с вами его интересом, я полагаю, нельзя. Все, что мы можем предполагать в интересе народа, то это только, что народ желает удовлетворить своим материальным потребностям и желает учиться, потому что этого человек не может не желать. Все же остальное, чего он желает, надо ожидать, чтобы он выразил сам, а соваться в его благодетели и думать за него нам с вами нет никакого следа. Все идеалы, к которым может человек стремиться и которых он может достигнуть, скорее принадлежат частной деятельности, нежели государственной; я же говорил о политике, которая принадлежит к деятельности государственной, и цель ее преимущественно должна быть сосредоточена на развитии материального благосостояния и образования.

Признаюсь вам, будучи знаком с вашим взглядом на вещи, я никак не предполагал, чтоб мы могли разойтись в этом вопросе. Слушая вас при последнем нашем свидании, я полагал, что статья моя совершенно подойдет под ваш взгляд, и письмо ваше очень

---

[13] См.: ИРЛИ, Р I, оп. 6, № 133 н/о, № 359. Это письмо и письма Головачева, хранящиеся в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина, были в небольших отрывках опубликованы Л. Р. Ланским в «Вопросах литературы», 1971, № 11.

меня удивило. Не понимаю, как можно отвергать важное значение экономического начала».

В конце письма Головачев, констатируя факт, что Достоевский и он не поняли друг друга и потому вина лежит на них обоих, считал несправедливым, что расплачиваться за нее должен он один, т. е. не получить гонорар за написанную статью: «Вы имели в виду пять моих довольно больших статей, из которых вы могли видеть мой образ мыслей и потому могли вернее судить, смогу ли я удовлетворить вашим требованиям, нежели я сам...» Далее Головачев повторял, что писал на заданную Достоевским тему, что для него потеря рабочего времени значит лишить насущного хлеба всю семью, что Достоевский неоднократно писал похвалы его «работе по политическому делу». Мы не знаем, как повел себя далее Достоевский, в книге гонораров записей с именем Головачева более нет, в октябрьской книжке «Политическое обозрение» не появилось, а на внутренней стороне заднего листа обложки было напечатано: «Политическое обозрение по некоторым обстоятельствам отлагается до следующего месяца».

В ноябрьской же книге, в конце объявления от редакции читаем: «Политическое обозрение откроется у нас с декабрьской книги». Действительно, в декабрьской книге 1864 г. и в январской и февральской книгах 1865 г. «Политическое обозрение» было напечатано.

Итак, головачевские обозрения появились в августовской и сентябрьской книжках, где были, очевидно, отредактированы Достоевским. Учитывая, что отдел отсутствовал в журнале первое полугодие, обозреватель считал нужным дать краткий обзор событий за это время. После общих туманных фраз о «несостоятельности общей политической жизни Западной Европы» и шаткости руководящих ею принципов, об игнорировании заключенных трактатов и нарушениях независимости мелких государств, об усилении идей национального единства, о положительном значении конституционного порядка, который обязывает правительства «отдавать отчет в своих международных отношениях представителям народа», и т. п. Головачев уделил много места войне Пруссии с Данией, политике в этом вопросе Бисмарка и позициям Англии и Франции. Попутно он затронул вопрос, чем грозит России ослабление Дании и усиление Пруссии, высказал мнение, что Пруссия постарается вредить России, что ей враждебно либеральное земельное законодательство в Западном крае и Польше, так как в ней сильна тенденция к укреплению крупного землевладения.

Автор вспоминал мимоходом враждебные отношения западных держав к России в истекшем году (очевидно, в связи с польскими делами), о том, что она для Европы всегда «страшно сильный колосс», утверждал, что России мало дела до внутренней европейской политики, так как у нее много своих дел — и экономи-

ческих, и духовных — и их выполнение усилит в будущем ее внешнее положение.

Сентябрьское обозрение начиналось с установления взгляда на характер политического обозрения, каким оно должно быть по мнению журнала. Обратим особенное внимание на это введение, так как уверены, что оно принадлежало Ф. М. Достоевскому, который как раз в октябре писал статью «Каламбуры в жизни и в литературе», развивая те же самые мысли, и которого не удовлетворяли обозрения Головачева:

«Начиная нашу беседу об иностранной политике, мы считаем нужным предупредить читателя о том, как мы смотрим на политическое обозрение в месячном журнале. Мы думаем, что наше обозрение не должно быть летописью событий, не должно стремиться к тому, чтобы указывать на каждую новость в политическом мире, на каждое слово политических деятелей и на все суждения заграничной прессы за промежуток времени, истекший с выхода последней книжки. Мы думаем, что этой цели должны удовлетворять газеты. Журнал же месячный имеет совершенно другое назначение: он должен сосредоточивать свое внимание на более важных фактах, в которых выражается, так сказать, характеристика политической жизни в том или другом государстве, он должен представлять своим читателям оценку этих фактов и их значение в общественной жизни; следовательно, должен говорить лишь о таких событиях, которые уже достаточно выяснились, чтобы можно было составить о них какое-нибудь заключение. Поэтому читатель не найдет в нашем обозрении интереса новизны, но всегда может встретить оценку того или другого факта, имеющего значение в событиях нашего времени, оценку, сделанную по крайнему нашему разумению и подкрепленную доказательствами. Читатель не встретит также в каждой статье обозрения политической жизни всех европейских государств; мы не можем расширить настолько пределы наших статей, чтобы удовлетворить этому требованию. Поэтому в каждой книжке нашего журнала мы ограничимся некоторыми вопросами современной жизни, рассматривая их довольно подробно».

Все это введение является ответом на статью «Переворот в журналистике», напечатанную в «Голосе» 23.X 1864 г. Краевский убеждал читателей подписываться на газеты, а не на журналы, так как, по его мнению, «журналы потеряли свое прошлое значение», не могут своевременно, как газеты, откликаться на события ежедневной жизни и поневоле обращаются в сборники литературных и научных статей. В статье «Каламбуры в жизни и в литературе» Достоевский так возражал на заявления газеты: «Самая сущность газет как летучих минутных изданий различна от сущности журналов; так что эти сущности одна другую исчерпать и в себе совместить не могут, — газета не может заменить журнала, а журнал не может заменить газету — а должны подобные издания каждое следовать своим путем и держаться своей дороги».

Газета Краевского отмечала, что вследствие долгих сроков выхода месячные журналы лишены возможности вести своевременно «хронику политической и общественной жизни». Достоевский указывал на разницу задач газет и журналов в их откликах на «науки политические и иностранную политику», имеющих близкое отношение к жизни ежедневной: «Но ведь об этом и только об этом и говорят журналы; мало того, *только* журналы и могут говорить об этом как следует, т. е. способны сказать о подобных предметах (разумеется, по возможности и по способности) веское, значительное и обстоятельное слово, потому что они имеют время изучать, соображать и выводить результаты из накопившихся фактов. Ежедневные же, например, газеты не имеют на это достаточно времени, должны помещать факты так, как они в ту минуту явились, иногда совершенно отдельно и внезапно, так что и говорить об них могут только то, что в данную минуту *могут о них сказать*, за неимением времени ждать накопления однородных фактов, чтоб изучить их и вывести из них *безошибочное и беспристрастное следствие*. А одни факты, без относительного их изучения и без окончательного слова о них, — только суета и путаница» [14]. И далее Достоевский анализировал различие в задачах газеты и журнала и невозможность совмещения этих задач.

После введения, которое мы считаем написанным Достоевским, в сентябрьском обозрении Головачев рассматривает политическую жизнь Франции. Осуждая ее, он стоит на той же позиции, на какой стоял Разин во «Времени» и Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях», но без тех иронических и саркастических выпадов, которые были характерны для его предшественников. Говоря о силе бюрократического и военного управления, о незаконных мерах правительства, применяемых для усиления своей партии, обозреватель выражал осуждение партии оппозиции, которая молчит, сторонится, не вступает в борьбу. Оппозиция после 2 декабря впала в апатию, и французский народ забыл о своих руководителях в политической жизни. Немногочисленные представители оппозиции, прошедшие в парламент, и их речи, неприятные Наполеону III, все же производят сильное впечатление. Головачев считает, что хотя эти впечатления скоро забываются, но все же в них «начало другого порядка вещей», будущее принадлежит этой «законной оппозиции», хотя путь ее труден и ей не переделать правительственного курса: «Но мы убеждены, что другого исхода партия действия и не имеет. Насильственный путь, по которому шла Франция, привел ее не к свободе, а к военной власти». Приводя отрывки из защитительной речи Ж. Фавра на процессе Гарнье Па-

---

[14] *Достоевский*, т. XIII, стр. 356—359. Сентябрьская книга «Эпохи» вышла 28 ноября. «Каламбуры в жизни и в литературе» напечатаны в октябрьской книге, которая вышла 12 декабря. О них см. далее в главе IX.

жеса и Карно, обвинявшихся в учреждении незаконного политического общества, Головачев констатирует, что французский буржуа не способен увлекаться либеральными речами и предпочитает развлекаться и забавляться бессмысленным образом.

Продолжение обозрения Головачева интересно тем, что он приводит в нем злободневную парижскую шутку — «Hé, Lambert! Où est Lambert!», — которая была дважды использована Достоевским, в «Крокодиле» и в «Подростке». Головачев связал ее успех в Париже с равнодушием современных французов к политике, с их психологией. Он писал: «Существующий порядок так укоренился и французы так привыкли к нему, что даже и эта замечательная по своему ораторскому искусству речь (Ж. Фавра) нисколько не одушевила публику. Об этом деле поговорили несколько дней и, если не забыли его, то забудут непременно. Да и к чему помнить?.. Лучше настроить себя на веселый тон и повторять вместе с большинством французского народа: Hé, Lambert! Où est Lambert!

Эти слова действительно были слышны на всех публичных собраниях французского народа и даже на празднике 15 августа в Париже. Мы не будем разыскивать происхождение этого смешного лозунга, которым французы выражали веселое настроение своего духа; газеты, кажется, объясняли его на разные манеры. Тем не менее распространение этого крика повсюду стоит заметить как черту французского характера; народ заявлял этим, что он не хочет заниматься никаким серьезным вопросом. При криках: Hé, Lambert! Où est Lambert! Vive Lambert! — на празднике 15 августа полиция приняла шутку за серьезное дело, видя в этом какую-то демонстрацию. Несколько уличных мальчишек поплатились свободою и просидели под арестом за слишком веселое настроение духа, которое не понравилось французской полиции».

Это обозрение читалось Достоевским и готовилось к печати в октябре, когда он работал над «Крокодилом». Его записные тетради заполнены заготовками к этой незаконченной повести. Но среди записей нет эпиграфа к повести, который появился при публикации ее в февральской книге 1865 г. после «Предисловия редакции» и «Письма неизвестного сочинителя» (снятых в следующих изданиях) и после заглавия «История о необыкновенном событии»: «Ohé Lambert! Où est Lambert! As tu vu Lambert?» Обратим внимание на некоторые варианты в воспроизведении парижской шутки по сравнению с текстом, приведенным Головачевым. В «Подростке» (часть III) приведен текст в том же виде, как в «Крокодиле». Предположение, что Достоевский осенью 1863 г. сам слышал в Париже эти шуточные восклицания, отпадает после исследования, сделанного М. П. Алексеевым: «Об одном эпиграфе у Достоевского». На основании свидетельств современников и французской прессы 1860-х годов М. П. Алексеев пришел к следующему заключению: «Едва ли Достоевский

слышал ее (фразу, т. е. восклицание-вопрошение о Ламберте) во время пребывания в Париже в 1863 г., так как почти все свидетельства о ней датируют ее появление в устах серединой августа 1864 года. С другой стороны, чтобы услышать или узнать эту фразу, Достоевскому вовсе не требовалось ездить в Париж, он мог прочесть этот возглас и толки о его происхождении в любой французской газете того времени» [15].

Наличие сведений о парижской шутке в сентябрьском политическом обозрении «Эпохи» позволяет предположить, что, готовя к печати статью Головачева, Достоевский узнал о «смешном лозунге», имевшем такой успех во Франции, несмотря на свою бессмысленность. Он не только использовал его в текущей работе над «Крокодилом», но и ввел позднее в роман «Подросток», дав имя Ламберта персонажу, олицетворявшему отвратительную для Достоевского безнравственную корыстно-мещанскую суть.

Пометив в записной книге 3 октября, чтобы Головачев «не торопился с политическим обозрением», Достоевский вслед за этой записью поместил следующую: «5 октября. Статью «Три наследника» *исправить* и пустить». Такая статья в «Эпохе» не появлялась и в записных тетрадях более не упоминалась. Сведения о ней мы имеем в цензурных делах. В протоколе заседания цензурного комитета от 14 октября по докладу цензора Лебедева о журнале «Эпоха» читаем: «Статья под заглавием: «Три наследника», в которой развивается мысль, что буржуазный принцип в политико-социальном положении Европы вскоре должен замениться народным началом, водворение которого ожидается от наследников Италии, Англии и России. *Определено*: запретить статью к напечатанию за резкое применение народного начала к современному положению европейских государств».

К сожалению, у нас нет никаких сведений, кто мог быть автором этой острой политической статьи, какова была работа над ней Достоевского, считавшего нужным ее «исправить», но вместе с тем «пустить» в печать. Нам остаются лишь сведения, оставленные цензорами, о признании в ней будущей замены «буржуазного принципа» «народным началом» в Италии, Англии и России [16].

«Политическое обозрение» в декабрьской книге с подзаголовком «Общий обзор главнейших политических событий прошедшего года», как и обещала редакция, «открыло» как бы вновь организованный отдел, не упоминая о двух ранее бывших обозрениях. Автор прежде всего подчеркнул разницу в политическом положении Западной Европы и России. В Западной Европе идет

---

[15] См.: *Ф. М. Достоевский.* Собрание сочинений, т. IV. М., «Художественная литература», 1956, Примечания, стр. 601—602. Статья М. П. Алексеева в сб. «Проблемы теории и истории литературы» (МГУ, 1971, стр. 367—372).

[16] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 232 об.; «Литературное наследство», т. 83, стр. 204.

борьба за каждый кусок территории, за границы, с ними связаны усиление и ослабление государств, войны; «материальные силы наши в настоящее время достаточны для отражения нападения извне, и если развитие наших природных средств не встретит внутри государства задержки, то силы эти будут постепенно возрастать, увеличивая для нас таким образом возможность обороны». Вопрос о западноевропейских войнах для России не вопрос выгоды, а лишь вопрос «сочувствия той или иной идее», которые составляют политическое убеждение: «Наши силы могут устремляться единственно на развитие нашей внутренней экономической жизни и на улучшение наших общественных и политических учреждений».

Далее автор «в очень кратких словах» рассказывает о политической жизни истекшего года: характеризует Шлезвиг-Гольштинскую войну, роль Пруссии и в ней Бисмарка, касается проблемы объединения Германии, указывая попутно на жалкое состояние немецких княжеств в связи с сохраняющимися в них остатками феодальной системы, переходит к Австрии, ее взаимоотношениям с Польшей, Галицией, ее стремлению онемечить Чехию и Венгрию и отпору, который она встречает там, как и у южных славянских народов. Много места отдается обзору положения в Италии, конвенции в Риме и обещанию Наполеона III вывести через два года французские войска из Рима. В связи с этим говорится о будущности папской светской власти, о предполагаемом взятии в казну имущества религиозных корпораций, что сравнивается с русским законом 17 ноября «О сокращении польских монастырей», бывших местом укрытия польских повстанцев. О дальнейшем разоблачении позиции папы и роли католичества в Европе, о которых автор говорит в полном контакте с редактором — Достоевским, мы скажем в следующей главе. В заключение обозреватель очень бегло касается положения дел во Франции и Англии и обещает о них подробнее говорить в наступающему году.

Кто был автором декабрьского политического обозрения? В нем есть одна ссылка на сентябрьское обозрение по поводу французских дел (речь Жюля Фавра): «Известный всем процесс тринадцати, о котором мы уже беседовали с нашими читателями...» Это «мы беседовали» нельзя считать доказательством авторства Головачева, вероятно, это обычная редакционная отсылка. Нам известно, что Достоевский пригласил в качестве политического обозревателя нового сотрудника, хотя, к сожалению, не знаем его имени.

26 февраля 1869 г. в связи с участием Страхова в «Заре» Достоевский писал ему: «Ежемесячное политическое обозрение так же необходимо, как и ежедневная газета, особенно для русской публики; и заметьте, теперь время горячее. Политического обозревателя хорошего у нас можно найти (кстати, тот молодой человек, чиновник, который писал в последних номерах «Эпохи»

политическое обозрение; забыл даже фамилию его. Очень, *очень талантливый* и кажется превосходный молодой человек)» [17].

В ранее приведенном письме Достоевского к Порецкому (начало декабря) с жалобами на трудности с внутренним обозрением Достоевский писал: «Только до январского № будет продолжаться эта сбивчивость и хлопоты: а там пойдет в отношении Внутр. и Полит. Обозрений по новому плану». Отметим также, что в содержании декабрьского и январского обозрений нет никакой преемственности: декабрьское заканчивается обещанием подробно говорить о Франции и Англии в наступающем году, а январское и февральское посвящены преимущественно американским делам.

Записные тетради Достоевского конца 1864 г. свидетельствуют, что он очень серьезно намеревался сам писать иностранное обозрение. В одной из них читаем: «Политические статьи. Заметки. 19 августа. В политическую статью...», и далее перечисляются шесть пунктов с темами, касающимися политики Пруссии и других европейских государств в постоянном сопоставлении с отношением к затронутой теме России. В следующей тетради вновь заголовок: «Политическое обозрение» и рассуждение о границах европейских государств [18].

Сопоставление записей в тетрадях с содержанием и позицией декабрьского обозревателя позволяет поставить вопрос о принадлежности этого обозрения Достоевскому. Обозреватель пишет: то, что существенно для Европы, для нас не может иметь значение. Для Европы чрезвычайно важны территориальные споры, из-за чего возникают войны: «Границы западноевропейских государств далеко не соответствуют условиям и требованиям обитающих в них национальностей, и это обстоятельство надолго будет источником неудовольствий между этими государствами, взаимных опасений и кровопролитных столкновений....» «Наше положение совсем иное»: у России огромная территория, и территориальное усиление западных держав не может ее беспокоить. «Границы наши проведены правильнее, чем в Западной Европе...»

---

[17] Письма, т. II, стр. 168. Высказываем предположение, что этим обозревателем был некий Константин Немшевич, который в гонорарной ведомости № 2, 10 февраля 1865 г. расписался: «За статью в декабре 1864 получил сто рублей». Его участие в декабрьской книге можно предположить только или в отделе Внутренних известий, или в Политическом обозрении. Авторы всех остальных публикаций номера известны. В указанных же разделах, возможно, он начал работу при ближайшей помощи Ф. М. Достоевского (об участии Достоевского в «Наших домашних делах» (декабрь) см. выше, стр. 45—47, а в «Политическом обозрении» — далее, стр. 86—87). Не был ли Немшевич рекомендован редакции М. И. Владиславлевым: у него был товарищ по академии с этой фамилией. См. его письмо к Ф. М. Достоевскому (младшему) от 3 июня 1862 г.: «Захаживают ко мне иногда мои товарищи: Немшевич, Образцов, Городецкий и друг‹ие›».

[18] «Литературное наследство», т. 83, стр. 243—244, 284.

В записных тетрадях Достоевский дважды возвращается к вопросу о границах, говоря о войнах в Европе:

«2) Ну, а случай в отдаленном будущем (Оружие) (Америка изобрела). Тогда все переменится... Границы нарушатся (о внутренней племенной национальной силе, которая должна заменить границы естественные). Почва, дух народный.

. . . .

4) Статейка о естественных границах (из этой статейки переход на почву)».

«Политическое обозрение

Новые изобретения вроде пороха.

В то время, когда Гольштейн с Шлезвигом, у нас Кавказ покорился. Все наши искусственные границы (Финляндия, Польша) — суть естественные и приобретенные бессознательно... Другое дело — Пруссия. Силой она соберет Германию. В то время, когда Австрия будет разрываться, Западная Германия частию примкнет к Пруссии, частию — к Франции. Тогда изменится карта Европы».

Остановимся еще на высказывании об Италии и роли римского папы Пия IX, которым в «Обозрении» отдано десять страниц (17—28). Особое внимание к политическим делам Италии отличало обозрения «Времени». В декабрьской статье «Эпохи» много места отведено осуждению клерикальной партии, которая ослабевает в Европе, и позиции папы, отвергающего прогресс, напоминающего о средневековье своими требованиями контроля над государствами и нациями.

Обозреватель называет его выступления «лебединой песней», приводит примеры его мракобесия и требования подчинения гражданской власти церковной: «Как назвать это слепое порицание современной жизни, эту речь о таких правах, защитить которые папство решительно не в силах теми средствами и теми фальшивыми ужасными путами, которыми уже давно, изменяя Христу, оно само себе опутало. Мы бы назвали это нерасчетливостью. Но это слово, очевидно, нейдет к такой странной и серьезной вере в правду и непогрешимость тех фальшивых форм, на которых вместе с папством утвердилась в Западной Европе католическая церковь. Этой слепой верой проникнуто все папское послание. Тут уж нет нерасчетливости. Тут гибнут и сами не могут осмыслить, отчего гибнут, и никогда того не осмыслят».

О том, какое место и значение в мировоззрении Достоевского имела в это время мысль о католичестве и папе, мы будем говорить в начале следующей главы. Здесь же укажем, что в записных тетрадях конца 1864 г., именно среди записей для политического обозрения Европы и в связи с ним, мы находим ряд заметок, перекликающихся с содержанием декабрьского обозрения, о гибели папства, его обреченности: «Папская власть падает. Может быть падением поднимется и очистится, но не пойдет впрок; ибо очистится кунштиком. Нет веры в самом папе. В слу-

жителях церкви — разве суеверие... Наивные богомольцы во всем свете будут поражены падением светской власти папы, и их теплое сочувствие к падшему папе дойдет до энтузиазма и, наверное, будет иметь сильное влияние на дела Европы...

Сущность папства. Умирание его. *Доказать*, что папство гораздо глубже и полнее вошло *во весь Запад*, чем думают...» Упоминал Достоевский и об одном из «кунштиков» католической церкви — похищение аббатом еврейского мальчика для подготовки его насильственного обращения в католическую веру [19].

Как мы увидим далее, специфический интерес Достоевского к судьбам католической церкви и роли папы отразился и в его редакторской деятельности — публикацией ряда статей на эту тему.

Составленное новым обозревателем, которого Достоевский назвал «очень талантливым молодым человеком», январское обозрение начиналось с беглого сообщения о сравнительно благополучном положении в Европе, где нет оснований ожидать конфликтов, войн, и переходило к обозрению положения в Америке, где продолжалась война между северными и южными штатами.

Еще Головачев в сентябрьской книжке писал, что «невольничество есть единственная и главная причина междоусобия» и что Юг, не соглашаясь на его уничтожение, не теряет надежд на раскол Севера, где также немало защитников рабства. Но Головачев отвергал эту возможность: «Ненависть к плантаторам и идея аболиционизма так развилась в Соединенных Штатах в последние четыре года, что ожидать подобных результатов невозможно... Дело Юга потеряно навсегда: вопрос состоит только во времени».

Новый обозреватель держится той же точки зрения. Он исключает возможность уступок рабству, сделок с сепаратистами, признания отделения Юга, хотя южные землевладельцы продолжают настаивать во что бы то ни стало на дальнейшем ведении войны. Автор отмечал огромное число дезертиров из Южной армии и незаинтересованность в войне среднего класса, который не питает неприязни к северянам. Будучи уверен в победе Севера, автор бегло прослеживает ход прошлогодней кампании, успехи северян, несмотря на твердость позиции рабовладельческой партии. Он останавливался на переизбрании во второй раз президентом Линкольна, на его предложении вашингтонскому правительству об уничтожении невольничества во всех штатах. Для позиции обозревателя важно следующее его утверждение:

«Говоря о приобретениях, которые сделала в Соединенных Штатах идея эмансипации негров, мы придаем особенную цену тому обстоятельству, что все это совершилось спокойно, строго конституционным порядком, с согласия конвентов отдельных

---

[19] «Литературное наследство», т. 83, стр. 243, 244, 274. Достоевский еще в 1860 г. задумывал статью «Что значит Рим для папы?» (стр. 125).

штатов». Он особенно ценит, что не было стремления к диктатуре, свойственной радикалам, и жалеет, что все же достигнутое обошлось дорогой ценой — годами войны и больших расходов, давших в результате громадный государственный долг. Вся вина лежит на рабовладельцах, которые «не хотели помириться с требованиями времени».

Критически рассматривал обозреватель начальный период президентства Линкольна, находя, что только в начале 1863 г. он «стал на настоящую дорогу», требуя безусловного сохранения федерации и отмены рабства. Автор обзора уверен не только в победе Севера, но и в его будущем экономическом расцвете «на зависть Англии и Франции», уверен и в благотворном воздействии уничтожения рабства на жителей Юга. Иронически перечисляя утверждения рабовладельцев о том, что они «благодетели» негров, необходимые их опекуны, кормящие их и одевающие, автор прибавляет: «Мы как-то смутно припоминаем, будто мы и в русском обществе когда-то, а может и недавно, слышали такого рода толки...» (очевидно, имея в виду русских помещиков и крестьянскую реформу).

Далее обозреватель приводит ряд высказываний, подтверждающих его мысль о том, что негры одарены умом, работоспособностью, добросовестностью, разумной инициативой в организации нового уклада своей жизни и тягой к образованию. Он уверен, что негры заслуживают получения полных гражданских прав и способны участвовать в политической жизни страны согласно конституции.

В заключение обозреватель бегло говорит о важности примера США для других стран Америки (Южная Америка, Канада), где заметно влияние федерального устройства, но спешит отметить, что Россия «не имеет причин принимать к сердцу это новое движение в Америке, потому что до сих пор наша иностранная политика имеет мало отношения к заатлантическим странам».

В февральской книге обозреватель продолжал свой отчет об Америке, сообщал о «великом постановлении Вашингтонской палаты представителей, искупившей чрез это преступление прежних поколений», т. е. об отмене невольничества. Этот факт «по своей важности, по своему великому значению заслоняет собой все то, что совершается теперь в политическом мире. Из событий последнего десятилетия может стоять наряду с этим фактом одно только освобождение русских крестьян, несколькими годами опередившее отмену невольничества в Соединенных Штатах». Надеясь, что негры получат не только гражданские, но и политические права, обозреватель желает этого для опровержения распространенного мнения о их неспособности «к высшим сферам человеческой деятельности» и вновь говорит «о задатках прекрасного будущего черной расы», ее трудолюбии, которое будет способствовать материальному производству Со-

единенных Штатов, и, «кто знает, быть может, негру суждено внести в жизнь североамериканской федерации тот идеальный поэтический элемент, в недостатке которого так часто упрекают деятельных янки». Автор обозрения высоко ценит конституцию США, находя, что в ней нет «исторических наслоек» (бюрократии, феодалов, клерикалов), а единственное темное пятно — рабство — теперь смыто.

Переходя далее к анализу европейских конституций, обозреватель отдает много внимания государственному устройству Пруссии, взаимоотношениям короля, двух палат, роли Бисмарка, военного бюджета и военных реформ. Но вместе с тем, прослеживая историю Пруссии, автор утверждает, что в Пруссии «самая страшная раздвоенность между разными классами нации» — народ невежествен, в образованном классе популярна идея национального единства и конституции, но вся сила влияния в руках феодалов и примыкающих к ним клерикалов, которые давят на низшую палату и либералов. Бегло коснувшись затруднений, которые переживает Австрия, где правительство не имеет поддержки у многонационального населения, еще более кратко охарактеризовав трудности Италии в создании единства законодательства в разных ее областях, а в Испании — ее финансовые дела и войны в Южной Америке, автор заканчивал последнее обозрение «Эпохи» так: «Отчет о ходе заседаний французского законодательного корпуса и английского парламента мы отлагаем до следующего месяца». Очевидно, что 13 марта, когда проходила цензуру февральская книга, вопрос о ликвидации журнала еще не стоял реально перед его редакцией.

Возможно, что из-за слабой организованности отдела «Политическое обозрение» в «Эпохе» появилось значительное количество общественно-политических очерков из современной жизни зарубежных стран, написанных свидетелями-очевидцами. Во «Времени» Разин много места отводил рассказу об итальянских делах и, в частности, о значении той позиции, которую занимал римский папа в истории объединения Италии.

В первое полугодие «Эпохи» редакция поместила две статьи С. П. Колошина, не только откликавшиеся на эту тему, но и дававшие резко отрицательную характеристику влияния католицизма на политическую жизнь Европы[20]. В статье «Рим, папа и Анто-

---

[20] С. П. Колошин (1822—1869) — писатель, близкий к славянофилам и «молодой редакции» «Москвитянина». Рекомендуя его в сотрудники «Эпохи», И. С. Аксаков писал М. М. Достоевскому 10 февраля 1864 г.: «Он мой старый товарищ, человек очень способный и ныне ради здоровья путешествующий за границей, просит меня предложить его Вам в сотрудники. Это — Сергей Колошин, бывший издатель «Зрителя», разорившийся от своего издания, задолжавший типографии Каткова и выплачивающий свой долг статьями, помещаемыми им в «Современной летописи»... Сообщая, что Колошин стремится вырваться из эксплуатации изданий Каткова, Аксаков посылал список статей, которые у Колошина готовы и которые он может прислать в «Эпоху», если

нелли» («Эпоха», № 3) Колошин, излагая содержание двух итальянских книг, сообщал читателям о положении в Риме и Римской области, занятой войсками Наполеона III, который поддерживал папу Пия IX, не желавшего отказаться от светской власти. Колошин указывал, что у нас очень мало знают «о папизме в его настоящем виде», никто не догадывается, до какой степени светская власть папы «есть в действительности величина мнимая, или, еще вернее, труп, только не разваливающийся от гальванизации». Показывая лишенного ума и воли Пия IX, он разоблачал и возглавлявшего правление кардинала Антонелли, который вместе со своей родней держит в руках все монастыри, банки, торговлю, угнетает ненавидящий его народ[21].

Ту же картину господства католической церкви Колошин рисует и в статье «Иезуиты и их уложение» («Эпоха», № 6). Это краткая характеристика нового вышедшего во Франции издания «секретных инструкций ордена иезуитов», которыми его члены должны руководствоваться в своей деятельности. На трех первых страницах Колошин дает мрачную оценку «страшной цели», которую ставят перед собой иезуиты, — любыми средствами, вплоть до преступлений, овладеть всем миром и подчинить себе как светские, так и духовные власти. Борьба с иезуитизмом не возможна ни пропагандой, ни полицейскими мерами, а только светом знания, просвещением. Колошин считал, что от иезуитизма «на весь свет дует ветер деспотизма и мракобесия», он влияет на политические судьбы народов, связан с сильнейшими политическими руководителями: «О Риме говорить нечего: он нынче больше столица иезуитского ордена, нежели папизма и христианства... Сама Франция не менее очевидно предана иезуитам».

Можно предположить, что привлечение внимания читателей к проблеме власти папы и иезуитов, их разоблачение диктовалось редакции «Эпохи» не только актуальностью темы объединения Италии, но и несомненной связью темы с польским вопросом, в котором католической пропаганде, роли иезуитов царское правительство отводило большую роль.

Статьи Колошина написаны на основе иностранных источников. Автор предполагал многие факты общеизвестными и не объяснял их. Статьи вряд ли представляли большой интерес для ши-

---

М. М. Достоевский выразит согласие. Дальнейшее общение с Колошиным велось через посредство М. П. Погодина и личной перепиской с обоими братьями Достоевскими. (См.: Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Письма М. П. Погодина, И. С. Аксакова и С. П. Колошина к М. М. Достоевскому, письмо М. М. Достоевского к И. С. Аксакову, письмо Колошина к Ф. М. Достоевскому 11 августа 1864 г.)

21 В протоколе заседания цензурного комитета от 8 апреля 1864 г. в этой статье были отмечены «довольно резкие отзывы об Антонелли» и определено: «дозволить статью к напечатанию с исключением из нее резких мест, доложенных комитету» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 96).

рокого читателя. И Ф. М. Достоевский воздержался от публикации его статей осенью 1864 г., хотя Колошин в своих письмах предлагал множество разнообразных тем [22].

Но еще одну статью о современном папизме Достоевский напечатал в августовской книге: «Рим. (Современный очерк)». Подписана она инициалами Н. М., которые принадлежали Н. Мундту [23]. В этой большой статье (44 стр.) вскрывается то зло, которое принесла папская власть народу, способствуя его невежеству, обнищанию и моральному разложению: «Но не одна чернь причастна всем этим порокам — все римское общество более или менее заражено тяжелым нравственным недугом...»

Весьма эрудированный автор рассматривает всю историю папства, постепенное овладение папами властью, которая делает их «превыше всех владык земных». Автор показывает, как в самом избрании старцев, в их недолговременном господстве, в невозможности передачи своего дела преемнику, заложены отрицательные стороны папской власти: максимальное использование своей недолгой власти для окружения себя роскошью, раболепством и для обогащения своей родни. Также расматривается история возникновения кардиналов, их порочного образа жизни, который привел к обеднению папской казны в последнее столетие. Не менее смело разоблачает автор и римское дворянство, его чванство, невежество, бездельничество и обнищание, а также многочисленные монашеские ордена, которые пользуются невежеством населения, ведут сытую, ленивую жизнь и сеют вокруг себя лицемерие, ханжество и интриги. С особенной ненавистью Н. Мундт пишет о иезуитах, их политическом влиянии и трудности борьбы с ними. С сожалением говорит автор о русских отщепенцах, которые «бросаются в руки иезуитов и, руководимые их софизмами, ...делаются злейшими врагами православия». Заканчивая свой гневный очерк о высших классах римского общества, автор заключает его несколькими словами о «добром, услужливом и вежливом народе», нравственные качества которого от природы прекрасны. «Роковой деспотизм... мог их потушить, но не уни-

---

[22] Колошин предлагал посылать библиографические заметки о книжных новинках, появившихся в Европе, сведения из итальянских архивов, касающихся русской истории, готовил статью «Возрождение Италии». Ф. М. Достоевский, планируя в августе июльскую книжку, записал: «Колошин о польских книгах — 2 ‹листа›», «Прочесть Колошина о литературе по польскому вопросу». И еще несколько раз упоминал Колошина в записях, но статей его более не помещал («Литературное наследство», т. 83, стр. 180, 201, 202, 204, 205, 206).

[23] Цензор «Эпохи» Ф. Ф. Веселаго писал Ф. М. Достоевскому 17 августа 1864 г.: «По поручению г. председателя, мною передана была покойному Михаилу Михайловичу рукопись, под заглавием «Рим», сост. г. Мундт. Михаил Николаевич очень интересуется этой статьей, и потому я бы покорнейше просил Вас сообщить мне поскорее решение редакции» (Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93.II.2.28).

зить... Мы уверены, что представляем эту картину настоящего Рима накануне будущего обновленного Рима»[24]. Хотя этот очерк, вероятно, Ф. М. Достоевский поместил не без воздействия заинтересовавшегося статьей председателя цензурного комитета, но в целом три антииезуитские и антипапистские публикации «Эпохи» ярко отражали направленность самого Ф. М. Достоевского, которая прослеживается от «Легенды об испанской инквизиции» А. Н. Майкова в первой книге «Времени» до «поэмы» о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых».

Еще один очерк «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. (Из воспоминаний очевидца о войне за независимость Черногории и Италии)», отчасти касающийся современной Италии, поместила «Эпоха» в мае 1864 г. Его острие направлено против Австрии, ее политики в славянских землях и оккупации итальянских владений. Автор очерка — Е. Ковалевский[25]. Первая часть очерка относится к первой половине 1830-х годов. Двадцатилетний автор находился для научных изысканий в Черногории и участвовал в сражении ее коренных жителей с немцами и итальянцами. Вторая часть относится к 1848 г., в ней описывается Венеция, где автор сближается с итальянцами, борющимися против немецких захватчиков. Он выражает свое изумление, как эта борьба изменила жизнь города: «Народ как будто преобразился, возмужал, вырос: уважая сам себя, он стал уважать и других, порядок и безопасность лица и имущества соблюдались точнее и строже, чем в каком-нибудь давно устроенном государстве». Восторженно характеризовал автор «президента республики Манина, который сливался с народом, умел воздействовать на него...». Стоя во главе Венецианской республики, отовсюду окруженной австрийскими войсками, он руководил «геройской, почти беспримерной борьбой одного города с целой империей». Геройству черногорцев, итальянцев, борющихся за свободу родины, автор противопоставляет, отрицательно характеризуя их, немецко-австрийских офицеров в роли завоевателей.

Весьма слабо отражена в очерках «Эпохи» жизнь Франции. В девятой книге 1864 г. была помещена «Глава из очерков морской жизни» К. М. Станюковича, в которой автор зарисовал ряд сцен в порту Бреста, где на рейде стоял русский корвет. Двадцатилетний демократически настроенный морской офицер, только что вернувшийся из кругосветного путешествия и только начи-

---

[24] Щедрин высмеял очерк «Рим» Мундта, видя в нем «краткое извлечение из руководства Кайданова и Смарагдова», и отмечал «наивность и примитивность его суждений», с чем нельзя согласиться. (См.: *М. Е. Салтыков-Щедрин.* Собрание сочинений в двадцати томах, т. V. М., 1966, стр. 468.)

[25] В оглавлении автор очерка назван Ег. Ковалевским, в тексте под очерком — Ев. Ковалевский. Биографические данные говорят, что автором очерка мог быть Егор Петрович Ковалевский (род. в 1811 г.), а не Евграф Петрович (род. в 1790 г.).

нающий свою писательскую деятельность[26], дал в «Эпоху» не восторженное описание экзотической природы и быта, а полный реализма и демократизма очерк о русском матросе за границей.

Станюкович подчеркивает, что он пишет как *служащий моряк,* а не как *путешественник*, лежащий на боку в каюте, который «стонет и ахает» при виде южных красот и потом поэтически их описывает. Наблюдения автора над представителями французского общества, которых он наблюдает на улице, в ресторане и театре, напоминают характеристики, которые давали империи Наполеона III в журнале «Время» Достоевский и Разин.

На первом месте изображена «мундирная, в рюмочку перетянутая Франция... Военный склад, военный шум, солдаты на каждом шагу...» И тут же — полицейский, «пресловутый французский сержант... тоненький, худощавый, с усами, завитыми в ниточку, эспаньолкой и с треуголкой на голове... Глаза сего полицейского юма, лукавые глаза, бегали кругом, видели все и, казалось, проницали во все тайные перегородки человеческих мыслей, и знали не только то, о чем вы думаете в настоящую минуту, но даже и то, о чем будете вы думать на будущей неделе. Этих сердцеведов здесь тьма, но они не успокаивают, а пугают людей...»

Станюкович дал очень яркие образы французских офицеров, с которыми общался в Бресте, очертив их внешнюю вылощенность, хлестаковское самообожание и самопоклонение и потрясающее невежество, особенно в отношении России. С одной стороны — лозунги: «Франция — первая нация мира!» и «Vive Napoleon et la liberté!» — с другой — отличный канкан, полное невежество и «нахальство в суждениях».

Франция представлена в «Эпохе» повестью Мориса Занда «Каллироэ» (1865, № 1 и 2), незаконченной в связи с закрытием журнала, малоинтересной как в художественном, так и в идейно-общественном отношении.

Характеристику современной Англии читатель «Эпохи» находил в неподписанном очерке «Из петербургской форточки», помещенном в последней книге «Эпохи» (1865, февраль). По сохранившимся в архиве Достоевского письмам Артура Бенни бесспорно устанавливается принадлежность ему этого очерка. Очерк

---

[26] «Кругосветное плавание — важный этап в жизни и творческой биографии писателя. Неизмеримо расширился круг его представлений о действительности, обогатился жизненный опыт. То, что Станюковичу довелось увидеть за рубежом, явилось предметом его серьезных и напряженных размышлений на общественно-политические темы, в результате которых он пришел к выводу о несовершенстве не только феодально-крепостнического, но и буржуазно-демократического общества» (*В. П. Вильчинский.* К. М. Станюкович. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 28).

Публикация очерка в «Эпохе» совпала с выходом Станюковича в отставку (30 ноября 1864 г.), которой он с трудом добился, чтобы заняться писательской деятельностью.

был запланирован Достоевским еще в сентябрьскую, потом в ноябрьскую книжки[27], но задерживался автором. Вероятно, в конце 1864 г. А. Бенни писал Ф. М. Достоевскому: «Петербургскую форточку» мою я не кончил, во-первых, оттого, что был болен, простудившись в сырой квартире, во-вторых, оттого, что, оправившись здоровьем, я должен был переменить квартиру ... Да, кроме того, есть много-много причин, по которым я не кончил «форточки», но их лучше будет изложить Вам изустно, но для этого нужно, чтоб я сперва получил Ваше редакторское прощение, без которого моя сотрудническая совесть, право, не позволяет мне предстать пред Вас. Тогда мы поговорим и о многом другом, о чем мне бы хотелось узнать Ваше мнение».

В таком же дружеском тоне написаны письма к Достоевскому этого «загадочного человека», «эмиссара Герцена», письма от 1 и 2 июня, написанные из места заключения, которому Бенни подвергся по обвинению в связях с Кельсиевым и Герценом. Сильно нуждаясь, он просил Достоевского о выплате ему гонорара. Достоевский посетил его, оставил какую-то сумму, но находясь в это время, в связи с ликвидацией журнала, в больших затруднениях, поделился своими переживаниями с Бенни. Последний поспешил с чрезвычайной деликатностью и сочувствием откликнуться на эти признания Достоевского: «В последнее время я так отвык от разговоров, что сообразил только после Вашего ухода, что говоря о действительно крайне неблаговидном поведении некоторых из Ваших сотрудников, Вы может быть намекали на мое письмо. Выражений его я уже не помню, но если Вы нашли в нем что-нибудь обидное, то поверьте, что я не имел ничего подобного в виду.

После Вашего сегодняшнего рассказа, мне даже почти совестно, что я Вам писал вообще об этом деле. Во всяком случае, тех денег, которые Вы мне оставили сегодня, хватит мне по крайней мере на неделю, и потому, пожалуйста, не беспокойтесь на мой счет. От души желаю Вам выпутаться поскорее из Вашего трудного положения»[28].

---

[27] «Литературное наследство», т. 83, стр. 208 — «14) Из фор‹точки› — 1 1/4»; стр. 209 — «9) Из форточк‹и› — 1 1/4».

[28] Четыре письма А. Бенни к Достоевскому. — См. Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 93, II, I, 83. В очерке Лескова «Загадочный человек» имеется сообщение, что Бенни сотрудничал в «Эпохе»: «Некогда сам много вытерпевший Ф. М. Достоевский принял компиляцию Бенни и заплатил за нее» (Собрание сочинений, т. III. М., 1957, стр. 365). Отметим, что С. Рейсер в книге «Артур Бенни» (М., 1933, стр. 92) предполагает (и эти сведения вошли в комментарий к Собранию сочинений Лескова), что Лесков ошибся, что Бенни, возможно, принадлежит во «Времени» статья о мормонах (1861, кн. X) и что «никаким иным статьям «Эпохи», даже и предположительно, авторство Бенни приписано быть не может».

В гонорарных книгах имеется лишь одна запись с именем Бенни: 19 апреля 1865 г. рукою Ф. М. Достоевского «Бенни — 5».

В очерке «Из петербургской форточки» Бенни ставит целью через прорубленное Петром окно в Европу наблюдать «то великое и крошечное, смешное и серьезное, хорошее и мерзкое, что творится на западном свете». Но, ограничивая себя «форточкой», он не будет говорить «о конгрессах, конференциях и всяких других консилиумах», а будет рассматривать жизнь миллионов людей, которые служат «подспорьем и фундаментом» европейского общества, влияют на его мнения и действия. Заметив мимоходом, что «Эпоха» не очень, кажется, жалует Петербург и все связанное», Бенни считает, что наблюдать Запад все-таки удобнее всего из Петербурга, так как здесь сильнее «западноевропейский элемент».

Предметом наблюдения он выбирает Англию, а как вступление к повествованию рассматривает ее жизнь в отношении к церкви. Сын польского пастора и англичанки, проживший ряд лет в Англии, Бенни вскрывает тот внутренний механизм, который двигает партиями, разделяющими англичан в религиозном отношении. Он показал зависимость этих партий от крупных политических деятелей, извлекающих свою пользу из назначения епископов, устройства религиозных собраний, организации проповедей для «меньшей братии», прикрывая свои выгоды фальшивой заботой о бедных прихожанах: «Разжиревшие и обогащенные английские эписьеры были очень рады доказать этими проповедями и всему миру, и английским рабочим классам, и самим себе, что они действительно заботятся о нуждах народа, что они считают своих бедных соотечественников такими же существами, как и себя самих, что они понимают все значение протекторской роли, возложенной на них провидением относительно своих более бедных братьев».

Лицемерие и ханжество, которые характерны для английской буржуазии и которые во «Времени» бичевал Разин, нашли осуждение в «Эпохе» не только в очерке Бенни. В сентябрьской книжке был помещен очерк Воронова «Лондонский пансион», в котором в юмористическом тоне вскрывались те же пороки в быте мелкой английской буржуазной среды.

В книгах 5, 6 и 7 «Эпохи» за 1864 г. в приложении напечатан роман Ч. Сильсфильда «Токеа, или Белая роза». Повесть «из последней англо-американской войны». Переводчиком с английского был А. К. Герих, часть рукописи которого и письмо к Ф. М. Достоевскому по поводу гонорара за перевод сохранились в архивах[29]. В романе обрисована тяжелая судьба тесни-

---

[29] Письмо А. К. Гериха от 7 марта 1865 г. из Киева с требованием денег. — ИРЛИ, Р. I, оп. 6, № 132. Беловая наборная рукопись трех глав перевода (36, 37, 38), напечатанных в июльской книге. — Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, ф. Достоевского, III, 8 (значится как рукопись М. М. Достоевского). В гонорарной книге под 29 октября 1864 г. запись: «Г. Гериху за Токею 203 р. 15 к.). В «Записных тетрадях» при планировании седьмой книги ряд упоми-

мых европейцами индейских племен, характеризуется быт колонинизаторов, противопоставляются нравы англичан и американцев. С симпатией и сочувствием показаны отдельные типы индейцев, благородство их поведения и жалкая участь, их ожидающая.

В «Эпохе» 1864 г. были напечатаны в особом приложении два романа Ф. Шпильгагена «Загадочные натуры» в книгах 1—2, 3, 4 и «Из мрака к свету» (продолжение первого) в книгах 8, 9, 10, 11, 12. Переводила их Ю. П. Померанцева. Их выбор надо поставить в заслугу журналу. Это были только что написанные автором (1861—1862) его наиболее либеральные романы, которые вскоре получили большую популярность в кругах демократической интеллигенции.

Привлекая читателя увлекательным романтическим сюжетом, произведения были направлены преимущественно против амбиции и претензий крупного дворянства, юнкерства, остатков феодального строя, клерикалов и крупной буржуазии. Второй роман заканчивается сценами революции 1848 года, боями на улицах Берлина. Автор сочувственно изображает революционеров.

Ф. Меринг писал о Шпильгагене: «Нет сомнения, что в романах Шпильгагена можно найти много «художественных изъянов». Образы его иногда представляют только карикатуры... Но при всем том Шпильгаген пытался воссоздать поэтически картину своего времени, как оно выявилось в крупных конфликтах, и сделал это с немалой силой, с блестящим талантом, который буржуазная эстетика тщетно старается принизить... Пора расцвета Шпильгагена охватывает два десятилетия, с конца пятидесятых до конца семидесятых годов, к этому времени относятся его крупные романы «Загадочные натуры» и др. Но из-за бесплодия его последних десятилетий не следует забывать тот сев, который он посеял сорок лет назад: все, кто был тогда молод и живо интересовался великими вопросами жизни народа, — не только в Германии, но и в других странах, особенно в России, на всю жизнь сохранили в себе частичку Шпильгагена» [30].

Интересно отметить, что Ф. М. Достоевский, получив первую, сдвоенную книгу «Эпохи», еще не читая, отметил «ужасный объем» напечатанной в ней части романа (200 стр.). Через десять дней сообщал брату первые впечатления: «Прочел половину «Загадочных натур». По-моему, ничего необыкновенного. Натуры *совсем-таки* не загадочные, слишком обыкновенные. Где дело касается до современных идей, то видна молодость и некоторое нахальство. Много истинной поэзии, но какое же колбасничество. Хорошо только, что не скучно». А еще через четыре дня, продол-

---

наний о «Токеа» и об уплате Гериху. — «Литературное наследство», т. 83, стр. 177—208.

[30] *Франц Меринг.* Литературно-критические статьи, т. II. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 209—211.

жая чтение, успокаивал брата: «Не беспокойся за апрель, и помести как можно больше «Загадочных натур», ибо они очень любопытны» [31]. Планировать публикацию второго романа Шпильгагена Достоевский начал с июльской книжки, но, очевидно, предварительно консультировался с друзьями в редакции, так как записал во второй записной книжке: «Август Алек<сандрович Бергман> — о «Загадочных натурах» ... Со Страховым. О перевод<ных> статьях. О романе, продолж<ение> Шпильгаг<ена>» [32].

Позиция «Эпохи» в оценке политических событий Европы и Америки мало отличается от «Политического обозрения» «Времени», хотя оценка эта не выражена так последовательно и принципиально, как в статьях Разина. Более заметна в «Эпохе» ее антиклерикальная настроенность, настойчивое разоблачение католичества и роли папы, что явилось следствием философской концепции, которая была характерна для мировоззрения Достоевского в 1864—1865 гг.

---

[31] Письма, т. I, стр. 352, 358, 363. Заглавие первого романа: «Die problematische Natur».

[32] «Литературное наследство», т. 83, стр. 181. Мы сочли более целесообразным говорить о переводных художественных произведениях в главе об «Очерках иностранной жизни», а не в гл. VI. Помещая переводные романы в журнале и не всегда имея возможность ознакомиться с их эстетической ценностью, редактор, несомненно, должен был учитывать идейную направленность их автора и их содержания.

Глава V

Статьи научного содержания

Хотя «Эпоха» не планировала, как «Время», специального отдела «Статей ученого содержания», но этот жанр все же оказался представленным во всех книжках второго журнала, особенно значительно в месяцы руководства Ф. М. Достоевского, считавшего этот вид статей необходимым для журнала. Составляя план августовской книжки, он вставлял в список уже подобранных статей — «Переводные науки — 3», а внизу приписывал: «Науки нужны» [1].

Но было большое различие между составом статей этого раздела во «Времени» и в «Эпохе». Объявив в программе, что статьи будут посвящены вопросам «экономическим, финансовым, философским, имеющим современный интерес», «Время» действительно чрезвычайно разнообразно строило этот отдел, привлекая многих авторов, главным образом из молодежи, и освещая различные направления в области наук философских, экономических, социальных и исторических, в основном на материале наиболее популярных трудов современных ученых Европы. В «Эпохе» были два постоянных сотрудника этого отдела, Страхов и Владиславлев, а предметы их статей были значительно менее разнообразны. В сущности в основном это была защита идеализма против материализма и характеристика этих направлений в западной философии и науке. Проблем социально-политической, общественно-экономической жизни статьи в «Эпохе» не затрагивали.

Прежде чем говорить о статьях сотрудников, мы считаем необходимым дать здесь краткую характеристику философских размышлений руководителя журнала так, как они запечатлелись в его рабочих тетрадях и записных книжках 1864—1865 гг.[2] Разбросанные среди деловых редакторских расчетов и художественных творческих заготовок, записи мыслей общего, проблемного характера позволяют составить представление о позиции, занятой Ф. М. Достоевским в руководстве журнала. Мы не ста-

---

[1] «Литературное наследство», т. 83, стр. 205.
[2] Там же, стр. 171—288.

вили перед собой задачу осветить историю возникновения тех или иных взглядов Достоевского или их эволюцию. Мы берем их не в динамике, а в статике, в той форме, в какой они запечатлены в месяцы его редакторской деятельности.

Кратко идейные размышления Достоевского этих месяцев могут быть охарактеризованы как страстная защита духовного совершенства человека, высоких объединяющих человечество гуманных идеалов и противопоставление им позиции «материалистов», ведущей, по его мнению, к обоготворению «чрева», к распадению человечества на индивидуальности, на отдельные личности, которые озабочены удовлетворением лишь «самих себя». Видя высшим идеалом совершенства образ Христа, Достоевский объединял материалистические тенденции с понятием «социализма», откуда появилось противопоставление «христианства и социализма». В последнем он видел результат европейской цивилизации и придавал особое значение связи его возникновения с католической церковью, папизмом, иезуитизмом.

Приведем лишь основные высказывания Достоевского, относящиеся ко времени издания «Эпохи», которые сыграли, как мы думаем, роль в его руководстве журналом. 16 апреля, на другой день после смерти жены, Достоевский занес в записную книжку размышления, которые касались основного вопроса, определявшего его мировоззрение — идеала жизни человека на земле и возможности его загробного существования. Признавая «идеалом человека во плоти» — Христа, а смысл существования всего человечества на земле и каждого человека отдельно в «развитии, борьбе, стремлении к достижению этой цели», Достоевский видел конечный результат в беззаветном, безраздельном слиянии отдельной индивидуальности со «всеми», «с законом гуманности» и в преодолении «закона личности». Достижение этого состояния должно стать окончанием земного переходного существования человека и началом иной жизни «в лоне всеобщего синтеза», о котором мы ничего не знаем. Людьми движет «закон стремления к идеалу», т. е. принесения своего Я в жертву всем людям, его неисполнение вызывает страдание, а выполнение — «райское наслаждение», в этом смысле образуется «равновесие» жизни человека на земле.

Излагая свое credo философа-идеалиста, Достоевский попутно все время возражает «антихристам», т. е. тем, кто не признает Христа «за окончательный идеал на земле», атеистам и материалистам, и приходит к следующему итогу: «Учение материалистов — всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть. Учение истинной философии — уничтожение косности, т. е. мысль, т. е. центр и синтез вселенной и наружной формы ее — вещества, т. е. бог, т. е. жизнь бесконечная» [3].

Эти мысли Достоевский развивал в ближайшие месяцы в от-

---

[3] «Литературное наследство», т. 83, стр. 173—175.

дельных записях с постоянным противопоставлением идеалистического и материалистического (как он понимал его) мировоззрения. Свое воплощение они нашли, по мнению Достоевского, в двух противостоящих друг другу учениях — «социализме и христианстве». Так он озаглавил большую запись, которую надо отнести к концу августа 1864 г.

В этой записи Достоевский повторял и развивал мысли, изложенные в апреле. Считая идею бога идеей «человечества собирательного, массы», свойственной периоду патриархальной, непосредственной жизни человека, он называет следующее затем время, «время цивилизации», «переходным», когда развивается личное сознание и человек становится во враждебное отношение к массе и потому «всегда» теряет веру в бога. Масса распадается на личности, ничем не связанные «лучинки», теряет цель жизни, идею бога, болезненно переживает цивилизацию. Спасение приносит христианство, указывающее на возвращение в массу, возвращение самовольное и сознательное, и отдачу себя *всем*, т. е. высшее самоотречение.

Этому пути противостоит другой путь — сохранение раздробленности на личности и стремление всего достичь для себя, для «брюха», ничего не видя далее его. Приписывая последний взгляд «социализму», Достоевский рисует следующие контрастные идеалы. Для христианства: «Есть нечто гораздо высшее богачрева. Это — быть властелином и хозяином даже самого себя, своего *я*, пожертвовать этим *я*, отдать его — всем... Христианин (идеал), все отдавая, ничего себе сам не требует...» Для «социализма»: «Все же будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели — в сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных объединениях, и высшая его мораль при этом, высшее ободрение человечеству состоит в том уверении и ободрении прозелитов, что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для *самих себя,* в собственном интересе...»

Рассматривая «социализм» как результат переходного состояния, как продукт цивилизации, Достоевский считал, что человек, дойдя до крайнего развития личности, дойдет и до третьей степени идеала — «высшего распоряжения собой», «пожертвования собой для всех» [4].

В тесной связи с изложением этих взглядов стоят многочисленные краткие заметки в тетрадях 1864—1865 гг. о социализме как продукте западной цивилизации и о связи последней с католицизмом, иезуитизмом и папством. 27—28 августа Достоевский записал, что «даже и бывшие реформации есть продукт папства, и Руссо, и французская революция — продукт западного христианства и, наконец, социализм со всей его формалистикой и лучиночками — продукт католитического христианства» [5].

---

[4] «Литературное наследство», т. 83, стр. 246—250.
[5] Там же, стр. 244.

При анализе как научных, так и критико-публицистических статей и художественных произведений, которому посвящена эта и следующие главы, нельзя не учитывать вышеизложенные взгляды редактора. Утверждая, что «социализм вовсе не обязательно общечеловечен, что идеал общечеловечия вовсе не тот (а христианский), что социализм только есть органический продукт западной жизни и всех противоречий ее», Достоевский считал, что «форма социальных стремлений, форма рисующегося вдали для России идеала должны быть не те, а наши, собственные наши, органический наш продукт».

Позиция «философов» «Эпохи», Страхова и Владиславлева, выражалась в их последовательной защите идеализма и критике вульгарно понимаемого материализма, и она в какой-то мере отвечала философским раздумьям Достоевского этих месяцев.

Страхов поместил в «Эпохе» ряд переводных и компилятивных статей со своими комментариями и две оригинальные статьи. В книгах с первой по третью за 1864 г. он напечатал перевод из Гейне «Черты из истории религии и философии Германии» («Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland», 1834), где Гейне рассматривал развитие религии и философии в Германии с долютеровских времен, кончая Фихте, Шеллингом и Гегелем. При всей высокой оценке немецкой философии Гейне осуждал немецкий идеализм за оторванность от высоко ценимой им революционной практики, за то, что он является опорой для немецкого филистерства. Полуиронически сопоставлял он немецкую философию с французской революцией и хотел бы примирить через пантеизм идеалистическую философию с материализмом.

Страхову был не только совершенно чужд, но и враждебен подобный подход к немецкой идеалистической философии, и он ставит перед собой задачу защитить ее от нападок Гейне. В больших примечаниях к статье он обвинял Гейне в непонимании им сущности излагаемых систем. Так, в книге третьей журнала (стр. 200) Страхов писал: «Гейне обвиняет Канта в неискренности и двоедушии точно так же, как прежде обвинял в этом Лейбница. Закон таких обвинений очень прост: что нам нравится в философии, то он говорил от души, а что не нравится, то он говорил против себя. К несчастию, обсуждая философов удобным для нас образом, мы должны приписать им такое легкомыслие, при котором их суждения едва ли не теряют цену. В особенности смешно прикидывать эту мерку к Канту, представляющему такой неподражаемый образец добросовестности. «Критика практического разума», в которой доказывается бытие божие, есть существенная необходимая часть кантовской философии, и не признавать этого, значит просто не понимать, в чем состоит настоящее дело и настоящая сущность этой философии. — *Н. С.*». На стр. 203—204 Страхов поместил большое примечание с критикой изложения Гейне метода Фихте и старался доказать,

что Гейне не понимал его, как не понял и Канта, и Шеллинга. Самый взгляд Гейне на философию как на нелепую вещь, где все сводится к тому, что один признает то, что отрицает другой, что все кончают «отступничеством», раздражал Страхова, и он поучал: дело философии — понимание природы, мира и людей, а не их изменение[6].

В ряде своих выступлений в «Эпохе» Страхов пропагандировал сочинение Ренана «Жизнь Иисуса», которое появилось в 1863 г. В мартовских «Заметках летописца» с подзаголовком «Германствующие во Франции» он указал на интерес французов к германской мысли, но отметил, что они плохо понимают ее. Исключение составляют Ренан и его друг Ревиль, написавший лучшую критическую статью на книгу «Жизнь Иисуса». В июньской книжке в «Заметках летописца» Страхов упоминал, что Евгения Тур дала отрицательный отзыв о книге Ренана, и это не удивляет его, так как у нас Ренана не ценят «ни отсталые, ни передовые».

Но не только философские взгляды Ренана интересуют Страхова: в восьмой книге он поместил в «Заметках летописца» изложение политических взглядов Ренана: «Ренан о французской революции»: «В предисловии к своим «Essais de Morale et de Critique», — пишет Страхов, — Ренан высказывает мнение о французской революции, весьма замечательное в устах француза вообще и, может быть, для многих неожиданное в устах такого человека, как Ренан». Далее Страхов на двух страницах цитирует статью Ренана, в которой автор высказывает мнение, что революция приводит к «царству посредственности», деспотизму материальных интересов. Память о 1789 годе мешает «возрождению индивидуального сознания», и Ренан предлагает отречься от фетишизации 89 года и его лозунгов, ведущих к рабству и унижению. Никаких выводов из приведенной цитаты Страхов не делает.

Есть основание думать, что самим Страховым (или по его инициативе) в «Эпохе» были помещены переводы двух статей Ренана — в книге пятой «Высшее обучение во Франции, его история и будущность» (в статье подчеркивается отсталость в научном отношении высшего образования во Франции, по сравнению с Германией, осуждается поверхностность, фразерство профессуры, говорится об отсутствии научных школ, традиций, умственной культуры), в книге седьмой — статья «Древние религии», в которой история религий рассматривается как «один из существеннейших элементов истории человеческого духа, т. е. настоящей философии», а изменение символики и мифологии — как результат беспрерывной «подвижности» религий в за-

---

[6] «Эпоха», 1864, кн. 1—2, стр. 281—324; кн. 3, стр. 192—221. Статья была урезана в цензуре. В протоколе цензурного комитета от 26 февраля 1864 г. определено: статью «дозволить к напечатанию за исключением места о свободе печати и об университетах» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 59 об.).

висимости от времени и места, т. е. их истории. Изучая истории религий, наука приходит к выводу, что человечество религиозно: могут исчезнуть науки, искусства, «но религиозное чувство не умирает. Оно будет вечным протестом духа против систематического или грубого материализма, который вздумал бы заключить человека в низший слой вульгарной жизни. Цивилизация перемежается, но религия никогда».

Нетрудно заметить перекличку изложения публикаций Страхова из Ренана с философскими размышлениями Достоевского, о которых упоминалось в начале этой главы. Несомненно, он внимательно следил за этими публикациями. В его записи «Социализм и христианство» (сентябрь) читаем: «Ни один атеист, оспаривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что *Он* — идеал человечества. Последнее слово — Ренан. Это очень замечательно» [7].

Несомненно, Страховым был опубликован в одиннадцатой книге перевод публичной лекции «Самопризнания Шиллера», читанной в Иене 4 марта 1857 г. доктором Куно Фишером. На стр. 26 есть примечание, подписанное Страховым, который неоднократно выступал с переводами К. Фишера и во «Времени». В этой лекции — художественные образы, созданные Шиллером, рассматриваются как авторское «самопризнание» героического или идиллического характера. К. Фишер всюду находит отпечаток личных переживаний и признаний поэта. Отражение самого Шиллера он видит не только в его драмах (Моор, Поза и др.), но и в лирических и эпических стихотворениях, где находит элегические «самопризнания» (в стихотворении «Боги Греции») и глубокое удовлетворение (в стихотворении «Художник»).

Оригинальная статья Страхова появилась в шестой книге «Эпохи» — «Опыты изучения Фейербаха» [8]. Ее задача — опровергнуть материализм Фейербаха, показать его оторванность от истории развития немецкой идеалистической философии, его «примитивность» по сравнению с Гегелем, его «безнадежный пессимизм». Страхов полемизировал с Хомяковым, признавшим материализм Фейербаха, и старался показать, что у Фейербаха явление и сущность имманентны, в то время как «настоящие материалисты», по его мнению, лишь те, кто строго различает сущность — неизменную вечную материю, и ее явления. По мнению Страхова, у Фейербаха нет материи, а только тела, которые тоже не существуют, а существуют процессы, явления, превраще-

[7] «Литературное наследство», т. 83, стр. 248. Интересно отметить, что Страхов в рецензии на книгу Ренана в «Гражданине» (сентябрь 1872 г.) назвал его чем-то «вроде французского славянофила», и Достоевский отметил в записной тетради 1872—1875 гг.: «Ренан — славянофил» («Литературное наследство», т. 83, стр. 65, 310).

[8] На заседании цензурного комитета от 29 июня 1864 г. эта статья была запрещена. Шестая книга «Эпохи» проходила цензуру 20 августа, когда цензором журнала был не Ф. Веселаго, как в первую половину года, а Н. Лебедев (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 159 об.).

ния. Особенно несостоятельной считает Страхов философию Фейербаха в приложении ее к человеку, т. е. критикует антропологический принцип, который положил в основу своей известной статьи 1860 г. Чернышевский.

Философия Фейербаха представляется Страхову страшной, болезненной попыткой вырваться из заколдованного круга. Сын XIX века, «века пессимизма, страдающего глубоким недовольством» (Страхов оговаривается, что имеет в виду не Россию, а Европу), Фейербах отрицает религию, а с нею и философию, так как всякая философия теологична. В заключение Страхов писал о философе, воинствующий материализм которого сыграл столь значительную роль как в мировоззрении Белинского и Чернышевского, так и для Маркса и Энгельса, следующее: «Фейербах относится к той безнадежной пессимистической критике, которая разъедает собою в настоящее время духовный строй Европы. В этой критике он составляет замечательное явление, всего яснее обнаруживающее самую тайну критики. Западных людей ныне теснит их цивилизация, теснит все, что они у себя имеют, им тесно и неловко среди их нравов и привычек, политических, экономических и всяких форм. . .» (стр. 155).

Совершенно иной и несколько неожиданный для «Эпохи» характер имела другая статья Страхова, в которой он выступил как защитник введения в общее среднее образование естественных наук. Эта статья обнаруживает в нем любящего свою специальность естественника, напоминает позицию «Времени», где много раз говорилось о необходимости распространять естественные науки и признавалась их польза для современности. Страхов защищал естественные науки, высоко ставил строгость метода естествоиспытателей, идущего к выводам общих понятий на основе анализа частностей, сравнений, группировок, установления тождества. Поиски «порядка, который существует в природе», осмысленны и плодотворны, когда руководятся *идеей*, как, например, идеей естественного сродства, непрерывности законов сосуществования и др. Особо он останавливается на «главной идее» — принципе развития: «*Развитие* есть главное понятие наук об организмах: все органические тела и явления могут быть понимаемы не иначе, как различные степени, формы, остановки, уклонения и т. д. в развитии некоторой одинаковой сущности». Признавая, как еще мало сделано натуралистами в области наблюдений и описаний и как недостаточно усовершенствован их метод, Страхов говорит о «недавно появившейся» теории Дарвина: «Конечно, эта теория не представляет переворота, не становится в противоречие с прежними приобретениями науки: напротив, она составляет их правильное и неизбежное последствие. Но очевидно также, что Дарвинова теория еще не уложилась в строго научные формы, что она еще носит на себе печать борьбы с гипотезами, имевшими ход до нее, и сама является под покровом новых, хотя противоположных гипотез» (стр. 29).

Страхов отмечал, что надо включить изучение естественных наук в систему среднего образования. Он считал, что они доступнее для подростка, не знающего жизни, чем история, литература и география, ближе к изучению математики и языка. Признавая трудности, которые встретят в школе практические занятия естественными науками, он полагал, что они «будут способствовать более полному и гармоническому развитию душевных сил... Если посмотреть на дело с этой стороны, если при этом вспомнить, что на естественных науках явным образом лежит печать нового духа, что в них выражается новая глубокая черта умственной жизни человечества, то нельзя будет не желать, чтобы они вошли как новый элемент в общее образование» [9].

В последние семь месяцев существования «Эпохи» в ней энергично сотрудничал только что вернувшийся из-за границы молодой философ, бывший сотрудник журнала «Время» — М. И. Владиславлев. Он проходил двухлетний научный курс в университетах Гейдельберга, Геттингена и Лейпцига. Сохранились его письма из Германии к А. А. Бергману, родственнику Э. Ф. Достоевской, работавшему в редакции журналов. Они свидетельствуют о серьезных занятиях молодого ученого и вместе с тем о его неостывающем интересе к изданиям Достоевских, к вновь возникшей «Эпохе». В письме от 5/17 ноября 1862 г. Владиславлев писал Бергману: «Как будешь посылать письмо, так вложи, пожалуйста, в него объявление об издании «Времени» на 63 год. Говорят о нем кой-что, и мне интересно его прочитать». В названном редакционном объявлении отчетливо прозвучала неприемлемая для передовой молодежи декларация о направлении журнала, вызвавшая уход из числа сотрудников журнала Помяловского [10]. В ряде других писем Владиславлев выражал сочувствие редакции в связи с закрытием «Времени», запрашивал о результатах хлопот по изданию нового журнала и просил выслать ему № 1—2 «Эпохи».

Тотчас по возвращении Владиславлева в Петербург Ф. М. Достоевский поместил в девятой книге журнала его огромную статью (82 стр.), представлявшую резкую критику только что вышедшего в Лейпциге двухтомного сочинения Вундта («Vorlesungen ueber Menschen und Thierseele», 1863, русский перевод — 1865). Владиславлев во вступлении подчеркивал, что сочинение Вундта, которое мало ценят за границей, в России уже пользуется большой популярностью и что «поэтому позволительно думать, что труд немецкого доктора разделит у нас судьбу трудов Льюиса, Бокля и Дарвина, волновавших наш ученый и литературный мир за последние два года». Привлек же к себе внимание труд Вундта тем, что он стремится реформировать «метафизический

---

[9] «Эпоха», 1864, кн. 7, стр. 1—32. Н. Н. Страхов «Естественные науки и общее образование» (датировано автором «26 августа 1864 г.»).

[10] См. нашу книгу о журнале «Время», стр. 235, 283.

сумбур» старой психологии новым методом, который основан на введении в психологию свойственного естественным наукам экспериментального метода.

Владиславлев выступил как противник Вундта, пытающегося применить к психическим явлениям опыт и методы физиологической науки и эксперимента. Автор статьи отстаивал как единственный источник знания для психолога — внутренний опыт, самонаблюдение. Владиславлев обвинял Вундта в том, что он не ставит важнейшего вопроса «о сущности души, о связи ее с телесностью», считая, что пока эти проблемы неразрешимы, это — «метафизика». Для Владиславлева вопрос о «натуре души» — «краеугольный камень психологии», ей нет и не может быть аналогии ни в физике, ни в физиологии. Указывая на близость позиции Вундта к материалистам, Владиславлев утверждал «несоизмеримость» физических и психических процессов, в то время как Вундт видел в них тождество, разную форму единой материи. В заключение автор решительно выступал против того, чтобы труд Вундта стал «основой русского воспитания».

В своей статье Владиславлев ссылается на большую научную литературу, касается ряда узкоспециальных вопросов, вряд ли такая работа могла быть интересна широкому читателю. Но она отвечала взглядам редактора, так как воевала против вторжения материализма в учение «о душе», о психике.

В следующей, десятой книге, помещена, несомненно, по инициативе Владиславлева и, вероятно, в его переводе, статья, взятая из только что вышедшего третьего тома «Микрокосмоса» геттингенского профессора Лотце. Статья названа «Наслаждение в жизни и труд». Ей предпослано примечание, подписанное «*Ред.*». В нем сообщалось, что статья интересна потому, что в ней ставится вопрос: «увеличилась ли сумма счастья в человеческой жизни равномерно с развитием господства человека над природой, возможного для него при теперешнем развитии естественных наук?» Публикуя мнение «одного из современных умов», отличающегося «силой мысли», редакция заявляла: «Мы знаем наперед, что вывод проф. Лотце найдут весьма странным люди, толкующие об естественных науках и современном общественном прогрессе как главных элементах человеческого счастья в настоящем и будущем, безмерно возвышающих нас над старыми невежественными временами».

Эпигон буржуазной идеалистической философии, Лотце развивал мысль о том, что прогресс цивилизации, господства человека над природой не увеличивал радости жизни, а сокращал ее: «Большая возможность удовлетворять множеству потребностей, сравнительно с количеством труда, потребного для осуществления этой возможности вообще, не сделали нас счастливей перед людьми тех времен, когда равно неизвестны были ни эти потребности, ни средства к их удовлетворению, ни потребное для него напряжение». Описывая достоинства патриархальной

жизни по библии, когда легкий и простой труд удовлетворял потребности человека, и рисуя как идеальную форму существования, замкнутую домом и семейством, разрешающую для себя все задачи, Лотце прослеживает историю развития социальных и экономических отношений от античности до современности. Он констатирует наступившую «машинность» общественной жизни, исчезновение радости в машинном труде, усилия «поддержать одно и то же сносное равновесие между трудом и заработной платой при все более и более искусственных и запутанных отношениях». Сводя на нет все успехи цивилизации, Лотце в итоге заключает, что никогда жизнь не была так трудна, тяжела и раздираема противоречиями, как современная. Он восхвалял патриархальные времена: «Эту форму жизни мы всегда будем считать за идеал, к которому нужно бы возвратиться».

Начиная с первой книги журнала за 1865 г. Владиславлев предполагал развернуть в ряде статей характеристику материализма и, конечно, борьбу с ним. Успел он напечатать только первую статью под заглавием «Современный материализм» (по поводу работ Карла Фохта, вышедших в Петербурге в русском переводе в 1864 г., — «Физиологические письма» и «Человек и место его в природе»). Владиславлев выбрал популярные брошюры Фохта поводом для разговора о «целом направлении мыслей, целого мировоззрения», так как считал их более увлекательными для читателей и более значительными, чем труды Бюхнера и Молешотта. Бегло рассмотрев историю материализма от Демокрита до середины XIX в., Владиславлев не находил в нем «плодотворного зерна», которое могло бы развиться и дать, подобно идеализму, ответы на вечные «эстетические и нравственные потребности человека». Он видел в появлении материализма лишь «более удобный теоретический принцип, требуемый для осмысления практических потребностей», так, например, для борьбы с пережитками средних веков и старым порядком в XVIII в. Научный материализм получил свою форму, опираясь на физиологию, но в массах распространен не он, а материалистический склад ума и настроение.

Оставляя разговор о научном материализме до следующих статей, Владиславлев эту первую статью посвящал «массовому» материализму, который, по его мнению, ставит себе задачей лучший кусок хлеба, отрицает все, что этому препятствует, — религию, философию, социальный строй: «Тот факт не подлежит сомнению, что материализм всего лучше усвояется людьми, по общественным убеждениям склонными к социализму и коммунизму, или, наоборот, материализм легко соединяется с этими политическими убеждениями». Для «массового» материализма характерны поиски пользы себе и обществу, интерес к прикладным наукам, неприятие классического образования и наук «истории духа», увлечение естественными науками, при отсутствии их подлинного знания и изучения. Все это, как предполагал Владиславлев,

ведет к упадку просвещения и росту самоуверенности в научно неподготовленной молодежи: «Воображают, что довольно прочитать две-три книжки по науке и после этого можно уже браться за дело популяризации. Между тем дело это требует, кроме таланта писать просто и ясно, еще полного знакомства с наукой, и если бы эта истина сознавалась и уважалась всеми, то не вышло бы у нас физиологов, учившихся собственно филологии, и не было бы комических промахов».

Эти выпады против такой популяризации «массового материализма» напоминают о написанных вскоре страницах «Преступления и наказания» (ч. II, гл. 2), где Разумихин приглашает Раскольникова принять участие в составлении популярных брошюр: «Есть на Толкучем книгопродавец Херувимов... Он этакие изданьица делает и естественно-научные книжонки выпускает, — да как расходятся-то! Одни заглавия чего стоят!.. Теперь в направление тоже полез, сам ни бельмеса не чувствует, ну а я, разумеется, поощряю. Вот тут два с лишком листа немецкого текста, — по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина, или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек... Кончим это, начнем о китах переводить».

Разумихин признается, что он в орфографии и в немецком «швах и все больше от себя сочиняет» и что «от этого еще лучше выходит».

«Эпоха» тоже отдала дань популяризации научных достижений, поместив в майской книге две компилятивные, но очень эрудированно написанные статьи. Одна из них, принадлежащая А. Ревилю, называлась «Предки европейцев по исследованиям новейшей науки». Она написана на основании исследований швейцарского ученого А. Пикте о «лингвистической палеонтологии» («Essai de paleontologie lingvistique»).

Изучая историю расселения народов индоевропейской расы из Восточной Азии через Кавказ по всей Европе, автор останавливается на образовании и сопоставлении европейских языков, доказывая важность сравнительно-лингвистического их изучения и значения санскрита как праязыка всех групп индоевропейских народов. Вторая статья — единственная в «Эпохе», относящаяся к наукам о природе — геологии и астрономии, — «Гипотеза о будущей судьбе мира». Автор М. Лисовский, приводя различные предположения европейских ученых о судьбах земного шара и других небесных тел, опирающиеся «на величайшие мировые открытия», патетически заканчивал свое изложение: «Эти открытия придают гению человека могущественнейшее сознание своей силы, и он с гордостью устремляется умом даже в то непостижимое царство вечности, которому суждено поглотить все земное».

Как было указано в начале этой главы, Достоевский ставил в связь развитие европейской цивилизации с католицизмом. Вероятно, этим надо объяснить, что рядом с научными статьями

Страхова и Владиславлева (с их борьбой за идеализм против материализма) Достоевский поместил четыре полуисторические, полупублицистические статьи о папизме и иезуитизме. О трех из них и о связи их с записями Достоевского в его тетрадях мы говорили в предшествующей главе. Четвертую характеризуем здесь. Она была помещена еще Михаилом Михайловичем в книге 1—2 «Эпохи» 1863 г. Это первый труд Н. А. Осокина, молодого историка (род. в 1843 г.), впоследствии профессора всеобщей истории Казанского университета. Статья называлась «Иероним Савонарола. Опыт исторической монографии» (70 стр.). Автор цитирует и ссылается на десятки иностранных источников на немецком, французском и итальянском языках (без перевода на русский) из изданий начиная с XVI в. Основная идея — противопоставление величия дела Савонаролы, его гения, силы воли тому упадку, жалкому состоянию нравственности, в котором находилось высшее общество его времени и католическое духовенство. Осокин обличал безнравственного папу Александра VI, характеризовал рост популярности Савонаролы в народе, его стремление к социальной и религиозной реформе, хотя проповеди Савонаролы не имели политического значения, он не боролся с догматами католической церкви и не защищал еретические положения.

Статья была помечена как «Статья I», она заканчивалась на смерти Лоренцо Медичи, продолжения этой работы не последовало. Это можно, конечно, объяснить трудностью изложения, обилием иностранных цитат, которые делали статью мало доступной и мало интересной для рядового читателя. Но, может быть, редакцию остановила восторженная характеристика дальнейшей деятельности фанатика католицизма, республиканца-теократа, которая возвеличивала образ не только далекий, но прямо противоположный идеалу Ф. М. Достоевского, так как этот образ некоторыми чертами сближался с деятельностью инквизиции (контроль за поведением граждан, уничтожение произведений светского искусства и др.).

Для журнала «Время» был характерен повышенный интерес к русской истории: почти во всех книгах журнала были помещены исторические статьи. Значительно слабее этот интерес выражен в «Эпохе», хотя Ф. М. Достоевский еще в период ее организации задумывал выступить с исторической статьей в связи с возникшей в печати полемикой между Н. И. Костомаровым и Погодиным.

Профессор Костомаров поместил в «Календаре на 1864 г.», изданном Академией наук, статью о Куликовской битве, в которой позволил себе усомниться в геройстве руководившего московскими войсками князя Дмитрия Донского. Он произвольно истолковал сведения из летописей о поведении князя во время боя. Антипатриотическая трактовка роли великого князя вызвала возмущенную статью Погодина в аксаковском «Дне» (1864, № 4),

на которую последовал ответ Костомарова в «Голосе». Достоевский, вернувшись в Москву из Петербурга, где был в середине февраля 1864 г. и где, очевидно, обсуждалась эта полемика, писал брату 29 февраля: «С завтрашнего же дня сажусь за статью о Костомарове. Через неделю уведомлю о ходе дела». А в это же время М. М. Достоевский, уже зная о замысле брата, писал ему из Петербурга 1 марта: «Если удосужишься, напиши о Костомарове, только поскорее». На другой день вновь писал ему: «Посылаю тебе «Голос», в котором ты найдешь материалы для статьи своей, новый ответ Костомарова... Не пиши большой статьи, не вдавайся в подробности. Покороче, но только ради боге поскорее. Медлить опасно».

Это письмо Ф. М. Достоевский получил 5 марта, но больной, уложенный врачами в постель без разрешения вставать, в тот же день сообщал брату, что при всем горячем желании быстро написать статью не может: «Статья моя (будущая) о споре Погодина с Костомаровым будет во всяком случае — большая статья и не может быть сокращена. Я смотрю на нее с надеждою. Я не знаю историю так, как они оба, а между прочим, мне кажется, что есть что сказать и тому и другому. Во всяком случае я статьи теперь написать — не могу. Физически не могу... Я же, как только поправлюсь, примусь уже за повесть, а кончив ее, напишу о Костомарове и о Кохановской, если успею». Задержка статьи волновала М. М. Достоевского, и он 21 марта обратился к брату с таким предложением: «Так как ты, мне кажется, гораздо лучше напишешь о Кохановской, чем о Костомарове, то позволь мне передать этот сюжет Аверкиеву, который занимается русской историей. Отвечай мне. В таком случае вместо одной были бы две статьи».

К апрелю Достоевскому стало совершенно ясно, что он «наверно» ничего не напишет в этом месяце для отдела критики, и он поспешил дать согласие на статью Аверкиева: «Пусть Аверкиев пишет статью о Костомарове, если хочет и если только *теперь успеет*, но с подписью имени, не от редакции. Я ведь чего боюсь? Только того, что мы как-нибудь разойдемся в направлении. Я ведь не историческую статью хочу писать, а по поводу русских историков и их знания своего дела. (Не беспокойся, я знаю, что сказать, и достаточно даже специалист — не в истории, а в развитии наших идей исторических в литературе, во взглядах наших историков (главнейших). Одним словом, в грязь лицом не шлепнусь, да, кроме того, тут все идеи «Эпохи» о «почве» должны быть выражены, не беспокойся.) Пусть Аверкиев пишет, но очень бы мне желалось, чтоб он собственно о Костомарове писал, а не о споре его с *Погодиным*. Но, впрочем, стеснять нельзя, как знает. Я же мою статью напишу тоже как знаю. Насчет же того, что время уйдет и будет *несвоевременно* — то это ничего не значит. Всегда можно прицепиться и придать такую литературную форму...».

Статью о Костомарове Достоевский не написал, но память об этой исторической дискуссии сохранилась у него до последнего года жизни, так же, как неприязненное отношение к историку: «Костомарова не могу читать без негодования...», — писал он Погодину в 1873 г., а в 1880 г. вспоминал о переживаниях 1864 г. в письме к О. Ф. Миллеру: «Какая прекрасная мысль — особое торжественное заседание нашего общества на память 500-летия Куликовской битвы... Надо возрождать впечатления великих событий в нашем интеллигентном обществе, забывшем и оплевавшем историю... Как бы хорошо было упомянуть хоть вскользь об «ушедшем спать» великом князе (вероятно, от трусости), когда другие бились. Нужно высоко восстановить этот прекрасный образ...» [11]

В третьей книге «Эпохи» появилась статья Аверкиева «Г. Костомаров разбивает народные предания». Иронически величая Костомарова «любимцем петербургской публики», Аверкиев видел и в ответе Костомарова Погодину стремление «расположить к себе публику»: Погодин упрекал Костомарова в том, что он «не любит Москву», а Костомаров назвал статью московского историка «учено-полицейскою статьей». Аверкиев обвинял Костомарова в недобросовестном подборе, использовании исторических фактов с явным намерением бросить тень на Дмитрия и Москву и в том, что тот призывал историков «не курить фимиам перед народными кумирами, а разбивать их». Цитируя летописи, Аверкиев показывал, как Костомаров извращал их смысл, уличал историка в явном намерении снизить роль Дмитрия, показать его трусость. Он разбивал одно за другим положения Костомарова, восстанавливал заслуги Дмитрия и удивлялся тому, что известный профессор «позволяет себе писать наобум».

Костомаров напечатал ответ Аверкиеву в № 124 «Голоса», назвав его «Апология за Дмитрия Донского гг. Аверкиева и Аскоченского». На это последовала короткая статья Аверкиева в четвертой книге «Эпохи»: «Как отвечают гг. профессора». В ней Аверкиев вновь приводил 13 примеров искажений и неверных ссылок на одни источники, на умолчание других. «Положим, — писал Аверкиев, — я человек маленький, а г. Костомаров известный ученый — но неужели это дает ему право так бесцеремонно обходиться с печатным словом?» На сопоставление же в заголовке его фамилии с издателем одиозного «Маяка» Аверкиев замечал: «Г. Костомаров поставил мое имя наряду с именем г. Аскоченского. Это одна из привычек литературных башибузуков, и, повторяю, уважающему себя ученому следует остерегаться таких полемических приемов».

Знание Аверкиевым исторических источников Куликовской битвы объяснялось, вероятно, тем, что он уже работал над боль-

---

[11] Письма, т. I, стр. 349, 354—355; т. IV, стр. 270; «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. М.—Л., 1935, стр. 548, 549; Письма, т. IV, стр. 300, 197.

шим художественно-историческим произведением «Мамаево побоище. Летописное сказание. (Картины русской жизни XIV века). В стихах», которое увидело свет в десятой книге «Эпохи». Это был и ответ «Эпохи» на горячо задевшее ее выступление популярного профессора и заявка о патриотической позиции журнала: вместе с апофеозом героя битвы, Дмитрия Донского, рисовалась великая роль объединительницы Москвы, торжествующей победу над сговором враждебных иноземцев и внутренних предателей родины. Особенно подчеркивались силы и значение народного духа, опираясь на который вершили судьбу родины князья и бояре.

В составленных Ф. М. Достоевским книгах «Эпохи» мы также находим научные публикации, характерные для общей направленности журнала. Это две большие компилятивные статьи И. Долгомостьева (в № 8 и 10) «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России» и статья И. Образцова (№ 1, 1865): «Киевские ученые в Великороссии». Статья Долгомостьева испещрена ссылками на летописи, фольклор, древнюю церковную литературу, на труды ученых, иностранных и русских, среди которых имена «незабвенного Киреевского», К. Аксакова и Шевырева. Задача статьи — «исторически показать», что в Киевской Руси была своя собственная русская педагогика, которая сперва под напором византийского влияния, потом татарского ига, далее — вторжения западной цивилизации уходит в народные глубины, обнаруживаясь иногда у раскольников. На основании изучения древних церковных служебных книг автор высказывал много гипотез о существовании в древней Руси не только общего школьного образования, но и высшего для наиболее одаренных учеников, изучавших богословие, философию, историю и математику. Долгомостьев посвящает особую главу «Древнерусским учебникам и методам», подкрепляя свою гипотезу ссылками на летописи, жития святых и служебные церковные книги. Цель статьи доказать существование древней русской цивилизации, на которую благотворно влияли болгарские ученые, а пагубно — сперва византийская, а потом западноевропейская образованность.

Еще более решительно проводил эту идею Ив. Образцов, анализируя состояние русской учености в XVII и XVIII вв. Автор констатировал вторжение в русскую народную культуру через киевских ученых культуры латинской, сложившейся под влиянием католицизма и иезуитизма. Подобно тому как голландская культура, внедрявшаяся Петром в придворный быт в начале XVIII в., так и киевская ученость, возросшая на польско-латинской цивилизации, захватила в Москве не только духовные училища, но и университет, и медицинскую академию, отделила образование от народа, от русской действительности. Автор анализировал роль Киевской академии, ее влияние через своих воспитанников на развитие русской культуры, рассматривал деятельность Епифания Славенецкого, Симеона Полоцкого, Сильве-

стра Медведева, недолгое благотворное влияние греческих ученых, братьев Лихуда в борьбе с латинским влиянием и его торжество в деятельности Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Но подчеркивая вред для русского просвещения засилья латинизма, воцарившегося в XVIII в., автор все же не мог не отметить и заслугу киевских ученых, приблизивших русское образование к европейской философии, логике, диалектике.

Надо признать неудачной еще одну компилятивную статью из русской истории XVII—XVIII вв. («Эпоха», 1864, № 10). Называлась она «Записки о начале почты в России (в память 200-летия почтового ведомства в России)». Автор ее, А. Фабрициус, пользовался многими иностранными источниками, из которых приводил огромные цитаты. Постепенно отклоняясь от основной темы в историю быта, торговли, политических и дипломатических отношений, печатных изданий, автор терял нить повествования среди разрастающихся и уводящих в сторону деталей, ссылок, перечней и справок. Он не проводил никакой тенденции, но был сам явно в плену у своего сырого, набранного из разных источников материала.

В журнале «Время» было опубликовано несколько ярких статей, связанных с историей раскола. Раскол трактовался в них как выявление народного протеста против чуждых народу порядков, против его угнетения и призыв к борьбе. В «Эпохе» Ф. М. Достоевский также поместил две статьи о расколе, обе принадлежавшие В. Калатузову. Первая (1864, № 8) называлась «Монтаны», вторая (1865, № 1) — «Очерки быта и верования скопцов». Оба очерка, резко осуждая, описывали сектантов, их обряды и радения, подчеркивая их вредное воздействие на крестьянские семьи, на молодежь, стремление охулить православную церковь, духовенство, отмечали их грубое невежество, стремление к легкой нетрудовой жизни и тенденцию якобы духовными целями прикрывать половую распущенность. Сектантство рассматривалось как ересь, кощунство, как болезненное явление, требующее немедленного насильственного удаления или решительной борьбы. Автор, осуждая еретиков, часто прибегал в примечаниях к ссылкам на слова учителей церкви, например архимандрита Макария. Эти примечания обратили на себя внимание Щедрина. Он готовил для «Современника» (1864, № 10) статью, в которой, высмеивая книгу № 8 «Эпохи», специально указывал на «Примечания» к статье «Монтаны» Калатузова, называя их «наивными»: «Примечания эти до того прелестны, что мы не решаемся даже выписывать их. Пусть читатель обратится прямо к источнику и там удостоверится, какие у нас на Руси еще могут издаваться журналы» [12]. По цензурным соображениям Щедрин не мог, конечно, иронически цитировать эти примечания с цитатами из сочинений церковных писателей.

---

[12] *М. Е. Салтыков (Щедрин)*. Собрание сочинений, т. V, стр. 468.

Протоколы заседаний цензурного комитета раскрывают нам источник появления в журнале «Эпоха» этих примечаний и общей обличительной тенденции статей о ересях. Статья «Очерк быта и верования скопцов» была представлена в цензуру уже в начале 1864 г., и 12 февраля было определено: «Запретить статью к напечатанию». Но, вероятно, по ходатайству редакции статья была направлена в «духовную цензуру». Когда в начале следующего года она вновь проходила рассмотрение в цензурном комитете, то в протоколе было записано: «На основании отзыва духовной цензуры от 23 сего января за № 53 статью эту с сделанными к ней замечаниями, добавлениями и исправлениями, указанными святейшим синодом, к напечатанию дозволить». Очевидно, такова же была судьба статьи «Монтаны», о которой записано в протоколе цензурного комитета от 7 октября 1864 г.: «Статья «Монтаны», которая уже находилась в рассмотрении духовной цензуры... *Определено*: дозволить статью к напечатанию» [13].

В статьях Калатузова много бытовых наблюдений из жизни деревенских сектантов, богато представлен раскольничий поэтический фольклор.

Из материалов этой главы видно, что научные статьи «Эпохи» значительно уступали статьям «Времени» как по количеству, так и по разнообразию. Статьи «Эпохи» отличало единство пронизывающей их тенденции — борьбы с западной цивилизацией, которая рассматривалась в качестве основы материалистического мировоззрения, чуждого русской «почве». Эта тенденция пронизывала и философские статьи Страхова и Владиславлева, и компиляции по материалам русской истории. Последние приближали журнал к славянофильским воззрениям на древнюю Русь. Но сколько-нибудь развернутого изложения положительного идеала, противопоставленного отрицательной характеристике западной цивилизации, хотя бы в толковании и защите «почвы», — в научных статьях «Эпохи» не было. Не было в них и сколько-нибудь последовательного принятия славянофильского учения, открытого обращения к нему. Разделяя отдельные положения славянофилов, Достоевский критически оценивал в целом их направление. В августе 1864 г. он записал: «Как не догадаться, что общечеловеческий дух и есть отличительная, личная способность нашей науки. (Славянофилы)» — и тут же рядом: «Славянофилы, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное» [14].

---

[13] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 46 об.; ед. хр. 509, л. 25, 26.
[14] «Литературное наследство», т. 83, стр. 186—187.

Глава VI

Художественная литература

В «Объявлении» об издании «Эпохи» в 1865 г. Ф. М. Достоевский не характеризовал ее отделов и отношения к ним редакции. Посвятив «Объявление» изложению общей идейной направленности журнала, Достоевский бегло повторил не раз высказываемые им во «Времени» мысли о русской литературе как «явлении жизненном и — в своем роде — совершенно органическом»; он решительно отклонил тенденциозность как основу подбора материала в журнале: «Хвалить дурное и оправдывать его *из-за принципа* мы не можем и не хотим. Издавать журнал так, чтобы все отделы его пристрастно составлять из одних *подходящих* фактов; видеть в данном явлении только то, что нам хочется видеть, а все прочее игнорировать и умышленно устранять; называть это «*направлением*» и думать, что это и правильно и беспристрастно и честно, — мы тоже не можем. Не так разумеем мы *направление*»[1].

В предшествующей главе, рассматривая научные статьи в «Эпохе», мы убедились, хотел ли этого Достоевский или нет, но подбор их довольно определенно говорил о тенденции редактора. Ощущается она и в наиболее обширном отделе журнала, в опубликованных в нем беллетристических произведениях. Но думаем, что здесь свою роль играли и другие факторы — талантливость произведения, его восприятие читателями (например, «Призраки» Тургенева, «Леди Макбет нашего уезда» Лескова). Все же определенное «направление», которое диктовалось общей идейной установкой журнала, обнаруживалось и в отделе художественной литературы.

Начнем его рассмотрение с поэзии. По сравнению со «Временем» она представлена в «Эпохе» значительно беднее и по количеству помещенных в ней стихотворений, и по числу поэтов-сотрудников. Может быть, смерть М. М. Достоевского, который особенно интересовался этим отделом, здесь сыграла определенную роль. В книгах 5—8, 11 и 12 за 1864 г. и в обеих книгах 1865 г. не помещено ни одного стихотворения. Поэты-москвичи А. Н. Плещеев и Ф. Н. Берг и петербуржец В. В. Крестовский,

[1] *Достоевский*, т. XIII, стр. 520—521.

стихи которых были в каждой книге «Времени», в «Эпохе» не печатались. Из старых сотрудников-поэтов продолжали публиковаться лишь Н. В. Гербель, Я. П. Полонский и Ап. Н. Майков; по одному стихотворению поместили Д. В. Аверкиев, К. И. Бабиков, С. Ф. Дуров и кн. Мих. Г. Голицын. Этими именами исчерпываются поэтические кадры «Эпохи».

Перевод Гербеля из Байрона, большое юбилейно-декларативное стихотворение Ап. Майкова на 300-летие Шекспира, прочувствованное стихотворение Бабикова на смерть Ап. Григорьева и семь лирических стихотворений Полонского, связанных с его тяжелыми личными переживаниями этого времени (смерть жены и ребенка), — общественно-нейтральные, остальные же могут быть причислены к стихотворениям с определенной тенденцией, характеризующейся в основном разочарованностью в окружающей действительности, потерей надежд под гнетом враждебных сил. Если Гербель жаловался, что, оставив борьбу с жизненными бурями, с судьбой, он готов войти «в пристань», так как

...опыт тяжелый смириться заставил,
Заставил не верить мечтам... —

то Ап. Майков в «Осенних листьях» видел впереди после мрака и гибели весеннее возрождение:

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге шумят:
Все гибнет! все гибнет! Ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!
Не слышит тревоги их царственный лес
Под хладным дыханьем суровых небес,
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны...

Полны пессимизма и остро публицистичные стихотворения Дурова и Голицына и два стихотворения Полонского. Разные по художественному достоинству, они отражают общий протест против насилия над «свободной» музой поэзии, воспевающей добро и красоту. В стихотворении Дурова «Смех (из Барбье)» вспоминается смех эпохи Вольтера, революции, потрясавший «общественный строй». А теперь «смех, безобразный смех, людской руководитель, всего прекрасного завистливый гонитель», направлен против «прекрасного», и поэзия,

Оплакивая жизнь, но с жизнию не споря,
Умрет до времени с душою, полной горя.

Стихотворение Дурова по своей тенденции могло быть адресовано сатире «Искры» и «Свистка», стихотворение Голицына «Собрату», исполненное горечи и презрения, обращено к веку торгашества и барыша, господству золотого тельца, капитала.

Для поэта и его идеалов в этом веке нет места, и он должен отречься от искусства:

Служи прогрессу наших дней,
Тогда ни выходкой нахальной,
Ни ложью, полною обид,
Ни пошлой клеветой журнальной
Тебя никто не оскорбит.

Два стихотворения Полонского «Век» и «Поэту-гражданину» по своему направлению были теснейшим образом связаны с идейными установками «Эпохи». В «Веке» («Век девятнадцатый — мятежный строгий век...») ощущается протест против материалистического мировоззрения, естествознания, убивающего в человеке фантазию, в природе — душу и видящего в ней лишь брожение бессознательных слепых сил:

Нет цели в вечности; жизнь льется как поток,
И, на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес... —

куда падает все — и боги и рабы, и кумиры и черви.

В стихотворении «Поэту-гражданину» Полонский обращается к тем поэтам, которые взывают к толпе с ропотом и угрозами и оплакивают ее страдания в стихах. К этой «гражданской» поэзии толпа, усталая и угрюмая, «тупая и сильная», остается равнодушна, так как привыкла «иначе страдать». Она скорее отзовется на «любовную песенку», чем на гражданские призывы. Далее Полонский излагал свое credo художника:

Не хныкай! Голос твой пусть льется из груди,
Как льется музыка, — в цветы ряди страданья,
Любовью к правде нас веди!
Нет правды без любви к природе,
Любви к природе нет без чувства красоты,
К познанью нет пути нам без пути к свободе,
Труда — без творческой мечты...

Отметим, что до нас не дошло ни одного отзыва Ф. М. Достоевского о напечатанных в «Эпохе» стихотворениях. Говоря о своем впечатлении о первой сдвоенной книге, где были четыре стихотворения (Гербеля, Майкова и Дурова), и перечисляя со своими замечаниями все прозаические художественные и критические произведения, он не упомянул ни об одном из стихотворений [2].

---

[2] Письма, т. I, стр. 52. В протоколе заседания цензурного комитета от 23 декабря 1864 г. по докладу цензора Лебедева записано: «Стихотворение для журнала «Эпоха», в котором выражается тщетное искание бога правды. *Определено*: не дозволять статьи к напечатанию». Автор стихотворения не указан.

Иное отношение было редактора «Эпохи» к драматическим произведениям. Как во «Времени», так и в «Эпохе» братья Достоевские были очень озабочены помещением в журнале драмы или комедии; об этом свидетельствует и их переписка. Важную роль играло, вероятно, воздействие Ап. Григорьева, следившего в журналах за театральной жизнью, и характерный для всех сотрудников культ Островского, который, поместив во «Времени» две пьесы, считался «всегдашним» сотрудником и «Эпохи» (так было написано в объявлении на 1865 г.). Между тем, хотя в этом объявлении и было сказано, что «А. Н. Островский положительно обещал нам в будущем году свою комедию», и Ф. М. Достоевский рассчитывал ею начать журнал в 1865 г., комедия Островского в «Эпохе» не появилась. Сохранились четыре письма Ф. М. Достоевского к Островскому от августа, сентября и декабря 1864 г., в которых он «как спасения» просил драматурга дать в «Эпоху» пьесу к началу следующего года.

М. М. Достоевский поместил в «Эпохе» лишь одно драматическое произведение — «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» Я. П. Полонского. Полонский, близкий редакции «Времени», также тяжело пережил крушение журнала и, вероятно, участвовал во всех волнениях и хлопотах, связанных со статьей Страхова и разрешением нового журнала. Его «Сцены» писались во второй половине 1863 г. и начале 1864 г. и, казалось бы, должны были непременно появиться в «Эпохе». Но это произошло не сразу. 6 апреля 1864 г. Михаил Михайлович писал брату о драме Полонского как об известном ему факте: «Полонский везет свою драму в Москву. Вещь очень недурная, но ломит он неимоверно. «Современник» отказался от нее. Я предложил 500 р. деньгами и 1000 оттисков. Не соглашается. Черт с ним, пусть печатает у Каткова. Там по крайней мере хоть конкуренция не так велика» [3]. Надо думать, что и «Русский вестник» отказался от «Разлада», который, по своему далеко не четкому отношению к описываемым событиям, не отвечал ни взглядам «Современника», ни «Русского вестника». «Разлад» был напечатан в апрельской книжке «Эпохи».

«Разлад» до какой-то степени проливает свет на те настроения, в которых писался «Роковой вопрос» Страхова и на которые он туманно намекал в своих оправдательных письмах Каткову и Аксакову. Герой «Разлада» — русский офицер, Танин, живя в период начала восстания в Петербурге, принадлежал к тому кругу русской интеллигенции, которая высоко ценила культуру поляков, их горячий патриотизм. Он «в начале февраля в Петербурге... со-

[3] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». М.—Л., 1935, стр. 552. В 1866 г. отдельные оттиски «Разлада» появились в продаже по 75 коп. (там же, стр. 578). В гонорарной книге расписка Полонского в получении 500 руб. См. также письмо к Достоевскому 2 ноября 1864 г. О. А. Филиппова об изготовлении в типографии обложки к драме Полонского. — ЦГАЛИ, ф. 212, I, 98.

вершенно оправдывал поляков — был от них в восторге, уверяя, что молодцы!». Назначенный начальником отряда войск в борьбе с повстанцами, он влюбляется в дочь польской помещицы, сестру одного из организаторов восстания, и, еще не зная этого, помогает ему. Но постепенно перед ним открывается картина униженной задавленной жизни русских хлопов под игом польских панов и ксендзов, их лицемерная тактика, и он вступает в борьбу с врагом.

Выше было высказано предположение, что не только «Разлад» Полонского, но и «Дмитрий Самозванец» Чаева были напечатаны в «Эпохе» как отголоски событий, сопровождавших закрытие «Времени».

Николай Александрович Чаев (род. в 1824 г.) был новым автором в редакции Достоевского. Историк-археолог, долгое время заведовавший Оружейной палатой, выпустивший в 1862 г. учебное пособие «Наша старина по летописи и устному преданию», он был автором многих исторических пьес и хроник из древней русской истории. Ф. М. Достоевский познакомился с ним в Москве; он сообщал брату 20 марта 1864 г.: «Здесь есть некто Чаев. С славянофилами не согласен, но очень ими любим. Человек в высшей степени порядочный. Встречал его у Аксакова и у Ламовского. Он очень занимается историей русской. К удовольствию моему я увидал, что мы совершенно согласны во взгляде на русскую историю. Слышал я и прежде, что он пишет драматические хроники в стихах из русской истории (Князь Александр Тверской). Плещеев хвалил очень стихи. Теперь в «Дне» (№ 11) объявлено о публичном чтении хроник Чаева с похвалою. Я поручил Плещееву предложить ему напечатать в «Эпохе». Хорошо ли я сделал?» [4]

Так как М. М. Достоевский не откликнулся на этот вопрос, то 13 апреля Федор Михайлович вновь писал ему о Чаеве почти то же самое, добавив отзыв Островского: «Островский сказал, что драматизма нет, но что это *хроника*, а стихи прекрасные и есть удачные сцены». Сообщал Достоевский также, что «Князь Александр Тверской» отдан в «Библиотеку для чтения», но Боборыкин не решается печатать пьесу полностью и есть возможность получить ее для «Эпохи»: «Чаев сам хотел тебе писать. Человек он очень хороший. Но драму его прочти со вниманием. Ведь, может быть, и действительно все-то вместе и тяжело. А такие вещи не дают подписчиков».

Эта драма была напечатана в сентябрьской книге «Библиотеки для чтения», а дальнейшие переговоры с Чаевым вел Ф. М. Достоевский уже после смерти брата. По сохранившемуся письму Чаева к Ф. М. Достоевскому от 20 декабря 1864 г. мы узнаем, что в ноябре—декабре Чаев в Петербурге был очень тепло принят редактором «Эпохи», в ноябрьскую книгу которой была уже

---

[4] Письма, т. II, стр. 614.

включена пьеса Чаева «Сват Фадеич», а другая — «Дмитрий Самозванец» передана Ф. М. Достоевскому [5].

В основу «Свата Фадеича» был положен распространенный сюжет об атамане разбойников, который, грабя богатых, помогает бедным, наказывает притеснителей народа, соединяет разлученных влюбленных. Станичники, крестьяне, кузнец, мельник, лесник, обрисованные с симпатией, противопоставлены «бурмистру графской вотчины», который с исправником и солдатами ловят атамана, но терпят неудачу. В пьесе широко использованы северный фольклор и народный язык.

Для характеристики драмы «Дмитрий Самозванец» можно привести слова советского историка театра: «В историческом отношении у Чаева все документировано с исключительной обстоятельностью. Его пьеса пестрит архаизмами, диалектизмами, полонизмами, подчеркнуто затрудненными синтаксическими формами, документальным использованием народной песни». Но вместе с тем историк отмечает, что в пьесах Чаева «нет сценического действия, ярких драматических характеров», это — «история в лицах, и только» [6].

Но в «Дмитрии Самозванце» Чаева с явным недоброжелательством и насмешкой изображались польское окружение Самозванца, шляхетский гонор, представители католической церкви, им противопоставлялась сила и сплоченность русского народа, т. е. эта драма была написана в духе журнала «Эпоха».

К двум историческим пьесам Чаева надо присоединить пьесу Аверкиева «Мамаево побоище», о которой говорилось в предшествующей главе. Все они были напечатаны Федором Михайловичем и, несомненно, приближали его журнал к славянофильскому «Дню» не только по антизападной тенденции, но и по возвышению княжеской и боярской древней Руси. Эти тенденции исторической драматургии «Эпохи» были едко высмеяны Писаревым.

Отмечая в «Прогулке по садам российской словесности» («Русское слово», 1865, кн. 3), что «с легкой руки г. Островского... исторические трагедии, драмы и комедии начинают плодиться в нашей литературе», Писарев оставляет в покое Чаева, который, по его мнению, еще может «обратиться на путь истины и уразуметь всю суетность исторического драмоделания», и весь сатирический пыл направляет на «Мамаево побоище» Аверкиева. Он вспоминает его полемику с Н. Костомаровым и другие выступления в журнале, в которых Аверкиев «корчит из себя патриота и даже пристает к другим русским писателям с упреками в недостатке патриотизма», обвиняет его в «мракобесии и сикофанстве», а в его пьесе видит «тенденциозный панегирик прошедшему», желание «в самом привлекательном виде представить»

[5] Письма, т. I, стр. 366. Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 9, 114. Письма Чаева Достоевскому.

[6] *С. С. Данилов.* Очерки по истории русского драматического театра. М., 1948, гл. XXIII.

князей и бояр, «расписать самыми яркими красками благочестие наших предков», во всем проявляя свою бездарность, стремление «бесконечно растянуть» из денежных соображений «бесцветные разговоры между князьями и боярами», и полную беспомощность в изображении «якобы простонародных сцен».

Кроме исторических драм, жанр которых был характерен для 1860-х годов (Островский, Мей), Достоевский напечатал в последних книгах «Эпохи» еще три пьесы — обличительные комедии из жизни мелкого чиновничества и столичного бомонда. В девятой книге была помещена пьеса Плещеева «Попутчики». Посылая ее Достоевскому, Плещеев, сильно в это время нуждавшийся, сам не был уверен в высоком качестве пьесы и опасался, что журнал ее не напечатает. 11 сентября Плещеев писал Достоевскому: «Мне кажется, впрочем, что эти сценки, местами по крайней мере, не совсем уж плохи. А, впрочем, могу и ошибиться» [7].

Комедия строится на похождениях поручика-ловеласа и ограниченности его жертв, принадлежащих к мелкому чиновничьему московскому кругу. Действующие лица, ставшие уже трафаретными на сцене в комедиях и водевилях, — вдовушка, ловящая жениха, старая дева, вздыхающая по офицерам, простофиля-отец и т. п. Юмор достигается главным образом воспроизведением мещанской речи героев. Семнадцатилетняя девушка выходит замуж за пятидесятилетнего чиновника из управы благочиния и все недоразумения благополучно заканчиваются.

В комедии «Свет и его тени» (1865, № 1) Полонский сатирически изображает петербургское высшее общество, в котором за наружным лоском, блестящей внешностью скрывается фальшь, пустота, погоня за деньгами. Умная девушка добровольно отказывается от бедного возлюбленного, когда появляется возможность выйти за богатого. Но на фоне общества, где все «продается», рядом с глубоким скептиком, утверждающим эту философию, Полонский нарисовал бедного молодого архитектора и простую цыганку Сару, которые своим благородным поведением противостоят продажному обществу [8].

В последнем номере «Эпохи» была помещена комедия Н. А. Потехина «Врач-специалист», занявшая четверть журнальной книги. В 1861 г. в феврале «Время» напечатало отрицательный отзыв о комедии Н. А. Потехина «Быль молодцу не в укор» под названием «Бесцветные явления». Автор рецензии, поклон-

---

[7] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». М.—Л., 1935, стр. 459.

[8] На комедию Полонского обратил внимание обозреватель направления современной литературы (в «Приложении к Отчету совета министерства внутренних дел по делам книгопечатания за 1864 г.». СПб., 1863), цитируя и подчеркивая криминальные слова в речи одного из персонажей о высшем свете: «Все продается там, чувства, ласки, убеждения, самые святые убеждения! И это будет до тех пор, *пока не будет ни одуряющей бедности, ни одуревшей роскоши*, — но мы с тобой не доживем до этого времени!»

ник Островского, возмущался пьесой Н. Потехина, где «все неправда, все сочинено», все заимствовано у старых и новых авторов. Комедия «Врач-специалист», в которой модный доктор охотился за богатой невестой, в результате достающейся его скромному коллеге, получившему к тому же кафедру в университете, заставляет вспомнить приговор «Времени». Кроме явной бесцветности, фальши, пьесу отличает пошлость и интриги, и главного лица, и ряда положений, в которые герой попадает. Можно думать, что Достоевский, умолявший Островского о новой пьесе и ждавший до последнего срока, не получив ее, должен был заполнить номер тем, что было у него под рукой.

Рассматривая отдел художественной прозы во «Времени», мы констатировали, что в этом журнале публиковались произведения, продолжающие традицию «поместного романа», под некоторым влиянием Тургенева, а также разрабатывающие психологию детского и отроческого возраста, не без воздействия «Детства» и «Отрочества» Толстого. В «Эпохе» этих тенденций мы не находим. Провести группировку напечатанных в ней трех десятков романов, повестей и рассказов кажется нам наиболее целесообразным, выделив сперва те, где рисуются быт и люди провинции, а далее те, где основой повествования являются условия жизни и нравы столицы. Произведения о жизни в провинции, как правило, сопровождаются оговорками, что изображаемое относится к прошлому, хотя и недавнему. Ни в одном нет отражения крепостного права, поместной жизни, жизнь крестьян дается в плане фольклорных зарисовок, а основные сюжеты и действующие лица взяты из мещанской, купеческой и мелкочиновничьей среды.

В «Эпохе» (1865, № 2) Ф. М. Достоевский поместил очерк Катарецкого под тем же общим заглавием цикла, под которым этот автор печатал свои очерки во «Времени», — «Сцены из простонародной жизни». Очерк в «Эпохе» назывался «Святочный вечер»; он представлял колоритную картину праздничного гулянья на сельской улице в крещенский мороз, переданы разговоры то группы мужиков, сидящих в харчевне, то кучки баб-молодок на улице, то девичьего хоровода, то толпы ребятишек. Песни, прибаутки, которыми обмениваются крестьяне, перемежаются спорами и руганью торговок сластями, меткими замечаниями по поводу отдельных персонажей и любовно написанными пейзажами русской деревенской зимы. Очерк лишен какого-либо идейного содержания или социальных характеристик.

То же можно сказать о рассказах Д. Смирнова [9] «Из старинной бывальщины» (1864, № 12). Это краткие истории убийств среди крестьян, своего рода «деревенские детективы», без психологического анализа и социальных выводов.

---

[9] О Д. А. Смирнове, печатавшем под псевдонимом В. Нарпенский «Отрывки из записок мирового посредника» («Эпоха», 1864, № 8; 1865, № 2), см. в гл. III, стр. 52.

Н. Ф. Бунаков, участник революционного движения начала 60-х годов, напечатав во «Времени» большую повесть и рассказ, написанные по материалам народной жизни, опубликовал в № 12 «Эпохи» рассказ «Наши браконьеры», где действуют мелкие помещики и лишь эпизодически выводятся крестьяне, сумевшие перехитрить недогадливых господ. Ему же принадлежит напечатанный в той же книге рассказ «Ума помраченье» из быта губернских дворянских верхов. В нем иронически описывается семейство, исполненное столичных претензий и спеси, и с большой симпатией — помещик, любящий и знающий русскую деревенскую жизнь. Рассказ подписан псевдонимом Н. Федорович, который Бунаков раскрыл в своих «Записках». Ф. М. Достоевский хорошо знал Бунакова, который оставил свои воспоминания о посещении редакционного собрания «Времени» [10].

Наиболее выразительно русская провинция обрисована в рассказах из жизни торгового и мелкочиновничьего населения. Даже рассказ Н. Потехина, автора пошловатой «столичной» комедии «Врач-специалист», не лишен поэзии в изображении детских лет сына уездного чиновника («Уездное дитя» — 1865, № 1).

Особенно же интересна большая повесть П. А. Зарубина «Происшествие сороковых годов». Костромской мещанин, самоучка, служивший по землемерному ведомству, впоследствии как талантливый механик-изобретатель приборов и сельскохозяйственных орудий получивший Демидовскую премию и золотую медаль, красочно описал трудное начало своего пути. Достоевский рекомендовал брату поместить это произведение в «Эпохе», когда готовилась мартовская книга. Он писал 13 апреля М. М. Достоевскому, очевидно, уже знакомый с повестью Зарубина: «У тебя есть большая вещь Зарубина. Печатай ее. Это недурно». «Происшествие сороковых годов. Эпизод из романа» были помещены в мартовской и апрельской книжках «Эпохи», а позднее Ф. М. Достоевский напечатал в 11-й книге отзыв Зарубина о всероссийской сельскохозяйственной выставке, очевидно, ценя его мнение как специалиста [11].

В романе Зарубина много места отводится обрисовке чиновничества в губернском и уездном городе, причем рисует их не сторонний наблюдатель, а главный персонаж романа, бедный мещанин, на себе испытывавший власть и произвол служителей правосудия, в руки которых он попадает. Изображая невежество, взяточничество и всякие злоупотребления чиновников, он создает страшный образ магистерского секретаря, ханжи, лицемера и вместе с тем эротического сластолюбца, который использует свою

---

[10] См. нашу книгу о журнале «Время», стр. 291—292. «Записки Н. Ф. Бунакова». СПб., 1909. 22 декабря 1864 г. Достоевский пометил в записной тетради перед самой сдачей книги в печать: «Бунакова переделать» («Литературное наследство», т. 83, стр. 205).

[11] Письма, т. I, стр. 365. См. гл. III этой книги, стр. 41.

власть над просителями, изощряется в порке крепостных девочек и т. д.

Не менее резко он изобразил уездного купца-миллионера, наживающегося на голоде крестьян, беспощадно эксплуатирующего своих рабочих, дикого самодура в собственном семействе. Безотрадный фон, на котором развертывается роман, автор снабдил осторожным примечанием: «Просим читателей не забыть, что все это происходит в сороковых годах». Мрачному фону противопоставлены две бедные купеческие пары, их бескорыстие и честность, дружба и взаимопомощь. Он тщательно выписывает их мещанскую речь, незамысловатый быт и особенно переживания главного героя, мещанина, полуинтеллигента Боброва, который по новому сенатскому указу вдруг получает возможность, несмотря на принадлежность к податному состоянию, вступить на государственную службу по межевой части. Его пугает перспектива включиться в ряды чиновников, которые ему все видятся как насильники и негодяи или подлецы и лицемеры. Зарисовка многих эпизодов и образов свидетельствует не только о прекрасном знании русской провинции, но и о зорком глазе художника и глубоком сочувствии к жертвам жестокого произвола и насилия.

Высшим достижением «Эпохи» в изображении простонародной, т. е. недворянской Руси, был рассказ Лескова «Леди Макбет нашего уезда» (1865, № 1). Трагический образ Катерины и яркая талантливость изложения сильнее воздействовали на редактора, чем та общественная репутация, которую к этому времени приобрел Лесков за свою статью в «Северной пчеле» во время петербургских пожаров. Его обвиняли в натравливании полиции на студентов. «Время» же решительно выступало в защиту учащейся молодежи и косвенно указывало на причастность полиции к пожарам. Лесков усугубил свою создавшуюся нелестную общественную репутацию публикацией в «Библиотеке для чтения» в 1864 г. романа «Некуда», где высмеивал «нигилистов», слепцовскую коммуну и роман Чернышевского. Писарев вынес такой беспощадный приговор Лескову в статье «Прогулка по садам российской словесности»: «Меня очень интересуют следующие два вопроса: 1. Найдется ли теперь в России — кроме «Русского вестника» — хотя один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь, выходящее из-под пера Стебницкого (псевдоним Лескова. — *В. Н.*) и подписанное его фамилией? 2. Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожным и равнодушным к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого» (1865, апрель).

Отношения Лескова с редакцией журналов братьев Достоевских имели свою историю. Лесков, сопровождавший по служебным обязанностям в 1857 г. орловских крестьян, переселявшихся в Заволжье, на юг России, и принимавший участие в заседании

политико-экономического комитета Географического общества по «вопросам колонизации», прислал в редакцию «Времени» статью «О русском расселении и политико-экономическом комитете» как ответ на статью Венюкова по тому же вопросу. Редакция напечатала статью Лескова в № 12 за 1861 г. с примечанием: «С удовольствием помещаем статью эту...»[12] Но попытки поместить свои произведения во «Времени» 1862—1863 гг. Лескову не удались — они были отвергнуты М. М. Достоевским[13].

Закончив в ноябре 1864 г. в Киеве «Леди Макбет нашего уезда», Лесков направил рукопись в редакцию «Эпохи» с письмом к Страхову, в котором сообщал: «Д. В. Аверкиев и покойный Ап. А. Григорьев как-то говорили мне, чтобы я дал редакции «Эпохи» какую-нибудь свою беллетристическую работу. Имея нынче «Леди Макбет нашего уезда», я посылаю ее особой посылочкой в редакцию, но на Ваше же имя, и прошу Вас о внимании к этой небольшой работке. «Леди Макбет нашего уезда» составляет 1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частию волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать, каждый в объеме от одного до двух листов, восемь из народного и купеческого быта и четыре из дворянского». Ссылаясь на рекомендацию Ап. Григорьева, Лесков еще раз свидетельствовал о значении для него критика журналов Достоевских. В «Заметке о себе самом» (1890), вспоминая свой путь в «писательство», Лесков писал: «Беллетристические способности усмотрел и поддержал или поощрял Аполлон Григорьев».

М. М. Достоевский как редактор журнала «Время» вернул Лескову его рукопись, но с руководителем «Эпохи», с Федором Михайловичем, в прошлом никаких осложнений у писателя не было. Несомненно, Лесков высоко ценил автора «Мертвого дома». До нас дошли сведения, что в феврале—марте 1862 г. он был у Артура Бенни на чтении только что вышедших четырех глав «Записок из Мертвого дома» («Время», 1862, № 2), на котором присутствовали Слепцов, Зайцев и др. Авторитетное суждение Ф. М. Достоевского о конце рассказа «Леди Макбет...», где изображались ссылаемые на каторгу, Лесков вспоминал в 1888 г.: «Я писал, что называется, «из головы», не наблюдая этой среды в натуре, но покойный Достоевский находил, что я воспроизвел действительность довольно верно». Достоевский не мог не оценить «органичность», «почвенность» народности Лескова, который о себе писал: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе... я с народом был свой человек... Публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я не по-

---

[12] См.: *В. С. Нечаева.* Журнал «Время» Ф. М. и М. М. Достоевских, стр. 108—109.

[13] См. статью: *В. С. Нечаева.* Из архива журнала «Время». — Сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 292—293.

нимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как саму нашу жизнь, не штудируя ее, а живучи ею» [14].

Кроме общественной репутации Лескова, редактора журнала, публиковавшего «Леди Макбет...», могло бы смутить еще следующее обстоятельство, на которое, вероятно, реагировал бы Михаил Михайлович, автор статьи о «Грозе». Вряд ли современники не ощутили в Катерине Измайловой своеобразный антипод Катерины Кабановой: одно имя, общая судьба — гибель в волжских волнах как расплата за «преступную» любовь и в то же время резкое противопоставление их поведения и характеров. М. М. Достоевский в статье о «Грозе» высоко поднял русскую женщину, видя в ней страдалицу, не жертву «темного царства», а от прирожденной нравственной высоты не могущую примириться с нарушением морали, требующим искупления, всенародного покаяния. Образ Катерины Измайловой пародировал созданный критиком-«почвенником» идеализированный характер Катерины Островского. Художественное чувство Достоевского превозмогло и это опасное для «почвеннического» журнала испытание [15].

В первой же книге «Эпохи» за 1864 г. М. М. Достоевский поместил произведения, отразившие столичную жизнь, обитателей ее «дна». Он напечатал принятый еще редакцией «Время» рассказ Горского из цикла «Бедные жильцы». Рассказ назывался «В больнице и на морозе. Из записок Страстотерпцева». Ф. М. Достоевский одобрял работы Горского, но считал их «совсем не литературой», а видел в них полезные факты и рекомендовал брату взять у Горского материал и для следующего номера, так как такие статьи читаются публикой и о них говорят. Прочтя публикацию в «Эпохе», Достоевский писал: «Горского мне очень понравилось» [16].

В очерке Горского содержался горячий монолог в защиту людей, выброшенных на улицу столицы и погибающих на глазах у филантропов, которые хлопочут о благе человечества, а не замечают тех, кто гибнет. «Как, разве они слепы, разве не видят, что сотни, тысячи таких же голышей, как я, шатаются по Сенной, по Апраксину, по рынкам, без пристанища, без одежонки, почти босые? Да это такая аксиома, которую всякий десятилетний ребенок знает. Кто не хаживал по Сенной, по Апраксину, по Сытному, кто не наталкивался тысячу раз на оборванных, обтрепан-

---

[14] *Н. С Лесков.* Собрание сочинений, т. I. М., 1956, стр. XII, VII, 498, 499; 1958, т. II, стр. 19, 804.

[15] Мы не нашли сопоставлений современниками «Грозы» Островского с рассказом Лескова, но советские исследователи видят в последнем скрытую полемику против «Грозы». См., например: *В. Гебель.* Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 19; *Б. М. Другов.* Н. С. Лесков. Изд. 2. М., 1961, стр. 36.

[16] Письма, т. I, стр. 252. О статьях Горского см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал «Время»..., стр. 232—233. О дальнейших отношениях Достоевского и Горского см. письма последнего к Достоевскому в сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 255—267.

ных статских, военных, немытых, небритых, в дырявых сапогах, в лаптях, просящих подаяния? . . Пройдитесь по Спасскому, Конному переулку... так вы не можете не убедиться, какое ужасающее количество бедняков обитает в столице».

В той же сдвоенной книге (январь—февраль) нашел место отрывок из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», который публиковался в «Отечественных записках» в 1864—1867 гг. Напечатанные в «Эпохе» четыре главы из первой части были озаглавлены «Ерши», по названию грязного трактира, где происходит действие. Это воровской притон, куда ночью слетаются преступные подонки столицы, среди которых ряд типов из бывших военных, чиновников, здесь звучит блатная речь и втягиваются в мошеннические предприятия новички. Вероятно, с целью предохранить себя от придирок цензуры, автор в примечании сообщает, что события, описываемые в первой части романа, относятся к 1838 г. Очевидно, в связи с современной ситуацией Крестовский сделал главных действующих лиц поляками. Сообщая брату свои впечатления от первой книги «Эпохи», Ф. М. Достоевский похвалил «Ерши».

Лишь одно произведение в «Эпохе» было посвящено жизни бедного рабочего люда. В февральской книге 1865 г. Ф. М. Достоевский поместил «Очерки из жизни московских белошвеек» Ивана Молчанова. Изображением «незавидной, горькой карьеры московских белошвеек» автор откликался на актуальную тему создания общественных швейных мастерских, руководимых «эмансипированными» женщинами, что обсуждалось в литературе и проводилось в жизнь. Молчанов описывал убогое существование девушек, приходивших из деревни молодыми и здоровыми, а в результате эксплуатации корыстных хозяек, тяжелого труда, соблазнов столицы «кончали жизнь свою где-нибудь на мосту, торгуя гнилыми яблоками, или в полицейской больнице или в Юсуповском доме». Описывая эпизоды из жизни двух швеек, Груши и Любаши, автор глубоко сочувствовал их порывам вернуться к деревенской «свободе», их физическим и моральным мучениям и, заканчивая очерк, патетически восклицал: «Господи! к чему ты посылаешь такие страдания этим существам, для которых и без того много тяжелого и неутешительного в жизни встречается на каждом шагу... Одна за другой приносятся жертвы на алтарь порока...»

Более широкие картины столичной жизни даны в двух произведениях: «Посмертные записки одного скитальца» Милюкова (август) и романе Бабикова «Глухая улица» (октябрь—ноябрь—декабрь). Еще в первой книжке были напечатаны «Листки из записной книжки» Милюкова — короткие рассказы анекдотического характера, подслушанные среди петербургского простого народа, воспроизводящие мещанскую речь. Юмор этих рассказов не только нельзя назвать народным, а скорее антинародным, так как автор «оглуплял» своих героев. Достоевский был невысокого мнения о самом Милюкове, его умственных и нравственных качествах,

а также о его рассказах. Хваля первый сдвоенный номер, он писал: «Некоторые статьи очень порядочны... компиляция из Смита, Ерши, Бедные жильцы...» Над строкой Достоевский надписал — «даже Милюков». Но тем не менее вскоре он советовал брату для составления следующих номеров: «Возьми у Милюкова рассказов и проч.»[17] Предполагал Достоевский как-то использовать рассказы Милюкова в своей повести «Крокодил», так как среди ее черновых набросков находим: «Эксплуатация крокодила... Милюков рассказы. Зверинец, обезьян немцы всяких показывают. Кормить извозчиков крокодила...»

Составляя свою первую после смерти брата книжку журнала (июль), Достоевский, может быть, еще не разобрав архива редакции, взял у Милюкова его «Записки скитальца» (скиталец — породистый пудель), но потом поместил их не в июльской книжке, а в августовской[18]. Сюжет повести занимателен, так как читатель попадает вместе с героем-пуделем то в богатую аристократическую семью, то в среду балаганных актеров, разных уличных «промышленников», а из крепостного захолустья — в дешевые петербургские меблированные комнаты, в студенческую молодую компанию. В повести много удачных бытовых наблюдений, но нет художественных образов, эпизоды не объединены, не осмыслены, нет авторского отношения к повествуемому, общей идеи, кроме самой банальной констатации превратности судеб не только в собачьей, но и в человеческой жизни.

Более интересен большой роман К. Бабикова в последних трех книжках «Эпохи» за 1864 г. До этого романа Бабиков выступал во «Времени» с произведениями, отражавшими помещичий дворянский быт, а в «Эпохе» напечатал рассказ «Первые слезы» — анализ психологии мальчика из той же среды. Посредником в помещении в «Эпохе» романа Бабикова, жившего в Москве, был Аверкиев, о чем мы узнаем из письма Бабикова Ф. М. Достоевскому от 26 сентября 1864 г.: «Аверкиев мне писал, что Вы желали бы прочесть первую часть моего романа. Исполняю это Ваше желание с величайшим удовольствием...» Сообщая далее свои условия, Бабиков писал, что вторая часть почти готова, и он вышлет ее в октябре, а третью часть — в середине декабря: «Я, без всякого сомнения, буду необычайно доволен и счастлив, если Вы найдете роман мой удобным для напечатания в Вашем журнале, но, в случае его негодности, я убедительно прошу Вас не замедлить ответом, просто потому, что я сижу без гроша, а у меня есть надежда на «Русский вестник», и теперь время самое подходящее». В заключение Бабиков посылал поклон «распрекраснейшему Николаю Николаевичу» (Страхову).

Еще до этого письма Достоевский сделал в своей тетради

---

[17] Письма, т. I, стр. 341, 352, 365.

[18] «Литературное наследство», т. 83, стр. 269, 177, 180, 185. Отметим в повести Милюкова параллель с «Дядюшкиным сном» — туалет старого аристократа.

запись: «7 <сентября> С Аверкиевым о Бабикове», а 5 октября: «Письмо и деньги Бабикову». И далее уже включил его роман в состав октябрьской и ноябрьской книг[19].

Действие романа «Глухая улица» почти полностью протекает на одной из окраинных улиц Москвы, по времени охватывает жизнь двух поколений с 30-х по 60-е годы XIX в. Глухая улица сама как бы является действующим лицом произведения: в каждой главе автор дает как бы заставки к ним — тонкие пейзажные зарисовки улицы в разные времена года, суток, в разную погоду. Он часто обобщает образы ее жителей — мещан, мелких торговцев, мастеровых, обитающих в старых домишках, в садах за заборами, называя их во множественном лице — Карпы Сидорычи и Акулины Саввишны. Его задача — вскрыть характерные черты этого сохранившегося «домостроя», «девственной стороны», ее неподвижную патриархальность. Это не обличение, не глумление, не возмущение, но и не восхваление. Это стремление рядом с силой традиций, невежеством, раболепством, суеверием показать и то хорошее, доброе, поэтичное, что свойственно ее жителям, но находится глубоко запрятанным под грубыми нравами: «И строги же были эти неуступчивые нравы! Несокрушимы были и ее обычаи! Приходили не раз новые люди бороться с угрюмой силой, но победить Глухой не могли. «Как отцы жили, так и ты живи!» — говорила Глухая улица тому, кто осмеливался восстать на ее святыни... и напрасно силился возмутитель прорвать крепкий оплот, защищавший Глухую улицу от напора новых волн жизни, — все усилия его были бесплодны и сокрушались при встрече с недвижной громадой».

Автор ставил перед собой задачу проникнуть в душевный мир своих героев. Он писал: «Автор имеет намерение до малейших подробностей изобразить ту жизнь, которая протекает по глухим московским улицам». И надо отдать ему справедливость, что, рисуя колоритные бытовые сцены, передавая язык своих героев и фольклор, бытующий среди них, он стремится прежде всего раскрыть духовную сущность своих героев, защитить ее, объяснить грубость, жестокость, за которыми скрывается подлинное глубокое чувство, страдание, вырывающееся наружу самодурством, загулом. Характерны авторские реплики, с которыми Бабиков время от времени обращается к читателю, признаваясь в трудности этой задачи: «Что делалось в эти загулы с Гнилым Стряпчим — того описать невозможно, как невозможно передать того, что совершалось в его душе, да и к чему объяснять то, что впоследствии должно объясниться само собой». Изображая сварливую старую деву, ее злые выпады против племянников, которым она заменила мать, автор доказывал, что поведение ее было вызвано «горячею безграничною любовью, а не злобой или ненавистью... Права ли

---

[19] Письмо Бабикова см.: ИРЛИ, ф. 100, 29642, CCXI б. 2; «Литературное наследство», т. 83, стр. 202, 204, 208, 209.

она была — не нам решать, но черство будет то сердце, которое осмелится эту почти материнскую любовь оскорбить насмешкой! Где норма этой любви и кто ей назначил пределы? ..»

Среди образов, созданных Бабиковым в «Глухой улице», надо выделить центральную фигуру — ходатая по делам Игнатия Кречетова, с его родословной, восходящей к боярскому роду Щелкановых, со всеми внешними атрибутами купца-самодура комедий Островского, переживающего внутренне глубокую трагедию, которая развертывается на протяжении всего повествования [20]. Надо отметить стремление молодого автора дать психологические зарисовки женских образов (особенно «кроткой» жены Кречетова), точно предвещающих «кротких» героинь Достоевского. С ними связано противопоставление двух «падших» — «своевольной», вызывающе себя ведущей от оскорбленной гордости, и «бессловесной» дочери «кроткой».

Роман Бабикова был, несомненно, талантлив и в ряде эпизодов переносил читателя в атмосферу творчества Достоевского — «Неточки Незвановой», «Униженных и оскорбленных».

Не останавливаясь на маловыразительных «обличительных» рассказах Л. Утина «Проза жизни» (кн. 5 — петербургское крупное чиновничество) и Н. Воронова «Материал для размышления» (кн. 4 — грубая распущенность провинциального общества), скажем несколько слов о небольшой группе авторов-женщин, сотрудничавших в «Эпохе». Приход писательниц в литературу в 60-х годах был явлением очень заметным и, несомненно, привлекал внимание Достоевского, до конца жизни с сочувствием относившегося к успехам женщин в области науки и искусства [21].

Публикация во «Времени» и «Эпохе» рассказов близкого друга Ф. М. Достоевского А. П. Сусловой объяснялась не только естественным вниманием к опытам дорогого человека, но и интересом к отражению в литературе психологии новой женщины — современницы. Рассказ Сусловой «Своей дорогой» был у Достоевского в руках в Москве весной 1864 г., он писал о нем брату 9 апреля: «На днях вышлю повесть Аполлинарии. . . Повесть же не хуже ее прежних и может идти». И вновь писал 13 апреля: «Повесть Аполлинарии посылаю отдельно. Обрати внимание. Печатать очень можно» [22].

Рассказ появился в шестой книге «Эпохи», вышедшей, а может быть, и составлявшейся уже после смерти М. М. Достоевского (ценз. разр. — 20 августа). А. С. Долинин так характери-

---

[20] Страхов писал Достоевскому 8 июня 1871 г., развивая мысль последнего о том, что Тургенев и Толстой — «помещичья литература», он соглашался с существованием особых социальных типов в литературе: «Купцы у Островского, даже у Бабикова... до того своеобразны, что составляют тоже несливающуюся струю». (Сб.: «Шестидесятые годы». М.—Л., 1940, стр. 274.)

[21] *В. С. Нечаева.* Из архива журнала «Время». Сб.: «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 294—295.

[22] Письма, т. I, стр. 363, 369.

зовал А. П. Суслову как писательницу и человека: «Только одна идея из идей века действительно захватывает ее целиком, становится ее собственной идеей, определяя собою в известной степени все своеобразие истории ее жизни, — это вопрос об эмансипации женщины». Но, как отмечал исследователь, ее голос в общем хоре литераторов, писавших на эту тему, «звучит как-то исключительно заунывно, без тени того молодого задора, который, независимо от темы или сюжета, все же чувствовался у большинства переживавших эту раннюю весну русской гражданственности».

О рассказе «Своей дорогой» и его героине можно сказать то же, что далее исследователь пишет о Сусловой: «Пафос ее писаний — пафос ее жизни. Она не только проповедует идеал свободной женщины... но пытается осуществить его и фактически. Она хочет быть свободной от каких бы то ни было предрассудков, хочет любить, никого не связывая своей любовью» [23].

В рассказе Сусловой, кроме этой основной линии, есть резкое разоблачение лжи и пустоты жизни столичного обеспеченного общества и намечен образ борца за новые идеи, которого перестали удовлетворять слова и споры и который требовал служения народу делом. Он писал из деревни в город: «Я целые дни работаю: читаю, режу лягушек, лечу мужиков и приобрел между ними большое доверие, особенно между бабами... Я все более убеждаюсь, что здесь только жизнь моя и может иметь настоящий смысл; я здесь могу сделать хоть какую-нибудь пользу. Поучиться только еще нужно; съезжу за границу года на два и уж окончательно пущу корни в деревне. Что мне ваш Петербург? Что там делать? Перебирать решенные вопросы, слушать мысли, в которых страстно убежден?»

Не дождавшись, что за словами «неминуемо последует дело», он покинул Петербург, где и работа врача его не удовлетворяла, так как нельзя лечить лекарствами болезни, которые развились от «экономических причин», когда болеет человек, живущий «в зараженном воздухе», «задавленный работой». Он борется с пессимизмом героини, зовет ее работать в деревню, учит ее не страдать от неудачной любви, а презирать «негодяев» и «подлецов», идти прямо навстречу жизни и требовать своей доли счастья.

В повесть включен явно автобиографический эпизод (краткая связь героини с Владимиром, т. е. Сусловой с Сальвадором), в котором туманно дается понять, что у Владимира был предшественник, но с ним все кончено, а мысли героини обращены к идеаль-

---

[23] *А. С. Долинин.* Достоевский и Суслова. — Сб.: «Ф. М. Достоевский». Под ред. Долинина. Л., 1924, стр. 172, 174. В своем дневнике под 4 февраля 1865 г., находясь в Париже и общаясь с эмиграцией, Суслова записала: «Утин спросил, пишу ли я Достоевскому и отчего не иду за него замуж, что нужно, чтоб я прибрала к рукам его и «Эпоху»... Прибрать к рукам «Эпоху»... Но что я за Ифигения!» — Там же, стр. 289.

ному врачу, о котором говорилось выше и который является ее спасителем[24].

Автором второго рассказа была писательница С. В. Энгельгардт (рожденная Новосильцева), подписывавшая свои произведения «Ольга Н.». Достоевский еще в Сибири обратил внимание на их публикации в «Отечественных записках» и «Современнике» и запрашивал брата 15 апреля 1855 г.: «Уведомьте, ради бога, кто такая Ольга Н. и Л. Т. (напечатавший «Отрочество» в «Современнике»)?» Позднее Ольга Н. печаталась в «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике» и «Русской речи». Она прислала М. М. Достоевскому свою повесть «Лиза» и 10 октября письмом запрашивала Ф. М. Достоевского, будет ли она напечатана, а 15 октября сообщала свои условия относительно гонорара. Достоевский очень официально известил ее 27 октября о посылке ей денег, повесть же включил в августовскую книгу[25].

Ольга Н. была на 10—15 лет старше Сусловой и принадлежала к другой социальной среде. Тем не менее в центре ее повести героиня, также отстаивающая свободу чувства, с характером решительным, резкая в суждениях, строящая свою жизнь независимо от установленных мнений и приличий. Ее страстная любовь к графу Пронскому, потом нескрываемая любовь к рассказчику. Все это рисует героиню сильной, глубоко женственной натурой. Автор называет ее «романтической мечтательницей». Сам же рассказчик, натура рефлектирующая, находящаяся во власти установленных в обществе предрассудков, не способен не считаться с ними. Он это понимает и вызывает презрение героини. Фоном рассказа служит богатое поместье и деревня, что вместе с образами главных героев говорит о влиянии на автора творчества Тургенева.

Два рассказа были присланы Ф. М. Достоевскому неизвестным ему автором, молодой девушкой, лишь после вошедшей в его личную жизнь. А. В. Корвин-Круковская, дочь генерала, предводителя дворянства Витебской губернии, была, по рассказу ее сестры С. В. Ковалевской, захвачена передовым движением, современной журналистикой. Поиски смысла и цели жизни привели ее к литературной деятельности. Вместе с рукописями рассказов она послала Достоевскому письмо, которое расположило его к автору. Он оценил юношескую непосредственность, искренность и теплоту чувства в ее рассказах, хотя и отмечал их «недоделанность и наивность»[26].

---

[24] По нашему мнению, Долинин неверно толковал рассказ Сусловой, видя во враче-спасителе Достоевского. Между тем героиня дает понять, что до Владимира у нее был неудачный роман, а с врачом, до его приезда в Петербург, у нее были лишь дружеские отношения (*А. С. Долинин.* Достоевский и Суслова, стр. 192).

[25] Письма, т. I, стр. 516; т. IV, стр. 276, 457, 597 (повесть всюду ошибочно именуется «Лица» вместо «Лиза»). Письма Энгельгардт см. в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 10, 8.

[26] Письма, т. I, стр. 574.

Первый рассказ «Сон» был напечатан в августовской книжке, а второй, который автор назвал «Послушник»,— в сентябрьской. Но, как писал Достоевский автору 14 декабря 1864 г., это название «было не то чтобы запрещено, а забраковано духовной цензурой», и рассказ появился под названием «Михаил». Подписаны рассказы были «Ю. О-в» (Юрий Орбелов).

«Наивность» первого рассказа, экзальтированность его изложения, надуманность сюжета не затеняют основную мысль автора: в жизни необходима высшая цель, освещающая убогий быт, стремление оказать пользу тем, кто в ней нуждается[27]. Ту же мысль, но глубже разработанную, мы находим во второй повести. Богатый сирота, нежный поэтический юноша Михаил тяготится жизнью родной семьи, столичной светской средой. В поисках правды, цели существования он поселяется в монастыре, где его дядя, отец Амвросий ведет строгую монашескую жизнь. Михаил хотя и носит одежду послушника, но не постригается в монахи, внутренняя борьба в нем продолжается, так как многое и в монастыре не отвечает его идеалу. Очевидно, в повести молодого автора, «нигилистки», как ее позднее называл Достоевский, столь критически изображалась монастырская жизнь, что по требованию духовной цензуры были сделаны купюры. Ф. М. Достоевский писал по этому поводу: «Эту повесть духовная цензура первоначально запрещала, и потому я должен был согласиться на многие вымарки и исправления. Некоторые из этих исправлений и по моему личному убеждению были нужны. (Например, все чувства Михаила по поводу монастыря и монахов, по возвращении из Москвы и перед отъездом в Москву, были вымараны, а по-моему и хорошо, потому что упоминать о них лишнее. Кто не поймет их и без разжевыванья? От этого сокращения повесть становится короче, сжатее и нисколько не темнее. Все ясно. . .)».

В выброшенных местах, очевидно, и раскрывался тяжелый душевный кризис Михаила: появление горького сознания, что в монастыре все окаменело, застыло и что здесь он не найдет разрешения своих сомнений. Повесть чужда какой-либо мистики, религиозного экстаза. Михаилом руководит единый завет — служить своим ближним. И умирал Михаил не примиренным — «пустота мучительно давила его и сочила его надорванное, опустелое сердце».

Достоевский, сообщая автору, что его «Михаил» многим нра-

---

[27] Сюжет рассказа: дочь бедного немецкого учителя зарабатывает на жизнь шитьем белья на дому; случайно она видит похороны незнакомого бедного студента и узнает, что он умер одинокий и беспомощный. Сравнивая свою судьбу с его судьбой, она поглощена мыслью о необходимости взаимной помощи нуждающимся, и рано погибает сама. Непонятно, как могло в биографию Достоевского попасть такое изложение рассказа: «Светская девушка, увлеченная бедным студентом, не дает воли своему чувству и лишь после смерти героя понимает, что проиграла свое счастье» (?!) (*Л. П. Гроссман.* Ф. М. Достоевский. М., 1963, стр. 322).

вится, и отвечая на его вопрос — стоит ли ему отдать себя литературе,— писал: «Вам не только можно, но и *должно* смотреть на свои способности *серьезно*. Вы — поэт. Это уже одно многого стоит, а если при этом *талант, взгляд,* то нельзя пренебрегать собою. Одно — учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное. Да еще надобно верить. Без этого *ничего* не будет. Идеал Ваш проглянул недурно, *хоть* и отрицательно. Михаил, который не может *по натуре* (т. е. бессознательно) помириться с чем-нибудь, *что ниже идеала*,— идея глубокая и сильная».

Не вспоминался ли Достоевскому этот высоко оцененный им художественный образ чистого юноши, оставившего семью и в одежде послушника в монастырских стенах ищущего ответа на свои поиски правды и цели жизни, когда он создавал Алешу Карамазова, отмеченного поэтическим обаянием?[28]

Скажем еще несколько слов об очерке «Институтки» М. Долгомостьевой (книга 10-я, подпись М. Дол-ева). Автор сообщает в примечании, что хотя она «давно вышла из института» и, вероятно, там многое изменилось, но все же надеется, что своим рассказом об институтском быте принесет пользу. Редакция со своей стороны отметила, что помещает эти записки, «не изменяя ни слова».

В первой части подробно описывается «внешний вид институтской жизни», а во второй — ее «внутренний быт». Основная мысль — показать бессмысленность и даже жестокость воспитания детей вне семьи, дома и общества, тот вред здоровью, умственному и нравственному развитию детей, который приносит институтская жизнь.

В связи с интересом, который проявила «Эпоха» к творчеству женщин, поместив рассмотренные произведения, надо вернуться к первому журналу Достоевских, когда в редакционный портфель «Времени» из столиц и глубокой провинции шли письма и рукописи многих, по большей части начинающих писательниц. В «Списке статьям (рукописям) 1863 год» (см. далее стр. 276—288) зафиксированы произведения более десяти авторов-женщин, кроме тех писательниц, кто скрылся под инициалами, псевдонимами, а то и вовсе предпочитал остаться анонимными. Можно с уверенностью сказать, что переводы двух рассказов Ауэрбаха, в обратном получении которых из редакции «Времени» «10 сентября» расписался В. А. Слепцов (см. № 238 и 250), были работами

---

[28] Письма, т. I, стр. 381, 382. При составлении плана сентябрьской книжки повесть Корвин-Круковской значилась как «Послушник» («Литературное наследство», т. 83, стр. 208). Сближение образа Михаила с Алешей Карамазовым, которого автор, судя по воспоминаниям А. С. Суворина, предполагал сделать революционером, напоминает о том, что А. В. Корвин-Круковская, несомненно вложившая в образ героя повести свою неудовлетворенность действительностью, свои поиски правды и помощи людям, пришла позднее к участию в революционной борьбе.

женщин: известно, что Слепцов в это время пропагандировал и помогал организовывать женский труд.

Письмо одной из членов Слепцовской коммуны Е. И. Цениной (впоследствии Жуковской) сохранилось в архиве Достоевского. Оно не датировано и адресовано «милостивому государю Федору Федоровичу». Думаем, что, вероятнее, ошибка автора только в отчестве, а не в имени и отчестве, т. е. письмо адресовано именно Ф. М., а не М. М. Достоевскому, и вероятнее оно написано не в журнал «Время», а в «Эпоху», уже после смерти Михаила Михайловича. Е. И. Ценина пишет: «В прошлую среду я, было, пришла к Вам для того, чтоб передать Вам эти сцены из институтской жизни, но на дверях прочла, что Вы принимаете, кажется, во вторник в 12 часов. К несчастью, этот день мне неудобен и потому я послала мою рукопись с девушкой. Мне, было, отсоветовали передавать ее Вам, потому будто бы Вы не принимаете женского труда. Вчера Суслова убеждала меня в противном. Она же мне сказала, что Вы имеете какую-то статью о женских институтах, которую бы желали поместить у себя. Если мои сцены будут одобрены Вами и могут идти в pendant к той статье, то я бы была очень довольна. Я переделала институт в пансион на том основании, что об институтах, говорят, писать не позволяют» [29]. Упоминаемая Суслова, возможно, сестра Аполлинарии, бывшей за границей, Надежда Прокофьевна, статья же об институтах, вероятно, М. Долгомостьевой, напечатанная в книге 10 «Эпохи» за 1864 год. Замена института частным пансионом имела, несомненно, реальные основания. В протоколе заседания цензурного комитета от 1 июля 1864 г. по поводу состава журнала «Отечественные записки» записано: «*Порядочные люди* — дневник институтки, в котором заключаются укоризны и нападки на институтское воспитание. *Определено*: дозволить статью к напечатанию, представив автору отнести весь рассказ к частному учебному заведению взамен института» [30].

Особый интерес представляет связь с редакцией журналов другой слепцовской «коммунарки» — Александры Григорьевны Маркеловой. Сделанный ею перевод романа Э. Гаскелл «Руфь» был внесен в «Список статьям...» под № 3. Рядом находится помета: «Печатается». Часть первая романа (128 стр.) была напечатана в апрельской (последней) книжке «Времени» за 1863 г. Во второй гонорарной ведомости под 19 марта 1863 г. находится расписка: «По поручению Г. Маркеловой за перевод Руфи вперед получила М. Андреева пятьдесят руб.», а 14 мая, когда уже было ясно, что над журналом нависла угроза закрытия, М. М. Достоевским записано: «Переводчице романа Руфь — 100 р.» Очевидно, редакция заплатила не только за опубликованную часть, но за перевод всего романа.

---

[29] ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, № 108.
[30] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 164 об.

К. И. Чуковский, в противоположность «аристократке» Е. И. Цениной-Жуковской, охарактеризовал Маркелову так: «Подлинная демократка, работящая, смелая, деятельная... Поселилась в коммуне по идейным мотивам и представляет в ней крайнюю левую. Добывает пропитание корректурой и мелкой литературной работой. Переводчица. Детская писательница... В. В. Стасов в «Воспоминаниях о моей сестре» называет ее одной из главнейших и лучших членов издательской артели»[31]. В примечании к рассказу В. А. Слепцова «Питомка» в двухтомном собрании его сочинений К. И. Чуковский сообщал, что этот имевший большой успех рассказ, напечатанный в «Современнике» (1863, № 7), имел надпись: «Посв. А. Г. М-вой», т. е. Маркеловой, по следующей причине: «Незадолго до знакомства со Слепцовым у Маркеловой родился внебрачный ребенок. Ее близкие потребовали, чтобы она отдала его в воспитательный дом... Но она предпочла порвать со своей прежней средой и оставила ребенка при себе, добывая средства на его пропитание скудной литературной работой. В то время для такого поступка требовалось незаурядное мужество. Естественно, что в качестве «активного борца» за раскрепощение женщины Слепцов именно ей посвятил свой рассказ о муках матери внебрачного ребенка»[32].

Позднейшие литературные труды Маркеловой свидетельствуют о ее демократических симпатиях и интересах. В 1868 г. в журнале «Дело» был напечатан рассказ «В рабочем углу», в 1870 г. в «Неделе» — «Бездомная» и др. Нужно отметить, что и переводившийся ею для «Времени» (очевидно, в 1862 г.) роман «Руфь» рассказывал о тяжелой судьбе молоденькой работницы из швейной мастерской, полюбившей богатого юношу, с которым ее насильно разлучает его мать. В той части романа, которую не успело опубликовать «Время», повествовалось о дальнейшем трудном существовании девушки с родившимся у нее ребенком, о ее отказе выйти замуж за вернувшегося к ней «джентльмена», отца ребенка, и о ее трагической судьбе. В свое время этот роман с защитой и симпатией к одинокой девушке-матери вызвал немало шуму в английской критике[33]. Есть все основания предполагать, что выбор романа, перевод которого был предложен «Времени», принадлежал самой переводчице.

С осени 1863 г. Маркелова поселились с ребенком в Знаменской коммуне, где оставалась до ее распада в мае 1864 г. Несомненно, в журнальном мире хорошо была известна личная судьба Маркеловой. В своих «Записках» Ценина-Жуковская, характеризуя Маркелову как очень образованную и талантливую, добрую и самоотверженную девушку, писала о ней: «Когда я с ней познако-

---

[31] «История Слепцовской коммуны». *К. И. Чуковский.* Люди и книги. М., 1958, стр. 272—304.

[32] *В. А. Слепцов.* Сочинения, т. I. М.—Л., «Academia», 1932. стр. 535.

[33] Я благодарна А. А. Елистратовой за сообщение мне изложенных здесь сведений.

милась (осенью 1862 г. — *В. Н.*), она представляла собой знаменитость, к которой ездили знакомиться люди весьма разнообразных слоев общества... Она не пожелала вернуться к родителям и наняла отдельную квартиру на Васильевском острове, где поселилась с ребенком. Вот это-то последнее обстоятельство — сохранение при себе ребенка — возбудило к ней общее удивление и уважение...» Ценина сообщала, что Маркелова горячо увлекалась передовыми идеями, «приводила их в исполнение и шла всегда напролом». С 1865 г. Маркелова состояла под негласным надзором полиции по поводу «заявления ею учения своего о нигилизме» [34].

Возникает вопрос, не являлась ли Маркелова прототипом «нигилистки», изображенной Н. Д. Ахшарумовым в романе «Мудреное дело», опубликованном в номерах 5, 6, 7 «Эпохи» за 1864 г., о котором мы говорим далее. Фабула романа, в котором действуют «списанные с натуры» представители разных современных журнальных направлений, завязывается вокруг скромной, энергичной, настойчивой девушки-матери, которая отказывается от помощи отца ребенка и стремится литературным трудом самостоятельно заработать на жизнь.

Известное читателям журналов Достоевских прошлое Федора Михайловича и его творчество вызывало глубокое доверие к нему со стороны «униженных и оскорбленных». Среди писем женщин-писательниц этого времени особенно обращает на себя внимание одно, к сожалению, без конца и подписи. Неизвестная женщина пишет Достоевскому «из-за полтора с лишком тысячи верст», пишет как «солнцу редакции «Времени», о своем «не лучше нищенском» существовании, напоминая ему: «Вы сами много испытали в жизни, Милостивый государь...» В этом, не только вполне грамотном, но литературно написанном тонким женским почерком письме читаем: «Моя жизнь началась с восьми лет, с той минуты, когда я узнала, что я незаконнорожденное дитя помещика и крестьянки и что моего отца хотят посадить в монастырь за нас. С того часа я стала настоящей женщиной и с того часа начались мои испытания и борьба с жизнью». Давно послав рукопись в редакцию, она сообщала, что уже три года пишет и что у нее много почти готовых произведений: «В моем даровании я столько же уверена, как в том, что существует бог!» — восклицает она. Характерно, что она пишет не стихи, не рассказы, не романы: у нее «почти готова рукопись о рекрутстве, другая касается одного религиозного вопроса, третья совершенно сформулированная о странностях сострадания в русском народе...» [35].

Приведенные различные факты, связанные с жизнью редакции журналов Достоевских, отражающие один из популярнейших вопросов, выдвинутых революционной ситуацией, — вопрос о по-

---

[34] *Екатерина Жуковская.* Записки. Под ред. К. И. Чуковского. Ленинградское товар-во писателей, 1930, стр. 154—192.
[35] ЦГАЛИ, ф. 202, оп. 1, № 105.

ложении женщины, не могли не повлиять на создание в будущем галереи женских образов в творчестве Достоевского.

Во всех разобранных выше беллетристических произведениях слабо отражалось официально объявленное «почвенное» направление и совсем не ощущалась его полемическая направленность против журнальных противников. Но были в «Эпохе» опубликованы два произведения, идейный смысл которых заключался именно в том, чтобы и в художественных произведениях проводить полемику, свойственную его публицистике. Это — роман в трех частях «Мудреное дело» Н. Д. Ахшарумова и рассказ Ф. М. Достоевского «Крокодил. Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже». Первое из них было принято к печати еще Михаилом Михайловичем, которому Ахшарумов 30 мая 1864 г., уезжая из Петербурга до августа, поручал в связи с началом публикации романа в «Эпохе» считать «неограниченным представителем и предпринимателем» его родственницу Старынкевич. Роман был помещен в пятой, шестой и седьмой книгах, так что его публикацией непосредственно занимался Федор Михайлович. В рабочих тетрадях последнего, при планировании этих книг журнала, постоянно фигурировало «Мудреное дело». Пришлось Достоевскому позаботиться об издании романа отдельным оттиском, что, очевидно, входило в условия М. М. Достоевского с автором романа. 13 октября Ахшарумов писал Ф. М. Достоевскому, что направляет к нему брата для получения денег за третью часть и 25 экземпляров отдельного издания романа [36].

Автор «Мудреного дела. Очерка из летописей русской словесности» был уже опытным писателем, критиком, зарекомендовавшим себя сторонником «чистого» искусства. В 1858 г. в № 7 «Отечественных записок» он поместил статью «О порабощении искусств», в которой протестовал против «поучающей роли искусства» и негодовал на то, что начиная с Белинского литература стала смотреть на себя как на няньку или гувернантку несовершеннолетней публики. Б. Алмазов нашел статью «превосходной». Н. Д. Ахшарумов вместе с братом поэтом В. Ахшарумовым и авторами повестей Н. Юрьевым и Юл. Жуковским издали «Весну. Литературный сборник на 1859 год». Н. Д. Ахшарумову в нем принадлежало предисловие и три критические статьи о Писемском, Тургеневе и Островском. В предисловии он писал, что участники сборника не хотят «стать под знамя какой-нибудь партии и сделаться представителями какого-нибудь известного, исключительного направления, а являются под *общим* знаменем русской литературы».

Позицию Ахшарумова разоблачил Добролюбов, опубликовав в № 6 «Современника» за 1859 г. рецензию на сборник «Весна». Называя Ахшарумова «поборником „чистого“ искусства», он при-

---

[36] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. Достоевского, II—I—60.

знавал, что «всех слабее оказывается критик «Весны». Добролюбов иронизировал над статьей о романе Писемского «Тысяча душ», в котором критик ищет «какой-то художественной перспективы и гармонии или еще чего-то в этом роде», и горюет, что «реальная школа убивает дух и анатомирует тело природы; она гонит из нее идею и мысль». Вспоминая статью Ахшарумова «О порабощении искусств», Добролюбов писал: «За увлечение реальной школой и достается г. Писемскому от строгого критика! По мнению г. Ахшарумова, все недостатки «Тысячи душ» происходят «от ядовитого влияния реальной школы, от порабощения искусства идеей».

Уничтожающий приговор вынес Добролюбов статье о «Воспитаннице» Островского. Приводя цитаты из статьи, он показал, что Ахшарумов ищет в литературе утешения от страданий, отдыха и возмущается, находя в ней одно лишь грязное и тяжелое. Добролюбов заключил разбор ироническим отзывом: «При таком воззрении на искусство, которое можно назвать не *чистым,* а скорее *сибаритским,* не мудрено, что г. Ахшарумов возмущается комедией г. Островского, находя, что «эссенции и экстракты, явившиеся в ней вместо характеров, *отравили художественную* сторону эффекта. . .» [37]

Ахшарумов поставил себе задачей изобразить в романе «Мудреное дело» журнальную жизнь Петербурга в момент кульминации ее подъема в начале 60-х годов, представив в самом непривлекательном виде калейдоскоп ее деятелей, направлений, поисков и борьбы. Он не выступил открыто защитником «чистого» искусства и обличителем «порабощения искусств», а создал такой центральный образ героя, который позволял якобы с полным сочувствием излагать положительные стороны каждого направления, а вслед за тем так же убедительно показывать их несостоятельность.

Роман написан в форме дневника молодого помещика Бубнова, приехавшего из провинции в Петербург накануне реформы и ощутившего свою «отсталость» в кипящей новыми веяниями столице. Предполагая издавать толстый журнал, Бубнов знакомится с представителями литературы разных направлений и охотно соглашается с тем собеседником, с которым последним говорил. Так он осваивает то аргументы защитников науки и искусства, то ниспровергателей поэзии и адвокатов пользы и эгоизма, то находится под влиянием либеральной пропаганды высокой цели и назначения литературы и журналов, то проникается сознанием правоты фанатического проповедника ограничения свободы мысли и подчинения ее пользе человечества, то соглашается с циничными заявлениями партии дельцов, акционеров и откупщиков, которые презирают и литературу и журналы и их деятелей, все переводя на денежную стоимость, всюду видя одну куплю-продажу.

Для Достоевского несомненный интерес представляло изобра-

---

[37] *Н. А. Добролюбов.* Собр. соч., т. IV, стр. 375—377, 487.

жение журнальной среды, условий создания и руководства журналом, так как роман отражал те самые годы, когда Достоевские начинали издавать «Время», но, конечно, совсем неприемлемым для него был беспомощный, безвольный, «отсталый» герой. Став издателем-редактором журнала, Бубнов не знал, куда и к кому ему примкнуть, за кого держаться. Очень понятно, что с пера Достоевского сорвалось определение героя романа Ахшарумова «осел-герой». Эта запись в рабочей тетради связана не с журнальными делами Бубнова, а с основной сюжетной линией, его романом с «падшей» девушкой, имеющей ребенка. Под влиянием эмансипации она решила начать самостоятельную жизнь, работая в журнале. Тема эмансипации введена Ахшарумовым также с целью ее опошления и обличения.

В связи с этой стороной у Достоевского вновь возникает мысль писать о «нигилистическом» романе: «В романе Ахшарумова 3-я часть. Осел-герой не знает, жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

— Не хочу жить на твой счет, — говорит героиня герою. Все они боятся этого как чумы. Это безнравственно. Это делиться, начало разделения, это хлопотать о своей ювелирской вещице — личности. Еще правило — *единственность* сюжета нигилистических романов.

Тут нигилисты противоречат себе, тут они мещане и собственники. Еще что.

NB. Из этого статью: Нигилистические романы».

Ахшарумов снабдил свой роман концом, который должен был быть по вкусу среднему, особенно провинциальному читателю, напуганному нигилизмом, эмансипацией, прокламациями, идущими из Петербурга. Старший брат Бубнова, хозяйственный помещик, извлекает легкомысленного младшего брата из «опасной» столицы, и тот, охотно бросив свой журнал с его полуголодными и сварливыми сотрудниками и повенчавшись с «падшей», в которой не оказалось никаких признаков нигилистки, возвращается в родное поместье, приветствуемый губернским дворянским обществом. Восстанавливаются его дружеские связи с идейным и личным врагом Касимовым — откупщиком и финансистом [38].

В те же месяцы, когда Достоевский готовил три книги журнала с публикацией романа Ахшарумова, он начал заносить в тетради наброски к будущему «Крокодилу». Роман Ахшарумова натолкнул Достоевского на мысль написать статью «Нигилистические романы». Мы думаем, что тот же роман, переполненный портретами петербургских журналистов с их программными высказываниями, вызвал у Достоевского желание ввести в свой рассказ гро-

---

[38] «Литературное наследство», т. 83, стр. 251. Название героя «ослом» принадлежит Касимову («Эпоха», № 5, стр. 103, 108). Кстати, именно он, Касимов, а не «нигилист», как пишет комментатор в «Литературном наследстве» (т. 83, стр. 270), «обманул раньше девушку».

теское отражение современной журналистики. То, что в изложении дневника «осла-героя» теряло свою остроту, свою злобу, у Достоевского должно было приобрести весь яд полемики, пародии, сатиры, который накопился в нем в течение трех лет редакторской работы. Советский исследователь пишет о записях Достоевского к «Крокодилу»: «Фантастический сюжет нужен был Достоевскому, чтобы вывести все направления современной публицистики, показав их отношение к происшедшему. В записях упоминается «Своевременный» («Современник»), «Головешка» («Искра), «Чайник» («Будильник»), «Волос» («Голос»). В обсуждение происшествия включались и «Русское слово» и «Эпоха». Интересна страничка записной тетради под названием «Журнальные споры о крокодиле. «Волос» и «Известия»... В черновиках «Крокодила» упоминается по ходу сюжета много имен: Степанов, Краевский, Зайцев, Катков, Милюков, даже Игдев и Косица (Долгомостьев и Страхов)...» [39]

Отметим, что «Крокодил» тоже чиновничья повесть, но не о генерале и бедном чиновнике, а о целой чиновничьей иерархии — от *самого* Андрея Осиповича к не столь чиновному, но «солидному» Тимофею Семеновичу, к попавшему в пасть крокодила Ивану Матвеевичу, к его другу-рассказчику, еще менее чиновному и к сидящему с ним рядом в канцелярии Прохору Саввичу. Так как рассказ не был закончен вследствие закрытия «Эпохи» (первая часть напечатана во второй книге, 1865 г.), нам остается неясным, как должны были развернуться многочисленные записи к «Крокодилу», занесенные в тетради. Об эпиграфе к «Крокодилу» говорилось в гл. IV в связи с разбором политического обозрения Головачева [40].

Нам остается рассмотреть два произведения, из которых каждое вошло в историю русской литературы как создание классика, имевшее немалое значение в его творческом пути. Эти произведения оказались под одной крышкой переплета в сдвоенном номере «Эпохи», январь-февраль 1864 г. Книга открывалась «фантазией» Тургенева «Призраки» (стр. 1—31), а на стр. 498—519 была напечатана первая часть «Записок из подполья» Достоевского. Нам кажется, что одновременность и соседство этих произведений не простая случайность.

---

[39] *Л. М. Розенблюм.* Творческие дневники Достоевского. — «Литературное наследство», т. 83, стр. 45.

[40] Отметим, что повесть Достоевского подверглась цензурной правке, которая повлияла на выражение ее основной мысли: «В статье рассказывается, что чиновник был проглочен крокодилом, жил в утробе его невредимо и сделался философом. По мнению цензора, если исключить означенное место, статью можно бы дозволить к печати, ибо за сим представляющиеся в статье политические намеки устраняются. Определено: согласно с докладом цензора статью с означенным исключением к напечатанию дозволить» (Протокол от 17 марта 1865 г. цензурного комитета. — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 509, л. 104).

Тургенев работал над «Призраками» давно, но работа шла медленно. Он начал их в 1855 г., а закончил летом 1863 г. За это время он написал «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», а «Призраки», предназначавшиеся сперва «Русскому вестнику», а потом «Современнику», оставались в черновых набросках. В 1861 г. в связи с усиленными просьбами Достоевского Тургенев обещал их во «Время», но журнальная полемика после выхода «Отцов и детей» в 1862 г. вновь отвлекла Тургенева. Только весной 1863 г. он энергично принялся за них и 13 (25) мая писал Достоевскому: «Теперь могу Вас уведомить, что я начал переписывать вещь — право не знаю, как назвать ее — во всяком случае не повесть, скорее фантазия, под заглавием «Призраки»... В ней с лишком два листа печатных, по моему расчету» [41].

Это письмо Достоевский получил, когда «Время» было закрыто и еще совершенно была не ясна возможность издания нового журнала. Но оба брата продолжали хлопотать о журнале и просить Тургенева оставить за ними «Призраки», и когда Анненков в конце 1863 г. получил из-за границы рукопись Тургенева, то она уже была предназначена к публикации в «Эпохе», начинавшейся с января 1864 г.

«Призраки», прочтенные еще в рукописи друзьями автора, были оценены ими как произведение автобиографическое, и Тургенев признал справедливость такой оценки. Анненков писал ему: «Не фантазией следовало бы назвать Вашу статью, а элегией... Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического* очерка. Вряд ли найдет признание достодолжное и поэтическая его сторона...» Боткин увидел в «Призраках» «аллегорию чего-то внутреннего, личного, тяжкого, глухого и неразрешенного».

Критика вскрыла связь этого «личного» тона автора с его тяжелыми переживаниями общественного характера вследствие разрыва с передовым отрядом интеллигенции, а также отдаленности от народа. Изображение среди видений грозного восстания Разина и испуга повествователя «в качестве дворянина и землевладельца» не могло пройти незамеченным. В «Библиотеке для чтения» отмечали, что произведение в целом проникнуто «безотрадным тяжелым чувством, мешающим писателю отнестись к судьбам родной страны с прежним горячим участием» и заставляющим его смотреть с «холодною, бессильною грустью на неизбежный порядок вещей». А П. Л. Лавров считал «Призраки» откликом на общественно-политическую обстановку в России в начале 1860-х годов. Он напоминал об изображении крестьянского восстания в «Призраках»: «Народ, сближению которого с передовой интеллигенциею никогда не верил Иван Сергеевич, представлялся ему смирным и примиренным со своею судьбою, но

---

[41] *И. С. Тургенев.* Полное собрание сочинений и писем. Письма, т. V. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 125.

в «великую ночь», когда можно видеть, что бывает закрыто в другое время, сны этого народа воплощались для поэта в грозное видение» [42].

Прочтя в Петербурге в декабре рукопись «Призраков», Достоевский написал автору большое письмо, почти целиком посвященное ее разбору. Конечно, редакция «Эпохи» была чрезвычайно заинтересована в получении произведения Тургенева, но нет оснований думать, что разбор Достоевским «Призраков» был продиктован только его желанием убедить сомневающегося автора в ценности и своевременности их публикации. Большая часть письма посвящена защите формы повести, ее фантастике, которую не поймет какая-то часть читателей. По этому поводу Достоевский высказал в письме к Тургеневу очень существенный для будущего редактора начинающегося журнала взгляд на современную художественную прозу: «Бездарность, 6 лет сряду подражавшая мастерам, до такой пошлости довела положительное, что произведению чисто поэтическому (наиболее поэтическому) даже были бы рады... Что же касается из ничегонепонимающих, то ведь неужели ж смотреть на них?.. Ограниченная утилитарность — вот все, чего они требуют. Напишите им самое поэтическое произведение; они его отложат и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. *Поэтическая правда* считается дичью. Надо только одно копирование с действительного факта. Проза у нас страшная. *Квакерство!*» И далее он восторгался формой: «Форма Ваших «Призраков» превосходна».

Ее фантастичность не смущает Достоевского, наоборот, он считает недостатком, «что они *не совсем вполне* фантастичны». Он ценит ее музыкальность: «Призраки» похожи на музыку», — пишет он.

Но Достоевский говорил не только о форме, а стремился определить ту реальность, которая заложена в этой фантастической форме, и то, как он ее определил, явилось чрезвычайно существенным не только для понимания им «Призраков», но для того художественного замысла, который в это время зрел в нем: «Но тут главное понять эту реальную сторону. По-моему, в «Призраках» слишком много реального. Это реальное — есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время,* уловленная тоска... Мне довольно, что я уж слишком осязательно понял тоску и прекрасную форму, в которую она вылилась, т. е. брожением по всей действительности без всякого облегчения». Эта тоска, вылившаяся не только в человеческую действительность, но и в стихийную действительность природы, и делает «фантастические вещи *весьма положительными*».

Долинин в свое время не соглашался с этой оценкой Достоевским «Призраков»: «Не подлежит сомнению, что по существу

---

[42] *И. С. Тургенев.* Полное собрание сочинений и писем. Сочинения, т. IX, стр. 477—480.

Достоевский понял «Призраки» слишком по-своему; разлитая в них тоска, безусловно, другого характера и меньше всего символизирует тоску «развитого существа, живущего в наше время». Объективно прав, конечно, Анненков. Она личного свойства»[43]. Мы не согласны ни с Анненковым, ни с Долининым. По нашему мнению, в определении Достоевским положительного содержания «Призраков» как «тоски развитого и сознающего существа, живущего в наше время», есть признание социальных переживаний, но не узколичных, а скорее классово-эпохальных, переходящих в широкую философскую оценку всей истории человечества. Может быть, Достоевский так «слишком осязательно понял тоску» Тургенева, что сам был охвачен ею, искал ее воплощения. О «личном» же в «Призраках» он скоро высказал свое суждение, читая их в вышедшей книге журнала и делясь впечатлениями с братом, которому 26 марта писал из Москвы: «Некоторые статьи очень порядочны, т. е. Призраки (по-моему, в них много дряни: Что-то гаденькое, больное, старческое, *неверующее* от бессилия, одним словом, весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия много выкупит; я перечел в другой раз)»[44].

На подступах к изданию «Эпохи» Ф. М. Достоевского беспокоила мысль о «передовой статье», которая определяла бы направление нового журнала с новым названием. 19 ноября 1863 г., давая совет о названии журнала и о публикации объявления, Достоевский писал брату о своем участии в первых же книгах, участии, именно определяющем направление журнала. Напомним эти уже приведенные ранее слова: «Другая фирма журнала («Правда») не будет иметь никакого влияния на *передовую статью*. Разбор Чернышевского романа и Писемского произвел бы большой эффект и главное подходил бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу. Значит правда. Я думаю, что все эти три статьи (если только хоть 2 недели будет работа спокойной) я напишу»[45]. Ни одной из этих трех статей Ф. М. Достоевский не написал, а готовил в журнал повесть «Записки из подполья», в которой в какой-то степени воплотились замыслы статей. Писалась повесть трудно и медленно, и ко времени издания сдвоенного первого и второго номеров он смог послать брату только два печатных листа — около одной трети произведения.

Опубликованная часть вызвала недовольство Достоевского. В главке X был цензурой изъят важный момент в изложении философии «подпольного» человека — «потребность веры и Христа». 26 марта он писал брату: «Уж лучше было совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, т. е. с надерганными

---

[43] *А. С. Долинин.* Тургенев в «Бесах». — Сб. «Достоевский». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 120—123.
[44] Письма, т. I, стр. 343—344, 352.
[45] Письма, т. I, стр. 341.

фразами и противореча самой себе. Но что делать? Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?» Эти слова Достоевского до какой-то степени объясняют неясность положительных утверждений в философии человека «из подполья» [46].

Дальнейшая работа над повестью может быть прослежена по письмам Достоевского к брату. По постоянным упоминаниям о ней можно сделать вывод, что автор не был уверен в достоинствах своего произведения и что все же работал, хотя с трудом, но увлеченно.

20 марта он сообщал: «Сел за работу, за повесть. Стараюсь ее с плеч долой как можно скорей, а вместе с тем, чтоб и получше вышла. Гораздо труднее ее писать, чем я думал. А между тем непременно надо, чтоб она была хороша, *самому мне* это надобно. По тону своему она слишком странная, и тон резок и дик; может не понравиться; следовательно надобно, чтоб поэзия все смягчила и вынесла. Но я надеюсь, что все уладится».

2 апреля информация о работе продолжалась: «Писать же работа не механическая и однако ж я пишу и пишу, по утрам, но дело только начинается. Повесть растягивается. Иногда мечтается мне, что будет дрянь, но однако ж я пишу с жаром; не знаю, что выйдет. Но все-таки в том дело, что она потребует много времени. Если я хоть половину напишу, то вышлю для набора; но напечатать я ее хочу всю, sine qua non. В повести моей наверно 3 листа будет, а может и больше, может и четыре». Через три дня (5 апреля), заботясь о составе мартовского номера «Эпохи», он вновь писал о своей работе: «Повесть моя, если только силы да досуг, да без перерыва, могла бы быть написана в этом месяце, но уж отнюдь не в первой половине. Это во всяком случае...»

Он запрашивал о крайнем сроке присылки рукописи, о возможности обойтись на март без нее, надеясь напечатать ее в апрельской книжке: «Наконец хочется хорошенько написать и не комкать как-нибудь... Ты скажешь, может быть, чтоб я присылал по частям повесть. Но ведь мне главное-то нужно крайний срок знать и повесть поспешностью не испортить». Еще через четыре дня (9 апреля) Достоевский вновь сообщал и о трудных обстоятельствах, в которых он работает, и о том, что повесть разрастается, а «дробить» ее невозможно, и о продолжающихся сомнениях относительно ее достоинства: «Я не знаю, что будет, может быть, дрянь, но я-то лично сильно на нее надеюсь. Будет вещь сильная и откровенная; будет правда. Хоть и дурно будет пожалуй, но эффект произведет. Я знаю. А может быть и очень хороша будет». Наконец, 13 апреля Ф. М. Достоевский рассказы-

[46] Письма, т. I, стр. 353.

вает брату, как проходит работа над повестью, причем повестью он называет лишь «Повесть по поводу мокрого снега», т. е. вторую часть «Записок из подполья». В своем рассказе он «повесть» делил не на десять главок, как она была напечатана в «Эпохе», а на три части (главы): «Повесть разделяется на 3 главы, из коих каждая не менее $1^{1}/_{2}$ печатных листов, 2-я глава находится в хаосе, 3-я еще не начиналась, а 1-я обделывается. В 1-ой главе может быть листа $1^{1}/_{2}$, может быть обделана вся дней через 5. Неужели печатать отдельно? Над ней насмеются, тем более, что без остальных 2-х (главных), она теряет весь свой сок... В 1-ой главе, по-видимому, болтовня; но вдруг эта болтовня в последних 2-х главах разрешается неожиданной катастрофой» [47]. Можно предположить, что по первоначальному плану первая глава охватывала посещение Симонова и обед в ресторане; вторая — первая встреча и пребывание у Лизы, а третья — домашний быт рассказчика и посещение Лизы. Публикация повести состоялась лишь через два месяца, в апрельском номере, который вышел 7 июня.

Публицистическая направленность «Записок из подполья» придала повести значение «передовой» статьи нового журнала и сыграла свою роль в его журнальной полемике, к которой мы вернемся в специальной главе. Здесь же скажем о связи образа подпольного парадоксалиста с характеристикой «Призраков», данной Достоевским. В. Я. Кирпотин высказал предположение о влиянии тургеневского типа «лишнего человека» «на формирование образа подпольного человека, тем более что и в 1860 г. Тургенев выступил с произведшей впечатление речью «Гамлет и Дон Кихот», в которой проблематика, волновавшая Достоевского, сформулирована довольно ясно» [48]. Мы думаем, что и «Призраки», которые Достоевский читал в период замысла «Записок из подполья», сыграли какую-то роль. В цитированном выше письме к Тургеневу от 23 декабря 1863 г. он написал знаменательные слова, которые стали как бы лейтмотивом первой части «Записок из подполья» и повторялись несколько раз во второй: «По-моему, в «Призраках» слишком много реального. Это реальное — есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время,* уловленная тоска».

Тема излишнего «сознания» и «развития» как причина душевного распада, страданий, тоски находит широкое развитие и выражение в размышлениях «подпольного» человека, иногда повторяя и варьируя почти дословно мысли и выражения из письма о «Призраках»: «Слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь... развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия...», «Нет, видно надо глубоко до-

---

[47] Письма, т. I, стр. 353, 355—356, 357—358, 362—363, 365; т. II, стр. 613.

[48] *В. Кирпотин.* Достоевский в шестидесятые годы, стр. 478, 480. О проблеме «лишних людей» в связи с анализом «Записок из подполья» см. в комментариях Е. И. Кийко к повести (*Ф. М. Достоевский.* Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. V, стр. 376—377).

развиться и досознаться, чтоб понять все изгибы этого сладострастия...», «Я был болезненно развит, как следует быть развитым человеку нашего времени...», «и все потому, что я образованный и развитой человек нашего времени...». Эти утверждения перемежаются с констатированием «тоски», которая «заедает его», «доводит до истерики», до болезни.

Показывая как бы общие истоки тоски, составляющие «реальность» обоих произведений, Достоевский вместе с тем очень конкретно раскрыл социальную природу той формы, в какую «тоска» вылилась в рассказе о «слишком сознающем» бедном чиновнике. Восторгаясь поэзией и музыкальностью «Призраков», где герой представляет себя как «дворянина и землевладельца», Достоевский писал: «Мне довольно, что я уже слишком осязательно понял тоску и прекрасную форму, в которую она вылилась, т. е. брожением по всей действительности *без всякого* облегчения...» Своего же «антигероя» он сопоставил с «усиленно сознающей мышью», вокруг которой «набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений» и т. д. Но ведь и в «Призраках» за поэзией и музыкальностью воплощения он увидел «что-то гаденькое, больное, старческое, неверующее от бессилия», т. е. тот же результат слишком сознающего человека «нашего времени».

В. Я. Кирпотин, анализируя произведение Достоевского, писал, что последний дал «свою модификацию типа «лишнего человека», уже не из дворян, а из разночинцев, из мещан, художественное исследование которого приобретало всемирное значение, более важное, чем художественное исследование «лишнего человека — дворянина» (стр. 533). Это широкое значение своего открытия «подпольного человека» Достоевский сам констатировал в записи, сделанной в 1875 г. во время работы над «Подростком»: «А подполье и «Записки из подполья»? Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону... Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды — не от кого, веры — не в кого... Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна» [49].

Это позднейшее признание Достоевского намечает линию, ведущую от «Записок из подполья» к его большим романам, о чем много писалось в литературоведении, так же как о публицистической заостренности повести против романа Чернышевского и поэзии Некрасова, до какой-то степени определившей позицию «Эпохи».

---

[49] «Литературное наследство», т. 77, стр. 342—343.

Глава VII

Литературная, театральная и музыкальная критика

Выше мы не раз приводили свидетельства того, как волновало Ф. М. Достоевского отсутствие в первых номерах «Эпохи» «руководящих» статей, которые сделали бы сразу ясным направление журнала. Сам он собирался писать статьи о романах Чернышевского и Писемского, о Кохановской, о Слепцове, но лишен был возможности это сделать. Он дал разрешение Страхову под его «фирмой» «Ряд статей о русской литературе» писать статьи, выявляющие лицо журнала, но первая же для этого цикла статья Страхова «Перелом» не была пропущена цензурой, так как в сущности повторяла установки его статьи «Роковой вопрос», из-за которой было закрыто «Время». Достоевский, как мы уже отмечали выше, вероятно, не знал содержания этой статьи (брат сообщал ему о ней, что она о «народности в нашей литературе») и просил Страхова или исправить статью, учтя цензуру, или написать новую. 2 апреля он писал М. М. Достоевскому: «Ты хлопочешь о критике: правда; но три, четыре статьи, как напр. Аверкиева (исторических по летописям) (при всем их успехе), не будут стоить и одной руководящей, вводной статьи, вроде «Ряда статей», вроде объяснения направления «Эпохи». Вот мое мнение. И потому обратись к Страхову и умоляй его писать. Что же касается до критического отдела, вообще за весь год, то не беспокойся, будет с лихвой, даже эффект произведем (отвечаю за это), и на следующий год наш журнал будет решительно первый из толстых журналов, я в этом уверен. Увидишь. Но покамест хоть одну статью руководящую или задорную».

Страхов в мае написал такую статью, как просил Достоевский. Называлась она «Воздушные явления» и была остро полемическая, но и ее цензура не пропустила. Страхов частично использовал ее в «Заметках летописца» в ноябре, полностью же опубликовал лишь в 1890 г.[1]

За первые месяцы существования «Эпохи» Михаил Михайло-

---

[1] *Н. Страхов.* Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки, кн. 2. Изд. 2. СПб., 1890. «Ряд статей о русской литературе». Статья вторая. «Воздушные явления», май 1864 (не было напечатано), стр. 176—208. См. о ней в следующей главе.

вич сумел напечатать только одну историко-литературную статью, весьма тенденциозную. Это «Вопрос о малороссийской литературе» Милюкова. Автор доказывает, привлекая свидетельства многих исторических памятников, что «малороссийского» языка не существовало и не существует, а есть провинциальное наречие, патуа, на котором невозможна литература в современном общенародном, общегосударственном понимании, а возможно лишь песенное творчество простого народа и воспроизведение преданий старины. На примерах Англии, Германии, Франции и Италии Милюков утверждал, что в объединенном государстве невозможно существование двух литератур, что язык и литература государственного центра поглощают провинциальные наречия и литературный опыт. С этих своих позиций он подходил к распространявшейся и укреплявшейся с начала XIX в. украинской литературе, рассматривал и оценивал литературную деятельность писателей, уроженцев Украины, творивших на русском или украинском языке. Несомненна связь этой статьи с многочисленными откликами «Эпохи» на польское восстание, так же как на проявившееся стремление к сепаратизму в Финляндии и Прибалтике. В конце статьи Милюков заявлял: «Выскажем в заключение нашу мысль прямо и откровенно. Мы могли бы допустить возможность самостоятельного языка и самостоятельной литературы в Малороссии при возможности ее самостоятельной политической жизни». Но так как эта возможность исключена по всем историческим и современным данным, то может быть только один литературный язык, одна русская литература и одна русская наука. Противоположные тенденции являются, по мнению Милюкова, происками наших недругов, которые стремятся ослабить мощь России.

Второй статьей, вероятно, запланированной М. М. Достоевским, был большой обзор литературы о Шекспире, появившийся в связи с его трехсотлетним юбилеем (1864, № 5 и 6). Его автором был Аверкиев. Первая часть посвящена разбору книги Гервинуса о Шекспире, опубликованной в 1864 г. в русском переводе. Аверкиев определяет труд Гервинуса как филистерски-немецкий, в котором нет ни подлинной любви к поэту, ни понимания глубины и величия его гения. Исследование сводится к поискам влияний и заимствований, анализ действия служит поводом к нравственным сентенциям, пасторским проповедям. Осуждая хладнокровное красноречие немецкого профессора, Аверкиев противопоставляет ему отзывы Куно Фишера, вспоминает «живой органический ум великого Шеллинга», цитирует Хомякова и высоко оценивает перевод Ап. Григорьева «Сна в летнюю ночь» и предисловие к нему. В заключение разбора Гервинуса Аверкиев поместил свой перевод третьей части трагедии Шекспира о Генрихе VI.

Отметим, что в статье, в которой Аверкиев выступил как страстный поклонник Шекспира и шекспировед, он попутно сде-

лал несколько язвительных замечаний в адрес «нигилистов» и либералов. По поводу требования современника Шекспира Бэкона, «чтобы люди и их страсти изображались живьем», Аверкиев сделал следующее примечание: «Г.г. нигилистам, считающим себя последователями Бэкона, не дурно бы принять это к сведению, а равно и то обстоятельство, что Бэкон в поэзии видел нечто «божественное». Или уже пора и Бэкона побоку? Невежество, так полное невежество!» [2]

Разобрав труд Гервинуса, Аверкиев отвел несколько страничек саркастическому описанию «Шекспировского торжества в Петербурге» — торжественного юбилейного вечера с речами и музыкой. Очень зло он высмеял речь Галахова «Шекспир в России», в которой были только «мелочные факты и водянистые рассуждения», было то же, что у Гервинуса, — «холодное почтение, отсутствие задушевности, те же нравоучения». А Галахов был свидетелем успеха перевода Полевым «Гамлета» и игры Мочалова: «Ведь это был Шекспир, живьем проникающий в русскую жизнь. И об этом ни слова».

Не пощадил Аверкиев и речь Тургенева, прочтенную Пекарским и напечатанную в «С.-Петербургских ведомостях», речь, «не лишенную казенного красноречия и водянистых рассуждений». Он сопоставил ее с «похвальным словом Карамзину», произнесенным Погодиным в 1845 г., и заявил: «Если только это мог сказать г. Тургенев — то лучше бы вовсе ничего не говорить. Если он *может* сказать больше, но в данную минуту не высказывалось это большее, то ему бы тоже вовсе не следовало говорить». Появление этого приговора в «Эпохе» сотруднику, в участии которого так была заинтересована редакция журнала, может быть, объяснялось тяжелыми днями предсмертной болезни М. М. Достоевского, когда готовилась к выходу пятая книга, а редактировать ее было некому.

В шестой книге, редактировавшейся уже Ф. М. Достоевским, было помещено окончание статьи о Шекспире. На восьми первых страницах Аверкиев дал беглый очерк своего впечатления от книги В. Гюго о Шекспире (Paris, 1864). Если, разбирая книгу Гервинуса, он видел в ней труд немецкого филистера-моралиста, то рассматривая книгу Гюго, он преимущественно говорил о специфике французского гения, которому чужд и непонятен подлинный Шекспир. Красноречие Гюго, направленное на пропаганду прогресса, «великих принципов» 1789 г., «дарового и обязательного образования», которые «сделают народ» и победят буржуазию, — все это в глазах автора статьи только уводит от Шекспира в область отвлеченных идей, среди которых одна особенно раздражает Аверкиева: Гюго обращается не к народу, а к общечеловеку, в поэзии он видит «работницу цивилизации», а в «прекрасном — служителя истины». Оторванность от действитель-

---

[2] «Эпоха», 1864, кн. 5, стр. 222.

ности, от народа проникает и все суждения Гюго о Шекспире, шекспировские типы «проходят перед Гюго, как тени, неуловимо, призрачно», его мысли о них — «больные грешные неверующие мысли», и, отвергая книгу Гюго, Аверкиев заявлял: «Мы не умеем восхищаться страданиями; болезненность души для нас плохой признак; этим объясняются наши отношения к Виктору Гюго».

В последней главе работы Аверкиев на двадцати страницах изложил свое суждение о жизни и творчестве Шекспира, противопоставляя его Гервинусу и Гюго и ставя себе задачей, не отрываясь от исторической действительности, рассказать и о жизненном пути Шекспира, и о тесной связи его художественных образов с его родной землей и народом: «Для нас важно было установить правильный и, по нашему убеждению, единственно правильный органический взгляд на Шекспира, как поэта народного, а в силу этого поэта общечеловеческого... Шекспир был глубоко верующий человек — оттого его спокойный, ясный и всеобъемлющий взгляд. Он был человек земной и любил свою землю «всею душою, всем сердцем и всем помышлением...»

В своей оценке книги Гюго и в собственном анализе Шекспира Аверкиев неоднократно вставлял полемические замечания в адрес питающихся идеями Запада теоретиков, не способных будто бы на положительное дело. Совершенно в духе Ф. М. Достоевского он писал, переходя от оценки Гюго к русской действительности: «Что касается нас русских, то мы предчувствуем, что скоро совершится освобождение русской жизни и русской мысли, как выразительницы русской жизни, от пут западноевропейской цивилизации; мы по крайней мере верим в это освобождение. Мы смотрим на отыскивание заграничных идеалов как на упорство последних могикан и можем только сожалеть, что много молодых сил, что много благородных порывов истрачивается задаром...»

Обратим внимание на следующую далее фразу: «Ряды могикан редеют все больше и больше; все меньше и меньше у них талантливых деятелей, и талантливейшие не могут создать ничего живого и ограничиваются «фантазиями». Не было ли это новым выпадом Аверкиева против Тургенева, только что напечатавшего в «Эпохе» фантазию «Призраки»?

В ряде дальнейших полемических выступлений Аверкиева отметим его протест против «поэзии-работницы», против «*рассудочной* эстетики» «наших умников-недоучек»: «*Рассудочная* эстетика — отыскивает ли она мораль в поэтических произведениях, указывает ли поэтам, о чем они должны писать, — отжила свой век, как все, что судит по предвзятым идеям. Ни у кого так не смешны эти рассудочные притязания, как у господ, толкующих об изучении естественных наук, о применении метода этих наук. Что ж не применяют они этого метода к произведениям искусства, почему не изучают их, как явлений органических, почему они не *выводят*, а *указывают* законы?»

В заключение статьи о Шекспире Аверкиев призывал русскую литературу воскресить любовь к русской земле, к русскому народу и заявить ее не «ложным патриотизмом» с одами и иллюминациями, а любовью ко всей русской истории в ее князьях — защитниках родины, князьях — собирателях и скопидомах, в выборном всей земли русской Кузьме Минине, и в атамане Стеньке Разине и его «атамановых разбойниках». Свою проповедь любви Аверкиев подкрепил ссылкой на слова Хомякова: «Сама же любовь требует для себя сочувствия, общения и, следовательно, погружения в жизнь своего народа».

Вероятно, осуществляя в своей критической практике этот призыв обращения к русскому народу, к его прошлому, Аверкиев написал большую работу о трудах проф. И. Д. Беляева, специалиста по древнерусскому праву, быту, хозяйству и технике, собирателя древнерусских юридических актов, защитника прав крестьян на землю на общинных началах. В 1859 г. вышел труд Беляева «Крестьяне на Руси», а в 1864—1865 гг. — «Судьбы земщины и выборного начала на Руси». Составляя план июльской книги «Эпохи», Достоевский записал: «О Беляеве Аверкиев — 3 листа» [3]. Однако эта статья в «Эпохе не появилась.

В февральской книге 1865 г. были напечатаны две критические статьи Аверкиева, полемически заостренные, против современных литераторов. Под заголовком «Текущая литература» Аверкиев напечатал разносную рецензию на роман бывшего сотрудника «Времени» В. Крестовского «Петербургские трущобы», помещенный в последних книгах за 1864 и первых за 1865 г. «Отечественных записок». Оговорив, что отрывок этого романа «Ерши» был напечатан в первой книге «Эпохи» 1864 г., Аверкиев находил в нем, несмотря на явное влияние французских романов, все-таки некоторый внешне описательный интерес, но чем далее, тем более обличал автора в цинизме, с которым тот «любуется картинами разврата собственного произведения». Он ставит роман Крестовского рядом с «Жюстин» («Justine») маркиза де Сада, но отмечает, что Крестовский вместе с тем «необыкновенно холоден, хотя старается прослыть «сладострастным писателем».

Аверкиева возмущает, что это делается под видом «обличения» порока, создания «реалистических» типов, «собирания действительного материала», он видит в романе Крестовского «новый реализм», доведенный до nec plus ultra, и поучает Крестовского, что «*правда* не фотография, важно, не *что* наблюдать, а *как* наблюдать» и что «истинный реализм состоит в верности человеческой природе», а не в том, сколько «прыщей на лбу».

Вслед за рецензией на Крестовского Аверкиев напечатал статью «Литературное шарлатанство» о переводах Байрона русскими поэтами. Считая «порядочными» переводы Михаловского,

[3] «Литературное наследство», т. 83, стр. 180.

Н. Берга, Ал. Толстого, Аверкиев высмеивал переводы Гербеля и особенно Минаева. Последний поместил в «Русском слове» перевод «Чайльд Гарольда», а в «Современнике» печатал перевод «Дон Жуана». По этому поводу Аверкиев писал: «Новейшая наша литература так усердно разрывала всякую связь с предыдущей, так нахально издевалась над самыми дорогими именами — что воспоминание об изучении Байрона для нее почти немыслимо. Что же будет, если представители этого самоновейшего направления наложат свою руку на Байрона? А это, как увидим, уже совершившийся факт... Мы понимаем, почему «Современник» поместил quasi-перевод «Дон Жуана» и почему «Русское слово» помещало «Чайльд Гарольда». Сии два органа русской словесности презирают искусство и всяческими словами поносят великих поэтов. Для них quasi-перевод г. Минаева — клад; этим переводом они, вероятно, думали отвадить российское юношество от изучения Байрона, явив его пустым фельетонным болтуном».

В переписке братьев Достоевских начала 1864 г., когда оба они были озабочены составлением первых книг журнала, а Федор Михайлович особенно огорчался отсутствием «руководящих» статей и взывал к Страхову, совершенно не упоминается уже работавший в «Эпохе» их кадровый сотрудник Аполлон Григорьев. Только дважды бегло назвал его Михаил Михайлович. 27 января он сообщил: «Григорьев дает свои воспоминания», а к письму от 3 февраля сделал приписку: «P.S. Аполлон Григорьев пьет мертвую» [4]. Григорьев напечатал в первой и третьей книгах статьи о театре и в третьей же книге продолжение своих воспоминаний, начатых во «Времени»: «Мои литературные и нравственные скитальчества». Но, возможно, что, приехав в Петербург в конце апреля (в это время составлялась майская книжка), Ф. М. Достоевский предложил Григорьеву написать статьи для отдела критики.

Григорьев задумал ряд статей под названием «Парадоксы органической критики (Письма к Ф. М. Достоевскому)» и первую статью поместил в пятой книжке журнала. Он начал ее очень личным объяснением с Ф. М. Достоевским, которое в известной степени дает понять, почему последний в пору поисков «руководящей» статьи не обращался к Григорьеву. Статья начиналась: «В последнее время, между мной и тобою возникло несколько, не скажу разногласий, но недоумений на счет нескольких же вопросов, относящихся к русской литературе, а, стало быть, и к искусству вообще, и, стало быть, так как искусство есть, с одной стороны, органический продукт жизни, и, с другой, ее же органическое же выражение, то и к жизни вообще». Поводом к недоразумению он считал высказанный им «со всею искрен-

---

[4] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина, стр. 547, 548.

ностью и всею обычною своею дерзостью» органический взгляд на русскую литературу. Отрицая «гологическую» мысль «теоретиков», «услаждающихся пятью умными книжками», Ап. Григорьев был огорчен, что Достоевский упрекнул его в том, что он «сам теоретик». Чтобы разъяснить возникшие литературные недоразумения, Григорьев рассказывал их историю. Она восходила к его участию во «Времени»: «Я пишу в журнальном органе, с которым сам ты слился плотию и кровию и который с тобой слился тоже плотию и кровию». Григорьев начал писать во «Времени» ряд статей об отношении литературы к жизни от Пушкина и до последних дней, и дошел до Гоголя, от которого ему предстояло перейти к «его органическому последствию, к школе сентиментального натурализма», т. е. к той школе, которую в 40-х годах, по мнению Ап. Григорьева, возглавил Достоевский. Но ни о Гоголе, ни о натуральной школе Григорьев не написал. Очевидно, во «Времени» поместить следующую статью было невозможно из-за разногласия с редакцией, и именно здесь-то и находился источник «множества недоразумений». По дальнейшему признанию Григорьева, нельзя было поместить и в другом месте: «писать же мне, как небезысвестно тебе, негде, кроме того органа, который связан с тобою и с твоим именем».

Вероятно, этим объяснялось, что, начав писать в «Эпохе», Григорьев избрал себе роль мемуариста и театрального рецензента, хотя и признавался, что «действовать исключительно на одном поле» ему «порядочно-таки надоело». Он не мог на этом успокоиться; в нем была сильна «простая потребность досказаться», «хоть раз в жизни договориться до *сути* вопроса, составляющей главнейшую задачу мышления», как он писал позднее о том, почему временно оставил театр, занявшись «Парадоксами органической критики» [5].

Предложение Ф. М. Достоевского выступить в «Эпохе» с критическими статьями отвечало его потребности: «Ты заявил, между прочим, желание, чтобы я написал совершенно искреннюю статью, нечто вроде своего profession de foi критического: ну, вот, в форме писем к тебе, я начинаю ряд статей, не то что искренних, а даже, без позволения сказать, халатных, статей совсем нараспашку... Ты желал также, чтоб весь пыл убеждения внес я в это дело; ну, боюсь, что ты станешь упрекать меня в азарте». Но, принимая предложение Достоевского, Григорьев его как бы предупреждал: «Дело все-таки в одном только пункте, в том-то есть, что я не могу миновать в органическом развитии своего взгляда так называемой школы сентиментального натурализма, потому, видно, что самый жизненный процесс не мог обойтись без этого момента».

Объяснив, в чем заключается, по его мнению, органический

---

[5] «Эпоха», 1864, кн. 7. «Голос старого критика». Помечено автором «4 сентября».

взгляд на искусство, Григорьев обращается к историческому взгляду Белинского и так определяет свое отличие от него: «В том-то и существеннейшая разница того взгляда, который я называю органическим, от односторонне-исторического взгляда, что первый, т. е. органический взгляд, признает за свою исходную точку творческие, непосредственные природные жизненные силы; иными словами: не один ум с его логическими требованиями и порожденными необходимо этими требованиями теориями, а ум и логические его требования — плюс жизнь и ее органические проявления».

Ап. Григорьев отвел несколько страниц «бессмертному борцу идей», Белинскому, смене его эстетических оценок, определив его последний период, как «момент сознания», который Белинский, несомненно бы, изжил, если бы смерть не унесла его. С этим «моментом сознания» Григорьев связывал создание школы сентиментального натурализма и от этого момента вел закономерное развитие «теоретиков» «Современника», иронически отмечая, что эту передаваемую «жвачку» в настоящее время дожевывает «знаменитый критик наших дней г. В. Зайцев».

Изобличая «теоретиков», Ап. Григорьев указывал на их «нигилизм», отрицание ими мышления, науки, искусства, национальности, истории как пройденных ступеней прогресса, как «отметаемую шелуху», хотя эти категории являются «вечной органической работой вечных же сил, присущих ему (человечеству) как организму». Останавливаясь особенно на «дурашных адептах» школы «теоретиков» и издеваясь над ними, Ап. Григорьев отделял от них «мыслящих адептов», старших и младших. Среди последних он отличал несколько раз как «даровитейшего из всех» Писарева. Но всем им он предсказывал судьбу породившего их, родственного им отжившего западничества. Как полный контраст им Григорьев называл такие «органические» явления искусства, как «Минин» Островского и как «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, а заключал статью высокой похвалой вышедшей в 1854 г. книге «Хождения и странствия инока Парфения». По мнению Ап. Григорьева, эта книга являлась «фактом неразрывности органической народной жизни от XII столетия до половины XIX ... Не учить жизнь жить по-нашему, а учиться у жизни на ее органических явлениях — должны мы, мыслители — что именно в конце концов и составляет основной принцип органического взгляда».

Окончив свое «первое письмо», Григорьев обращался к Достоевскому: «Понравится оно тебе — пойдем дальше; не понравится — бросим». Очевидно, со стороны редакции возражений не последовало, и Григорьев написал второе письмо, появившееся в следующей, июньской книжке, которую готовил в июле-августе Федор Михайлович. Если в первом письме Григорьев раскрывал свое понимание «органической критики», эволюции русской литературы от Пушкина до Вар. Зайцева и значения Белинского, привлеченный во втором письме материал никак не связан с русской

литературой. Состоящая всего из 12 страниц статья в первой большей части наполнена восторгами по поводу книги В. Гюго о Шекспире, о которой в этом же номере «Эпохи» очень скептически писал Аверкиев. Григорьев называл книгу Гюго «гениальным уродством» — уродством по композиции и гениальным по ее проникнутости «верой, жаждою и пламенным, хотя тщетным, исканием идеала». Но не столько романтическая настроенность Гюго и его отношение к искусству привлекли Григорьева. Он использовал ее для борьбы с материализмом теоретиков, для чего выписал у Гюго огромную цитату (почти три страницы) с характеристикой Рабле и его «открытием» в человеке — значения брюха. Брюхо, как символ материалистического взгляда на жизнь, сводящего человека на уровень скотины, противопоставляется голове и сердцу. Обращаясь к «нашим пророкам брюха», Григорьев цитировал Гюго: «Душа человеческая... еще более нуждается в идеальном, чем в реальном. Реальным только живется, — идеальным существуется. Угодно ли знать разницу? животные живут — человек существует. Существовать — это понимать. . . Существовать — это иметь укорененными в сердце справедливость, истину, разум, преданность, честность, искренность, здравый смысл, право и долг...» Отсюда естественный вывод, что словесность — потребность общества, а поэзия — жажда души и воспитатель народа. Вспоминая «намозолившую глаза фразу, «когда настанут новые экономические отношения», Григорьев видел в ней непосредственную связь с отречением от искусства и литературы «талантливого г. Писарева» и «литературный терроризм» В. Зайцева и «белиберду» Соколова и Антоновича.

От дифирамбов В. Гюго жизни, творчеству, которые восторгают Григорьева глубиною содержания, хотя ему ясна их слабая сторона — излишне напряженная форма выражения, — критик переходит к натурфилософии Шеллинга, отражение которой в области искусства видит он в творчестве Гюго. Сомнения Шеллинга во всех фазах его развития являются «исходной громадной рудой» для книг, собственно принадлежащих органической критике». Такими Григорьев называет Карлейля, некоторые этюды Эмерсона и Ренана, сочинения Хомякова и отчасти Киреевского и К. Аксакова. Пособиями к пониманию органической критики Григорьев называл книги Бокля и Льюиса о Гёте, сочинения Шевырева, Венелина, Надеждина и Белинского до середины 40-х годов. Книгу же Гюго, несмотря на ее недостатки, Григорьев причислил к немногим всецело принадлежащим к органической критике, почему и наполнил ею свое «второе письмо».

В заключение Григорьев назвал написанные статьи «пропилеями к тому зданию, которое он предполагает строить. Потому: все это до сих пор — присказка, а сказка будет впереди».

Григорьев закончил эту статью, вероятно, в августе, и в августе Достоевский готовил к печати июньскую книгу (ценз. разр. 20 августа). А 2 сентября Ап. Григорьев, находившийся с конца

июля в Долговом отделении, закончил свой «Краткий послужной список. На память моим старым и новым друзьям».

Его последние строки, по нашему мнению, имеют прямое отношение к оценке Ф. М. Достоевским статей Григорьева о «Парадоксах органической критики». Григорьев писал о последних годах своей жизни:

«Запрет „Времени“. Горячие статьи в „Якоре“. Опять „Эпоха“. Опять я с теми же культами, теми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура!..

Ну и что же делать?.. Видно и с «Эпохой», как критику, а не как другу, понятно, и не как писателю, приходится расставаться... Тем более... Но пора кончить» [6].

«Редакторская цензура», т. е. цензура Федора Михайловича «Второго письма об органической критике» (июньская книга «Эпохи» вышла 30 августа), больно задела Григорьева, и он готов был отказаться от продолжения сотрудничества в «Эпохе» в качестве критика.

Но уже у него была подготовлена новая статья — о Григоровиче. Очевидно, еще до того как увидел «редакторскую цензуру» второго письма и до намерения расстаться с ролью критика в «Эпохе», он писал из Долгового отделения Достоевскому: «Любезный друг! Коли книжка вышла, то, ради бога, пришли денег. Первое дело, что я обещал (на основании твоих же слов) портному Степанову — мне не в чем выйти; второе, что без денег в Тарасовке жить нельзя. Третье: письмо об органической критике надеюсь принести и прочесть сам вам всем в четверг» [7]. Планируя новую июльскую книгу, Достоевский вставлял в план «Григорьева — 2 (листа? статьи?)» и ниже: «Письма об органической критике». 19 августа, переписывая новый вариант плана июльской книги, писал: «Григорьева — {Григорьева 2 ст<атьи> на 2 раза». 8 сентября во время редактирования июльской книги, вероятно, перед сдачей в цензуру (ценз. разр. 19 сентября) в тетради Достоевского появляется запись: «Заголовок статьи Григорьева (Григорович) или Филиппова (NB. Поставить статья первая)» [8]. В печати статья Григорьева в июльской книге была названа: «Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Д. В. Григорович».

Упоминание в письме Ап. Григорьева (конец августа) к Достоевскому о том, что он принесет и прочтет «письмо об органической критике», запись Достоевского о «двух статьях Григорьева на два раза» вызывает предположение, что Григорьевым было

---

[6] Цитируем по публикации Страхова в № 8 «Эпохи». Отметим, что в книге В. Княжнина «А. А. Григорьев. Материалы для биографии» (Пг., 1917, стр. 351) слово «редакторская» пропущено. Страхов же печатал по рукописи Ап. Григорьева.

[7] В книге Княжнина условно датировано: «Конец августа, начало сентября 1864 г.» (стр. 301). Думаем, вернее датировать концом августа.

[8] «Литературное наследство», т. 83, стр. 177, 180, 185, 206.

написано третье письмо об органической критике, при его жизни не напечатанное и оставшееся у Достоевского. Иначе трудно объяснить, почему в планах августовской книги, которая составлялась в конце сентября и в октябре (ценз. разр. 22 октября), Достоевский в каждом варианте плана шесть раз вписывал в перечень содержания: «Григорьев. Орг. критик. — 1 л.», «Письмо орган. крит. — 1 л.» «Орг. кр. — 1 лист», «Ор<ганическая критика> — $1^{1}/_{2}$», «Органич. <критика> — $1^{1}/_{2}$» и несколько раз просто «Григорьев — $1^{1}/_{2}$» [9]. Ни в августовской, ни в следующих книгах «Эпохи» это «письмо орг. кр.» не появилось.

В своих «Prolegomena» к «Отживающим литературным явлениям» Григорьев вспоминал о серии своих статей во «Времени», озаглавленных «Незамеченные нашей критикою явления»: «Автор означенных статей — он же был и *изобретателем* рубрики, не раскаивался и не сожалел о том, что выступил с пропагандой таких литературных явлений, как «Псковитянка» Мея, и особенно как творчество Л. Н. Толстого».

Вспоминая свою статью о Толстом, Григорьев вновь, хотя и в беглом очерке, охарактеризовал как художественное мастерство, так и психологический анализ Толстого в «Поликушке» и «Казаках»: «он остался тем же, чем был, — глубоким, хоть и капризным, но слишком тонким и вместе ярким живописцем жизни. Притом же — так нова и светла полоса жизни, изображенная им в «Казаках», так верна его рука и колоритна кисть в ее изображении, так артистически могущественно схвачены ее типы — что, как говорится, читаешь и не начитаешься...» Выступая в защиту Л. Толстого от ограниченной критики, Ап. Григорьев попутно задевал и «теоретиков», и «наших красных», и «наших реакционеров», осуждая грубость и нехудожественность антинигилистических романов Писемского и Клюшникова.

С особенной язвительностью он критиковал «Отечественные записки» как отмирающее явление в русской журналистике: «Журнал, недовольный творчеством Толстого, — читатель может быть уже угадал. Старая рутина сороковых годов, храм, покинутый давно уже духом, некогда его одушевлявшим, и давно уже живущий только гальванически, несчастный орган никому — тем паче самому себе, неведомого направления, — в последние времена он стал более известен под именами «старухиных записок» или «родительских поминаний», чем под собственным именем». Разбор «отжившего, гальванически существовавшего органа» навел Григорьева на мысль об «отживающих вообще в литературе явлениях», упорно хотящих жить, вопреки «законам природы и истории», и он решился «следить за падениями», взяться за задачу «гораздо более безопасную, чем стремление отмечать незамеченное нашей критикой и даже могущее рассчитывать на го-

---

[9] «Литературное наследство», т. 83, стр. 206, 207, 208. Григорьев умер 25 сентября 1864 г.

раздо большее сочувствие». Он перечислял далее «направления, когда-то нужные, но совершившие в больший или меньший срок свое дело, и направления вовсе никогда не нужные; и таланты, сказавшиеся раз и потом бесплодно повторяющиеся — как, например г. Гончаров; и таланты, которые считались за что-то, когда была мода ни известный *жанр,* ими себе присвоенный во владение, и оказавшиеся чем-то весьма малым по прошествии моды, как г. Григорович; — и борзописателей и борзописательниц в роде г-жи Евгении Тур, печатавшихся некогда журналами, потому что нечего было печатать. . .».

Сделав общее введение к предлагаемой им новой рубрике в журнальной критике, Ап. Григорьев далее посвятил первый очерк этой рубрики Д. В. Григоровичу, где на протяжении немногим менее печатного листа не только показал художественную слабость и ограниченность творчества писателя 50—60-х годов, но и стремился подвергнуть сомнению значительность прославившего его «Антона Горемыки» и его известность как писателя из народного быта. Характеризуя Григоровича как писателя последнего десятилетия, критик видит в нем просто рассказчика различных петербургских и губернских сплетен, «без претензий на идеи и симпатии», и хотя все они связаны «одною задачей» изображать «болезнь морального лакейства, свирепствующую в столичном или губернском мещанстве», но автор лишен наблюдательности и уменья захватывать «психические пружины мелких букашек», какими обладал И. И. Панаев. «Д. В. Григорович просто рассказывает похождения разных хлыщей, живущих в Петербурге, въезжающих в него или процветающих в провинциях, рассказывает с сластью и засосом, даже с некоторым благоговением» к героям комильфотным и с уничтожающим презрением к лицам, лишенным «идеального начала комильфотности», напоминая великосветские повести графа Соллогуба и романы Евгении Тур. Временное же народное бытописательство Григоровича, по мнению Григорьева, было вызвано «тоном минуты», в который он старался попасть и поэтому имел «недолгий успех». Ап. Григорьев характеризовал произведения Григоровича из народного быта как лишенные «органических начал», как навеянные модой и напоминающие записи в дорожной книге «заезжего любознательного гостя иностранца», которого более всего интересуют «три рода вещей: чудные, миленькие и жалостливые».

Беспощадная критика «народных» произведений Григоровича сопровождалась Григорьевым интересной меткой характеристикой «народных» произведений в русской литературе от Пушкина до Левитова и Ник. Успенского. И в «Селе Горюхине», и в «Записках охотника», и в «Мертвом доме», и в «Севастопольских рассказах» писатели «органически делали органическое дело — уловляли типы и выражение в них национальной индивидуальности... не брали на откуп народных слез», а «с равной любовью относились ко всему народу и ко всему в народе...» Параллельно

русской «народной» литературе Григорьев обрисовал это направление в западноевропейской литературе, где, выделив творчество Гюго как «органический продукт своей нации», высмеял изображение «пейзанчиков» Ламартина, Ауэрбаха и Ж. Санд. Однако он отдавал должное «великому таланту» Санд, который выкупал «приторность» и обнаруживал «глубочайшее и инстинктивное разумение своей национальности».

Память об Ап. Григорьеве продолжала жить в журнале и после его скоропостижной смерти[10]. В это время шла подготовка сильно запоздавшей августовской книжки, вышедшей лишь в конце октября. В ней помещен некролог Григорьева, написанный Аверкиевым. В ноябре вышла сентябрьская книжка, где пятьдесят страниц было отдано публикации писем Григорьева к Страхову и воспоминаниям Страхова о Григорьеве, как пояснениям к этим письмам. Там же было напечатано «Примечание» Ф. М. Достоевского, а следом за ним стихотворение К. И. Бабикова «Памяти А. А. Григорьева». Наконец, в февральской книге журнала 1865 г. Страховым были напечатаны на тридцати страницах «Новые письма» Аполлона Григорьева». Свое слово о покойном критике сказали два его сверстника, Страхов и Достоевский, и двое молодых поклонников и учеников — Аверкиев и Бабиков.

«В пятницу 25-го сентября умер наш друг и сотрудник Аполлон Александрович Григорьев. Потеря его для нас велика и незаменима. Многое еще не досказано им; многое, высказанное мимоходом, не получило достодолжного развития», — так начал Аверкиев некролог, а редакция, т. е., несомненно, Ф. М. Достоевский, сделала примечание, которое мы привели во второй главе этой книги (стр. 34). О внимании, с которым отнесся Ф. М. Достоевский к некрологу, говорят еще два редакционных примечания к нему, и это объясняется тем, что статья Аверкиева была не обычным для некролога перечнем заслуг покойного, а попыткой дать характеристику его направления как критика, его истоков (философия Шеллинга), взаимоотношения с другими течениями (Белинский и «теоретики») и высокую сочувственную оценку достигнутого. В авторе ощущается не только ученик, но преданный адепт направления, пытающийся объяснить значение и смысл «органической» критики, остававшейся неясной для читателей журнала. Аверкиев писал: «Из предыдущего читатель

---

[10] Для биографов А. А. Григорьева, возможно, представит интерес обнаруженная нами запись в протоколе заседания цензурного комитета от 7 октября по докладу о газете «С.-Петербургские ведомости»: «Статья Н. Павловского под заглавием «Обстоятельства, предшествовавшие смерти А. А. Григорьева», где указывается на издателя газеты «Якорь» купца Стелловского, огорчавшего больного г. Григорьева и содействовавшего этим к усилению его болезни. *Определено*: Запретить как обличительную статью, заключающую, между прочим, указания на определенную личность» (ЦГАЛИ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 234).

мог видеть, как органически стройно развивалась мысль Григорьева, разумно необходимый ход ее. Строгая научная последовательность, вытекавшая из жизненности основного воззрения, полное и всестороннее развитие идеи — вот что характеризовало бы его письма о «Парадоксах органической критики», если бы смерть не прервала его деятельность». Примечания Ф. М. Достоевского касались Белинского и Добролюбова. Первое относилось к следующим словам Аверкиева: «Теория «полезного» искусства не в силах объяснить высших проявлений искусства, она их устраняет, не хочет знать, но устранение не значит объяснение, оно обнаруживает несостоятельность мысли». После слов «не хочет знать» Достоевский ставит звездочку и пишет в сноске: «Она должна их устранять, чтоб быть логичною и с собой согласною — если б даже того и не хотела, если б сама натура критика лично вооружалась против того всею своею жизненностью. Пример — Белинский в последние годы своей деятельности. — *Ред.*». В этом примечании, несомненно, звучит память о спорах Достоевского с Белинским периода их расхождения, нашедшего отражение в его показаниях на Следственной комиссии.

Второе примечание следует учитывать при изучении отношения Достоевского к Добролюбову, его предвзятое осуждение всегда принципиальных, целеустремленных идейных высказываний Добролюбова и предпочтения им часто расплывчатых, «широких» и противоречивых оценок Григорьева. Аверкиев, сопоставляя Григорьева с Добролюбовым, писал: «Так, Григорьев не мог никогда увлечься, подобно высокоталантливому Добролюбову, и признать гончаровского Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведение г. Гончарова за решение, окончательное и безапелляционное, вопроса о русском человеке, единственно по случаю встречающегося в этом произведении слова: обломовщина».

Здесь Достоевский ставит звездочку и делает сноску, подтверждающую и разъясняющую утверждение Аверкиева указанием на принципиальную направленность, а по его мнению, «узость» всей деятельности Добролюбова: «Это и потому еще, что Григорьев был шире Добролюбова, шире, глубже и несравненно более одарен природою, чем Добролюбов. Добролюбов был очень талантлив, но ум его был скуднее, чем у Григорьева, взгляд несравненно ограниченнее. Эта узость и ограниченность составляли отчасти даже силу Добролюбова. Кругозор его был у́же, видел и подмечал он меньше, следовательно и передавать и разъяснять ему приходилось меньше и все одно и то же; таким образом, он, само собою, говорил понятнее и яснее Григорьева. Скорее договаривался и сговаривался с своими читателями, чем Григорьев. На читателей, мало знакомых с делом, Добролюбов действовал неотразимо. Не говорим уже о его литературном таланте, большем, чем у Григорьева, и энтузиазме слова. Чем у́же глядел Добролюбов, тем, само собою, и сам менее мог видеть и встречать

противуречий своим убеждениям, следовательно, тем убежденнее сам становился и тем все яснее и тверже становилась речь его, а сам он самоувереннее. — *Ред.*»

Считая критику «главной стороной литературной деятельности» Ап. Григорьева, Аверкиев отвел последние страницы некролога его поэтической деятельности, особенно указывая в анализе его поэзии на ее автобиографичность, но не позволял себе вторгаться в рассмотрение его «частной жизни». Особенно высоко оценил он перевод «Ромео и Джульетты», как «необыкновенно оригинальный по приему, но верный по духу (и даже буквально верный)». В заключение Аверкиев говорил о том, что ценит сочувствие, выраженное по поводу смерти Григорьева только теми людьми, «деятельности которых мы сами сочувствуем», и назвал «дорогими» «теплые строки» о Григорьеве, помещенные в последнем номере «Дня» И. С. Аксаковым.

Опубликованное в сентябрьском номере стихотворение Бабикова «Памяти А. А. Григорьева» запечатлело отношение к умершему окружавшей его молодежи, о которой читаем в «Воспоминаниях» Страхова. Жизнь Григорьева, писал Бабиков, была «полна тревоги, глубоких дум, восторгов молодых», влекла его к «роковым страданиям», он жаждал ее полноты:

О, верь, наш милый брат,
Учитель наш восторженный, но строгий, —
Ты дорог нам за то, что верил много!

— восклицал молодой поэт.

В той же книге были помещены «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Н. Н. Страхова. В основе публикации — письма А. А. Григорьева к Страхову 1861—1862 гг., а комментарии к ним Страхова — краткие сведения о своем знакомстве, встречах, разговорах с критиком, тексты, объясняющие его письма. Эта публикация была незаурядным явлением: с одной стороны, попыткой представить через оглашение откровенно личных, из глубины души рвущихся писем-признаний только что умершего человека его сложный, от надрыва к надрыву переходящий образ, а с другой — предоставлением на суд публики многих внутриредакционных дел и отношений и «Времени», и «Эпохи», о которых часто очень недоброжелательно, часто с осуждением и негодованием писал Григорьев, адресуясь к Страхову и братьям Достоевским.

Не касаясь здесь самих писем Григорьева, многие из которых цитировались в книге о «Времени», мы остановимся лишь на комментариях к ним Страхова. Характеризуя свои отношения с Григорьевым в начале знакомства, Страхов писал: «Григорьев видел во мне своего ревностного почитателя; я смотрел на него как на великого и единственного мастера в деле критики». Но объяснения, которые давал Страхов в конце 1864 г. к письмам

Григорьева, рисуют несколько иное соотношение этих деятелей, что вполне понятно, так как это были чрезвычайно различные натуры. Страхов писал о Григорьеве: «Каждое душевное потрясение вызывало у него наружу то, чем была полна его душа, тревожило его постоянные раны. Таким образом, своей радости и своей печали он всегда придавал глубокий смысл; он отталкивал от себя действительность, для того чтобы свободнее витать в мире идей, ему знакомом и родном. Зато и жил он не в ладу с действительностью, теряя все больше и больше терпенье и уменье, которое нужно, чтобы справляться с нею».

Сам Страхов никогда не терял «терпенья и уменья» и изо всех сил старался жить «в ладу с действительностью», глубоко затаивая свои коренные убеждения, соображаясь с обстоятельствами, с собеседником или с требованиями журнала. Поэтому, комментируя письма Григорьева, где критик говорит о конфликтах с редакцией, Страхов всегда был на стороне последней, возлагая ответственность за конфликт на специфическую мнительность и подозрительность Григорьева, вовсе не обоснованную действиями или высказываниями редакции. В этом отношении нам интересно объяснение, какое дал Страхов последним строкам «Краткого послужного списка», написанного Григорьевым за три недели до смерти. Этот документ нашел Страхов и опубликовал его после писем Григорьева в своих «Воспоминаниях». Строки: «Опять «Эпоха». Опять я с теми же культами и теми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура! ..

Ну и что же делать? Видно и с «Эпохой» как критику, а не как другу, конечно, приходится расставаться...» — несомненно взволновали редакцию. То, что написал по их поводу Страхов, несколько приоткрывает судьбу последних статей Григорьева в «Эпохе», хотя он явно стремился затушевать имевший место конфликт, якобы забыв по незначительности о его причине, хотя должен был признать наличие «разногласия»:

«Что же такое случилось? Чем вызван этот обзор всех литературных неудач Григорьева? Редакторскою цензурою, говорит Григорьев. Но в чем именно она состояла? Григорьев умер 25 сентября, следовательно, недели три спустя после того, как написал свой «послужной список». Но когда мы стали читать этот список, то мы никак не могли уже припомнить, какой бы случай мог подать Григорьеву повод к неудовольствию. Лучшее доказательство того, что случай был маловажный и был преувеличен впечатлительностью Григорьева.

Между Григорьевым и редакциею действительно было в последнее время разногласие: оно касалось Гоголя; но это было мирное разногласие, вследствие которого Григорьев только был вызван на новые статьи; именно он должен был изложить свои спорные мнения в начатых им «Парадоксах органической критики».

Указание Страхова вполне согласуется с началом первого письма Григорьева о «Парадоксах органической критики», которое мы привели выше.

К «Воспоминаниям» Страхова Достоевский присоединил свое «Примечание» на четырех страницах. В нем он горячо выступил в защиту М. М. Достоевского, редакторскую деятельность которого Григорьев не раз задевал в своих письмах к Страхову. Достоевский объяснял обиды, подозрения и обвинения критика в адрес редакции «Времени» его полным непониманием журнального дела, далекостью от действительности. Дав прекрасный очерк русского Гамлета, каким он считал Григорьева, и высоко оценив значение публикации писем для его характеристики, Достоевский бегло коснулся своих разногласий с Григорьевым. Но, может быть, он затронул самое главное: Достоевский хотел иметь в Григорьеве, в связи с журнальными битвами, критика-публициста: он считал, что «всякий критик должен быть публицистом, что обязанность всякого критика — не только иметь твердые убеждения, но *уметь* и проводить свои убеждения», в чем и является «главнейшая *суть* всякого публициста»: «Я критик, а не публицист», — говорил он мне сам несколько раз и даже незадолго до смерти своей, отвечая на некоторые мои замечания», — писал Достоевский.

В «Парадоксах органической критики» с их восхвалением книги инока Парфения, работ Шевырева и Погодина, с обильными цитатами из Гюго не раз звучал вызов «теоретикам» и материалистам, уничижительные отзывы о «нигилистах», но это не было «проведением убеждений», т. е. не имело публицистической сути. Не это ли было причиной восклицания Григорьева: «Редакторская цензура!»

Продолжая традиции «Времени», Ап. Григорьев вел в «Эпохе» театральный отдел, в который входили вопросы репертуара, актерской игры, внутренней жизни театра и театральной критики. Эту деятельность он начал с первой книги и закончил в седьмой книге, вышедшей после его смерти. Как и во «Времени», он не раз вспоминал деятельность Белинского в этой области, но признавал, что современное состояние литературы препятствует появлению нового Белинского:

«Наша литература в настоящую минуту — публицистика. Нет, да по историческим условиям минуты и не может быть, Белинского, борца, которого могучий голос был бы авторитетом в деле национального искусства, чье слово клеймило бы печатью смеха рутину и ветошь» [11].

В первой книге «Эпохи» он поместил статью (47 стр.), которую назвал: «Русский театр. I. По возобновлении в первый раз. (Посвящается гг. артистам Александринской сцены)». Утверждая, что «театр — дело серьезное, дело народное», Григорьев требовал

---

[11] «Эпоха», 1864, кн. 1—2, стр. 459.

«демократизма искусства», которое должно служить не дилетантам-«гастрономам», а «глубине жизни масс». Поэтому необходима борьба, во-первых, за репертуар, как национальный, так и классический иностранный, и против антихудожественных переводных и собственного изделия драматических пьес; во-вторых, за продвижение талантливых актеров, порвавших с фальшью школьных традиций и несущих на сцену правду жизни, искренность и простоту. Он отвергал утверждения «абличителей», что в печальном состоянии национальной драматической сцены виноваты «властные личности» и мнения «абсолютных отрицателей», что во всем виновата публика — «по Сеньке и шапка». О массовой публике Григорьев говорил, что хотя она — «дитя, но умное дитя, и у нее губа не дура». Причину же упадка объяснял так: «Рутина виновата, ржавчиной въевшаяся во все устройство драматической сцены, во все понятия об искусстве».

Вторую статью в третьей книге «Эпохи» Григорьев назвал так: «Русский театр в Петербурге. II. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам». В ней, кроме ранее указанных причин падения театра — низкого уровня драматических актеров, Григорьев отмечал еще низкий уровень театральной критики. Он высмеивал «Отечественные записки», печатавшие изделия Устрялова, Горева, Потехина, критиков, расхваливавших актера Бурдина, который был предметом постоянных ядовитых замечаний Григорьева, как наиболее яркий пример фальшивой, устарелой актерской рутины [12]. Утверждая, что серьезная драма «есть культ национальности», воспроизводит ее положительные и отрицательные типы, развитие подлинной «национальной самости» Григорьев видел в Островском. Его подражатели пишут пошлые пародии, сводят в грязь его поэзию, критики упрекают его ограниченностью купеческого быта. Григорьев видит в пьесах Островского не «купцов», а русские характеры и язык. Он считает, что пока невозможна демократическая драма ни из быта крепостного крестьянства, как аномалии (а зажиточный свободный крестьянин смотрит в купцы), ни из образованного сословия, как это доказали опыты Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева. Несправедливое отношение критики к Островскому продолжается и на театральной сцене, где ставят лишь только несколько его «заигранных пьес» и при этом с плохими актерами.

Третья статья о «Русском театре в Петербурге» («Эпоха», 1864, № 6) называлась «Об одной из причин безнадежного состояния нашей сцены». Она написана как ответ рецензенту «Библиотеки для чтения», обвинившему Григорьева в сни-

---

[12] Выпады Григорьева в статьях «Времени» и «Эпохи» против «бурдинизма», против предоставления Бурдину ответственных ролей вызвали возмущенные обращения актера в редакцию журналов (см. Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 1, 124) и ответ Ф. М. Достоевского (Письма, т. I, стр. 390).

сходительности к «лицам властным», являющимся причиной театрального упадка. Григорьев не согласен, что они тормозят успех даровитых актеров и выдвигают бездарности. Причиной является «артистический», или «театральный мир» — «вместилище всякой плесени и рутины», своим «ядовитым шипением», насмешками и каверзами ставящий препятствия даровитейшим актерам. Виновата и литературная критика, которая, боясь отдаться «идее правды в искусстве», поддерживает «старый хлам вроде дикции и выработанных манер» и стремится поучать актеров, не считаясь с тем путем, который актеры находят «саморазвитием, добыванием тона из внутри души, работой с натуры». С горячим сочувствием говорил Григорьев о своем любимом актере П. Васильеве и о стремящейся к «правде в искусстве» Владимировой.

Последнее свое выступление, связанное с театром (кн. 7), — заметка в одну страничку «Голос старого критика» — Григорьев посвятил опере А. Н. Серова «Юдифь». Его заботила постановка ее в Москве и выбор исполнительницы на роль Юдифи: «Ведь как ни велики сами по себе красоты оперы моего знаменитого друга, да ведь исполнение-то, сценическое осуществление создания — что-нибудь да значит! .. Или он (Серов. — *В. Н.*) будет отличаться таким же благодушествованием, как тезка, собрат его, властелин другой полосы искусства — Островский», который вручает роли Тита Титыча и Льва Краснова Бурдину. Задача оперы в настоящее время не восхищать слушателей той или другой нотой певца, а создание оперы-драмы. Отмечая стремление русской оперы стать национальной, Григорьев называл «Юдифь» «великим произведением национального художника».

После смерти Григорьева театральный отдел перешел в руки его преданного ученика Аверкиева. Сотрудничать в нем он начал еще вместе с Григорьевым. Есть основание думать, что помещенные в шестой книге после статьи Григорьева «Об одной из причин безнадежного состояния нашей сцены» — «Летние заметки» (письмо в редакцию «Эпохи»), подписанные в тексте инициалами *Н. Р.* (а в оглавлении — *Н. Д.*), принадлежат ему. «Летние заметки» представляют собой разбор постановки пушкинской «Русалки» в Каменноостровском театре. Нападки на театральную рутину и «бурдинизм», похвалы свежему самостоятельному таланту актрисы Брошель, критика убогой постановки пьесы и состава театрального комитета, который имеет влияние «на печальное состояние нашей сцены», — вполне в духе статей Григорьева. В «Заметках» выражается пожелание, чтобы Брошель была передана роль Джульетты при постановке пьесы в переводе Ап. Григорьева. Аверкиев особенно ценил его шекспировские переводы.

В июльской книге журнала (ценз. разр. 19 сентября), где печаталась статья Григорьева о Григоровиче, основную статью о театре «Русский театр в Петербурге. Первые три недели сезона» уже подписал Аверкиев, а Григорьев поместил лишь стра-

ничку о «Юдифи» Серова. Но этой страничке он предпослал небольшое предисловие, имеющее прямое отношение к статье Аверкиева: «Занявшись исключительно (на время, конечно) развитием слишком близкого душе моей предмета, парадоксов органической критики... я оставил на время в покое «театр российский». А между тем на сцене такая дорогая душе старая новость, как «Бедная невеста» с ярким дарованием г-жи Брошель и с новым торжеством П. Васильева; на сцене — такой дорогой для меня артист, как г. Шумский... Наконец, «Руслан» возобновлен».

Здесь дан план статьи Аверкиева, так как в ней после части первой об открытии сезона комедией Острогорского «Липочка», вторая часть посвящена «Бедной невесте» Островского, третья — Шумскому в Петербурге, а четвертая — возобновлению «Руслана». Заметка Ап. Григорьева датирована 4 сентября, статья Аверкиева — 7 сентября. Не была ли она заказана Аверкиеву и согласована с Григорьевым тотчас после представления им своей заметки? В записной тетради Достоевского есть запись, сделанная во время подготовки седьмой книги: «4 <сентября> Статью Аверкиева в типографию (немедленно)» [13].

Вся статья Аверкиева от общих ее положений до отдельных выражений говорит о влиянии Ап. Григорьева. Прежде всего это установка на народный театр, серьезное отношение к нему. «Выставив своею задачею народный, серьезный театр, — мы должны напоминать об этом; должны бороться против театрального дилетантизма, против легкомысленных отзывов о театре», — пишет Аверкиев о Шумском, а в последней главке жалуется: «Отчего Александринский театр, долженствующий быть *народным*, в таком забросе?..» Беспощадно высмеивает он театральную рутину, бездарных актеров и актрис, которые не могут справиться с поручаемыми им ролями, в то время как талантливым ставят препятствия в их развитии, так как выпускают в ролях, не соответствующих их дарованиям. Он издевается над «бурдинизмом» и «кавалерскими отношениями» в трактовке ролей и ценит каждое прочувствованное, задушевное, непосредственное выражение актером художественного образа. Вместе с тем для Аверкиева характерно стремление «определить свойства» каждого таланта, не ограничиваясь раздачей хвалебных эпитетов, анализировать игру актеров, ее соответствие замыслу автора пьесы. Чрезвычайно внимателен Аверкиев к актерскому ансамблю и к «обстановке», которую он называет «важным делом». Будущий автор значительного теоретического труда по театру уже заявлял себя в этих рецензиях вдумчивым ценителем и хорошим знатоком театрального дела [14].

---

[13] «Литературное наследство», т. 83, стр. 202. Комментатор относит эту запись к другой статье Аверкиева: «Значение Островского в нашей литературе» (стр. 237).

[14] *Д. В. Аверкиев.* О драме. 1877—1878. Это, по определению советского театроведа, — «большой и интересный труд, один из немногих русских

В этой же, седьмой книге «Эпохи» была помещена статья «Значение Островского в нашей литературе (письмо к редактору «Эпохи»)», подписанная — «Один из почитателей Островского». Статья эта, несомненно, принадлежащая Аверкиеву [15], не была им подписана, возможно, потому, что в ней он критиковал понимание Ап. Григорьевым Островского. В статье проявилось расхождение во взглядах двух театральных рецензентов «Эпохи». Вся статья проникнута чувством преклонения перед драматургом и горячей любви к нему не только как к «русскому бытовому писателю», но как к поэту, сделавшему попытку показать «положительные формы русской красоты», «идеал», веру в «русские силы». Сходясь во многом с восторженными оценками Островского Григорьевым, он решительно возражал против того, чтобы называть Островского «русским Шекспиром». Шекспир для Аверкиева — «полнейший выразитель не только английского народного духа», но и «внешней практической жизни всех средних веков». В творчестве Островского Аверкиев не видит ни полного выражения русского народного духа, ни тем более отражения всех верований и стремлений нового времени. Он указывает на огромное преимущество перед Островским Пушкина, «высшего и единственного великого русского поэта». Далее Аверкиев сопоставлял «Бориса Годунова» Пушкина и «Минина» Островского главным образом в показе ими народа, его роли, характера и значения, всюду обнаруживая слабость Островского, не сумевшего представить Минина как «выборного всей земли Русской».

Статья Аверкиева интересна тем, что к ней редактор, т. е. Ф. М. Достоевский, сделал три примечания, характерные для его взглядов как критика. Сопоставление Островского с Пушкиным редактор сопроводил таким примечанием: «Наше мнение — что никому даже и в голову не придет сопоставлять Островского с Шекспиром или Пушкиным, несмотря на все значение Островского в нашей литературе. Но так как по поводу этого сопоставления автор статьи говорит довольно любопытные и дельные вещи, — то мы и помещаем всю его статью целиком и допускаем условно возможность подобных вопросов и сопоставлений. *Ред.*» Особенно существенно примечание Достоевского к следующей фразе Аверкиева: «Скажут, что многие места Островского *колоритнее*, напр. даже самый язык — бог знает, так ли!» «Об этом и вопроса не может быть, — пишет Достоевский. — Пушкин угадал самую основную суть того, что народ наш считал и считает за самую высшую нравственную красоту души человеческой; это — тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбие* — если так можно выразиться: Что-то младенчески чистое и ангельское живет в представлении народном о том, что народ

трактатов по театрально-драматургической эстетике» (*С. С. Данилов.* Очерки по истории русского драматического театра. М., 1948, стр. 387).

[15] См. сб.: «А. Н. Островский, 1823—1923». Одесса, 1923, стр. 193, 194.

считает своим нравственным идеалом. Этою кроткою, смиренною и ничем не поколебимою любовью проникнута у Пушкина русская речь в Годунове. Далеко не так у Островского. *Ред.*»

Особенно характерно для Достоевского и как для «почвенника» 60-х годов, так и для автора «Дневника писателя» третье примечание.

Аверкиев, сопоставляя Островского с Грибоедовым, упомянул об утверждении Григорьева по поводу Чацкого, что он «единственное истинно героическое лицо (хотя не русское) во всей нашей литературе». «Почему же *нерусское*? — писал Достоевский. — Или все, что у нас есть оторванного цивилизацией от народного быта, — уже не русское? Напротив, тип Чацкого только и дорог нам тем, что это изображение *русского*, оторванного от народного быта. Иначе, что уж бы он для нас значил? Это доказывается отчасти уже симпатичностью для нас этого типа и беспрерывною его повторяемостью в нашей литературе. *Ред.*»

Эти три заметки должны быть учтены в изучении литературно-критических взглядов Достоевского на Пушкина и Грибоедова.

В сентябрьской книжке Аверкиев выступил как преемник Ап. Григорьева, продолжая его раздел «Русский театр в Петербурге», и много раз вспоминал о своем предшественнике, приводя его выступления, называя себя его учеником.

Первую часть статьи он назвал: «Печальные рассуждения о состоянии театральной критики в С.Петербурге» и начал ее восторженной фразой: «Писать о театре — боже, как я мечтал об этом!..» Это казалось ему «верховным блаженством». Но, разбирая современные критические статьи о театре, он видит, что они фельетонного характера. о театре пишут как о балах, скачках и других увеселениях. Писать о том, как плоха обстановка, как плох репертуар, — опасно: «Еще опаснее и бесполезнее разбирать игру актеров. Мы этого не умеем делать». Резкая критика Григорьева нажила ему много врагов. Но Аверкиев решается писать «серьезно» и о пьесе «серьезного автора» — Островского. Во второй части статьи он разбирает новую комедию Островского «Шутники», поставленную в бенефис Бурдина. Несмотря на все свое почтение и любовь к Островскому Аверкиев находит пьесу слабее других и указывает на многие ее недостатки и слабости (нет типов, характеры только намечены, второй акт излишен, развязка случайна, на всем печать поспешности и т. д.). Но раскритиковав новую пьесу, Аверкиев характеризует Островского не как обличителя грубости и невежества, т. е. вовсе не как сатирика, а как поэта, любящего подлинную Россию, ее быт, ее людей, не деля их на «положительных» и «отрицательных». Аверкиев заостряет свое выступление против тех, кто до крайности доводит мысль Добролюбова о «темном царстве»:

«Противная сторона заговаривается все больше и больше; инстинктивно чувствуя, что время сатиры миновало, она в лице

талантливейшего своего представителя, г. Писарева, пришла к отречению от искусства, — ибо г. Писарев, как человек талантливый и чуткий, явно видит, что искусство в правильном и органическом своем развитии никогда не будет сатирой. Сатира является там, где является разложение. Гоголь в этом смысле имеет громадное значение. Он «лучший цветок цивилизации, насажденный Петром». За ним сатира впадает в «фики» и «трефандосы» (намек на Щедрина) — время сатиры кончилось.

В этом выступлении Аверкиев опирался на суждения «талантливого и чуткого» Писарева для борьбы с Щедриным. Именно Писарев в № 2 «Русского слова» 1864 г., высмеивая сатиру Щедрина, предлагал ему ее оставить и переключиться на популяризацию научной литературы. Рассмотрение же Островского не как сатирика, а как поэта подлинной России, тесно связано с точкой зрения Мих. Мих. Достоевского, развернутой им в статье о «Грозе» Островского в «Светоче» 1860 г.

В третьей части статьи «Исполнение «Шутников» Аверкиев говорит о Самойлове и Бурдине. Признавая в Самойлове талант, развитый на французской мелодраме, он отмечает, что ему доступна лишь внешняя сторона роли. Он не знает психологии тех персонажей, которых играет в пьесах Островского. В Бурдине Аверкиев видит «самого яркого представителя ложной сценической игры». У Бурдина есть две «манеры» игры: «скромная», где он бесцветен, однообразен и безразличен, и игра с «бенгаликой» (выражение Григорьева), в которой он, «ломаясь», стараясь играть «почуднее», оскорбляет зрителя, заставляет «кипеть негодованием»: «Зачем массу заставлять смеяться над тем, что в ней есть доброго, честного, святого? Это ли назначение народного Александринского театра? Это ли истинное служение искусству? Нет, г. Бурдин в этих случаях не только не талантливый, но даже *вредный* актер».

В октябре Аверкиев в разделе «Русский театр в Петербурге» поместил статью, посвященную разбору игры Павла Васильевича Васильева, покидавшего петербургскую сцену. Высоко ценимый Григорьевым и Аверкиевым артист, подвергавшийся насмешкам и преследованиям части публики и критики, П. Васильев нашел в Аверкиеве тонкого исследователя его игры и в роли Любима Торцова, и Льва Краснова, и Бальзаминова, и Расплюева. Критик оставил выразительный анализ чтения Васильевым «Гамлета», которого ему не удалось сыграть, и видел всюду «страстное проникновение ролью; глубокое, человечное понимание; стремление к самому полному и ясному изображению человека, главное — внутренний мир».

В декабре Аверкиев продолжил свою характеристику Васильева («Прощание с П. В. Васильевым»). Интересна приведенная им здесь оценка Васильевым значения для него игры и бесед с Мартыновым. Васильев считал себя всем ему обязанным, особенно в понимании исполняемой роли, в которой, по совету Мар-

тынова, надо прежде всего ухватиться «за что-нибудь человеческое».

В двух книгах «Эпохи» за 1865 г. статей о театре не было.

Еще редакция «Времени» сделала попытку ввести в критическое обозрение вопросы музыкальной культуры. В мартовской книжке за 1862 г. была помещена статья П. П. Сокальского «О музыке в России. Введение». «Краеугольным камнем» для нее является «вопрос о народности в музыке», и в своих дальнейших статьях автор предполагал говорить о значении и будущности русской музыки [16]. Но статьи эти во «Времени» не появились.

Несомненно, при участии Ап. Григорьева в «Эпохе» появились музыкальные статьи А. Н. Серова, бывшего в это время одним из наиболее видных музыкальных критиков. Советский исследователь о нем пишет: «Исключительно активной и плодотворной была музыкально-критическая деятельность Серова во второй половине 50-х годов... Критическое дарование Серова в этот период вступает в лучшую пору расцвета. Он публикует большую работу о «Русалке» Даргомыжского (1856), явившуюся «кодексом реализма» русской оперной драматургии, глубоко содержательные «Воспоминания о М. И. Глинке» и яркие статьи о его творчестве и многие другие статьи, в которых талантливо и смело разрабатывает проблемы народности и реализма в музыке» [17].

Близость Ап. Григорьева с А. Н. Серовым подтверждается письмами первого к Страхову из Оренбурга, в которых он, постоянно посылая поклоны Серову, между прочим писал: «Письма мои целиком можешь сообщать при свидании и Серову — ибо то с тобою, то с ним хотел бы я издали перебрасываться разными вопросами». Заключая с Погодиным «Условие» на издание «Москвитянина» в 1856 г., Григорьев надеялся на сотрудничество Серова: «А. Н. Серову за статьи о М. И. Глинке, если он согласится дать их, — по тридцать (рублей)» [18]. Особый интерес к народному искусству, к русской песне, которую Серов называл «почвенною музыкой», отрицание западного гелертерства и противопоставление ему «органической» критики — все это соединяло Григорьева с Серовым и, естественно, должно было привести Серова в журнал Достоевских. В редакции журнала, кроме прежних друзей Григорьева и Страхова, он встретил молодого поклонника и страстного театрала — Аверкиева, который стал его помощником как автор либретто к опере «Рогнеда». В автобиографической записке (он писал о себе в третьем лице) Серов писал: «Музыка этой оперы, так же как и музыка «Юдифи», складывалась *не по словам текста,* еще не существовавшим, а по «ситуациям», ясно

---

[16] См. в кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 263.

[17] *А. Н. Серов.* Избранные статьи. Под ред. Г. Н. Хубова, т. I. М.—Л., 1950, стр. 21.

[18] Сб. «А. А. Григорьев», стр. 268, 269, 274, 313.

определившимся в воображении автора. Оттого часто слова надо было изобретать под *готовую* или полуготовую музыку. Сотрудником по тексту в «Рогнеде» был Д. В. Аверкиев, очень метко схватывавший намерения композитора-драматурга в их, так сказать, еще эмбрионическом виде. Не отступая от задуманного композитором плана каждой сцены, Аверкиев понемногу написал весь текст в стихах, подходящих к делу. Эта работа шла почти незаметно, среди бесед с многими другими литераторами — Майковым, Достоевским и др., окружавшими тогда Серова, и параллельно с самим сочинением музыки» [19].

В марте 1864 г. Серов прочел в Петербурге десять лекций «о современном состоянии музыки, ее науки и ее педагогики» и решил на их основе написать учебник по музыкознанию. Работая над этой задачей, он написал две статьи, из которых первая была напечатана в книге шестой, а вторая — в книге 12-й «Эпохи» 1864 г. Общее их заглавие было: «Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика». После «Предисловия» шли ч. I «Предварительные понятия и точка зрения» и ч. II «Очерк исторического развития музыки вокальной и музыки инструментальной».

Приведем их оценку советским музыковедом Г. Хубовым:

«Обе статьи, остро направленные против схоластики, формализма и рутины в музыкознании и музыкальной педагогике, проникнуты духом борьбы за утверждение высоких принципов реализма. Опираясь на эстетическое учение Белинского и Чернышевского, Серов излагает и обосновывает некоторые «предварительные понятия музыкальной эстетики»... Многие мысли и положения, высказанные и талантливо разработанные здесь Серовым, являются драгоценным вкладом в русскую музыкальную науку; они имеют неоценимое значение и для советской музыкальной эстетики» [20].

Поместив первую статью в шестой книжке, Достоевский, очевидно, был очень заинтересован в продолжении публикации. В его записной тетради под 22 августа помечено: «Написать Серову», а под 25 августа: «Спросить Аверкиева о продолжении Серова» [21].

В июльской книге «Эпохи» была опубликована еще одна статья Серова, большое значение которой для изучения Серовым Бетховена стало известно лишь в самое последнее время благодаря работе советского музыковеда [22]:

---

[19] *А. Н. Серов.* Избранные статьи. Под редакцией Г. Н. Хубова. М.—Л., 1957, т. II, стр. 75.

[20] *Г. Хубов.* А. Н. Серов. — В кн.: *А. Н. Серов.* Избранные статьи, т. II, стр. 654.

[21] «Литературное наследство», т. 83, стр. 20.

[22] *Т. Н. Ливанова.* Бетховен и русская музыкальная критика XIX в. — В сб.: «Бетховен», вып. II. Под ред. Н. Л. Фишмана. М., 1972, стр. 195—196. Статья Серова, о которой идет речь, напечатана в «Эпохе» (1864, кн. 7, стр. 1—18). На первой странице заглавие: «Заметка современного знаменитого мыслителя (из немузыкантов). О девятой симфонии Бетховена. Перевод и комментарии А. Серова». Далее — полстраницы обра-

«Публикуя в журнале Достоевского «Эпоха» небольшую заметку известного философа-теолога Давида-Фридриха Штрауса о девятой симфонии Бетховена, Серов снабдил ее обширным послесловием, намного превосходящим текст по объему и совершенно подавляющим его по своему содержанию. В подзаголовке статьи глухо указано: перевод и комментарий А. Серова. Никто, по-видимому, не заметил, что «комментарий» (ничем не отделенный от текста Штрауса типографски), по существу является законченной работой самостоятельного значения. Горячо и убежденно, можно сказать яростно, доказывает здесь Серов единство музыкальной мысли в девятой симфонии (ода «К радости» — «основа целой» симфонии), ее монотематизм (применяя именно этот термин). И одновременно стремится уже доказать, что Бетховен стоял на переломе, что он нуждался во введении хора, поэтического слова, высказывающего основную мысль произведения на иной эстетической основе, с иной ясностью, чем это делает чистая музыка. «Он довел симфонию до ее высшего расцвета, — резюмирует Серов, — но он же и почувствовал, что, собственно говоря, вся инструментальная музыка всею массою *тяготеет* опять к слиянию со словом человеческим, с пением». Исследователь доказал, что идея, легшая в основу важнейшей работы Серова: «Девятая симфония Бетховена, ее склад и смысл» (1868), была впервые сформулирована в 1864 г. на страницах журнала «Эпоха».

В архиве Ф. М. Достоевского сохранились три письма Серова в связи с публикацией статей, получением гонорара и с выражением готовности постоянно работать для «Эпохи» — «лишь бы находилось место для его излияний». В письме от 28 декабря, посылая конец статьи для декабрьской книжки, Серов сообщал: «Хотел было *вчера* занести к Вам эти листочки самолично, но был задержан дома работой над заключительною сценой 4-го акта «Рогнеды». Теперь и этот акт — *важнейший* — окончен. Если угодно ознакомиться с ним, милости прошу — завтра»[23].

Отметим, что в десятой книге «Эпохи» была напечатана написанная Аверкиевым «Охотничья песня» (Из либретто оперы А. Н. Серова «Рогнеда»).

щения Серова «К читателям». На стр. 2—7 перевод статьи Д.-Ф. Штрауса с заглавием: «Девятая симфония Бетховена и ее поклонники. (Музыкальное письмо ограниченного человека) 1853». Начиная со стр. 7: «Вот как говорит...» и до конца — статья Серова и его подпись.

[23] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 8, 101. Об интересе Достоевского к музыке и о сотрудничестве Серова в «Эпохе» см. также: *И. Месерич* (Венгрия). Проблема музыкального построения в повести «Записки из подполья». — Сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 161, 163—165.

Глава VIII

Журнальная полемика

Полемическая деятельность «Эпохи», ее история, содержание, направленность, привлекала внимание многих советских литературоведов. Ее изучение сводилось по преимуществу к выступлениям Ф. М. Достоевского и его антагониста — Щедрина. Прежде чем обратиться к этой наиболее известной журнальной «дуэли», мы остановимся на выступлениях других сотрудников «Эпохи», которые вложили свою немалую долю в полемику, продолжавшуюся все четырнадцать месяцев существования журнала.

16 сентября 1861 г. Ап. Григорьев писал Погодину из Оренбурга: «Время» идет хорошо; «Время» мной дорожило и дорожит. Но «Время» имеет наклонность очевидную к Чернышевскому с компанией — и я не остался в Петербурге... К январю... напишу что-нибудь. А теперь и писать некогда, да еще и не пора, хотя Достоевские и пристают... Пусть их прочахнут и протрезвеют немного от симпатий «Современника» [1].

Это свидетельство сотрудника, проработавшего первые полгода существования «Времени», подтверждается многими фактами, которые мы привели в книге о первом журнале, указывая на близость большой группы участников «Времени» к журналу Чернышевского и Добролюбова и на сочувственные выступления и высказывания о нем Ф. М. Достоевского. Свою «связь» с «Современником» Достоевский сам признал и точно указал, когда она кончилась. В письме 1868 г. к Ап. Майкову из-за границы, подозревая, что полиция перехватывает его письма, он с возмущением писал: «Не обратиться ли мне к какому-нибудь *лицу,* не попросить ли о том, чтобы меня не подозревали в измене отечеству... и не перехватывали моих писем? Это отвратительно! Но ведь они должны же знать, что нигилисты, либералы-Современники, еще с третьего года в меня грязью кидают, за то, что я разорвал с ними...» [2]

Выражение «с третьего года», несомненно, здесь надо пони-

---

[1] «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, стр. 278.

[2] Письма, т. II, стр. 131.

мать не «три года тому назад», а «с 1863 года», когда вышел № 1—2 «Современника» новой редакции и появились в нем выступления против «Времени». Если для передовой журналистики идеологический поворот «Времени» стал ясен с момента публикации осенью 1862 г. «Объявления» об издании «Времени» в 1863 г., то сам Достоевский, продолжая полемику со славянофилами и изданиями Каткова, воздерживался от выступлений против «Современника», и лишь в февральской и мартовской книжках 1863 г. выступил с «Журнальными заметками» в ответ на статьи Щедрина в первых номерах «Современника».

Организуя «Эпоху», редакция не объявляла, как во «Времени», о своем намерении вступить в журнальную полемику, но, несомненно, что Ф. М. Достоевский уже в период организации издания готовился к журнальным боям. Мы упоминали о его замысле сразу выступить со статьями против романов Чернышевского и Писемского и дать «обоим по носу». Он указывал на Страхова, основного полемиста во «Времени» против общих позиций «Современника», как на желательного автора «руководящей» статьи в организуемой «Эпохе». Именно Страхов, по его мнению, мог продолжить начатую и насильно оборванную закрытием «Времени» полемику с новым «Современником», и поэтому он настойчиво просил брата, поскольку сам не мог писать, нажимать на Страхова и требовать от него статей.

Как говорилось выше, Страхов написал для первой сдвоенной книжки «Эпохи» статью в два листа под названием «Перелом», в начале которой бегло охарактеризовал «то, что случилось года два назад, в период, который кончается петербургскими пожарами», обещая в будущем вернуться к этому периоду, характеризующемуся «оторванностью от жизни», «господством идей, не порожденных живой действительностью», а «отвлеченностью и безжизненностью». Но далее в «Переломе» он почти повторял положения своей статьи «Роковой вопрос», стараясь доказать ее патриотизм, связывая польское восстание с крестьянской реформой и анализируя отношение к нему русского общества. Приспособляя статью к текущему моменту (ожидание реформ цензурного дела), Страхов закончил ее жалобами на то, что русская литература носит «кандалы на ногах», «клеймо стесненного положения», и заявлял, что «надежда на свободу слова составляет одно из самых сильных и живых чувств настоящей минуты» [3].

Статью цензура не пропустила, и Страхов, очевидно, тотчас же приступил, в ответ на энергичные просьбы Ф. М. Достоевского, к писанию второй «руководящей» статьи для майского номера, которую назвал «Воздушные явления». В ней он хотел выполнить обещание, высказанное в первой статье, — дать характеристику

---

[3] *Н. Страхов.* Борьба с Западом в нашей литературе, кн. 2. Изд. 2. СПб., 1890, стр. 147—175. «Ряд статей о русской литературе» (1864). Статья первая — «Перелом».

времени до петербургских пожаров, т. е. времени, когда революционная ситуация достигла высшей точки. Он обрисовал общественный подъем рубежа 50-х и 60-х годов как явление «фантасмагорическое», хотя оно имело вид «самой живой и яркой действительности»: «И что же? Все помнят, как все это вдруг рухнуло, осело и замолчало. Дунул свежий ветер и фатаморгана... пропала. В самом деле, давно ли, кажется, было это время? Нет еще и двух лет, все, что было, кажется, случилось не дальше, чем вчера. А между тем совершенно ясно, что это недавнее прошлое прошло действительно и невозвратно, что между ним и настоящею минутою легла неизгладимая черта. Вот почему невольно является желание поговорить об этом времени как об явлении уже минувшем и отошедшем от нас на некоторое расстояние».

Казалось бы, что Страхов, который был убежденным противником передовых идей еще в 50-х годах и боролся с ними начиная с первых книг «Времени», после этого вступления мог бы смело развернуть свою критику «фатаморганы», воплощавшейся для него прежде всего в деятельности «Современника». Но свойственный ему метод действия «обиняком»[4] и здесь повел его кружным путем. Он обратился к статье «Московских ведомостей», которая с азартом обливала грязью время до петербургских пожаров, как время «революционных комитетов», «непонятной терроризации, которая бог знает откуда шла и распространялась с верху до низу», как «время свистунов, время всевозможных безобразий по части социализма, коммунизма, материализма, нигилизма» и т. д. Страхов, который не мог забыть роли «Московских ведомостей», зарезавших «Время» за его статью, вздумал оспаривать огульное охаивание «Московскими ведомостями» начала 60-х годов. Приводя цитаты из московской газеты, он утверждал, что «поругание падало отнюдь не на все, чем дорожит народ, общество, человек; поруганию подвергались только некоторые из этих дорогих вещей; другие же напротив превозносились с величайшим энтузиазмом... Это была эпоха большого увлечения, когда люди горячо стремились к тому, что считали добром и правдою, и фанатически гнали то, что признавали злом и ложью. Они ошибались в своем различении; они неправильно проводили пограничную черту между дурным и хорошим...». Приводил Страхов и утверждения «Московских ведомостей» о том, что «всякий мальчишка, наконец, всякий негодяй, всякий жулик» терроризировал

---

[4] См. отзыв Достоевского о Страхове в «Записной тетради» 1876—1877 гг.: «Н. Н. С‹трахов›. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе «Жених», об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

Пироги жизни наш критик очень любил... а в статьях своих говорил обиняком, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины» («Литературное наследство», т. 83, стр. 619).

«даже самых серьезных людей», что фальшь и тля, шедшие из Петербурга, захватывали власть. Лишь отчасти соглашаясь с газетой, Страхов винил не столько «авторитеты», которые возглавляли «террор», а инертность и бедность умственной жизни русского общества, которое не умело ничего им противопоставить и которое пошло у них на поводу. Мимоходом он коснулся деятельности Добролюбова, признав ее «чисто метеорическим явлением», не получившим отпора, с его точки зрения, лишь из-за отсутствия «здравой критики».

В заключение Страхов отдал дань «почвенничеству» и противопоставил «воздушным явлениям», которые развеются, глубокий поток народной жизни, продолживший свое течение. Он вновь обратился к «слухам о новом проекте нашей печати»: «Отсутствие свободы слова есть главная причина, по которой весь наш литературный мир, все явления нашей умственной жизни постоянно покрыты туманом и маревом, ничего не дающим разглядеть в его истинном виде» [5].

Статья Страхова с ее полемикой против «Московских ведомостей», с ее неясной позицией в осуждении и защите передовых общественных явлений начала 60-х годов была запрещена цензурой. Лишь в очень сокращенном виде она нашла отражение в ноябрьском номере «Эпохи» в «Заметках летописца», где под тем же названием «Воздушные явления» (без всякого упоминания о «Московских ведомостях») Страхов противопоставлял эфемерные явления в литературе, характерные для той или иной эпохи, ее действительной самобытной, «изнутри», органически развивающейся жизни, и также объяснял успех «метеоров» и «миражей» малоразвитым вкусом, нетвердыми и неглубокими понятиями русского общества.

Потерпев дважды поражения в попытках выступить с «руководящей» статьей, Страхов ограничился тем же характером полемической деятельности, который он выработал во «Времени», — ежемесячной публикацией небольших (от 10 до 20 стр.), довольно пестрых по содержанию заметок под общим названием «Заметки летописца». Среди них находятся и заметки о научно-философской литературе, и о театре, и о крестьянском и дворянском вопросах, и о польских делах, но все же как центральная тема в них проходит обличение материализма, нигилизма в современной литературе и журналах. Еще в первой книжке журнала за 1864 г. Страхов поместил «Письмо в редакцию «Эпохи», в котором сопоставлял недавнее общественное возбуждение, оптимизм, с наступившим разочарованием, когда «все побледнело, стерлось, стушевалось, спряталось и прикинулось дохлым». Причину он видит в «оскудении идеала», в потере различия между добром и злом, во всеобщей трусости «сказать свою мысль и свое чувство». По его понятиям, источник этой трусости — в существо-

---

[5] *Н. Страхов.* Борьба с Западом в нашей литературе, кн. 2, стр. 176—208.

вании материалистически, нигилистически настроенной молодежи, которая терроризировала «здравомыслящих» людей, боящихся не попасть в ногу с молодым поколением, которое будто бы определяет будущее: «Сколько тут страха, рабства, идолослужения! Совершенно понятно, что люди в таком настроении чувствуют себя очень печально, что они вечно в тревоге, вечно боятся промахов и неудач». В «молодом поколении» Страхов различал три временных слоя — от старших, которые, как Добролюбов, кончили курс «в прежнее старое время», к тем, которые его кончали «в нынешнее время», и к тем, кто и гимназию кончал в последние годы и не находит уже никакого интереса в том, чем было занято первое. «Обиняком» Страхов сопоставлял здесь старый «Современник» и «Русское слово» с Писаревым и Зайцевым. Злобно упоминал о проповеди материализма, в котором видел «подновленную старину» и отсутствие каких-либо «зачатков» в нем для создания новой философии.

Помещая в мартовской книжке первые «Заметки летописца», Страхов писал в предисловии к ним: «Я ничего не начинаю и ни к чему не приступаю; собственно говоря я *продолжаю* давно начатое дело, и потому должен сделать это предисловие. Читатели найдут здесь ряд беглых заметок, тех заметок, которые каждый делает, читая современные книги и журналы и раздумывая о современных делах. Порядка в них никакого не будет; зато я постараюсь, чтобы они имели строгую связь...»

«Связью» в «Заметках летописца» была идейная направленность их автора, которая включала прежде всего его борьбу с материализмом и его сторонниками. В мартовских «Заметках» три направлены против «Современника». Особенно следует отметить заметку, названную «Междоусобие» и посвященную полемике, начавшейся «с начала нынешнего года между «Современником» и «Русским словом». Не ожидая ничего нового и живого от этой «перепалки», Страхов использовал ее для осмеяния наиболее последовательного антагониста «Времени» и «Эпохи» — Щедрина: «Дело началось из-за г. Щедрина. В первой книжке «Современника» он немножко подсмеялся над нигилистами. «Русское слово» теперь укоряет его в измене своему знамени... Гораздо важнее дело взял на себя г. Писарев. Сверх укоров в измене он занялся критическою оценкою произведений г. Щедрина и постарался определить достоинство и характер его юмора. Некоторые замечания его в этом отношении очень метки и остроумны». Страхов приводил далее полторы страницы из статьи Писарева «Цветы невинного юмора» с цитатами из «Города Глупова» и с ядовитой характеристикой щедринской сатиры, приравненной к шуткам глуповского балагура, пехотного командира, с его «трефандосом» и «фиками» в карточной игре.

Но используя Писарева для изобличения Щедрина, Страхов далее уже от себя изобличает Писарева, который приветствует падение «стиходелания» и «увядание беллетристики» как «очень

хорошие симптомы для будущей судьбы нашего умственного развития», и советует Щедрину бросить Глупов и заняться популяризацией естественных наук. Страхов высмеивал дилетантское увлечение Писарева естествознанием и его предположение, что если бы был жив Добролюбов, то «он посвятил бы лучшую часть своего таланта на популяризирование европейских идей естествознания и антропологии». «Этот восторг от естественных наук нынче очень в ходу, — писал Страхов. — Хуже всего то, что г. Писарев принадлежит очевидно к *платоническим* обожателям этих наук. Такие обожатели обыкновенно приписывают своему предмету всевозможные совершенства, тогда как полные обладатели предмета далеко не находят в нем этих совершенств».

Кроме «Междоусобия», Страхов поместил в мартовских «Заметках» выпад под названием «Дела в редакции «Современника», где, придравшись к фразе Некрасова в некрологе Дружинина, толковал ее, высмеивая основных сотрудников журнала: Щедрина, Антоновича и Пыпина. Наконец, в заметке «Хроническое и злокачественное недоразумение» он приводит «словцо «Современника», сказанное, конечно, весьма в ироническом смысле»: «И у нас есть свои демократы, т. е. почвенники и славянофилы, любители народности и народа», — говорит «Современник».

В поисках «Современником» демократов и аристократов, которых, по мнению Страхова, не может быть в России, он видит явное влияние и подражание историкам Франции.

Обвиняя «Современник» в том, что он «мыслит по чужим книжкам», Страхов присоединил к своей полемике с ним выпад против «Московских ведомостей», где в № 81 нашел высказывания М. Лонгинова, направленные против «исключительного уважения к простонародью», которое в массе грубо и невежественно. Лонгинов откровенно говорил о том, что «лесть блузникам или зипунникам» приводит, как показала история, «к великим бедам, происходящим в минуту общего одурения», т. е. к революции. Страхов и здесь видит полное непонимание русского народа и попытку судить о нем «по французским книжкам».

В апрельской книге «Эпохи» Страхов поместил издевательскую заметку о гражданской поэзии в «Современнике», приведя напечатанное в № 2 стихотворение Гольц-Миллера и сопроводив его следующим комментарием: «Весьма любопытный образчик нашей современной поэзии. Эта поэзия, как известно, отличается не столько изяществом, сколько благородством чувств. Весьма метко говорит поэт, что у него *нет сил расстаться* с грустью: так мила ему эта грусть, так она его греет и вдохновляет! *Слезы гражданина* заменяют теперь *луну, деву, мечту* прежних поэтов. Что они *спят в равнине* — это составляет одну из самых милых фантазий».

Поддетый Страховым стих о «слезах, спящих в равнине», неоднократно потом фигурировал в полемических выступлениях «Эпохи».

В августовской книжке Страхов вновь высмеял Гольц-Миллера за «неопытность» в употреблении слов в стихотворении «Отверженная» («Современник», 1864, № 8), в котором падшей женщине

Злобно объятья
Раскрывает один лишь разврат.

В тех же апрельских «Заметках» помещены сравнительно длинные высказывания Страхова «О женском труде». Он начинает их с напоминания о романе «Что делать?». Констатируя, что «в последние годы нередко говорят и часто печатают о *новых принципах и новых людях*, которые следуют этим принципам», Страхов упоминал, что «в литературе нашей есть уже даже роман, трактующий весьма пространно и серьезно об этих «новых людях и принципах», не говоря уже о двух-трех журналах, которые исключительно посвящены им». Признавая, что в поставленных проблемах пока все неясно и светлые стороны не отделены от темных, Страхов развивал мысль о необходимости труда для каждого человека и в том числе для женщины. Он подробно и сочувственно рассказывает о возникающих обществах, которые помогут женщинам стать экономически независимыми: излагая статью в «С.-Петербургских ведомостях» «Женский труд и обезьянство», он осуждает лишь частные «уродства», которые обличала газета.

В майском номере «Эпохи», где предполагалась его статья «Воздушные явления», Страхов не касался «Современника», но несколько неожиданно выступил, не только возражая «Московским ведомостям», но задевая и «Русский вестник». «А давно ли «Русский вестник» знать ничего не хотел о русской народности? — писал Страхов. — Давно ли он издевался как над сумасбродами над теми, кто говорил о великих судьбах русской земли в будущем? . . Но не будем вспоминать старого, хотя бы оно было даже и очень недавно. Порадуемся лучше тому, что оно, как видно, уже отжило свой век и исчезает с каждым днем?»

Осторожные выпады Страхова против «Московских ведомостей» и «Русского вестника» стали еще явственнее в июньской книжке, где Страхов заявил о ведущей роли в современной журналистике аксаковского «Дня» и о его превосходстве по сравнению с петербургской журналистикой и даже катковскими изданиями. «Славянофилы победили» — этой формулой Страхов охарактеризовал значение «Дня» и выразил свою преданность ему. Говоря о «Московских ведомостях» под видом их защиты, он их высмеивал и опять осторожно критиковал прежнюю позицию «Русского вестника», отвлеченные «общечеловеческие» идеи которого разлетелись, «как призраки», под воздействием действительных сил, жизненного опыта. Несомненно, чувством мести проникнута страховская критика «Московских ведомостей», слабость которых он правильно видел в их беспринципности и зависимости

от эмоций: «...все понятия, какие только есть на свете, могут быть с полным правом употребляемы «Московскими ведомостями», как скоро в этих понятиях окажется какая-нибудь надобность и польза. Если же таким образом пойдут в дело понятия несогласные и противоречивые, то мы можем утешиться, заметив: понятия у них нескладные, зато суждения прекрасные».

Перечеркивая прежнюю позицию «Времени» к органу Аксакова, выражавшуюся статьями Ф. М. Достоевского, Страхов провозглашал: «День» без сомнения самое замечательное, самое глубокое и важное явление в нашей литературе последних лет».

В июльской книжке Страхов вернулся к своей основной полемической теме — позиции «Современника». Заметку он назвал «Мрак неизвестности», имея в виду неясность взаимоотношений редакции «Современника» и «Русского слова» и неясность положения Щедрина в редакции первого журнала: «Ведь все знают, в чем дело. Дело в том, расходится ли г. Щедрин с «Современником», или не расходится? Действительно ли он сперва не имел своих мыслей, а потом откуда-то их набрался? Согласен ли «Современник» с тем, что говорил г. Щедрин против романа «Что делать?», или же «Современник» не отступает от этого романа и потому изгоняет г. Щедрина?» — писал Страхов.

Но по существу появившихся в «Современнике» статей об «Эпохе», где было много места уделено именно ему, Страхову, он ничего не писал, очевидно, предоставляя полемику Ф. М. Достоевскому, который, начав ее во «Времени», продолжил в № 5 «Эпохи» и против которого прежде всего были направлены эти статьи. Страхов ограничился выражением глубокого возмущения тоном, которым написаны статьи, в которых ясно сквозит желание выразить злость, «выбраниться», а «не сказать дело».

В этом же июльском номере журнала Страхов привел два «определения нигилизма» — «Отечественными записками» и «Днем». Признавая «несомненную меткость» балагурской характеристики «Отечественных записок», он приводил «более серьезное определение» «Дня», который видит в нигилизме «исторический плод *отрицательного* отношения к жизни русской мысли и искусства» после деятельности Петра, отношения, дошедшего «до отрицания самого себя». Некоторому положительному значению нигилизма, которое отмечал «День», Страхов противопоставлял, хотя очень расплывчато, свое замечание о «могучей внутренней жизни, к которой нигилисты ставят себя в отрицательное положение».

В довольно обширных «Заметках летописца» в августовской книге журнала соединились все основные журнально-полемические темы Страхова. На десяти страницах (из которых восемь — цитаты), Страхов превозносил статьи «Дня» «О преобразовании в Польше», вставляя свои излюбленные мысли о «нравственной победе» России, о «внутренней духовной стороне» польского дела. Но восхваляя «День» за «прекрасное сопоставление нашей исторической жизни и исторической жизни Запада», он все же вста-

вил свои «два замечания» насчет русской жизни и «немецкой мысли», т. е. философии. Далее, одобряя «народное чувство «Московских ведомостей», он внес язвительные оговорки о недостаточной ясности и определенности в них этого понимания. Попутно он задел «Русский инвалид» за «идею отвлеченного государства», тогда как Страхов стоит за «национальное живое органическое государство». Он отвел ряд страниц «Русскому слову» и «Современнику», где чуть ли не впервые без «обиняков» обличал неприемлемые для него выступления обоих журналов. В главе под названием «Чудеса «Русского слова» Страхов, цитируя Писарева, так излагал его основной принцип: «*Не понимаю, значит вздор* — простейший прием отрицания, имеющий чрезвычайную силу и убедительность для всех непонимающих». Указывая на то, что Писарев презирает за бесполезность такие науки, как археологию, и ссылается при этом на подобное отношение Базарова к искусству Рафаэля, Страхов стремится ядовитыми замечаниями вскрыть непонимание Писаревым значения науки и искусства для умственных переворотов, движущих развитием страны.

По поводу рецензии Зайцева на книгу Катрфажа «Единство рода человеческого» («Русское слово», 1864, № 8) Страхов выступил с резким обличением «расистских» высказываний автора рецензии, заявлявшего, что невольничество — «самый лучший исход, которого может желать цветной человек, прийдя в соприкосновение с белой расою», более развитой и сильной, и указывавшего на «громадную коренную разницу» между расами в анатомическом и психическом отношении.

Но основной пыл своего полемического огня Страхов направил па «Современник», где в августовской книжке была напечатана статья против «Эпохи», по его словам, «еще более бранная и еще менее нуждающаяся в ответе, чем две июльские статьи». Это была статья Антоновича в «Современном обозрении» — «Литературные мелочи» (стр. 297—340), где находилась главка «Вопрос, обращенный к стрижам». Выступление Страхова направлено не по существу содержания полемики, а против той личной, очень резкой формы, в которой написаны все статьи «Современника» против «Эпохи». Приводя оскорбительные выражения и приемы, извращающие истину, он вспоминал трехлетнюю историю полемических выступлений Антоновича в журнале, всегда видевшего в полемике не «борьбу идей», а борьбу между лицами. На это Страхов ответил следующей формулировкой позиции «Времени» и «Эпохи»: «Вот чего никогда не может понять «Современник», — мы не хотим и не хотели никакой деликатности, если под деликатностью разуметь уступку и поблажку мнениям, с которыми мы не согласны. Мы всегда *враждебно* относились к мнениям «Современника»; мы и впредь всегда будем враждебно к ним относиться, мы начали полемику с «Современником», а не он с нами; мы вели ее постоянно и постоянно будем вести ее... Не личности нас трогают. Нас занимает не г. Пыпин, не г. Анто-

нович, не г. Щедрин. Нам антипатичны те идеи, которые они поддерживают всякими правдами и неправдами. Противодействовать этим идеям мы считаем за долг, за служение истине».

И все же, приводя это прямое, категорическое заявление Страхова о позиции своего журнала, о своей позиции, нельзя не отметить, что в многочисленных выступлениях критика об идеях «Современника» по существу их содержания сказано очень мало. Даже прямо против него направленные выступления, стремящиеся его не только высмеять, но вызвать на политически опасный отпор, оставлялись им как бы незамеченными.

Мы не можем здесь сколько-нибудь подробно рассматривать многочисленные писания Антоновича против «Эпохи», но не можем пройти мимо одного из них, в котором, явно вызывая на опасное выступление Страхова, Антонович ядовито изображал и взаимоотношения редакции «Эпохи» с ее сотрудниками. Антонович вспоминал время, когда был закрыт первый журнал Достоевских и Страхов обратился к Каткову, стремясь оправдаться от обвинений в антипатриотизме: «Говорят, г. Страхов вовсе не хотел писать письма в «Русский вестник», но стрижи, и между прочим г. Достоевский, заставили его, и таким образом сделали насилие его перу. Потом пронесся еще один потрясающий слух, будто даже г. Страхов обиделся ответом «Русского вестника» и хотел возражать на него, но стрижи, между прочим и г. Достоевский, не хотели печатать возражения, будто бы г. Страхов ежемесячно умоляет их о напечатании возражения и все без успеха». Так как в «Эпохе» ничего не появляется против «Русского вестника», то, вероятно, стрижи совершенно запретили г. Страхову оправдать и очистить себя». Напоминая, что «Современник» еще в марте 1863 г. советовал «стрижам» не ершиться перед Катковым, иначе он их «прихлопнет», а они похвалялись, что в них «вовсе нет настолько слишком уж самоохранительного и виляющего до малодушия благоразумия» (Достоевский. «Опять молодое перо»), Антонович теперь обличает «Эпоху» в хвастовстве и в том, что она «виляет» перед «Русским вестником».

Возможно, что основой «слухов», которые приводил Антонович, было запрещение цензурой двух статей Страхова с его попытками оправдаться. Но самый способ их использования в «Современнике» соответствовал тому определению «сплетни», которое вскоре дал Достоевский и которое мы далее приводим.

Оставляя пока октябрьские и ноябрьские «Заметки летописца» (в сентябре их не было), посвященные Щедрину и окончанию «раскола нигилистов», как непосредственно примыкающие к полемике Достоевского, закончим обзор журнальной полемики Страхова его итоговой за год статьей в декабрьской книжке «Эпохи». В январской и февральской книжках следующего года Страхов посвятил «Заметки летописца» преимущественно общественно-политическим вопросам, касающимся «крестьянского дела» и позиции дворянства, о которых мы говорили в третьей главе.

В «Общем обзоре и заключении» в декабрьских «Заметках летописца» Страхов бегло охарактеризовал основные темы своих полемических выступлений. Начал он с вопросов современной художественной литературы, которой касался мало, но считал, что сделал правильное указание в заметках о «слезах, спящих в долине» и о «злобе открытых объятий», т. е. о стихотворениях Гольц-Миллера. По мнению Страхова, это не случайные оговорки стихотворца, но явления распространенные, «органический продукт нашей литературы, выросший на почве многих стихотворений г. Некрасова». Эти «слезы» он видит и в поэме Некрасова «Мороз Красный нос», который хотя и поэтичен, но, с его точки зрения, уродлив по своему мрачно-фаталистическому характеру. Отметив «некоторое фальшивое настроение, портящее нашу поэзию», он видел его распространение и в прозе, где создалась целая школа, включающая Успенского, Слепцова, Решетникова и др. Этой литературой увлечены многие читатели, и следовало бы глубже проанализировать ее, хотя она относится к числу «воздушных», т. е. скоропреходящих явлений.

Далее Страхов охарактеризовал свое участие в журнальной полемике, в выступлениях против «Современника» и «Русского слова», в обличении пустоты и бессодержательности петербургской журналистики, их «рутины новаторства», и предпочтение, которое он отдавал журналистике Москвы. На первое место он ставил «День», вспоминая свой лозунг: «Славянофилы победили». В «Московских ведомостях» он вновь отмечал недостаточную последовательность в проведении чувства народности, которое сильно в народе, но слабо в образованном обществе. «Итак, вот что мы видим в литературе. С одной стороны, бессодержательность и застой, сопровождаемый попытками творчества и какой-то раздражительною тревогою; с другой стороны, все яснее и яснее раздающаяся проповедь народности». Заканчивал Страхов кратким обозрением своих заметок об умственной жизни Запада, о царящей там «свалке авторитетов» и необходимости перестать благоговеть перед многими событиями европейской истории, особенно Франции, и мерить ими русскую жизнь.

В первой книге за 1865 г. Страхов написал еще одну итоговую главку, которую назвал «Успех «Эпохи», так оценив ее положение в современной журналистике: «Всем и каждому известно, что «Эпоха» имеет честь возбуждать против себя ожесточенное озлобление. Я говорю честь, ибо принимаю это озлобление за признак успеха и возрастающего значения... Ожесточение же доходит в настоящем случае до крайностей, которые как нельзя лучше доказывают его силу».

Разделяла ли редакция этот оптимистический взгляд Страхова на резкие выступления против журнала в органах революционной демократии? А эти выступления были тесно связаны с последними книжками «Времени» и последовательно развивались и усиливались с 1862 по 1865 год. Михаил Михайлович не имел со-

трудника, кроме Страхова, для полемической защиты журнала. Ф. М. Достоевский, лишенный возможности включиться в полемику, несмотря на ряд возникавших у него планов, прикованный первые четыре месяца к Москве, несомненно, постоянно помнил об идеологах «Современника», что доказывают его многочисленные заметки в записных тетрадях 1864—1865 гг., и все более утверждался в своем расхождении с ними. Это была полемика внутренняя, не мелкожурнальная, не «обиняком», как у Страхова, а полемика в лоб — против основных идей — материализма и социализма. Она пронизала повесть, которую он в это время писал. Не имея возможности написать «руководящую статью» для нового журнала, он вложил в «Записки из подполья» задуманную критику романа Чернышевского, теории разумного эгоизма, изображения жизни будущего социалистического общества в форме злобных высказываний своего подпольного «парадоксалиста». Вложил он в повесть и откровенную пародию на чрезвычайно популярное стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья». Заставил он героя, хотя и бегло, высказаться о журнальной деятельности Щедрина, иронически восхваляя его выступление по поводу картины Ге: «Наша общественная жизнь» («Современник», ноябрь, 1863 г.) и статью «Как кому угодно» («Современник», август, 1863 г.). Но открыто Ф. М. Достоевский вступил в журнальную полемику лишь в майском номере «Эпохи» (ценз. разр. 7.VII) в ответ на помещенную в № 5 «Современника» (вышел в первую половину июня) в отделе «Современное обозрение» статью Салтыкова «Литературные мелочи», в которую был включен «драматический опыт «Стрижи».

Двойное название статьи Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» как бы определяет ее две темы. В центре — деятельность Щедрина сатирика-художника и журнального полемиста, который с начала 1863 г. до мая 1864 г. многократно выступал против журналов Достоевских. Все они, несомненно, были в памяти Достоевского, который «узнал» в майской статье 1864 г. «Молодое перо», к которому обращался еще в последних книгах «Времени»: «Так уж мы привыкли к его игре, — писал он. — Вторая тема — сложные идейные взаимоотношения между «Современником» и «Русским словом», о которых уже писал Страхов в «Эпохе» в мартовских «Заметках летописца». Страхов во многом как бы предвосхищал содержание статьи Достоевского, назвав главку «Заметок» — «Междоусобие» и указывая на роль и характер выступлений Щедрина [6]. Мы оста-

---

[6] И та, и другая темы — «раскол» между «Современником» и «Русским словом» и полемика Достоевского и Щедрина — были предметом изучения многих советских литературоведов. Перечень литературы дан П. С. Рейфманом в комментариях к т. VI Собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина (М., «Художественная литература», 1968, стр. 640—641). См. в этом же томе комментарии Л. М. Розенблюм к отделу «Журнальная полемика» (стр. 692—714), а также коммен-

новимся только на сопоставлении «Отрывка из романа «Щедродаров» Достоевского со «Стрижами». Драматической былью» Щедрина.

Щедрин предпослал «Стрижам» ядовитую оценку вышедшего в конце марта сдвоенного номера (январь-февраль) «Эпохи», в котором «явственно услышал рыдания» редакции и сотрудников, их «умиленно-унылые» голоса, которыми «вопиют эти бескорыстные труженики и в то же время присматривают, как бы им так приноровиться, чтобы всех прельстить смиренством да «тихим кротким поведением». Говоря далее о своем «непонимании» причины рыданий «Эпохи» и высказывая предположение, не намереваются ли они превзойти «Русский вестник», Щедрин предпосылает «Стрижам» следующую справку: «В заключение считаю нелишним представить на суд читателей драматическое произведение одного начинающего писателя, очевидно, имеющее иносказательный смысл. Страшусь сказать, но думаю, что молодой драматург в своем произведении имел в виду едва ли не «Эпоху», журнал, в который, по-видимому, перешли все орнитологические тенденции «Времени». Вот этот драматический опыт».

Основная задача «опыта» — показать переживания редакции и сотрудников «Времени», связанные с закрытием журнала, как несправедливой обиды, нанесенной правительством («За что они нас обидели?»), о конфликте с которым во «Времени» не могло быть и речи, а также продемонстрировать страх и полное подчинение нового журнала Каткову, через которого последовала кара «Времени» и который содействовал разрешению «Эпохи». Изображая совещание редакции и сотрудников, обсуждающих направление и содержание первых книжек журнала, Щедрин использовал карикатурные характеристики деятелей журнала: Страхова (стриж-философ), Григорьева (стриж-эстетик), Данилевского (стриж-беллетрист веселый), Гербеля и Ф. Берга (стрижи-стихотворцы). Больше всего места Щедрин уделил стрижу-«беллетристу унылому», автору «Записок из подполья», изложив от его лица содержание готовящейся повести «Записки о бессмертии души» и охарактеризовав ее героя — «больного и злого стрижа».

Свой контрпамфлет Достоевский построил по образцу выступления Щедрина. Он предпослал своему «Отрывку из романа «Щедродаров», как Щедрин — «Были о Стрижах», — краткое изложение «слухов» о делах редакции «Современника» после утраты «всех своих главных сотрудников», т. е. в новой редакции «Современника», и роли в ней Щедрина. Если Щедрин предполагал, что «Эпоха» под давлением Каткова желает сравняться с «Русским вестником», то Достоевский указывал на роль «Русского слова», обвинившего «Современник» в ретроградстве, в от-

---

тарии к т. V (стр. 460—469, 622—627), где тщательно рассмотрены и проанализированы все выступления Щедрина против журналов Достоевских и их сотрудников.

вет на что виновник этого обвинения, автор «ретроградных» статей, Щедрин, должен покаяться (как Страхов, автор «Рокового вопроса»), чтобы не навлекать более на свой журнал обвинений. Высказывая свои предположения и наблюдения о смутной позиции «Современника», Достоевский, как и Щедрин, заканчивает их заявлением: «...как вдруг в наш «портфель редакции» поступила одна рукопись — роман, в котором, как нарочно, изображено нечто аналогичное... Эти «современные» романы ужасно распространяются. Поступившая рукопись — *произведение одного начинающего пера, очевидно, имеющее иносказательный смысл. Страшимся сказать, но думаем, что молодой романист в своем произведении имел в виду едва ли не* «Современник» — *журнал, в который, по-видимому, перешли все* «трефандосы и фики» г. Щедрина из «Губернских очерков». Вот несколько глав из этого нового «Опыта о новых хлыщах» [7].

Как и в «Были о Стрижах», «Отрывок из романа «Щедродаров» начинается с совещания редакции и сотрудников о направлении и содержании журнала, возобновляемого после катастрофы («Правдолюбов скончался: остальные не оказались в наличности»). Выступления участников с предложениями, решение пригласить в редакцию Щедродарова и условия, ему предлагаемые, с одной стороны, напоминают обсуждение и выступления «стрижей» под нажимом редактора и Каткова, с другой — позволяют Достоевскому в виде директив, диктуемых Щедродарову, дать характеристику новой редакции «Современника» с ее установкой на беспощадную полемику, вплоть до ругани и плевков, на пропаганду «гражданских слез» и популяризацию естественных наук, на презрение к «художественности» и Пушкину, на «брюхо» и его наполнение, как на «величайшую экономическую идею времени». Параллельно с изложением сознательно оглупляемой программы и принципов «Современника» Достоевский рисовал оглупляемый образ Щедрина, к которому обращалась редакция журнала. Для этой цели Достоевский использовал, как и Страхов, цитаты из статьи Писарева о Щедрине «Цветы невинного юмора».

Если в первых двух главках «Щедродарова» сквозит некий параллелизм со «Стрижами», то далее «Бунт Щедродарова» и возмущение редакции заключали в себе неожиданный, наиболее разящий выпад против позиции Щедрина. Щедродаров, начитавшись «Времени», сделался не только его защитником, но стал развивать его идеи, требовать «почвы», осуждать «теоретиков» и даже восхвалять «День». Достоевский сопоставил выступление Щедрина против «Русского слова», против «мальчишек» и «вислоухих», «которые с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением», и как мухи летом «засиживают всякое дело», с отрывком из своего «Объявления об изда-

---

[7] Курсивом передаем буквальное повторение Достоевским выступления Щедрина (см. выше стр. 186).

нии «Времени» в 1863 г., в котором тот же Щедрин видел поворот журнала к реакции. «Но мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих все, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую и честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют...», и т. д. Заставляя Щедродарова развивать идеи «Времени», приводить взятые из него и «Эпохи» аргументы против «теоретиков» и их журнала, Достоевский заканчивал щедродаровскую самозащиту привлечением статей Щедрина из «Современника» — «В деревне» (1863, № 8) и «Наша общественная жизнь» (1864, № 2), где Щедрин анализировал условия пореформенной жизни крестьян, их крайнюю бедность.

Последняя статья Достоевскому была особенно памятна. Она начиналась заявлением Щедрина, что он посетил деревню «не в видах общения с народом, конечно, и даже не в видах отыскивания некоторой фантастической «почвы», а просто, как говорится, по собственному своему делу». Изображая далее едущего зимой в деревню путника и его мечтания, Щедрин как бы набрасывает будущую быль о «Стрижах». Он задает вопрос, почему московские публицисты набросились на «этих невинных литературных птиц», на их «тихое, безвредное пение», «самое смирное и почтительное толкование». Начиная с марта 1863 г. Щедрин использовал стихотворение Ф. Берга «Из-за моря птицы прилетали» («Время», 1863, № 1) в приложении к редакции и сотрудникам журнала («Современник», 1863, № 3 — «Наша общественная жизнь», «Тревоги «Времени»). В крестьянских статьях Щедрина Достоевский увидел и высмеял попытки барина вызвать сочувствие к мужицкой бедности, к извозчику, с которым торгуются столичные жители. В записной книжке Достоевский пометил: «Дешевый гуманизм Щедрина» [8].

Как бы прервав печатание «Щедродарова», Достоевский поместил несколько страниц своего комментария к опубликованному. Он «согласился» с автором «Щедродарова», что г. Щедрин в последнее время сильно противоречил в своих последних статьях духу и направлению «Современника». А если так, то, конечно, основание слухам значительное. Одно из двух: или «Современник» меняет свои убеждения, или г. Щедрин дал слово раскаяться». Достоевский указал, что заимствования высказываний Щедрина против «вислоухих» из «Времени» засвидетельствовало «Русское слово», «орган нам противоположный и нас не жалующий». Признавая, что Щедрин в «Щедродарове» изображен чрезмерно «легкомысленным», Достоевский не без ядовитости напомнил его уверения, будто закрытие «Современника» заставило его сотрудничать во «Времени». Однако он сотрудничал и ранее, на что Достоевский указал ему еще в 1863 г. во «Времени», в статье «Опять молодое перо». Но наиболее серьезное обвинение, которое в этом заключении Достоевский предъявил Щедрину, — это ис-

---

[8] «Литературное наследство», т. 83, стр. 250.

пользование политической ситуации, в которой находился журнал «Эпоха», в его невозможности по существу отвечать Щедрину, что тот прекрасно понимал и на что рассчитывал. Цитируем это место статьи Достоевского, вставляя в прямых скобках то, что не появилось в печати, но есть в рукописи: «Статья эта («Литературные мелочи» Щедрина. — *В. Н.*) написана как-то печально, в ней какое-то уныние, беспокойство; какие-то жалобы. Веселость напускная, выделанная как бы для того только, чтоб исполнить долг службы и обязанности. Против «Русского слова» в ней уже нет почти ничего. Все это отчасти служит основанием слухам и тоже хоть отчасти оправдывает нашего романиста. Кстати, в этой статье есть неблаговидная выходка против нас [и если действительно статья принадлежит г-ну Щедрину (в чем, кажется, трудно усумниться), то он ‹расчетливо› хорошо сделал, что не взял в обычай подписывать под фельетонами свое имя. В этой статье, направленной против нас]: намекается, что мы, начав издание «Эпохи», будто бы изменили в некотором пункте свои убеждения. За недостатком места мы не можем теперь распространяться об этом и опровергать автора. Но автор статьи, помещая свое показание об изменении наших убеждений, совершенно знал наперед, что мы не будем опровергать его. Знал он это вполне. Это верно и ясно как день. Теперь вопрос: стало быть он прикрывался этим знанием? А если так, то в чем же в сущности он себя обеспечивал [и в чем искал протекции]? Вещь удивительная: до сих пор «Современник» не так действовал. Прежде он не позволил бы себе такой выходки [и такого прикрытия]. Стало быть, действительно, он изменил свое направление» [9]. Здесь отразилось твердое убеждение Достоевского, сложившееся уже в начале 1863 г., что идейные позиции «Современника», которые он уважал, со смертью Добролюбова и арестом Чернышевского резко изменились и вызывали его осуждение.

Написанный Щедриным ответ Достоевскому, как и ряд других его полемических выступлений, направленных против «Эпохи», в печати не появился по внутриредакционным причинам [10].

Полемику взял в свои руки Антонович («Посторонний сатирик»), который в июльском номере «Современника» за 1864 г. поместил «Стрижам (Послание оберстрижу, господину Достоевскому)», в котором отчасти использовал не дошедшую до нас на ту же тему статью Щедрина. Статья Антоновича была полна столь непристойных личных выпадов, недопустимых в журнале грубо-

---

[9] *Достоевский*, т. XIII, стр. 337—338; Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, ф. 93, I, 3, 4. Комментарии к этому месту статьи Достоевского, сделанные Борщевским, целиком построены на позднейших высказываниях Страхова, которые мы не можем считать позицией редакции «Эпохи» 1864 г. (*С. Борщевский*. Щедрин и Достоевский. М., 1956, стр. 121—126).

[10] См.: *М. Е. Салтыков (Щедрин)*. Собрание сочинений, т. VI, стр. 495—528, отдел «Журнальная полемика» и примечания к нему (стр. 703—714).

стей, что редакция «Современника», может быть, помня укор Достоевского, сочла нужным сделать к ней следующее примечание: «Мы решительно не одобряем ни чересчур резкого тона этого «послания», ни его бесцеремонных полемических приемов, а печатаем его единственно во уважение его цели, которая действительно стоит того, чтобы для ее достижения употребить даже те неодобрительные средства, какие употребил автор послания».

Достоевский ответил на статью Антоновича в июльской книжке «Эпохи», которая вышла только в самом конце сентября, «Необходимым заявлением». Отметив вначале недостойную позицию редакции «Современника», считающей возможным для успеха употреблять в полемике «неодобрительные средства», т. е. «цель оправдывает средства» — «правило старинное, всем известное и вдобавок западническое. . .», Достоевский не счел возможным на поток ругани и плоских острот Антоновича отвечать художественной сатирой, как он отвечал Щедрину на «Стрижей». На трех страницах он показал всю мелочную злобу и ограниченность своего оппонента, высмеивавшего не только болезнь Достоевского, но и лечащего его врача. Он совершенно не коснулся попытки Антоновича, подобно Щедрину и Достоевскому, включить в свое выступление отрывок из романа о журнале «Юпка» («Эпоха»), где также изображалось собрание редакции и сотрудников, обсуждалось направление, отвергалось прежнее наименование «почва» и вводилось новое, по предложению Бельведерского (Григорьева), — «органическое». Несмотря на ложные уверения Антоновича, что это он — автор «Стрижей», Достоевский ему не верил и полемизировал не с Щедриным и даже не с «Посторонним сатириком», а с редакцией «Современника», позволившей себе такой стиль полемики.

В сохранившемся черновом автографе части этой статьи есть зачеркнутый отрывок, в котором Достоевский вновь, как и в рукописи «Щедродарова», сопоставлял новую редакцию «Современника» с его прежней редакцией. Отрывок начинается с оборванной фразы: <и серьезно; он <большею частию> действ<ет>овал <до сих пор> отрицательно и с юмором, и таким образом всегда умел показать вид, что знает, и мог бы высказать гораздо больше, чем вы предполагаете с виду кажется. Тактика ловкая; именно тактика отрицательная. Но так умели действовать только одни недавние прежние коноводы «Современника», которые подчас хоть и много говорили вздору, но зато были несравненно умнее и талантливее теперешних. Если и завирались они, то завирались с талантом. Характеристика же теперешней осиротелой <не так умеет, видно, действовать теперешняя> редакции есть та, что все эти сироты врут без таланта (исключая г-на Щедрина, разумеется, который в вышеупомянованных статьях «Современника» не участвовал). Вот хоть бы и теперь! <в настоящем вопросе об яблоке:> Первое дело, не следовало бы высказываться положи-

тельно: но они высказались и мы непременно им ответим. Вопрос слишком серьезный.›

‹Ред.›[11]

Предполагаемую подпись «Редакция» Достоевский заменил полным своим именем «Федор Достоевский», так как статья приняла очень личный характер. Но следующей статьей своей в сентябрьской книжке (вышла 28 ноября) «Чтобы кончить. Последнее объяснение» он обратился к редакции «Современника» уже не от себя, а от редакции «Эпохи». Это, действительно, не ответ на очередные полемические выступления Антоновича, а обвинение редакции, которая позволяет «такой шум, такой стук и азарт», такое многословие и однообразие и такое прямое в глаза: «Шваль, ракалья, издыхающая тварь». Видя в сатирических выступлениях «Времени» и «Эпохи» хотя и «грубые и невежливые» карикатуры, но отрицая в них элемент *сплетни*, Достоевский дал сплетне такое определение, напомнив намеки Щедрина в «Стрижах» на сближение с «Русским вестником» и на взаимоотношения с ним Страхова в статье Антоновича: «Сплетней, милостивые государи, называется собственно то, когда *сознательно* лгут с целью обесчестить человека, или как-нибудь повредить ему в глазах общества. Когда же возводят на человека капитальное обвинение, *наверное зная,* что тому человеку по некоторым причинам невозможно защищаться и ответить, тогда уже выходит нечто позорящее сплетника, тем более, что правда, рано ли поздно ли, а всегда открывается».

Заявляя далее, что никакая ругань «Современника» более не вызовет ответных выступлений «Эпохи», Достоевский не предполагал этим закончить всякую полемику с «Современником». «Другое дело идеи, проводимые вашим журналом, о них мы еще будем говорить не раз, тем более, что идеи не ругань, хотя с некоторого времени все труднее и труднее становится различить, — что такое у вас идеи и что у вас ругань?»

В «Записных тетрадях» Достоевского, где находятся наброски для этой статьи, он сделал попытку перейти к идеям «Современника», обличить «Белую Арапию» («Что делать?» Чернышевского) как «барскую затею». «А с «Белой Арапией» все сказано, дальше некуда — в безвоздушное пространство. Это остатки прежнего либерализма, имеющего свой исторический склад...» и т. д.[12] Но в свою статью Достоевский не включил обращение к идеям журнала, а заключил ее в тоне, соответствовавшем всей полемике. Защищая название «стрижи» как совсем не обидное, а скорее лестное, так как стрижи предсказывают ясные дни[13],

---

[11] Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, I, 3, 5. 2 л. 2 стр.

[12] «Литературное наследство», т. 83, стр. 209—212.

[13] В примечании к статье «Чтобы кончить» Достоевский писал, что сотрудник «Эпохи» Игдев (т. е. Долгомостьев) доставил в августе в ре-

Достоевский прикрепил к сотрудникам «Современника», с ним полемизировавшим, несравненно более оскорбительное, сославшись на «Отечественные записки», которые упомянули о «шишах», посылаемых «Современником» в беспредельное пространство. Хотя в статье дан только намек на прозвище «шиши», в набросках к статье Достоевский писал: «Положим оно и выражает и идет к ним, но как сказать честному человеку: ты шиш, выговорить напр.: редактор «Современного обозрения» — шиш г. Пыпин...

Стрижи обозначают ясную погоду.

Ну, а шиши действительно нечто обозначают.

Но как ни мерзит — не скажу, чтоб давать прозвища было нечто глупое. Это полезно.

Шиши, как вам кажется?

Угодно ли на себе примерить?

А ведь согласитесь, что ужасно впору и премило сидит на вас.

...Крошечный шиш, так сказать, шишонок — какой-нибудь из ваших поэтов с гражданской слезой наслезил».

В статье же читаем: «В том-то и вся разница между нами, мы ясную погоду предвещаем, а вы — посылаете шиши в беспредельное пространство. Итак, пусть мы будем *стрижи*, а вы — угадываете ли теперь, кто вы такие?»

Хотя в сентябрьской книге Достоевский поместил свою статью «Чтобы кончить. Последнее объяснение с «Современником» и сам не возвращался к этой полемике, в октябрьской он опубликовал страховские «Записки летописца», первые девять страниц которых были озаглавлены «Последние два года в петербургской журналистике», представляющие как бы обзор боев «Современника» со «Временем» и «Эпохой» с начала 1863 г. до осени 1864 г. Страхов характеризовал минувший 1863 год как «скучный» в журналистике, когда с увлечением читался только отдел «Современника» «Наша общественная жизнь», заполнявшийся Щедриным. Отмечая в этом отделе «эквилибристику» и «балансирование» автора и его «шутки», «которые час от часу становились крупнее и крупнее», Страхов напоминал, что уже тогда журнал «Время» «сразу заподозрил г. Щедрина в некоторой коловратности мнений. Но этот пророческий голос, как бы предвещавший г. Щедрину и «Современнику» их взаимно связанные судьбы, раздался в самом начале. Потом же никто ничего не говорил... никто другой не откликался на всяческие искажения мысли и всяческие виды брани. Дело получило какой-то мрачный характер. Это всеобщее молчание, казалось, имело не совсем лестное значение... Но г. Щедрин не смущался и шутил себе да шутил».

Далее Страхов остановился на появившейся в августовской книжке «Современника» за 1863 г. «в виде повести» статьи Щед-

---

дакцию статью, в которой дается разъяснение о стрижах как «весьма почтенных птицах», но редакция не напечатала статью, так как в ней Игдев стремился «схватываться» и даже ругаться с авторами «Современника», а редакция «Эпохи» сочла это лишним.

рина «Как кому угодно» и безапелляционно характеризовал «несостоятельность» и «легкость» ее главной мысли, якобы не вызвавшей в печати никакого отклика. Эти утверждения глубоко противоречили действительности. Прежде всего сам Страхов тотчас же выступил в «Библиотеке для чтения» (1863, № 9) по поводу статьи, связывая ее идею со «знаменитой» теорией страстей Фурье. И в «Эпохе» он также указал на эту связь, увидев у Щедрина «небольшую вариацию на теорию страстей, положенную в основание универсальной ассоциации».

Противоречия и предвзятость оценок Страхова не замедлил подметить Щедрин, написавший в конце 1864 г. статью «Семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха», в которой сам указал на связь идеи «Как кому угодно» с теорией Фурье и характеризовал свое отношение к роману Чернышевского. Он признавал «антипатичность» идеи своего произведения «стрижам», т. е. журналу «Эпоха», чем и объяснял наименование идеи «несостоятельной», но протестовал против наименования ее «легкой», т. е. легковесной. Статья Щедрина не была напечатана и осталась Страхову неизвестной [14].

Продолжая свои октябрьские «Записки летописца» и назвав первый период деятельности Щедрина периодом «мирного глумления», Страхов перешел к характеристике второго периода «междоусобной брани», который открылся с начала 1864 г. В «Русском слове» потребовали от Щедрина отчета в его отзыве о «Что делать?» и вообще вооружились против «Современника». Излагая далее выступления «известного своею прямотою и откровенностью» Писарева, разбившего в ряде статей «кумиров и кумирчиков» «Современника», Страхов видел в возникшей борьбе борьбу отцов и детей, двух поколений, из которых молодое ушло «далеко по пути прогресса».

Последние три страницы Страхов отдал характеристике журнальной полемики «Современника» с «Эпохой». Он не одобрял «увлеченную дурным примером» «Эпоху», ответившую на щедринские «Стрижи» «Щедродаровым», так как признавал, что статья Достоевского «заключала в себе намеки на чисто личные отношения» и «подобно «Стрижам» она заходила дальше всем известного и публично заявленного». Но он отмечал, что в «Щедродарове» более существенную и важную роль, чем в «Стрижах», играл литературный интерес, а главное, что «за «Эпохой» до сих пор нет еще ни одного бранного слова, а в «Современнике» им и счету нет». Бегло сообщив о многочисленных статьях «Современника» против «Эпохи» в июле—октябре и не касаясь ответных выступлений Достоевского, Страхов в итоге оценивает всю эту журнальную поле-

---

[14] *М. Е. Салтыков (Щедрин).* Собрание сочинений, т. 6. Л., 1968, стр. 526, 527, 681—684. Ф. М. Достоевский в записной тетради 1863—1864 г. сделал запись о статье «Как кому угодно», призывая Щедрина писать повести, «не заботясь о нравоучениях к ним» («Литературное наследство», т. 83, стр. 186).

мику, как бесцельное брожение в стоячей воде, «свидетельствующее об отсутствии настоящей деятельности, настоящих интересов», чтó первая заметила «Эпоха», чем вызвала на себя гнев и преследование. В заключение же Страхов «обиняком» ответил на выдвинутые против «Эпохи» насмешки Щедрина и Антоновича о сближении ее с изданиями Каткова. Не сходясь с петербургскими журналистами, «Эпоха», однако же, вовсе «не думает говорить заодно с московскими изданиями; у нее не те приемы, не тот язык, иные цели, иной круг уважаемых предметов».

В ноябрьском номере «Эпохи» вновь появилась статья, направленная против «Современника». В строй полемистов «Эпохи» вступил Аверкиев, который уже заявил себя и как драматург, и как литературный и театральный критик. Он начал свою полемическую деятельность в «Эпохе» еще при редактировании журнала М. М. Достоевским, поместив в №№ 1-2 и 3 статью «Университетские отцы и дети» как отклик на статью Писарева «Наша университетская наука», писавшего о занятиях и студентах филологического факультета. Аверкиев, окончивший факультет естественных наук, разоблачал низкий уровень преподавания на нем, отсталых, обленившихся профессоров, не следящих за успехами науки, издающих под своим именем переводы с иностранного. Детально характеризовал он разные категории студентов-естественников, высоко оценивал интересы и эрудицию молодежи, серьезно специализирующейся в науке, характеризовал попытки общественной инициативы среди студентов, которые наталкивались на препятствия со стороны университетского начальства. В этой статье, посвященной «детям» («Эпоха», март 1864), Аверкиев много места уделил студентам, поступившим на естественный факультет за отсутствием философского, которых «сбила с толку умственная шаткость нашего времени» и которые занимаются «зашением» литературы, науки, отрицанием и разрушением. «Механическое миросозерцание составляет их существеннейшую характеристику. Все у них механически происходит; человек сам по себе есть только игралище... сил природы; машина, никакого самостоятельного действия не производящая... Человечество бедствует, но потому только, что условия, в которых оно живет, не хороши. Чем созданы такие условия? Глупостью, неразвитием человечества... Измените условия, в которых живет человечество, — и все пойдет как по маслу...» «Механическому» мировоззрению Аверкиев противопоставлял «мировоззрение органическое», мысль о развитии человечества по заложенным в нем внутренним законам. Он пытался соединить в своем положительном идеале учения своих руководителей — гегельянца Страхова и автора «органической критики» Григорьева.

В начале главы о студентах Аверкиев на трех страницах осуждал распространившуюся моду на популяризацию научных знаний, особенно естествознания. Он доказывал, что «разумно излагаемая наука сама по себе в высшей степени проста и удобопо-

нятна» и что популяризаторы, стараясь «облегчить» понимание, вводят в изложение игривость, фокусы, пустозвонство, которые унижают науку и только запугивают читателя, а не привлекают его к изучению подлинных основ науки. Насмешливые характеристики невежественных «журнальных борзописцев», берущихся за популяризацию, вызвали гнев Писарева, который горячо пропагандировал в «Русском слове» популяризаторскую деятельность. В книге девятой за 1864 г. в «Нерешенном вопросе» («Реалистах») он жестоко расправился с Аверкиевым за его выступление против популяризаторства, упомянув мимоходом о его поклонении и «неудавшемся подражании» Ап. Григорьеву и о его сотрудничестве в «эстетическом журнале».

В ноябрьском и декабрьском номерах «Эпохи» Аверкиев поместил статью «По поводу самопризнаний двух петербуржцев». В ноябре он писал о «Внутреннем обозрении» «Современника» за май 1864 г., т. е. том номере, где были опубликованы «Стрижи». Но Аверкиев не касается полемического выступления Щедрина. Предметом его обличения является автор «Внутреннего обозрения» Г. З. [Елисеев], который, по его словам, как типичный петербуржец-теоретик, знает русский народ по столичным извозчикам и который, по его мнению, подобно Решетникову в «Подлиповцах», «оглупляет» русский народ, уродует его язык и видит в его быте и традициях одни предрассудки и суеверия. Они должны быть разбиты образованием и, как говорит обозреватель, поучая «День», «истинно образованный человек не постыдится быть ни мужиком, ни купцом, если найдет *занятия по этим профессиям для себя выгодными*». Подчеркивая приведенные слова, Аверкиев восклицал: «Вот истинно *современное* мнение, обличающее самую суть мнений «Современника». По-нашему, подобные мнения, — т. е. не стыдиться, потому что *выгодно*, — обнаруживают скорее недостаток образования, чем *излишество* понимания... Какие возвышенные выражения: эти профессии! И что же влечет *истинно* образованного человека к *этим профессиям*? Выгода! Вот основание, на котором он думает сблизиться с народом. Вот та сила, которая уничтожит разлад». Аверкиев видит в основе этого рассуждения «просветительские» идеи, пришедшие к нам «с усвоением внешне европейских форм», которые вызывали в прошлом «сантиментальничание» вместе с Радищевым, а теперь они привели к «самому передовому взгляду па негров г. Зайцева». Этим заимствованным взглядам, построенным на «рассудочном образовании», Аверкиев противопоставлял русское «просветительное начало», основанное на учении христианской любви к ближнему.

Не менее, чем проповедь выгоды, возмущало Аверкиева сравнение России обозревателем «Современника» с «богатой квашней», в которой много всякого добра, но нет заморской закваски, а потому нет и «жизненного брожения». Возражая «иностранно-теоретическому мудрецу Петербурга», для которого и призвание

варягов и деятельность Петра — та самая заморская закваска, которая должна была сварить пиво из квашни, но неудачно. Аверкиев противопоставляет восхвалению заимствований «самодеятельность Московского государства», идею «земского князя» и существование самостоятельной русской науки, начавшейся Ломоносовым и развившейся в трудах русских математиков, натуралистов, химиков, медиков, историков. Благодаря усилиям последних «мы перестали отвергать допетровский период, который носил не совсем лестное название периода квиетизма. Не забудем также об оригинальных трудах Хомякова и Киреевского по философии; о многих статьях славянофилов по финансам и политической экономии, где вопросы разобраны с совершенно оригинальной точки зрения. О сфере искусства нечего и говорить. Страна, где есть такой поэт, как Пушкин, не нуждается в защите своего искусства... Искусство нагляднее и практичнее всего может указать и разъяснить идею об органическом в народной жизни. Ясно стало, что только народное, коренное имеет силу; что только то, что бьет из народной груди, бьет мощно и освежительно. Что без народа нет спасения, и нет ни государства, ни общества».

В декабрьской книжке Аверкиев остановился на разборе передовой статьи в шестой книге «Библиотеки для чтения» за 1864 г. Он дал анализ типа петербуржца, влюбленного в свой город и ненавидящего его, тоскующего петербургского Гамлета. Аверкиев отмечал, что, копаясь в собственной душевной жизни, гордясь собою, петербуржец не заметил, как стал «рабом европейской цивилизации». Чтобы сознать свое рабство, он должен бы «отказаться от самого себя, но на это у него не хватило бы ни силы, ни, главное, — смирения. Смириться, не признавать эгоизма главным двигателем человечества, не считать высшим идеалом удовлетворение всех своих желаний, самонаслаждение. Нет, никогда!» Аверкиев разбирает, как создается подобный тип петербуржца, и видит начало в воспитании детей, лишенных русских нянь и учителей, детей, которых увозят учиться за границу, где получаются «полуонемеченные, полуофранцуженные субъекты». В них «перебродят все завиральные идеи», и они сделаются «самыми солидными, самыми изысканными буржуа-джентльменами», будут ловко обделывать свои делишки и стараться о наибольшем «расположении иностранных капиталов с эксплуатацией и гарантией в России. Они могут писать о земстве, земском соборе, мире, но подводя эти понятия под иностранные категории, создавая «путаницу» и борьбу между «цивилизующими» и коренными русскими началами».

Статья Аверкиева с его подчеркнутыми симпатиями к славянофильским идеям и резким осуждением идей «теоретиков» о «выгоде» и сопоставления русского «невежества» с западной «цивилизацией», надо думать, отвечала размышлениям Достоевского. К словам о заграничном воспитании русских детей он сделал примечание: «Я тоже встречал в Швейцарии русского тринадцати-

летнего мальчика, учившегося три года в Женеве, в пансионе. Он вывезен из России по десятому году и уже забыл чрезвычайно много русских слов, понимал меня плохо, хотя ему, очевидно, хотелось поговорить со мной по-русски. Выговор его был очень смешон. Мне было вовсе не до смеху, на него глядя. Федор Достоевский».

В «Дневнике писателя» за 1876 г., июль-август, Достоевский вернулся к этой важной для него теме в главке «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?».

В той же ноябрьской книжке, где печаталась первая часть статьи Аверкиева, Достоевский поместил письмо М. И. Владиславлева (подписанное М. Ва) «Литературные впечатления новоприезжего». Оно заслуживает внимания, так как Достоевский сопроводил его публикацию следующим редакционным примечанием: «Мы помещаем это письмо г. М. Ва., потому что по убеждениям, в нем высказанным, оно близко к направлению нашего журнала. Многое кажется нетронутым в нем и многое сказано весьма кратко, что требовало бы обширных рассуждений. Но в коротком письме, может быть, и нельзя было иначе высказаться. Поэтому г. М. Ва. сделает очень хорошо, если не ограничится одним этим посланием, а сделает содержание этого письма предметом целого ряда писем. Так как это письмо прислано нам *действительно* новоприезжим, то читателям, может быть, небезынтересно слышать голос о русской литературе и действительных ее задачах от человека, почти два с половиной года жившего среди западноевропейской цивилизации. — *Ред.*»

До середины 1862 г. энергично работавший во «Времени» Владиславлев, изучавший философию и психологию в немецких университетах, был последние годы совершенно оторван от русской литературы и журнальной жизни и признавался в статье, что не читал даже Писарева и роман «Что делать?». Погрузившись в чтение современной «отечественной словесности», он был поражен прежде всего ее делением на «станы и лагери» и ожесточением, с которым они сражаются друг с другом не из-за принципов и убеждений, а из желания побраниться, употребляя выражения, которые «прежде тайком только про себя бормотались». Не надеясь и не пытаясь убедить соперника, «журналы говорят теперь публике о литераторах, но не с литераторами».

Коснувшись «молодого поколения», о котором так много пишется в последнее время, Владиславлев заявлял, «что большая часть этого поколения если не погибла, то погибнет, испорченная материалистическими предрассудками, плохими замашками, обманутая в своей силе и значении, без надежд когда-нибудь остановиться и окрепнуть на настоящей дороге». Затронул Владиславлев и «скандал» между «Современником» и «Русским словом», не веря в их примирение: «Может быть, никогда так яра не была жажда мести между этими братьями, как теперь, и только страх горшего зла заставляет их делать дружеские жесты».

Очень туманно говоря о событиях, пережитых Россией за последние два года и приведших к «кризисам» и «истерикам» в русской литературе, Владиславлев видит их причину в «космополитических направлениях и мыслях, взятых из французского магазина напрокат». Возводя начало этих направлений к «насильственности Петровской реформы», в которой заключается «весь корень всех вненародных полос в нашей жизни», Владиславлев видит «будущность и силу русской литературы в установке народных задач и решении их в народном духе». Поэтому он приветствует «Эпоху», в которой развивается именно это направление, близкое и дорогое ему: «Удерживая такую точку зрения, мы обязываемся только те явления признавать действительно жизненными, которые возникли органически из действительных условий русской жизни, и органичность явлений ставить мерою жизненности явлений. Я не понимаю поэтому, что странного и непонятного в выражениях «органический», почвенный, в чем так часто упрекают вас некоторые литературные джентльмены. Тут все кажется ясным, и особенно ясно, что́ именно понимаете вы под этими словами».

Несколько страниц своей статьи Владиславлев полемически заострил против обилия переводной научной литературы и ее пропаганды. Этим особенно отличалось «Русское слово». Владиславлев обратил внимание на «мерку при выборе книг для переводов» и сделал вывод, что решающим критерием являются либеральность, как ее понимает часто научно невежественный переводчик, а также желание знать непременно «последние результаты науки», игнорируя весь путь ее развития. «Меряя достоинство вывода его либеральностью, чем мы гарантируем себя от промахов и увлечений? Оттого мы приняли многие либеральные гипотезы за доказанные истины, и по страсти своей строить на них свои выводы пришли ко многим истинам, которых бытие обязано только нашему стремительному невежеству... Дарвин, Бокль в сущности далеко не те, какими малюют их наши ученые референты».

Во второй главе этой книги мы говорили о сотруднике, появившемся в «Эпохе» в конце 1864 г., Н. И. Соловьеве, который, поощряемый Достоевским, принял горячее участие в полемической деятельности журнала и поместил в нем шесть статей. Военный врач по специальности, Н. И. Соловьев прислал в «Эпоху» статью, направленную против «разрушения эстетики», против отрицания «Русским словом» значения и самого существования искусства. Он утверждал «тождественность нравственного и эстетического начала», доказывал, что «чувство нравственное есть то же, что чувство эстетическое, примененное только к действительной жизни». Статья называлась «Теория безобразия», и Достоевский, печатая ее в июльской книге (вышла в конце сентября), в примечании так характеризовал ее и свое отношение к ней: «Статья эта до крайности наивна, — не можем этого не заметить. Прини-

мать сколько-нибудь за серьезное *некоторые* мнения эксцентрического, хотя и уважаемого нами, талантливого г. Писарева, и совершенно уже странные мнения г. Зайцева, положительно невозможно. Никто не виноват, что эти господа не знают азбуки во многом из того, о чем они берутся судить... Но несмотря на эту странную наивность, или, лучше сказать, может быть, через эту-то именно наивность, — статья г. Соловьева нам особенно симпатична. Слышен голос свежий, голос далекий от литературных сплетен и от всей этой литературной каши. Это голос самого общества, голос *всех*, которые уже, конечно, имеют право иметь о нас свое мнение» [15].

Помещая статью Соловьева в защиту поэзии, искусства, Достоевский, верятно, имел в виду и недавнее выступление Писарева с насмешливой характеристикой направления «Времени». В № 2 «Русского слова» за 1864 г. (первые номера «Эпохи» в это время еще не вышли) Писарев в «Цветах невинного юмора» так определял первый журнал Достоевских: «А весь легион сотрудников «Времени», все эти гг. — Григорьев, Страхов, Косица и все, «их имена бог весть», — разве можно не признать их жрецами чистого искусства и разве можно не поставить их в этом отношении гораздо выше гг. Фета, Случевского, Майкова и Крестовского? Вся политика, наука и критика «Времени» составляет, очевидно, одну длинную, сладкую-пресладкую, нежную-пренежную идиллию, написанную в прозе Афанасием Ивановичем собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерию Ивановну...» [16]

Н. И. Соловьев, много раз цитируя Писарева, которого называл «самым даровитым представителем учения, отрицающего красоту, искусство, эстетику», доказывал, что только поэзия может обуздать разгул страсти, наука же в этом бессильна, а оставить

---

[15] Мы сочли нужным далее детально рассмотреть выступления этого нового сотрудника «Эпохи», первый труд которого Достоевский встретил благожелательной заметкой, которого через десять лет проводил в могилу некрологом, с благодарностью вспоминая его «несколько весьма здравых идей, в весьма талантливом изложении» — статьи, помещенные в его журнале. Из-за отрицательных, иронических отзывов о Н. Соловьеве некоторых революционно-демократических деятелей, грубо-издевательских выпадов Писарева имя Соловьева приобрело какой-то одиозный, порочащий издание Достоевского оттенок. За что же ценил и много печатал Соловьева Достоевский? Он назвал первую его статью «до крайности наивной», но не за мысли и содержание, а, конечно, за ту смелость, с которой провинциальный врач, далекий «от всей этой литературной каши», в которой варилась «Эпоха», решился выступить с защитой поэзии, эстетики, гуманизма против «эксцентрических» мнений Писарева и В. Зайцева, принимать которые всерьез «положительно невозможно». Достоевский оценил в Соловьеве ту самую наивность, о которой 19 ноября 1863 г. писал брату, характеризуя «Время»: журнал был «до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял наивностью и верой».

[16] *Д. И. Писарев.* Сочинения, т. 2. М., 1956, стр. 335; ср. его же о «Времени»: т. 1. «Схоластика XIX века», прим. 3; а также т. 3, стр. 132.

страсти «на произвол — безобразие». Требование Писарева заниматься популяризацией наук вместо поэзии и беллетристики особенно раздражало Соловьева, так как свидетельствовало, по его мнению, не только о полном отсутствии эстетического чувства, но и о непонимании подлинности научного призвания, наличия в самой науке увлекательной поэзии. «Все это слито химически. Все это умные люди давно понимают везде. Не понимают только у нас; не потому ли, что у нас до сих пор еще не было настоящей науки?» Об общественной пользе искусства Соловьев писал, возражая тем, кто хочет сделать искусство «служанкой науки»: «Быть может, наука не сделалась столько практической у нас, сколько искусство — реальным. У нас почти нет повести, которая бы не составлялась на более или менее подробном изучении жизни... Художник или поэт, умеющий схватывать типы или характеры, или верно очерчивать разные кружки и слои общества, со всеми волнующими их идеями и интересами, оказывает такую же заслугу людям, как ученый, делающий открытие. Призвание художника не популяризировать науку, а объяснять жизнь».

В конце статьи Соловьев указал на опыт «теоретиков», отрицающих искусство, презирающих талант, заменяющих чувство мыслью, наблюдения над жизнью догадками, берущихся создавать повести «не выходя из кабинета»: «Главнейшим сочинением в этом роде мы решаемся назвать роман «Что делать?». По его мнению, сочинение это было явным нарушением правды и искусства. Бегло критикуя далее игнорирующие природу, человеческие чувства, чисто умственные положения автора, Соловьев как бы намечает темы своих дальнейших статей, которые появились в следующих книгах «Эпохи».

Первая статья Н. Соловьева вызвала отрицательный отзыв Антоновича в «Современнике». Об этом Соловьев писал в следующей статье: «Мы тоже испытали удовольствие быть обруганными и не скажем, чтобы это удовольствие было слишком большое. Всё не ругали, не ругали, в каких передрягах ни случалось быть, напечатался — и конец прежнему безобидному положению. И что тут всего замечательнее, что г. Посторонний Сатирик при начале своей статьи дал слово не говорить ничего обидного, и все-таки не мог удержаться — до такой степени, видно, необходимо быть обруганным в виде посвящения. Впрочем, мы еще сравнительно с другими пощажены, если исключить презрительный тон отзыва; но этот тон уже потому был необходим, что говорилось некоторым образом в духе литературного генеральства. Это литературное чиноначалие и есть именно один из источников, вошедших в наши нравы литературной ругни. Всякий пишущий публицист считает себя чем-то необыкновенным, других же чуть ли не за дураков».

Соловьев не стал полемизировать с Антоновичем. Его первая статья была адресована Писареву, и он ждал его реакции на свой вызов. Она последовала в октябрьской и ноябрьской книжках «Русского слова», где были напечатаны вторая и третья части

«Нерешенного вопроса», как называлась в журнале статья, позднее опубликованная под названием «Реалисты». Первая ее часть была помещена в сентябрьской книжке, вышедшей до появления статьи Соловьева. Почти вся эта часть отдана анализу Базарова как образа реалиста, его защите от тех критиков-эстетов, которые или видят в нем «урода и злодея», или карикатуру на действительность. Реалистам противопоставляются и высмеиваются «эстеты» и в романах Тургенева, и во всей предшествующей ему русской литературе. Но внимание Писарева сосредоточено прежде всего на раскрытии и правильном понимании Базарова и воплощенных в нем подлинных черт реалиста, которые честно сумел воплотить в нем автор, хотя и не сочувствовал ему.

Вторая часть статьи Писарева в основном посвящена разоблачению эстетики и эстетов в их разных видах и проявлениях. Эта цель до такой степени очевидна в изложении, что сам Писарев счел нужным заметить по этому поводу: «Читатель подумает, вероятно, что эстетика — мой кошмар, и читатель в этом случае не ошибется. Эстетика и реализм действительно находятся в непримиримой вражде между собою, и реализм должен радикально истребить эстетику, которая в настоящее время отравляет и обессмысливает все отрасли нашей научной деятельности, начиная от высших сфер научного труда и кончая самыми обыкновенными отношениями между мужчиною и женщиною. Я немедленно постараюсь доказать читателю, что эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса».

Писарев нигде не называет Н. Соловьева и его статью, но неоднократно в той или иной форме задевает журналы Достоевского. Он упомянул о «блестящем успехе «Времени», одного из самых плоских русских журналов», как доказательство младенчества нашей публики, он назвал идею сближения общества с народом «маниловскою фантазией «Эпохи» и «Дня». Попутно он давал уничтожающие характеристики произведениям, в них печатавшимся, — «Призракам» Тургенева, поэзии Полонского, выступлениям Аверкиева и др. На статью Соловьева отвечали в сущности вторая и третья части «Реалистов», помещенные в октябрьской и ноябрьской книгах «Русского слова». В октябрьской книжке Писарев исследует происхождение эстетических воззрений и их разновидностей и доказывает (несмотря на указываемую Соловьевым связь эстетики с человеческой нравственностью, с природой чувства, от рождения заложенного в человеке), что эстетика не имеет никакого отношения к природе человека, а является результатом воспитавшей его среды, бессознательно воспринятым им наследством, тормозящим его умственное развитие: «Эстетика, безотчетность, рутина, привычка — это все совершенно равносильные понятия. Реализм, сознательность, анализ, критика и умственный прогресс — это также равносильные понятия, диаметрально противоположные первым». Если реалист,

по определению Писарева, «мыслящий работник, с любовью занимающийся трудом», то эстетик — «чувствительный тунеядец», который отвлекает человека от «общеполезной деятельности».

В ноябрьской книжке Писарев ставил себе задачей «поговорить об отношении реалистов к искусству и науке». Посвящая первую часть статьи «действительной пользе», которую может приносить поэт, Писарев высмеивает своих противников, приписывающих ему примитивное понимание этой «пользы» и потому ждущих от него уничтожающего отзыва о Шекспире, Гёте и других великих именах. Анализ творчества Гёте, Гейне приводит его к следующему выводу: «Читатель видит ясно, что я отношусь с глубоким и совершенно искренним уважением к первоклассным поэтам всех веков и народов. Задача реалистической критики в отношении ко всей массе литературных памятников, оставленных нам отжившими поколениями, состоит именно в том, чтобы выбрать из этой массы то, что может содействовать нашему умственному развитию и объяснить, каким образом мы должны распоряжаться с этим отборным материалом».

Мысль, содержание произведений, которые «заставляют своих читателей задумываться над различными вопросами вседневной жизни» и «дают реальной критике удобный случай разъяснить эти вопросы», — вот «польза» литераторов как «популяризаторов разумных идей по части психологии и физиологии общества, а в настоящую минуту добросовестные и даровитые популяризаторы по крайней мере так же необходимы, как оригинальные мыслители и самостоятельные исследователи... От *формы* требуют только, чтобы она не мешала содержанию, то есть чтобы тяжелые и запутанные обороты речи не затрудняли собою развитие мысли».

Оценивая таким образом значение художественной литературы, Писарев коротко говорит о своем «полном равнодушии ко всем другим искусствам», так как не верит тому, «чтобы эти искусства каким бы то ни было образом содействовали умственному или нравственному совершенствованию человечества», и приравнивает их роль к гастрономическим удовольствиям. Не видя возможности приложить живопись, музыку, танцы «к какому-нибудь разумному делу», он в следующих словах, может быть, имел в виду именно статью Соловьева: «Пусть помогут мне в этом затруднительном обстоятельстве эстетики «Эпохи» и «Библиотеки для чтения».

Заключительные главы статьи Писарев посвящает значению науки, теоретической мысли и ее внедрению в действительную жизнь: «В науке, и только в ней одной, заключается та сила, которая независимо от исторических событий может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда». В ответ на несколько с пренебрежением написанных Соловьевым строк о переводах научных произведений, компиляциях, популяризировании Писарев написал восемь страниц,

в которых оценивал наиболее высоко именно эту деятельность, разбирал ее достоинства и заслуги. Здесь он имел в виду не только Соловьева, но и других критиков «эстетствующего журнала», как он назвал «Эпоху», — Аверкиева, Владиславлева, критически относившихся к массовой популяризаторской деятельности, которую позднее высмеял Достоевский в «Преступлении и наказании».

Писарев начал свою статью с утверждения, что «самостоятельное направление мысли, которое вырабатывается в современном русском обществе», — это стремление уяснить себе понятие настоящей выгоды и пользы: «Вполне последовательное стремление к пользе называется реальным. Реалист постоянно стремится к пользе». Эти положения Писарева вызвали вторую статью Н. Соловьева «Теория пользы и выгоды», напечатанную в ноябрьской книге «Эпохи», вышедшей в свет лишь в самом конце декабря. Соловьев прямо ссылался на статью Писарева «Нерешенный вопрос»: «Мы остановимся на одном из теперешних наших *популяризаторов,* которого эксцентричности, как в суждениях об искусстве, так и об науке, мы не можем не надивиться. Мы говорим о г. Писареве, которого последняя статья (10 № «Русского слова») противоречит почти всему, что мы высказали в своей небольшой статье («Теория безобразия»)».

Отметив, что прозвище «нигилисты» сменено теперь прозвищем «реалисты», причем самое понимание реализма сужено до утилитаризма, Соловьев решительно возражает против «теории пользы и выгоды»: «Польза никогда не может быть конечной целью человеческой деятельности, потому что сама деятельность тогда будет слишком узка и неплодотворна». Пользе утилитарной он противопоставляет пользу великих идей искусства и наук, которые подготовили и двигают гуманизм. Между тем сторонники теории пользы и выгоды признают только эгоизм: «Гуманное начало эти господа решительно не признают как самостоятельный принцип, все великодушные поступки подводятся ими под разряд эгоистических... Даже слово гуманность почти отвергают или как будто стыдятся произносить. Г. Писарев еще кое-что говорит о солидарности, хоть и старается ее вывести из любви к самому себе; но другие так решительно проповедуют какую-то доктрину эгоизма».

Н. Соловьев развивает далее свое понимание взаимоотношения в человеке эгоизма и гуманизма как двух начал, друг друга дополняющих и «разнообразящих» жизнь. «Только из равновесия эгоизма и гуманизма в личности, или лучше сказать, из нормального закона человеческой природы, который должен же быть, — образуется то, что мы называем честный человек».

Интересно отметить, что несколько механическое деление и определение положительных и отрицательных свойств человека у Соловьева вызвало следующее примечание редакции, т. е., конечно, Достоевского, давшего в нем свое философское понимание

этого вопроса, близкое к его одновременным записям в рабочих тетрадях: «Разумеется, автор говорит здесь не о благоразумно-буржуазном делении нравственной стороны человека на части, т. е. что одна сторона человека должна признавать в том-то и в том-то свои права, а другая и долги к человечеству. Нам кажется, что автор понимает примирение эгоизма и гуманизма только в высшем самосознании, т. е. чем выше будет сознание и самоощущение своего собственного лица, тем выше и наслаждение жертвовать собою и всей своей личностью из любви к человечеству. Здесь человек, пренебрегающий своими правами и возносящийся над ними, принимает какой-то божественный образ, несравненно высший образа всесветного, хотя бы и гуманного кредитора, благоразумно, хотя бы и гуманно занимающегося всю жизнь определением того, что̀ *мое* и что̀ *твое*. — *Ред.*»

Н. Соловьев оспаривал ряд положений статьи Писарева, вскрывал его недостаточные знания естественных наук, вновь защищал эстетическое чувство, указывая на его «глубокую связь» с чувством гуманным, упрекал реалистов в «высокомерном и презрительном отношении к народу». «Народ называется ими если не грубыми животными, то бессмысленными машинами, матерьялом, тестом, квашней». Заканчивая статью, Н. Соловьев возвращается к «доктрине эгоизма», в которой видит «характер современной цивилизации и главную причину ее несостоятельности», с ее эксплуатацией, контрастами богатства и нищеты, науки и невежества, ужасами неизбежных войн, грозящих ей самоуничтожением. «И что же ей предлагают как универсальное средство? — Пользу и выгоду, выгоду и пользу; утилитаризм; сигары вместо Шекспира и резание себе носов из экономии», — заканчивал Соловьев статью.

Через месяц, прочтя окончание статьи Писарева в ноябрьской книжке, Н. Соловьев продолжил свою полемику и напечатал в декабрьском номере «Эпохи» (вышел в конце января 1865 г.) статью «Бесплодная плодовитость», в которой резко критикует Писарева как публициста, признает его способности как компилятора, но отрицает его как мыслителя. Он отмечает «непоследовательность» его мыслей, совершающих «прыжки» от статьи к статье, в его изложении видит бесцеремонность, «смесь высокомерия и мужиковщины». Возвращаясь к темам своих прежних статей, Н. Соловьев так определяет исходные позиции Писарева: «Непризнание поэзии как самостоятельной сферы и недоверие к гуманности как отдельному элементу — одно и то же, однородные мнения. Эгоист на обыкновенном житейском языке означает человека без сердца, а такому человеку поэзия не пойдет в голову. И вот этот-то сухой бессердечный эгоизм диктует г. Писареву мысли...» Неуважение Писарева к Пушкину и Гоголю и похвала Диккенсу и Ж. Занд показывают его пристрастие к иностранному, к фразе, к многословию и его непонимание «высокой художественной краткости наших поэтов», по сравнению с «мо-

рем воды» западных беллетристов. Если нравственно-эстетическое чувство, воплощаясь в слове в поэзии, не может стереть с лица земли «нищету, пороки, невежество», то оно облегчает их, поднимает человека, как песня, рождаемая народом.

Обращаясь к высказываниям Писарева о науке, Н. Соловьев возмущается его презрительным отношением к народным школам и признанием необходимости накапливать в обществе «умственный капитал», давая лучшее образование силам, руководящим деятельностью народа: «Думают сделать капиталиста руководителем народного труда, во сто раз полезнейшего всякого филантропа, давши только ему полное образование. Уж не Ротшильду ли это комплимент? Капитал растет и живет только в себя, если его не согревает сила любви к человечеству. Сердце вы дайте капиталисту, а голова у них есть, не беспокойтесь».

Еще раз осуждая Писарева за его пристрастие к популяризаторству, разжевывавшему науки вместо пропаганды самой науки, к переводам с иностранного вместо развития русской научной деятельности, Н. Соловьев видит большой недостаток современной журнальной публицистики в ее многословии: она просто щеголяет фразой, которая заменяет ей мысли. «И вся наша плодовитость при всей энергии и свежести сил остается часто бесплодною».

Мы лишь бегло коснемся следующих двух статей Н. Соловьева — «Женщинам» («Эпоха», 1864, № 12) и «Дети» («Эпоха», 1865, № 1), посвященных социально-этическим и морально-эстетическим проблемам. Говоря о неравноправном положении женщины в обществе и о распространении идей эмансипации, Соловьев боится, что с эмансипацией женщина потеряет свои лучшие качества — «чувство долга», которое воплощает в себе нравственно-эстетическую потребность к благородным поступкам. Он винит литературу, которая якобы способствует развращению женщины, и указывает прежде всего на роман Чернышевского: «В нравоучительном и как бы начерно написанном романе «Что делать?» изображено хорошо только одно — это картина развращения благородной женской натуры хитрыми теоретическими умствованиями». Соловьев считает «невероятным» развитие истории Веры Павловны в «розовом идиллическом виде».

Соловьев связывает результаты эмансипации с теорией разрушителей эстетики: «Что делать?» имеет один только результат и результат неожиданный для автора — безобразить женщину. У отрицателей искусства стремление это хоть и бессознательно, но вполне логично: если они не признают красоты жизни, как же они могут ценить и уважать красоту в женщине?»

Статья Соловьева «Дети» представляет детальный разбор условий, в которых проходит воспитание детей в городской обеспеченной семье, анализируя обязанности, лежащие на матери, роль отца, значение слуг, закрытых учебных заведений. Во многих вопросах он выступает как опытный врач-специалист. Основная идея его — пропаганда нравственно-эстетического чувства,

противопоставленного «идее эгоистического реализма»: «*Натуральное чувство* — чувство эстетическое и *гуманное чувство*, или чувство человеческое, находясь в неразрывной связи друг с другом, должны *служить и основой настоящего воспитания*. Кто в общности и в формах не понимает природы, тот конечно не может понять и жизнь. Слово понимание тут, впрочем, и не выражает всего. Как с природой, так и с людьми мы связаны не умственными выводами, а более непосредственным образом — чувством. Развить это чувство так, чтобы оно сделало человеческие отношения более гуманными, есть задача эстетического воспитания».

В последней своей статье «Разлад. (Критика критики)» («Эпоха», 1865, № 2), самой обширной (46 стр.), Соловьев возвращается к полемике с Писаревым. Февральская книжка «Эпохи» вышла только 22 марта (ценз. разр. 13 марта). До этого в «Русском слове» в январской книге появилась статья Писарева о романах Помяловского (в журнале озаглавленная «Мыслящий пролетариат», в изд. 1866 г. — «Роман кисейной девушки»), а в февральской — статья «Сердитое бессилие» о романе «Марево» Клюшникова. В обеих статьях Писарев выступает против «Эпохи», имея в виду появившиеся в ней выступления Н. Соловьева, направленные против его «Реалистов».

Говоря в январской статье о детстве Молотова и его мещански-ремесленном окружении, Писарев неоднократно подчеркивает резко отрицательное отношение к «почвенничеству» и его культу Островского. «Сын совершенного неуча, Ивана Молотова, несравненно свежее и счастливее, чем семейство богатых и полуграмотных купцов, куролесящих в драматургических произведениях Островского. Все нищие духом, все алчущие и жаждущие грязи, известной под названием почвы, возрадуются и начнут уличать нас, озорников и отрицателей, в непоследовательности. «Вот видите, — скажут убогие сотрудники «Эпохи», — вот и вы же признаете в русской жизни светлые явления. . .» Торжество наших близоруких противников будет очень непродолжительно и повернется тотчас против их же собственных идей. Я нахожу воспитание Егорки здоровым и полезным потому, что в нем нет никаких специально-почвенных элементов». Далее Писарев отвечал Н. Соловьеву на его упреки Помяловскому в грубости обрисовки семейных отношений и быта бурсы. Писарев писал по этому поводу: «Помяловский прослыл и до сих пор слывет у наших журнальных кликуш грубым и грязным обличителем, человеком черствым и бесчувственным. — Один из новейших мудрецов «Эпохи», попавший в эту журнальную богадельню из губернии [17], догадывается даже, что Помяловского сгубило именно его циническое отвращение ко всему нежному

---

[17] См. выше (стр. 36) приведенное примечание Ф. М. Достоевского к первой статье Н. Соловьева в «Эпохе».

и изящному. Он требует от Помяловского, чтобы тот выводил на сцену облагороженных бурсаков, а не таких, которые говорят *отчехвостить*, *стилибонить*, *смазь вселенская* и т. д. Кроме того, он в ноябрьской книжке той же грязной богадельни выражает умозрительную надежду, что реалисты, и преимущественно автор «Нерешенного вопроса», откажутся от солидарности с безнравственными повестями Помяловского. Истинно можно сказать: велика и обильна наша матушка Россия. Какие в ней, подумаешь, бывают удивительные *губернии* и какие в этих непостижимых губерниях появляются иногда невиданные светила!»

В февральской книжке «Русского слова», когда Писарев ознакомился с запоздавшим номером «Эпохи» за декабрь 1864 г., в статье «Сердитое бессилие» он вновь выступает против Соловьева, сопоставляя его с автором романа «Марево»: «Бывают уж такие избранные организации, у которых «перлы и адаманты» так и сыпятся изо рта, даже помимо их собственного желания. Что ни скажет, что ни напишет — все, каждое слово выходит непременно или глупо, или пошло. В этом отношении только один из известных мне русских писателей может сравниться с г. Клюшниковым. Это — г. Николай Соловьев, начавший с недавнего времени украшать своими статьями критический отдел «Эпохи». Невинность и простодушие этого писателя сквозят в каждой его строке. А между тем в каждой из этих невинных и бессвязных строк притаилась — незаметная для простодушного автора, но очевидная для внимательного читателя — злокачественная инсинуация. Г. Николай Соловьев имеет привычку читать все мои статьи; чтобы мои, нелестные для него, слова не показались ему бездоказательной бранью, я напомню ему только то место из ноябрьской книжки «Эпохи», в котором он, на основании повестей Помяловского, старается уличить нигилистов и реалистов в систематической ненависти к родителям. Пусть наивный критик задумается над этим местом и посыпет пеплом свою убогую голову».

Ставя себе задачу освободить нашу литературу «от наплыва бездарностей», навсегда очистить «от таких худосочных прыщей, как роман «Марево» или журнал «Эпоха», Писарев восклицал: «Чего доброго, мне скоро придется возиться с статьями г. Николая Соловьева так, как вожусь теперь с романом г. Клюшникова. Бездарность душит нас со всех сторон».

Задача последней статьи Н. Соловьева в «Эпохе» — показать современный «разлад в жизни и литературе» и его связь с нигилизмом: «Нигилизм сделался только, сам не сознавая, слепым орудием и выражением этого разлада». Соловьев резко осудил Писарева за его «брань и ругательства» в статье о Помяловском не только по адресу критика и журнала «Эпоха», но и героев рассматриваемого романа. Он вновь ставит в своей статье вопросы философского и общественного характера, разрешая их в плане защиты гуманизма, борьбы с рабством и бедностью, достижения

светлого будущего. Он стремится доказать необходимость существования идеализма рядом с материализмом и правильного понимания этого термина, не как мечтательства и фантазерства, а как мира мысли, идей, мира гуманных наук — философии, истории, экономики. Признавая материализм, существующий тысячелетия и породивший естественные науки, он горячо отвергает сенсуализм, эмпиризм, ведущие к теории пользы и выгоды. «Народившийся теперь реализм», отрицающий все, кроме себя, представляет грубейший эмпиризм, который уродует литературу, взгляд на семью, назначение женщины, воспитание детей, общественные развлечения, отрицает искусство, театр, музыку, поэзию. Он приводит к «ампутации жизни», к «отуплению самих нервов путем уничтожения нравственно-эстетического начала» — равнодушию, сдержанности, отношению к обществу «как к мертвому трупу». В доказательство Соловьев приводит напечатанное в «Русском слове» рассуждение о неграх Зайцева, который, «с робостью и подобострастием указывая на авторитет Фохта и Гексли», оправдывает неизбежность рабства для негров как низшей расы. Возмущенный Н. Соловьев проводит следующую параллель: «Что если бы вздумали до освобождения крестьян спросить немецких антропологов об организации нашего крепостного человека, не нашли бы они и в нем каких-нибудь следов векового рабства, каких-нибудь недостатков в организме, явившихся от нужды и невежества и отсюда не стали ли бы тоже выводить ненужность эмансипации». Он видит в нигилизме направление, которое «убивает чувства и делает человека злым, бездушным, бессердечным».

Соловьев дает следующую схему истории русского общества: «Наше предшествующее поколение было преимущественно поколение дворян. И большая честь и заслуга этого сословия, что оно произвело ряд гуманных личностей, которые сгруппировались вокруг Грановского. Теперешнее модное поколение есть большей частью поколение семинаристов: нигилизм есть своего рода семинаризм, оторвавшийся от своего слоя. Но один из людей прежнего времени (Тургенев) окрестил, сказал похвальное и вместе надгробное слово этому направлению. Будущее поколение, как кажется, есть поколение народа и людей, которые сумеют к нему как следует примкнуть. Дети и народ наше будущее».

В мартовской книге «Русского слова» Писарев в статье «Прогулка по садам российской словесности» отвел две с половиной страницы статье Н. Соловьева «Женщинам» («Эпоха», № 12, 1864) и его выступлениям против вульгарного понимания женской эмансипации. Последних двух статей Соловьева в связи с запозданием книг «Эпохи» за 1865 г. Писарев, очевидно, не знал. Говоря о «Женщинах», он заканчивал свой полемический разбор следующими словами: «Любопытно будет посмотреть, каким манером тупоумный сотрудник «Эпохи» вывернется из своего

затруднительного положения. Любопытно будет также посмотреть, какими аргументами редакция «Эпохи» будет оправдывать грязную клевету, пущенную в свет ее убогим сотрудником».

Ответа на эту статью Писарева не последовало — в марте 1865 г. «Эпоха» прекратила свое существование.

В заключение мы должны внести ясность в одно из упоминаний Достоевского об «Эпохе», которое он сделал в «Дневнике писателя» 1873 г., говоря о своем уважении к Чернышевскому как человеку, при «радикальном» расхождении с ним в мнениях: «В одном из самых последних №№ прекратившегося в то время журнала «Эпоха» (чуть ли не в самом последнем) была помещена большая критическая статья о «знаменитом» романе Чернышевского «Что делать?». Эта статья замечательная и принадлежит известному перу. И что же? В ней именно отдается все должное уму и таланту Чернышевского. Собственно об романе его было даже очень горячо сказано. В замечательном же уме его никто и никогда не сомневался. Сказано было только в статье нашей об особенностях и уклонениях этого ума, но уже самая серьезность статьи свидетельствовала и о надлежащем уважении нашего критика к достоинствам разбираемого им автора. Теперь согласитесь: если бы была во мне ненависть из-за убеждений, я бы, конечно, не допустил в журнале статьи, в которой говорилось о Чернышевском с надлежащим уважением; на самом деле ведь я был редактором «Эпохи», а не кто другой» [18].

Какую статью имел в виду Достоевский? Ни в самых последних книгах «Эпохи», ни в более ранних нет специальной статьи о романе Чернышевского. Его касался в своих статьях Н. Соловьев (особенно в статье «Женщинам»), но он видел в нем только отрицательное воздействие на развитие женщины и совершенно не говорил об уме и других достоинствах автора романа.

Между тем в записях планов для августовской книги «Эпохи» мы находим в перечне предполагаемого содержания, среди реально вошедших в этот номер статей (Милюкова, Калатузова, Мундта и др.) запись: «Что делать?» — $1^1/_2$ <листа>. Смысл этой записи нам раскрывают архивные документы цензуры, из которых узнаем, что это — статья Страхова и по своему содержанию вполне соответствует той характеристике, которую мы выше привели из «Дневника писателя».

В протоколе заседания цензурного комитета от 14 октября (когда проходила августовская книга) по докладу цензора Лебедева о журнале «Эпоха» записано:

«Статья Н. Косицы под заглавием «Счастливые люди», в которой автор критически разбирает роман «Что делать?» и, признавая в авторе его замечательный талант, выводит в действую-

---

[18] *Достоевский*, т. XI, стр. 29.

щих лицах крайнюю несообразность с природою человеческою и с характером и обычаями общества. *Определено*: дозволить статью к напечатанию с смягчением особенных похвал автору романа»[19].

Ни в августовской, ни в следующих книгах статья Страхова не появилась, но она все же дошла до нас. Она перепечатана в сборнике статей Страхова «Из истории литературного нигилизма 1861—1865» (СПб., 1890), где собраны статьи Н. Косицы и «Заметки летописца» из журналов «Время» и «Эпоха». Здесь под № XVI на стр. 292 значится: «Счастливые люди», 1865, апрель». Как мы знаем, в апреле «Эпоха» уже не выходила. Но не предназначалась ли эта статья редактором в журнал в начале 1865 г., почему у Ф. М. Достоевского и осталось в памяти о ее якобы состоявшейся публикации «чуть ли не в самом последнем номере» журнала?

Публикуя статью в 1890 г., Страхов после подписи «Н. Косица» поместил следующую приписку:

«Позднейшее примечание: «Счастливые люди» были написаны для «Эпохи», но Ф. М. Достоевский не решился напечатать эту статью, и только года через два после написания она явилась в «Библиотеке для чтения», которую издавал тогда П. Д. Боборыкин. Продолжения, т. е. второй и последней статьи, в которой предполагалось анализировать радости фаланстера, вовсе не было написано».

Судя по тексту приписки, статья была написана весной 1863 г., вскоре после публикации романа Чернышевского[20], но после закрытия «Времени» была предложена в 1864 г. в «Эпоху», включена в августовскую книгу, прошла цензуру, которая потребовала сокращения похвал автору романа. Надо думать, что Страхов выполнил это требование, но Достоевский колебался, публиковать ли статью. Когда же журнал в марте 1865 г. решено было ликвидировать, то Боборыкин вместе с другими материалами «Эпохи» принял и напечатал статью Страхова «Счастливые люди». В памяти же Ф. М. Достоевского правильно закрепилась позиция автора в отношении к Чернышевскому и роману как «серьезная» и «уважительная». После требования цензуры в статье, вероятно, были ослаблены «похвалы» автору, но «серьезность» его отношения к нему осталась.

---

[19] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 508, л. 239 об.; «Литературное наследство», т. 83, стр. 205.

[20] Не ее ли внес М. М. Достоевский во второй раздел своего «Списка статьям (рукописям) 1863 г.» под № 34, вместо возвращенной Герарду 18 января статьи о «Пользовании мирской землей...», внес, не указав ни автора, ни точного заглавия, а записав так: «По поводу рассказа Чернышевского». Немного выше вместо вычеркнутой статьи Александрова под № 32 он вписал также без указания автора: «Мысли русского о Польше», что, очень возможно, относилось к статье Страхова «Роковой вопрос», подписанной в печати «Русский» (см. далее стр. 279).

Вначале Страхов вспоминает о своих статьях во «Времени», направленных против «Современника», в котором многое казалось ему только смешным и скоропреходящим: «Но есть одно явление в этом множестве, которое имеет большую прочность. Именно роман «Что делать?», по моему мнению, останется в литературе. Ибо он вовсе не производит смешного впечатления. Как бы кто ни был расположен смеяться, он потеряет свое расположение к смеху, перечитывая эти тридцать печатных листов. Роман написан с таким воодушевлением, что к нему невозможно отнестись хладнокровно и объективно, как это требуется для благодушного и искреннего смеха. Значит он возбуждает негодование, или вообще тяжелое чувство — заметят, может быть, читатели. А если бы даже и так, скажу я на это, то все-таки для этого многое требуется... Я осязательно вижу всё увлечение, с которым писан роман. Положительно, у нас не было в последние годы ни одного произведения, в котором было бы слышно такое напряжение вдохновения. Какого рода это вдохновение — это другой вопрос; но эти тридцать печатных листов как будто написаны за один присест, единым духом. Наконец, в романе оказались свойства, которых трудно было ожидать и которых никто не ожидал; в нем есть некоторая наблюдательность, есть черты, верные действительности, есть даже некоторая ловкость в изображении, попытка на образы...»

Коснувшись бегло выпада Щедрина в «Современнике» против «Что делать?», выступления против Щедрина «Русского слова» и «уловки», которая скрывалась в «вынужденном объяснении» Щедрина[21], Страхов вновь переходил к своему пониманию романа: «Итак, этот роман и написан с удивительным жаром и удивительно верен самому себе. Вот почему, читая его, нельзя не чувствовать, что автор фанатически увлечен своей мыслью, что он верит в нее вполне, безусловно. Какая же это мысль? В чем состоит эта господствующая идея? Она состоит в мысли *о счастье,* в представлении *благополучной жизни.* Роман учит, как быть счастливым».

В трактовке Страхова герои Чернышевского умны, поэтому они всегда счастливо устраивают свою жизнь. У них все складывается благополучно, для них нет страданий, оскорблений, бедности, борьбы, они не ошибаются, не колеблются, понимают друг друга, так как все друг на друга похожи, они не эволюционируют, а «являются, так сказать, совершенно готовыми», сразу становятся «новыми» людьми, не быв «старыми». Существуют ли такие люди, — ставит вопрос Страхов. «Роман, конечно, написан сказочно, написан для прославления своих героев, которым все

---

[21] См. «Современник», 1864, январь, «Наша общественная жизнь»; «Русское слово», 1864, февраль, статьи В. Зайцева «Глуповцы, попавшие в «Современник», Д. Писарева «Цветы невинного юмора»; «Современник», 1864, март, «Наша общественная жизнь» (*М. Е. Салтыков (Щедрин).* Собрание сочинений, т. VI, стр. 232, 324, 644, 657, 658, 663).

удается, но самая концепция характеров, проведенная до многих тонких подробностей, очевидно, была бы невозможна, если бы не было в действительности чего-нибудь соответствующего».

Страхов не принимает «счастья», о котором говорят герои «Что делать?», которое достигается путем развития, наблюдения, чтения нужных книг. Самое отрицание страдания, неизбежного для человека, не обозначает счастья, а говорит о какой-то пустоте, холоде. Счастье в надеждах, желаниях, любви. О том, что желают и любят «новые люди», в чем их положительный идеал, Страхов предполагал говорить во второй статье, которая не была написана.

Думаем, что именно статью Страхова «Счастливые люди» вспоминал Достоевский в «Дневнике писателя», хотя ошибался, говоря о ее публикации в «Эпохе», но верно определял характер ее направленности и позиции автора.

Глава IX

Итоги издания журналов «Время» и «Эпоха»

В 1865 г. в Петербурге вышла книга с грифом «секретно», которая называлась «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863—1864 гг.». В пей были помещены написанные членом Главного управления по делам печати В. Я. Фуксом «Приложения к отчету Совета министров внутренних дел по делам книгопечатания за 1864 г.», представлявшие характеристику всех русских периодических изданий, выходивших в этом году. Значительное место В. Я. Фукс уделил сообщению о деятельности «Современника». Этот журнал, влиявший недавно «соблазнительно на молодое поколение», по мнению Фукса, утратил свое прежнее вредное влияние и авторитет в связи с удалением «одного из главнейших деятелей». «Особенное внимание, — писал Фукс, — обращала на себя в прошлом году полемика «Современника» с другими журналами, а именно — с «Эпохой» и «Русским словом». На этой полемике почти исключительно сосредоточивалась деятельность редакции и изощрялось ее остроумие. Журнал в течение нескольких месяцев служил ареной частных, личных ссор между журналистами, причем не были даже пощажены подробности домашней жизни. . .» Возмущаясь «неприличием» проходившей полемики, автор обзора отмечал, что «Современник», «более других отличившийся в этой схватке <. . .>, подорвал свой кредит и с этого времени начал быстро клониться к упадку».

Упомянув о «Русском слове» и похвалив «Отечественные записки» за «умеренность» в политических и социальных воззрениях, а «Библиотеку для чтения» — за бо́льшую «разборчивость и сдержанность, чем в 1863 году», В. Я. Фукс писал об «Эпохе»:

«Эклектический характер этого журнала препятствует вывести сколько-нибудь определенное заключение об общем его направлении. — Может быть у редакции «Эпохи» (а прежде «Времени») было и есть другое, более серьезное желание быть органом какой-нибудь новой мысли, строгого убеждения. По крайней мере в программах и объявлениях о журнале много говорилось о разработке русской почвы. Но мысль эта в дело

не перешла, и журнал явился простым складом рассказов, повестей, стихов, иногда статей с претензией на ученость, а также мелочной полемики с другими журналами.

Некоторым отличительным признаком «Эпохи» от других петербургских журналов служит то, что журнал этот как будто по временам вспоминает о своем обещании относительно разработки русской почвы и подлаживается под направление некоторых московских журналов, задавшихся мыслию о старых русских началах и т. п. Но из этого ничего определенного не выходит, кроме только того, что петербургские журналы обличают «Эпоху» в подражательности газете «День» и в угодливости «Московским ведомостям».

В цензурном отношении журнал ничего вредного не представляет».

Этот убийственный приговор журналу Достоевского, на который он потратил столько сил и трудов, в какой-то степени справедлив. Официальный представитель власти не нашел нужным отметить борьбу журнала с «нигилистами», так как, выражаясь в ряде отдельных выступлений, она не была принципиально заявлена и сколько-нибудь последовательно развернута. В. Я. Фукс не признал ни подлинного усвоения журналом идей славянофильства, ни искренней приверженности московскому «патриотизму», а упоминал лишь о его «подлаживании» и «подражательстве». Это, действительно, были свойства отдельных сотрудников и их статей, но не характеризовали подлинное лицо журнала. В целом оно осталось для обозревателя неуловленным, и он отказывался сказать о нем что-либо определенное.

«Определенно» высказались об «Эпохе» ее журнальные оппоненты, Писарев и Щедрин, которые не только всячески иронизировали над журналом и бранили его, но и решительно указали на причину его слабости. В третьей книжке «Русского слова» за 1865 г., очевидно, еще не зная о прекращении «Эпохи», Писарев напечатал статью «Прогулка по садам российской словесности», которую начал с разбора журнала Достоевского [1]. Как было ранее указано, в книгах «Эпохи» после смерти Ап. Григорьева печатались воспоминания о нем Страхова и Достоевского и его письма с комментариями Страхова. Писарев полагал, что именно Григорьев воплощал направление журнала и, выступая против него, критиковал все издание: «Если, говорю я, Григорьева признают, таким образом, великим вождем целого направления, то, разумеется, мы имеем полное право принимать за наличную монету те суждения, которые этот вождь сам произносит о своем направлении. Кажется, господа почвенники, идеалисты и эстетики не могут упрекнуть нас в недостатке великодушия, если мы, вступая с ними в литературное состязание, будем опираться на авторитет того писателя, которому они поклоняются».

---

[1] *Д. И. Писарев.* Собрание сочинений, т. III, стр. 251—304.

Рассматривая опубликованные письма Григорьева, Писарев приходил к выводу, что Григорьев не верил в победу тех идей, за которые отчаянно, мужественно боролся, и «понимал, что они «отжили свой век» и не воскреснут. Отсюда его глубокое уныние, его псевдоним «один из ненужных людей».

«Как человек, который был и зрячее и чутче других», Григорьев понимал то, чего эти другие не понимали. Он видел ясно, что все бесплодно и что никакими медоточивыми речами невозможно увлечь отрезвляющееся общество в старую область эстетики и мистицизма. Когда *другие*, менее зрячие и чуткие люди стали издавать эстетико-мистический журнал с примесью планетных жителей и французских уголовных процессов, тогда Григорьев не отказал им в своем содействии, но в душе его постоянно сохранялось то безотрадное убеждение, что

Как ни садитесь,
А все в музыканты не годитесь,

потому что музыканят новые люди, так называемые теоретики, которых все слушают и с которыми эстетические разводы и мистические туманы никак не могут тягаться».

Показав, как идеализм Григорьева постоянно был обречен на крушение при встрече с действительностью, Писарев увидел в этом крушение и всего направления, признавшего Григорьева вождем: «Хвалите больше, господа! Чем выше вы поднимете личность Григорьева, тем глубже, безвозвратнее вы зароете в могилу все ваше литературное направление. — Статья г. Страхова есть некоторым образом литературное самоубийство... Этой статьей посягает на свою убогую жизнь не только цельный журнал, но даже цельный строй понятий, весь тот строй, который, прикрываясь различными фирмами и вывесками, старается задушить и истребить все проявления нашего новорожденного реализма».

Писарев нигде не задевал лично Достоевского ни как писателя, ни как редактора. Признание им высокого общественного значения «Записок из Мертвого дома» и «Преступления и наказания» проявилось в его статьях «Погибшие и погибающие» (1866) и «Борьба за жизнь» (1867). Но в последней он счел нужным в первых же строках сказать о том, что ему «нет никакого дела ни до личных убеждений автора, которые, может быть, идут вразрез» с убеждениями Писарева, «ни до общего направления его деятельности» и тех идей, которые он проводит в своем сочинении, которым автор статьи не может сочувствовать и которые находит несостоятельными: «Меня очень мало интересует вопрос о том, к какой партии и к какому оттенку принадлежит г. Достоевский, каким целям или интересам он желает служить своим пером...» Для Писарева важны явления общественной жизни, верно изображенные в романе, а не объяснения их автором.

Анализируя направление «весьма враждебной нам, но чрезвычайно наивной «Эпохи», Писарев не затрагивает ее руководителя, но беспощадно расправляется с бездарными последователями «покойного идеалиста», т. е. Григорьева, обнаруживая несостоятельность восхваления славянофилов и подражания им (Страхов, Аверкиев) и их эстетических теорий, в изложении которых Н. Соловьев стремится «облаять и оклеветать каких-то эмансипаторов». Писарев хорошо понимал, какое расстояние отделяло этих сотрудников «Эпохи» от «вождя» — Ап. Григорьева, которого он называл «чистым и честным фанатиком отжившего романтического миросозерцания... единственным человеком, способным выдвинуть какое-нибудь миросозерцание против нашего миросозерцания». Но «не способный лавировать и дипломатизировать», Григорьев не мог ни в одном журнале «довести до конца того, что он хотел высказать».

Однако именно Ап. Григорьев дал Писареву материал для обвинения его последователей в их безразличии к социальным и политическим проблемам. Цитируя высказывания Григорьева о том, что «вопрос нашей умственной и нравственной самостоятельности» глубже и обширнее вопроса о крепостном праве и политической свободе, Писарев возмущенно восклицал: «И это говорят обожатели русского народа! Правда, что эти обожатели — идеалисты и что они, следовательно, любят свой народ платонической любовью. До конкретного русского мужика, который может чувствовать боль и удовольствие, им нет никакого дела. Для них драгоценна только *идея* о русском мужике, и потому «высокие пророческие речи, изливаемые на попойках», кажутся им важнее тех вопросов, которые своим разумным разрешением могут создать экономическое благосостояние целых миллионов. «Что прикажете думать о таких курьезных заявлениях? В них, разумеется, нет ни *цинизма*, ни *ужаса*. В них есть только изумительное невежество, которое со своей всегдашнею наивностью принимает себя за проявление величайшей мудрости, доступной только немногим избранным. Все идеалисты хромают па эту ногу, и, комментируя приведенный мною отрывок, я обращался не к личности покойного Григорьева, а ко всему лагерю наших пегих противников».

Итак, приговор, вынесенный «Эпохе» Писаревым, уже содержится в том, что он вскрыл основу основ этого издания: идеалистическое мировоззрение ее сотрудников, откуда борьба против «реализма», т. е. мировоззрения материалистического, а как следствие — равнодушие «Эпохи» к практическому разрешению проблем социальной и политической жизни русского народа, при наличии идейного сочувствия ему и «пророческих» речей о его роли.

Причину такой позиции Писарев видел не в славянофильстве или почвенничестве, не в религиозных или мистических убеждениях, хотя и упоминал о последних, не в приспособлении к требованиям власти, а в «невежестве» и «наивности», в непо-

нимании «самых великих и грозных запросов действительной жизни», т. е. того исторического пути, на который уже вступила и звала вступить других молодая революционно-демократическая Россия.

Щедрин внимательно следил за «Эпохой» с момента выхода первых ее книг. Однако после ответа Достоевского на его «Драматическую быль «Стрижи» «Отрывком из романа «Щедродаров» полемика с «Эпохой» в «Современнике» перешла к Антоновичу, а написанное в ответ Щедриным долгие годы было неопубликовано и Достоевскому осталось неизвестным. Все шесть статей, оставшиеся в рукописях или корректурах, несомненно, очень важны для изучения полемики Щедрина с Достоевским, но для нашей цели — характеристики второго журнала Достоевских особый интерес представляет статья «Литературные кусты». Она предназначалась Щедриным для № 10 «Современника» и разбирала «Объявление» об издании «Эпохи» в 1865 г., напечатанное в августовской книжке (вышедшей 27 октября) [2].

Не касаясь начала статьи Щедрина, свидетельствующего о его глубокой уязвленности «Отрывком из романа «Щедродаров», остановимся на его критике написанного Достоевским «Объявления» об издании «Эпохи». В его первой части Достоевский утверждал основную идею направления журнала: «Разработка и изучение наших общественных и земских явлений, в направлении русском, национальном, по-прежнему будут составлять главную цель нашего издания». Далее он развивал мысль о необходимости не увлекаться «обличением» зла, а искать добро, то, что надо любить на Руси, и в этом приблизиться к народу, понять его и согласиться с ним. Ратуя за национальную самобытность, своеобразие, «своеисторичность», за признание в русском народе сил, ведущих его к самостоятельному развитию, прогрессу, Достоевский попутно отмечал существование в каждом народе своего национального идеала (Англия, Франция). Он осуждал «теоретиков», которые, отрицая значение национальности, считают «высшим преуспеянием» борьбу с ней путем «всестирающей цивилизации».

Щедрин, ничего не говоря о положительных утверждениях этой программы, увидел в ней лишь старинную борьбу с «западничеством», которое давно исчезло, утратило смысл и подобрано «Эпохой», как «обглоданные кочерыжки, выбрасываемые из псевдославянофильской поварни «Дня». О былых сражениях западников и славянофилов по вопросу о реформах Петра Щедрин писал: «Мысль эту можно в настоящее время формулировать таким образом: следует ли допускать участие разума в жизни, или же оставить ее в подчинении у темных сил?» Западники стояли за разум, а славянофилы его отвергали и указывали на

---

[2] *Достоевский*, т. XIII, стр. 517—521; *М. Е. Салтыков* (*Щедрин*). Собрание сочинений, т. VI, стр. 506—517.

пособие «веры, надежды и любви», которые спасали древнюю Русь. Щедрин, видя в «теоретиках» защитников «разума», оставлял эти «темные силы» на долю «Эпохи», в «Объявлении», которой действительно много говорилось и о «любви» к России, и о «вере» в русский народ, и о «надежде» на его самостоятельный «прогресс». Но он прошел мимо признания Достоевским в народе тяги к науке, т. е. к разуму и его почитанию: «От науки тоже никогда народ сам собой не отказывается. Напротив, если кто искренне чтит науку, так это народ».

Щедрин процитировал слова Достоевского, в которых он осуждал понимание «направления», как подбора «по принципу» «подходящих фактов», его заявление о том, что «Эпоха» не боится «исследования, свету и ходячих авторитетов» и всегда готова «похвалить хорошее даже у самых яростных наших противников». Высмеяв это утверждение как пустую риторику, Щедрин посвятил две страницы тому, как надо правильно понимать направление, приводил примеры и приходил к заключению: «Итак, вот значение общих начал, вырабатываемых людьми, собравшимися для общего умственного труда. Совокупность этих начал составляет то, что называется направлением и так как ... в этом случае направление предвидит и исчерпывает собою возможно большую сумму жизненных явлений, то оно имеет полное и бесспорное право требовать от людей, к нему присоединившихся, сообразного с его содержанием образа действий».

Щедрин считал, что в «Объявлении» нет указания на цель издания, на его направление: «Вы не имеете средств достигнуть вашей цели (которой вы, впрочем, тоже не имеете), потому что не имеете направления и не чувствуете даже потребность его». В «Объявлении» о них «ни одной-то мыслью, ни одним дохлым словом не проговорились на пространстве целого печатного полулиста!»

Щедрин полностью игнорировал указанную очень ясно в самом начале «Объявления» «главную цель издания», приведенную нами выше, игнорировал он и изложенное далее Достоевским «общее начало» своего направления: «Не надо посягать на самостоятельность жизни национальной, а напротив — всеми силами расширять эту жизнь и как можно более стоять за ее самобытность и оригинальность. Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя, как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга и самостоятельной деятельности как в экономическом, так и в духовном отношении, — пропорционально постепенности освобождения ее от вековой ее в себе замкнутости. Повторяем — вот к чему прежде всего надо стремиться и чему надо способствовать».

Щедрин не счел нужным даже упомянуть об этой программе в «Объявлении» Достоевского, сведя свою критику к обличению «стрижиной дрянной риторики» и к «обглоданным кочерыжкам»

из поварни «Дня». В неопубликованной статье «Г.г. семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха», Щедрин, указывая на связь второго журнала Достоевского с изданием Ив. Аксакова, писал, что «Время» «питалось ухвостьями идей «Современника», подобно тому как «Эпоха» питается ныне ухвостьями ухвостий «Дня»[3]. Если это злое замечание обоснованно в отношении некоторых выступлений Страхова и Аверкиева, то к позиции Достоевского в «Объявлении» о журнале оно не применимо, как не соответствовало действительности обвинение Щедриным Достоевского в отсутствии в его программе цели и направления журнала. То и другое было заявлено в «Объявлении», но развить и воплотить их в последних книжках журнала при невозможности самому писать и при помощи оставшихся сотрудников Достоевский был не в состоянии.

Один из них, прошедший с Достоевским весь путь издания «Времени» и «Эпохи», Страхов, в «Воспоминаниях» попытался объяснить причину неуспеха и краха второго журнала. Начал он с общей характеристики периода, в который издавалась «Эпоха», и с зависимости от него судьбы журнала: «В 1863 году совершился глубокий перелом общественного настроения, самый глубокий и важный из всех подобных поворотов, происходивших в прошлое царствование. В этом году простодушная публика в первый раз заметила, куда ее ведет известная партия литературы, и отшатнулась от этой партии, а потому и вообще от литературы. Герцен совершенно упал; «Московские ведомости», начавшие выходить с 1-го января под нынешнею редакциею, скоро заявили то патриотическое и руководительное направление, которое так блистательно развивают до сих пор; словом, после величайшего прогрессивного опьянения, наступило резкое отрезвление и какая-то растерянность».

Характеризуя так период спада революционной ситуации, которая, несомненно, содействовала успеху «Времени», и имея в виду тот решительно взятый правительством курс па борьбу с революционным движением, на охранительный террор, под видом «официального» патриотизма, Страхов, усиленно пропагандировавший его в «Эпохе», не был доволен действиями братьев Достоевских. Он признавал «вялость» Михаила Михайловича, указывал на отсутствие чего-то «важного для текущей минуты» в книжках, подготовленных Федором Михайловичем. Страхов не мог не упомянуть о бурной полемике, которая сопровождала «Эпоху» весь период ее издания, но решительно возражал против мнения тех людей, которые увидят в крушении журнала Достоевских «победу петербургской журналистики над органом, имевшим несогласное с нею направление».

Он по-своему охарактеризовал это направление «Эпохи», которая, в противоположность «Времени», «уже не имела ничего

[3] *М. Е. Салтыков (Щедрин).* Собрание сочинений, т. VI, стр. 528.

общего с «Современником». Направление ее было уже сознательно славянофильским; припоминаю, как однажды Федор Михайлович, по поводу какой-то статьи в защиту «Дня», прямо сказал: «Это хорошо; нужно помогать ему, сколько можем». Разрыв с нигилистическим направлением был полный и против него исключительно поднялась полемика, до которой Федор Михайлович вообще был большой охотник».

Изображая далее поднявшуюся между журналами «ужасную войну», которую «Эпоха» «сперва весело поддерживала», Страхов называл ее «бурей в стакане воды», якобы очень мало волновавшей ее сотрудников: «Понятно, что она имела свое действие на читателей, но мы знаем, что она же содействовала и известности журнала». Не понимая, а, может быть, не желая понять связи неуспеха «Эпохи» с ее идейной позицией, Страхов обвинял братьев Достоевских в их «непрактичности», видя в ней одну из причин краха журнала. Он правильно указал на «очень неблагоприятные обстоятельства», при которых начался журнал: запоздавшее его разрешение, необходимость Ф. М. Достоевского находиться в Москве у постели умирающей жены и отсюда невозможность активно сотрудничать в «Эпохе», смерть Михаила Михайловича и новая задержка в издании в связи с утверждением нового редактора. Указывал он и на постоянное вмешательство цензуры. Оценивая далее энергичную работу по изданию Ф. М. Достоевского, Страхов отдавал должное тому порядку, который он внес в редакцию:

«В руках Федора Михайловича дело тотчас пошло иначе; он повел его довольно энергически, с той заботливостию, которою он отличался в этого рода работах. К сожалению, эта энергия должна была устремиться на цели несущественные для дела и была потрачена понапрасну. Предполагалось, что главная задача состоит в том, чтобы додать книжки в начатый год и, войдя в сроки, собрать новую подписку, то есть, судя по прежнему, получить тысячи четыре подписчиков или больше. Тогда все дело пошло бы опять хорошо, и все затраты и хлопоты были бы вознаграждены. И вот книжки выходили за книжками: в последние месяцы 1864 года редакция выпускала по две книжки в месяц, так что январь 1865 г. вышел уже 13 февраля, а февраль — в марте. Типография и бумага были также изменены; корректура была исправная; мало того — книжки, очевидно, росли в объеме, и январская книга 1865 года дошла чуть не до 40 печатных листов, вместо обещаемых 25-ти».

Иначе оценивал Страхов успех журнала со стороны его содержания, рассматривая его с точки зрения вкусов и требований публики того времени:

«Чем старательнее были выполнены внешние условия издания, тем меньше имела редакция времени и сил для выполнения внутренних его условий, и публика не могла этого не заметить, особенно при таких огромных размерах всего этого литературного

явления. Книжки составлялись с большим толком и вкусом; Федор Михайлович не мог поместить какой-нибудь вполне негодной вещи; но и ничего выдающегося в них не было, — сам он не мог писать, и неоткуда было взять замечательных вещей для стольких номеров. Главное же — эти книжки не представляли никакой современности, ничего важного для текущей минуты; это были простые сборники, хотя и возможные для чтения, но ничем к себе не привлекающие. Чем чаще они выходили, тем яснее это становилось. Публика не могла чувствовать к ним расположения, так как она в значительной мере читает по обязанности, для того чтобы иметь понятие об авторе или книге, чтобы следить за вопросами, чтобы иметь возможность говорить и судить и т. д. Следовательно, книга не будет читаться, если у читателя нет заранее никаких побуждений для ее чтения. И вот такие-то восемь или десять книг было издано редакцией «Эпохи». Частое появление их только утомляло внимание публики и литературы, которого ни одна из них и не могла и не успевала остановить на себе».

До какой-то степени эта характеристика «Эпохи» как «сборников для чтения» смыкалась с официальной характеристикой Фукса. Хотя Страхов и утверждал, что направление «Эпохи» было «сознательно славянофильским», никакого подкрепления этому утверждению, кроме воспоминания об одобрении Федором Михайловичем помощи «Дню», он не привел. Это утверждение отражало его собственную позицию, проводимую в журнале, остававшемся «сборником», который более активно боролся с нигилизмом, чем пропагандировал славянофильство.

Страхов бегло коснулся тех тяжелых личных переживаний Достоевского, которые были связаны с его отношениями с бывшими сотрудниками «Эпохи». Гонорарные ведомости журнала за 1865 год далеко не охватывают всех авторов, печатавшихся в последних книжках журнала за 1865 год. Денег не было, и Ф. М. Достоевский не в силах был удовлетворить законные требования сотрудников. Об этом говорят и его многочисленные записи долгов участникам «Эпохи» и их позднейшие письма к нему с просьбами, а часто и с требованиями уплаты денег, иногда сопровождаемыми угрозами. Страхов в «Воспоминаниях» очень старался завуалировать свой временный разрыв с Достоевским, рассказывая историю ликвидации «Эпохи» [4]. Он бегло упомянул, что не виделся с Достоевским после краха журнала до осени 1866 г. и так объяснил это: «У нас вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти, но лишь в самой ничтожной части, тут участвовали и те неудовольствия и затруднения, которые бывают при падении общего дела. Приходится делить общее несчастие, и каждый из участников есте-

[4] *Н. Н. Страхов.* Воспоминания. — «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 269—276, 284 (первая пагинация).

ственно старается, чтобы его доля была как можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которые таким образом обнаруживаются. Но повторяю, *дела* не имели при нашей размолвке никакого существенного значения. Нечего и говорить, что Федор Михайлович был очень внимателен к своим сотрудникам, так что все они сохранили к нему уважение и расположение. Но сам он был в тисках, и невольно раздражался. Эта тень неудовольствия однако же быстро прошла».

Память об этой «размолвке» твердо сохранялась Достоевским. Почувствовав холодность к нему Страхова в связи с публикацией «Подростка» в журнале Некрасова и Щедрина, Достоевский писал о Страхове жене 18 февраля 1875 г.: «Нет Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением «Эпохи», и прибежал только после успеха «Преступления и наказания» [5]. Очень возможно, что, кроме денежных дел, между редактором и сотрудником возникли еще какие-то разногласия. Может быть, это были те самые упреки в «непрактичности» братьев Достоевских, которые Страхов выдвинул как одну из причин, объясняя крах журнала.

Как определял Достоевский сам положение второго журнала, встретившего жестокую критику со стороны «Современника» и «Русского слова», как оценивал результаты своей журнальной деятельности, задачи и назначение журналистики?

Ответы на эти вопросы мы находим отчасти в заметках, занесенных в рабочие тетради, отчасти в его переписке.

Записные тетради Достоевского периода издания «Эпохи» свидетельствуют о том, что мысль его постоянно обращалась к учению о социализме, его сути, к спорам с этим учением и его идеалами, как они представлялись тогда Достоевскому. В его записях немало острокритических замечаний, направленных против основных положений статей Чернышевского и Добролюбова, стремление противопоставить им свой идеал, основу для которого он искал в христианском учении. Но полемика, которую вел его журнал и он сам, не была направлена против ведущих идеологов «Современника» и их основных философских и общественно-политических идей. Те, с кем сражалась «Эпоха», представлялись Достоевскому недостойными претендентами на продолжение дела старого «Современника». В разгар полемики с Антоновичем он писал: «Я жалею о безвременно умершем Добролюбове и о других и лично и как о писателях. Но из этого сожаления не скажу, чтоб они не врали. Мы говорили это и прежде, и разговор наш был с уважением ко всякой статье друг друга. Но у них был талант, а у вас нет... в вас и теперь комизм, что вы их именами прикрываетесь и думаете, что они вам свою репутацию в наследство оставили» [6].

---

[5] Письма, т. III, стр. 155.

[6] «Литературное наследство», т. 83, стр. 255. Далее стр. указываются в тексте.

То, против чего полемизировала «Эпоха», Достоевский назвал «мещанством социализма», т. е. опошлением идей, за которые боролись Чернышевский и Добролюбов, а еще ранее — Достоевский и петрашевцы. Обращаясь к новому «Современнику», он писал: «Вы так сделали, что ваш взгляд уважать нельзя. Все мещанство социализма проявилось в вас, так же как в «Голосе» все мещанство петербургского либерализма» (стр. 284).

Достоевский не уважал своих оппонентов, о чем свидетельствуют его записи: «Я ничего лично не имею против г. Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нем литератора продажного (что я слыхал лично от г-на Щедрина). Кто же и мог ему выставить весь позор его положения»[7]. «Г. Пыпин есть только либеральный барабан и больше ничего»... «Простой шиш Г. Антонович...» (стр. 252, 286). Он обвиняет его не только в том, что он лжет, но и в провокаторских намерениях. Антонович писал о желании Страхова оправдаться в обвинениях Каткова и о том, что Достоевский запретил ему это сделать, подразумевая, конечно, боязнь «Эпохи» испортить отношения с Катковым, и этим вызвать новые осложнения с цензурой. Достоевский внес в записную тетрадь заметку: «*Каткову не отвечаем.* Ведь вы знаете почему? Знаете отлично хорошо, а пишете. Ведь это в высшей степени не честно» (стр. 256). Он прервал свою полемику с Антоновичем, замечая, что полемизировать с ним значило бы «на равную ногу себя с вами поставить. А я могу быть па равной ноге только с порядочными людьми».

Заметки в записных тетрадях раскрывают отношения Достоевского к московским изданиям. Записи, относящиеся к характеристике славянофилов, мы приводили выше (стр. 114). Если у Страхова иногда вырывались упреки «Московским ведомостям» и даже «Русскому вестнику», то Достоевский ни словом не обмолвился в журнале о Каткове, но для себя записал несколько отрицательных его характеристик:

«Мы многое научились что бранить на Руси и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не имеем до сих пор что хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует.

Не в господине же Каткове совокупилась русская красота» (стр. 172).

«Г. Катков не находит разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами. Тут г. Катков сломит ногу» (стр. 186).

«Кумиры западнические разбились (Герцен), но внутри у нас только Катков. Но общество требует нравственной приманки, требует любить, уважать и идолопоклоняться. А нравственной приманки у г. Каткова нет никакой.

Остается Аксаков» (стр. 251).

---

[7] Там же. Комментарий к записи см. во вступительной статье этого тома, стр. 43.

«Г. Катков глубоко ошибается. Он теперь сам говорит, что надобно *глубже* смотреть на это дело, не одним внешним образом...» Вспоминая письмо к Каткову Страхова в связи с закрытием «Времени», которое Катков цитировал в своей статье в «Русском вестнике» и о котором напомнил Антонович, Достоевский обращался к последнему: «Ведь вы же не можете сказать, что г. Страхов тут унижался, что он неискренно говорил, что он просил прощения. Он излагал свои убеждения в этом письме сознательно, ясно и с достоинством.

Но я вовсе не признаю за авторитет г. Каткова. Он ошибается положительно, да! да! да! Глубоко. Катков брал у нас все» (стр. 256).

Мы приводим цитаты из записных тетрадей Достоевского для того, чтобы несколько отделить его личное отношение к журнальной борьбе от его позиции как редактора журнала, печатавшего пестрые высказывания своих сотрудников. Не провозглашал он «победу славянофилов» (это был лозунг Страхова), нигде не писал он о «царелюбивом земстве» (это слова Страхова) и сам осуждал себя за то, что не избежал грубости в ответе Щедрину. Его записи в тетрадях свидетельствуют, что он хотел бы поднять полемику до принципиальных философских и эстетических вопросов («Социализм и христианство», «В статью Яблоко натуральное и проч.»), но текущая журнальная жизнь, как организационно-редакторская внутри своего журнала, так и необходимость защищать его от потока полемических выступлений других журналов не давали ему возможности ни для художественного творчества, ни для серьезных статей.

Последняя статья Достоевского в «Эпохе» «Каламбуры в жизни и в литературе» (помещена в октябрьской книжке, которая вышла в середине декабря) построена на шутовском высмеивании Краевского, но интерес ее не в полемическом задоре; над «мещанским» либерализмом «Голоса» Достоевский мог издеваться, но не полемизировать с ним. Статья отразила раздумья Достоевского над тем, что целиком захватило и крепко держало его в течение последних четырех лет — над современной журнальной жизнью.

Поводом для высказываний Достоевским своих мыслей о журналистике явилось объявление Краевским об издании в 1865 г. ежедневной газеты «Голос» и журнала «Отечественные записки», бывшего ежемесячным, а с нового года становящегося двухнедельным. В этом объявлении Краевский стремился доказать превосходство газет, быстро отражающих текущие события, над ежемесячниками, которые должны отказаться от «самых жизненных отделов», так как они обречены на запоздалую информацию, уже данную газетами. Отвечая Краевскому, Достоевский излагал свою точку зрения на журнал:

«Настоящее дело не в том только состоит, что я скажу о нем первый и прежде других, а в том, *как* и *что* я скажу... Дело

не в телеграммах и не в раздроблении по листам и не в одной скорости, не в одной поспешности передачи известий. Известие-то всегда есть, да что передать-то о нем — вот затруднение! Вот за границей везде издаются по поводу изучения накопившихся фактов книги, трактаты, *брошюры*, и все их читают, кому надо жить и кто интересуется своей жизнью. У нас, по укоренившейся нашей привычке, книг еще очень мало выходит, разве в перепечатках из журналов да в переводах, а вся литература совокупляется покамест в журналах. Ну, и читайте журналы... Ведь интересы политические и общественные вовсе не так скоропреходящи... Напротив, чем важнее политический и общественный интерес, тем дольше он продолжается, и тем большего и основательного требует изучения...» Краевский же газетам представляет «всю жизненную суть», а журналам оставляет «одну мертвую, безжизненную теорию». Достоевский горячо защищал журнальное дело и перечислял наиболее актуальные темы, которые должны разрабатываться именно в журналах: «Ну, а науки? а литература? а искусство? а изучение коренных фактов нашей насущной жизни и ее особенностей... А реформы правительства, а перерождение нашего внутреннего быта, а продолжающиеся огромные факты нашей современной русской жизни, вроде, например, крестьянской реформы и рядом с ней вопроса капитального и основного — о теперешнем положении дворянства? Ведь это вопросы не скоропреходящие, постоянные, не по две недели живущие, а вековые, которые еще нужно пережить, чтоб разрешить окончательно, и которые требуют долгого, постоянного и прочного изучения и наблюдения, а между тем они вопросы не мертвые, а самые жизненные».

Полемические выпады «Современника» и «Русского слова» против «Эпохи» вызывали энергичный отпор ее сотрудников: в ответ на «ничтожную и тупейшую статью» «Голоса» Достоевский дал следующую суммарную характеристику «мещанского либерализма», как он проявлялся в ту пору в изданиях Краевского: «И кто не замечал, сколько тупости и оскудения ума, сколько детского неумения и бессилия, сколько недоросшего и неспособного до чего-нибудь дорасти, сколько колебания в убеждениях и убежденьицах, сколько гнилости и неспособности куда-нибудь приткнуться и на какое-нибудь дело набрести оказалось вдруг, в последнее время, в нашем обществе, сбившемся и потерявшемся от последних реформ, вдруг поставленном на свои ноги и оставленном на свои силы; давно уже оторвавшемся ото всего родного и живого и ни к чему не пристроившемся!»

Несмотря на очень острый, злой отзыв о петербургской либеральной прессе, Достоевский задумал рассмотреть ее в ближайших книгах «Эпохи»:

«Мы все-таки считаем довольно любопытным и даже серьезным делом — разобрать подробнее, в одном из ближайших номеров наших, хоть одно из этих последних явлений нашей обществен-

ной жизни. На первый случай возьмем нашу «политическую науку и политическую жизнь», как выражается «Голос». Тема огромная, но не пугайтесь, господа, мы займемся покамест только нашими ежедневными политическими газетами, издающимися в С.-Петербурге, и постараемся изучить и определить беспристрастно — насколько действительно совмещают они в себе жизненного и живительного в настоящий трудный и роковой момент нашей общественной жизни?»

Вся статья «Каламбуры в жизни и в литературе» и особенно эти заключительные строки свидетельствуют о том, как глубоко понимал Достоевский значение журнального дела, важность его для «трудных и роковых» моментов жизни родины. Недаром в отличие от общего «каламбурного» стиля статьи, он поместил в ней примечание, написанное серьезно и сочувственно: «Мы отнюдь не желали бы, чтоб эти слова были отнесены на счет «Отечественных записок».

Мы искренно желаем «Отечественным запискам» всякого успеха и обновления и первые будем их приветствовать на их новой дороге, если действительно окажется у них какая-нибудь новая дорога. «Отечественные записки» — журнал старинный и почтенный, имеющий свою замечательную историю в истории нашей литературы. Как же не интересоваться им, несмотря даже на его бесцветную и ничем не замечательную историю в последние годы? . .»

Записные тетради Достоевского 1864—1865 гг. испещрены заметками и выписками из современных периодических изданий, связанными с опубликованными полемическими статьями и с задуманными, но не осуществленными. Нельзя не отметить в связи с этой увлеченностью журналистикой работу Достоевского над неоконченной повестью «Крокодил». Черновые заготовки для нее в записной тетради свидетельствуют, что предполагалось развернуть сатиру на журнальную полемику, на высказывания отдельных изданий и критиков — «Журнальные споры о Крокодиле», где должны были фигурировать многие петербургские журналы и газеты, иногда названные своим именем, но большей частью скрытые под прозрачными обозначениями (стр. 258—270).

Свидетельствуют об увлеченности Достоевского журнальной работой, стремлении ее продолжать и записи, относящиеся к началу 1865 г. В них он старательно разрабатывает проект издания «Записной книги», проект, возникший, очевидно, тотчас после того, как стала очевидна неизбежность ликвидации «Эпохи».

Тяжелейшие финансовые условия, в которых очутился Достоевский, признав невозможность продолжать издание журнала, не оказались препятствием к тому, чтобы он начал заполнять многие страницы планами нового издания, разные варианты его со скрупулезным подсчетом тиража, затрат на бумагу, пе-

чать, брошюровку и даже публикацию объявлений. Есть основания предполагать, что это издание должно было быть особого типа, заполняться полностью самим издателем и как бы предвосхищало форму будущего «Дневника писателя» (стр. 26, 105). В связи со статьей о «Каламбурах...» интересно отметить, что издание предполагалось или двухнедельное — «Журнал в 6 печатных листов в 2 недели» (стр. 221, 226), из которых три листа — публикация романа с особой пагинацией, за полугодие — 36 листов, составляющих «полную книгу», — или газета в $1^1/_2$ или 2 листа в неделю без приложения романа («А на будущий год газету», — стр. 228, 232).

Прошло четыре года после закрытия «Эпохи», но интерес к журнальной деятельности, живая память о накопленном опыте в этой области не покидали Достоевского. Когда через Страхова он получил приглашение сотрудничать в «Заре» Кашпирева, где Страхов вначале играл видную роль в редакции, Достоевский проявил много внимания к организации и ведению нового журнала. Из письма в письмо давал Страхову советы, разбирал вышедшие книжки и постоянно вспоминал и сопоставлял свой редакционный опыт с деятельностью «Зари». Его замечания интересны нам именно с этой стороны. 12 декабря 1868 г. он писал Страхову: «Достаточно не только трех, двух, но даже одной статьи покапитальнее, чтоб уж дать тон журналу (новому особенно) и обратить на него внимание. Но ведь главное — редакторство. Редакторство вещь капитальнейшая: Свой глаз, своя рука, и всегдашнее направление... Из писем Ап. Ник. (Майкова. — *В. Н.*) и даже из Вашего, я вижу, что, к счастью, у нового журнала много будет молодого и горячего; много соберется около него людей, которые захотят что-нибудь сделать. А было бы молодо, будет и свежо!» [8]

Критикуя первый номер «Зари», Достоевский писал, что он «мал объемом и скуп, что выражается даже его наружностью» (чрезмерно растянуто напечатан роман Писемского и разбита на мелкие части наиболее важная для направления журнала статья Данилевского), что состав его беден: «Мало статей; право, на меня такое впечатление и произвел первый номер. Мне показалось, что надо бы еще статейки две. Нет насущной текущей политики и нет фельетона. Ежемесячное политическое обозрение так же необходимо, как и ежедневная газета, особенно для русской публики; и заметьте, теперь время горячее. Политического обозревателя хорошего у нас можно найти... Другое дело фельетонист: фельетониста талантливого у нас трудно найти... но боже мой, сколько текущих, повседневных и необыкновенно примечательных явлений и как бы разъяснение их послужило в свою очередь разъяснению мысли журнала! Вы избегаете полемики? Напрасно. Полемика есть чрезвычайно удобный способ к разъяс-

---

[8] Письма, т. II, стр. 155.

нению мысли; у нас публика слишком любит ее. Все статьи, например Белинского, имели форму полемическую. Притом же в полемике можно высказать тон журнала и заставить его уважать».

Упрекая Страхова в его «всегдашнем спокойствии», которое придает его статьям «вид отвлеченности», Достоевский хотел бы, чтобы он был «позлее», потому что надо иногда «понижать тон», «брать плеть в руки и не защищаться, а самим нападать гораздо погрубее». Предлагал Достоевский и многие другие меры для улучшения журнала, которые ему подсказывало его прошлое: необходимость аккуратно выпускать книжки первого числа каждого месяца, что всегда отражается на подписке, литераторов «взять, наконец, в руки и за одно имя не платить, а только за дело — чего ни один журнал доселе еще не осмеливался сделать, не исключая «Времени» и «Эпохи», и др.

Первоначально Достоевский, получая сообщения Страхова и Майкова, ожидал увидеть в «Заре» идейное продолжение своих журналов и писал: «Итак наше направление и наша общая работа — не умерли. «Время» и «Эпоха» все-таки принесли плоды — и новое дело нашлось вынужденным начать с того, на чем мы остановились. Это слишком отрадно». Но, очевидно, его несколько насторожил в письмах Страхова, славянофильствовавшего в «Эпохе», этот же оттенок в характеристике будущей «Зари», о чем он писал Майкову в конце 1868 г.: «Желательно бы очень, чтоб журнал был непременно *русского духа*, как мы с вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский. (По-моему, друг мой, нам *слишком* гоняться за славянством, право, не надо, т. е. слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли. . .)»

Настораживала Достоевского и вызывающая откровенность, с которой высказывалась в журнале реакционная, охранительная тенденция, которая должна вызвать в обществе бурю брани и упреков: «Теперь знаете ли чего я боюсь? Что Вы (и многие у вас) испугаетесь трудов и оставите огромное дело.

Ах, Николай Николаевич, эти труды так огромны и требуют столько веры и упорства, что Вы их только после долгого времени узнаете *вполне*. Так мне кажется. Я же их сам только краюшком знаю, когда соредакторствовал брату; но «Время» и «Эпоха», как Вы сами знаете, до такой откровенности и обнаженности в выражении своей мысли никогда не добирались и держались большею частию средины, особенно вначале. Вы уже прямо начали с верхушки; Вам труднее, а стало быть надо крепко стоять».

«Заря» скоро разочаровала Достоевского. Получив январскую книгу за 1870 г., он писал Майкову: «Первый № «Зари» за этот год представляет самое серенькое впечатление: полное отсутствие современного, насущного, горячего (у них это всегда), беллетристика ничтожная (даже мою-то повесть разбили на две части).

Ваш великолепный перевод не может ведь считаться беллетристикой; это поэма в стихах и в то же время ученая статья, а не беллетристика; такие стихи помещаются для богатства, для щегольства, а надо собственно и беллетристики. Даже и переводной роман дрянь. Даже и критика, хотя и в прежних тоне и силе, но все-таки ведь повторение уже в третий раз или в четвертый прежней идеи. . .»

Разбирая «Зарю», Достоевский обращался в памяти к изданию первого журнала. Так, он писал Страхову: «Мне она отчего-то «Время» напоминает, — время нашей юности» [9]. Он был особенно задет, когда в одной статье «Зари» появилось упоминание, что «журнал «Время» и некоторые другие журналы известного направления — имели *малый успех*». Достоевский писал Страхову: «Время» имело в первый год более 2500 подписчиков, а на третий год (год запрещения) до 4500 подписчиков. Книги редакции целы до сих пор; целы и свидетели. Даже Базунов может засвидетельствовать. . . Признаюсь Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, что мне было тяжело с этим встретиться в «Заре». Тут не самолюбие говорит. . . Но теперь мне обидно: Журнал «Время» был столько же моим делом, сколько и брата.

Только два журнала имели такой успех сразу: первоначальная «Библиотека для чтения» и первоначальный «Современник». Я не считаю малодушием и тщеславием, что гордился этим — извращенный факт вредит и истории литературы. Теперь есть уже, стало быть, свидетельство «Зари» (в которой много прежних сотрудников «Времени») о том, что «Время» *не имело успеха*. Пусть этот факт и ничтожен для истории русской журналистики, согласен; но ведь и он может понадобиться».

В той же статье в журнале «Заря» было напечатано, что «статья «Роковой вопрос» умно написана, но *бестактно* напечатана». Этот прямой упрек редакции «Времени» вызвал в том же письме следующий ответ Достоевского:

«Эти жалкие бестактные редакторы заставили, однако же, читать свой журнал всю Россию (4500 подписчиков — это вся Россия, по крайней мере тогда)... Мое мнение до сих пор не изменилось: не статья была напечатана бестактно, а донесение было о ней бестактно, теми людьми, которые и не прочли ее всю, а дочитали уже после. Г-ну Константинову, видимо, известно, что вы знаете все обстоятельства этого дела и что вы из главных сотрудников в «Заре»: статью он находит умною, но в пострадавших и беззащитных людей (ибо как же мне защищаться *гласно*, т. е. печатно, и доказать, что такая статья напечатана небестактно?) — кинул ругательством. Он совершенно знал, что нельзя ему будет отвечать. Ловкий человек».

---

[9] Письма, т. II, стр. 168, 295, 260, 144, 156; Письма, т. II, стр. 143, 166, 252, 259.

Это письмо, рассказывающее о двух обидах, нанесенных «Зарей» редакции «Времени», вскрывает, как дорога была Достоевскому его журнальная работа, как сам он высоко ценил свою деятельность и как болезненно реагировал на пренебрежительное отношение к ней, на ее принижение, недооценку:

«Простите меня за мою хандру, Николай Николаевич; все это слишком лично — я сознаюсь. Мне надо было бы пропустить без внимания; потому что пустяки. Но как-то горечь укоренилась в сердце, и не лезет вон. Не знаю, тщеславие ли это, малодушие ли — но мне очень больно почему-то было прочесть, что бывшая деятельность моя (как журналиста), в которую я втянул и брата, — бестактные неудавшиеся пустяки и ничего больше» [10].

Приведенные высказывания Достоевского по большей части относились к изданию «Времени». Мы не нашли его сожалений по поводу ликвидации журнала «Эпоха» и оценок его деятельности. Думаем, что это объясняется не только теми тягчайшими финансовыми затруднениями, в которые он оказался втянут, перестав издавать «Эпоху». «Время» напоминало период «юности», когда около него было много «молодого и горячего»: «А было бы молодо, будет и свежо», как он предвещал «Заре», сравнивая ее со «Временем». В «Эпохе» не могло быть этой «свежести», не было и передовых молодых сил, как в первом журнале. К 1865 г. помощниками Достоевского по журналу оставались Страхов, Аверкиев, Долгомостьев. Первый из них, вспоминая издание «Эпохи», замечал: «Редакционные собрания ее не походили на собрания «Времени»; они были малолюдны и неоживленны» [11].

Конечно, первопричиной разной судьбы двух журналов было резкое изменение правительственного курса и общественного настроения в 1861—1865 гг. в связи с историческими событиями этих лет.

Первый журнал, как мы писали ранее, возник на гребне подъема революционной ситуации, когда в прессе авторитетно звучал голос Чернышевского и Добролюбова, когда целая плеяда демократической молодежи, воспитанной на идеях «Современника», сочла возможным работать во «Времени» и вместе с либерально настроенными представителями старшего поколения повела журнал по тому прогрессивному пути, который создал ему успех у читателя. Жизнь второго журнала протекала в иных, несравненно более трудных условиях. Оставляя в стороне тяжелые события этих лет в личной жизни Достоевского, катастрофическое материальное положение, подведем итоги лишь тем общественно-политическим воздействиям, которые испытывала «Эпоха» со дня своего рождения.

---

[10] Письма, т. II, стр. 326, 327, 328.
[11] *Н. Н. Страхов.* Воспоминания, стр. 276.

Журнал появился на свет уже заклейменный недавним запретом родного ему «Времени» за «антипатриотическую» статью и за общее направление. И это в период все усиливавшегося террора, борьбы с освободительными идеями в литературе и журналистике. Подозрительные чиновники министерств и цензоры преследовали «Эпоху», и от редакции требовалась повышенная осторожность, внутренняя автоцензура.

Резко изменилось положение журнала среди других периодических изданий. «Время» откровенно высмеивало «Русский вестник» Каткова и его лично, часто спорило, не соглашалось с «Днем» Аксакова. Редакция «Эпохи» должна была постоянно помнить, что и «Время» было закрыто, и новый журнал получил жизнь при прямом участии Каткова. «Эпохе» напоминали об этом в полемических статьях ее враги, она должна была постоянно остерегаться нового рокового вмешательства Каткова в свою жизнь. В «Эпохе» редакция восхваляла «День», в котором находила близкие мысли и поддержку, хотя оставалась по сути далека от его центральных идей.

Еще резче изменились отношения с органами революционно-демократической печати. В 1864 г. в этих изданиях не было уже людей, которых при всем идейном расхождении глубоко уважала редакция «Времени» и к голосу которых не могла не прислушиваться.

С «январской хроники» «Современника» 1864 г. началась его острая полемика с «Русским словом», вызванная переоценкой и разным пониманием перспектив дальнейшего движения руководителями этих изданий. Этот «раскол в нигилистах» «в какой-то степени снизил авторитет и «Русского слова» и «Современника». Во время полемики обе стороны высказали много несправедливых обвинений, часто в весьма грубой форме»[12]. В жизни «Эпохи» эта распря сыграла значительную роль. Она обострила не только отрицательное отношение журнала к идейной стороне полемики, но и к ее участникам, и к методам, какими велись эти споры. Оба издания, враждебно настроенные к журналу, все время втягивали его в полемику, «Эпоха» вступала в бой, но всегда первая умолкала, так как была связана постоянным опасением возможного цензурного преследования. Кадры сотрудников таяли, подписка шла плохо.

Трудными общественными условиями объяснялся и идейный эклектизм содержания второго журнала. В нем еще появлялись демократические очерки Ткачева, Демерта, Бенни, Станюковича, но рядом печатались и «верноподданнические» обзоры Порецкого и Страхова, написанные с оглядкой на Каткова, печатались восторженные объяснения в любви славянофилам Аверкиева и того же Страхова, но появлялись и «западнические» воззрения Головачева, с которыми боролся редактор. При сложившихся

---

[12] *М. Е. Салтыков (Щедрин).* Собрание сочинений, т. VI, стр. 642.

общественных условиях, при личной перегруженности организационными и редакторскими делами Достоевский был лишен возможности вести журнал по изложенной им же программе. Можно лишь догадываться по тому немногому, что он напечатал в журнале и занес в рабочие тетради, что неудача «Эпохи» не останавливала тот подспудно шедший в нем процесс глубоко критической переоценки действительности и поисков разрешения философских и социальных проблем, который нашел выражение в его романах середины и конца 1860-х годов.

* * *

Издание «Времени» и «Эпохи» породило в Достоевском страстную преданность журналистике, обогатило большим журнально-редакторским опытом, что впоследствии много способствовало созданию им «Дневника писателя». Вместе с тем работа над изданием журналов чрезвычайно расширила и обострила всегда присущий Достоевскому интерес к «*текущему*», его познанию и осмыслению, интерес, лежавший в основе всего его художественного творчества.

Приложения

Хронологическая роспись журналов «Время» и «Эпоха»

Материал росписи расположен в хронологическом порядке с особой сквозной нумерацией для каждого журнала: «Время» 1861, 1862 и 1863 гг. — №№ 1—530; «Эпоха» 1864, 1865 гг. — №№ 1—187. Указывается год, номер и месяц журнальной книги, в скобках даты ее цензурного разрешения и выхода в свет *.

В библиографической записи указывается: автор, название произведения, подпись под статьей (в том случае, если автор скрылся под псевдонимом или криптонимом) и пагинация. Если статья подписана полной фамилией автора, то фамилия всегда приводится в начале библиографической справки в сопровождении авторских инициалов, если они известны. Если статья анонимная, подписана криптонимом или псевдонимом, но фамилия автора достоверно установлена, то она помещается в начале библиографической справки в угловых скобках. Если в атрибуции статьи остаются сомнения, после фамилии ставится вопросительный знак.

В конце Библиографического описания помещены комментарии к нему, в которых раскрываются обоснования авторства или приводятся аргументы против существующей атрибуции, сообщаются фамилии переводчиков, если они не указаны в публикации, и даются некоторые иные сведения. Основным источником для определения авторства анонимных статей служат Редакционные книги, куда вносились записи о выплаченных сотрудникам гонораров. Описание этих книг дано в нашей работе «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1972, стр. 44—47). Ряд сведений об авторах, сотрудничавших в журналах, почерпнут из опубликованных и неопубликованных писем к М. М. и Ф. М. Достоевским. В «Роспись» не включены указания на редакционные примечания к статьям ввиду трудности, а иногда и невозможности их атрибуции. Сведения о них находятся в тексте книг о журналах «Время» и «Эпоха».

«Время», 1861 год

№ 1, январь (ц. р. 1.XII.1860; вых. 8.I.1861)

1. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Из записок неудавшегося литератора. Роман в 4-х част. Часть первая, с. 5—92.
2. *Казанова.* Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из Венецианских темниц (пломб). (Эпизод из его мемуаров), с. 93—184.

* Даты установлены Б. В. Томашевским. См.: *Ф. М. Достоевский.* Полное собр. соч., т. XIII, стр. 562—563.

3. *Майков А. Н.* Легенда об испанской инквизиции. Поэма. Часть первая. Исповедь королевы, с. 185—199.
4. *Крестовский В. В.* Погибшее, но милое созданье. Рассказ, с. 200—229.
5. *Поэ Эдгар.* Три рассказа. 1. Сердце-обличитель. 2. Черный кот. 3. Чорт в ратуше, с. 230—256 [1].
6. *Крестовский В. В.* Солимская гетера. Стих., с. 257—259.
7. *Плещеев А. Н.* Облака. Стих., с. 260.
8. *Страхов Н. Н.* Жители планет, с. 1—56.

Критическое обозрение

9. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Ряд статей о русской литературе. Введение, с. 1—34.
10. ‹*Погодин М. П.?*›. Подводный камень. Роман М. Авдеева. «Современник», 1860, № X и № XI, с. 35—45 [2].
11. ‹*Писемский А. Ф.*›. Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта». Подп.: *Посторонний критик*, с. 46—54 [3].
12. ‹*Минаев Д. Д.*› Песни и думы из Гейне, пер. в стихах А. Мантейфеля. М., 1860; Г. Гейне. Сборник стих. иностранных поэтов, пер. В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга. М., 1860; Сочинения Гейне, пер. П. Вейнберга. СПб., 1861; Стихотворения Гейне в пер. Ф. Миллера, Л. Мея, М. Михайлова, А. Григорьева, В. Крестовского, А. Фета и др., с. 65—82 [4].

Внутренние новости

13. ‹*Порецкий А. У.*›. Обзор современных вопросов, с. 1—16 [5].

Политическое обозрение

14. ‹*Разин А. Е.*›. Обзор главнейших политических событий за весь минувший год, с. 1—48 [6].

Фельетон

15. ‹*Достоевский Ф. М. и Минаев Д. Д.*›. Петербургские сновидения в стихах и прозе, с. 1—22 [4].

№ 2, февраль (ц. р. 9.II.1861; вых. 11.II.1861)

16. *Жадовская Ю. В.* Женская история. Роман в трех частях. Часть первая, с. 261—355.
17. *Мей Л. А.* «Спишь ты и не слышишь». Стих., с. 356.
18. *Геббель Ф.* Магдалина. Драма в трех действиях. Перев. с немецкого А. Плещеева и В. Костомарова, с. 357—407.
19. *Григорьев А. А.* Венеция (Отрывок из Байрона). Стих., с. 408—409.
20. *Плещеев А. Н.* Молчание («Ни слова, о друг мой, ни вздоха» . . .) Из Морица Гартмана. Стих., с. 410.
21. *Мей Л. А.* Леший. Стих., с. 411—416.
22. *Костомаров В. Д.* Сон негра-невольника. (Из Лонгфелло). Стих., с. 417—418.
23. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. Часть вторая. с. 419—474.
24. *Плещеев А. Н.* Весенний привет. (Из Н. Ленау). Стих., с. 475.
25 *Кусков П. А.* «Не смейтесь над ним. . .» Стих., с. 476.
26. Процесс Лассенера. Из уголовных дел Франции, с. 1—50 [7].
27. *Семевский М. И.* Царица Прасковья. Очерк из русской истории. с. 57—100.
28. *Шилль И. Н.* Куда девались наши деньги? с. 101—120.

Критическое обозрение

29. *Григорьев А. А.* Народность и литература, с. 83—112.
30. ‹*Страхов Н. Н.*›. Нечто о Шиллере. Заметка на одну газетную строчку, с. 113—114 [8].
31. ‹*Де Пуле М. Ф.*›. Нечто о литературных мошках и букашках. (По поводу героев г. Тургенева), с. 115—131 [9].
32. ‹*Страхов Н. Н.*›. Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1860, с. 132—139 [10].
33. ‹*Григорьев А. А.?*›. Гаваньские чиновники в их домашнем быту... (Пейзаж и жанр) Ивана Генслера. «Библиотека для чтения». Ноябрь и декабрь 1860, с. 139—150 [11].
34. ‹*Григорьев А. А.?*›. Несколько слов о Ристори, с. 151—158 [11].
35. *Страхов Н. Н.* Замечание на «Ответ» г. Лаврова, с. 159—164.
36. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Ряд статей о русской литературе. Г.—бов и вопрос об искусстве, с. 165—205.
37. ‹*Майков А. Н.?*›. Гадательные книжки и снотолкователи, с. 206—212 [12].

Внутренние новости

38. ‹*Порецкий А. У.*›. Обзор современных вопросов, с. 17—38.

Политическое обозрение

39. ‹*Разин А. Е.*›. Обзор главнейших политических событий за весь минувший год, с. 49—92.

Фельетон

40. Разные разности, с. 23—35 [13].
41. *Полонский Я. П.* Письмо к издателю «Времени», с. 35—42.

№ 3, март (ц. р. 21.II.1861; вых. 19.III.1861)

42. *Жадовская Ю. В.* Женская история. Роман. Часть вторая, с. 5—64.
43. *Семевский М. И.* Царица Прасковья. Очерк из русской истории. Статья вторая, с. 65—102.
44. *Крестовский В. В.* Ванька-ключник. Баллада, с. 103—104.
45. *Поэ Эдгар.* Похождения Артура Гордона Пэйма, с. 105—190 [14].
46. *Мей Л. А.* Время. Стих., с. 191.
47. *Федоров С. Н.* Помешанный. Сцены. В трех действиях, с. 193—232.
48. *Апухтин А. Н.* Греция. Стих., с. 233—234.
49. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. Часть третья, с. 235—324.
50. *Кусков П. А.* Старичок. Стих., с. 325.
51. *Берг Ф. Н.* Труженик. Стих., с. 326.
52. *Берг Ф. Н.* «Идет весна»... Стих., с. 327.
53. *Полонский Я. П.* «Я читаю книгу песен»... Стих., с. 328.

Критическое обозрение

54. *Григорьев А. А.* Западничество в русской литературе. Причина происхождения его и силы. 1836—1851, с. 1—34.
55. ‹*Григорьев А. А.*›. Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики, с. 35—59 [15].
56. ‹*Григорьев А. А.*›. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой, с. 60—73 [16].
57. Политическая экономия настоящего и будущего. Соч. Бруно Гильдебранда. Перев. М. П. Щепкина, с. 74—92.
58. ‹*Страхов Н. Н.?*›. Литературные воспоминания И. Панаева. Часть первая. «Современник», 1861, № 1 и 2, с. 92—108 [17].
59. ‹*Страхов Н. Н.*›. Один поступок и несколько мнений г. Камня Виногорова в № 8 газеты «Век», с. 109—118 [18].

Внутренние новости

60. Высочайший манифест, с. 1—10. <*Порецкий А. У.*>. Внутренние новости, с. 11—40.

Политическое обозрение

61. <*Разин А. Е.*>. Распадение Соединенных Штатов. — Конституционное устройство Австрии. — «Синяя книга» во Франции, с. 1—38.

Полемическая смесь

62. I <*Григорьев А. А.*>. О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности (Из записок ненужного человека). Подпись «Один из многих ненужных людей», с. 39—53 [19].
63. II <*Достоевский Ф. М.*>. Образцы чистосердечия, с. 54—70.
64. III <*Достоевский Ф. М.*>. «Свисток» и «Русский вестник», с. 71—84.

№ 4, апрель (ц. р. 19.IV.1861; вых. 26.IV.1861)

65. *Жадовская Ю. В.* Женская история. Роман. Часть третья, с. 329—410.
66. *Лезюрк.* Из уголовных дел Франции (1796—1851). Случай судейской ошибки, с. 411—457 [20].
67. *Кусков П. А.* «Много снов мне чудных снится...» Стих., с. 458.
68. *Семевский М. И.* Царица Прасковья. Статья третья, с. 459—491.
69. *Бабиков К. И.* Вакханка. Стих., с. 492.
70. Черные люди в Соединенных Штатах, с. 493—519 [21].
71. *Плещеев А. Н.* Лунная ночь. Стих. Из Эйхендорфа, с. 520.
72. *Плещеев А. Н.* Зимний сон. Стих. Из Эйхендорфа, с. 521.
73. <*Гаскелл Ел.*>. Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть первая, с. 522—583 [22].
74. <*Разин А. Е.?*>. 19 февраля 1861 г. Главные черты всех положений о крестьянах и дворовых людях, с. 584—600 [23].
75. *Бабиков К. И.* Старый дом. Стих., с. 601—605.
76. *Гербель Н. В.* О рукописях Гоголя, принадлежащих кн. Безбородко, с. 606—614.
77. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. Часть четвертая. Гл. I и II, с. 615—633.
78. *Григорьев А. А.* Тарас Шевченко, с. 634—640.

Критическое обозрение

79. <*Страхов Н. Н.*>. Нечто о петербургской литературе. (Письмо к редактору «Времени») Подп.: Н. К., с. 119—127 [24].
80. <*Григорьев А. А.*>. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. II. «Псковитянка», драма Л. Мея, с. 128—150 [25].
81. <*Достоевский М. М.*>. Стихотворения А. Н. Плещеева. Новое издание, значительно дополненное. М., 1861, с. 151—162 [26].
82. <*Григорьев А. А.*>. Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта, с. 163—181 [27].
83. *Григорьев А. А.* Белинский и отрицательный взгляд на литературу, с. 182—218.

Внутренние новости

84. <*Порецкий А. У.*>. Внутренние новости, с. 41—72.

Политическое обозрение

85. <*Разин А. Е.*>. Итальянские дела. — Французские дела. — Австрийские дела. — Прусские дела. — Южные дела. — Общее положение. — Последние известия, с. 85—130.

Фельетон

86. ‹*Кусков П. А.*›. Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов, с. 131—148 [28].
87. *Л. К.* Письмо с Васильевского острова в редакцию «Времени», ‹Достоевский Ф. М.›. Примечание, с. 149—152 [29].

В особом приложении

Достоевский Ф. М. «Записки из Мертвого дома», гл. I—IV (перепечатка из «Русского мира»), с. 1—68.

№ 5, май (ц. р. 4.V.1861; вых. 2.VI.1861)

88. *Плещеев А. Н.* Ловкая барыня. Провинциальные сцены, с. 5—58.
89. *Берг Ф. Н.* Больной. Стих., с. 59.
90. *Мей Л. А.* Над гробом. Стих., с. 60.
91. ‹*Гаскелл Ел.*›. Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть вторая, с. 61—123.
92. *Кусков П. А.* Ночь. Стих., с. 124.
93. *Семевский М. И.* Царица Прасковья. Очерк из русской истории. Статья четвертая, с. 125—159.
94. *Кусков П. А.* Весною. Стих., с. 160.
95. *Кусков П. А.* «Дитя веселое, в глаза твои смотря...» Стих., с. 161.
96. Мадам Лафарж (Из уголовных дел Франции), с. 162—206 [30].
97. *Бунаков Н. Ф.* Село на юру. Рассказ, с. 207—234.
98. *Майков А. Н.* Бабушка и внучек. Стих., с. 235—239.
99. *Кусков П. А.* Повесть об одном сумасшедшем поэте, с. 240—268.
100. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. Часть четвертая, гл. III—IV, с. 289—315.

Критическое обозрение

101. *Григорьев А. А.* Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия, с. 1—35.
102. ‹*Григорьев А. А.?*›. По поводу одной драмы. «Ребенок» драма г. Боборыкина («Биб-ка для чтения», январь, 1861), с. 36—45 [31].
103. ‹*Григорьев А. А.*›. Стихотворения А. С. Хомякова. М., 1861, с. 46—58 [32].
104. *Щеглов Д. Ф.* Экономические реформы Рима. По поводу статьи г. Леонтьева: «О судьбе землевладельческих классов в Риме» («Рус. вестник», № 1, 1861). Статья первая, с. 59—90.

Внутренние новости

105. ‹*Порецкий А. У.*›. Внутренние новости.

Политическое обозрение

106. ‹*Разин А. Е.*›. Французские дела. — Австрийские дела. — Итальянские дела. — Английские дела. — Общее положение. — Последние известия, с. 1—44.

Смесь

107. 1. Вместо фельетона, с. 1—14 [33].
108. 2. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Ответ «Русскому вестнику», с. 15—39 [34].

№ 6, июнь (ц. р. 22.VI.1861; вых. 23.VI.1861)

109. *Левитов А. И.* Ярманочные сцены. Очерки из простонародного быта, с. 316—355.
110. ‹*Страхов Н. Н.?*›. Современная английская философия. Джон Стюарт Миль и его система логики (Статья г. Тэна), с. 356—392 [35].

111. *Полонский Я. П.* Свежее преданье. Роман в стихах. Гл. I, II, III, с. 393—432.
112. ⟨*Гаскелл Ел.*⟩. Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть третья, гл. X—XIII, с. 433—498.
113. *Берг Ф. Н.* Заря. Стих., с. 499.
114. *Курочкин Н. С.* Греза (Мысль Шенье). Стих., с. 500.
115. ⟨*Гамазов М. А.*⟩. От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных... по Турции и Персии. Подп.: *М. Г.*, с. 501—533 [36].
116. *Берг Ф. Н.* «Молю тебя, скажи: ты любишь ли меня...» Стих., с. 534.
117. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. (Окончание четвертой части), с. 535—582.

Критическое обозрение

118. *Щеглов Д. Ф.* Экономические реформы Рима. По поводу статьи г. Леонтьева. Статья вторая, с. 91—136.
119. ⟨*Страхов Н. Н.*⟩. Еще о петербургской литературе. Письмо к редактору «Времени» по поводу двух современных статей. Подп.: *Н. Ко.*, с. 137—154 [37].
120. ⟨*Владиславлев М. И.?*⟩. Энциклопедический словарь, изд. русскими учеными и литераторами. Т. I. СПб., 1861, с. 155—184 [38].
121. ⟨*Владиславлев М. И.?*⟩. Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей, с. 185—200 [38].

Политическое обозрение

122. ⟨*Разин А. Е.*⟩. Итальянские дела. — Французские дела. — Турецкие дела. — Общее положение. — Последние известия, с. 45—82.

Смесь

123. ⟨*Моллер Е. А.*⟩. Под качелями. Масляничный рассказ. Подп.: *Е. Мо—р*, с. 41—58 [39].
124. ⟨*Порецкий А. У.*⟩. Наши домашние дела (Современные заметки). Недавнее прошедшее и проводы Пирогова из Киева, с. 59—67.
125. Литературные антикварии и большой вопрос в маленьких ручках, с. 67—72.
126. Самоновейший отрицатель, с. 72—75.
127. Брошюра г. Шиля, с. 75—85.
128. Мелочи, с. 85—90.

№ 7, июль (ц. р. 3.VII.1861; вых. 30.VII.1861)

129. *Воронов М. А.* Мое детство (Из одних записок), с. 5—45.
130. *Берг Ф. Н.* «Толпы счастливых, разодетых...» Стих., с. 46.
131. Каролина английская и Бергами (Процесс 1820 г.), с. 47—100.
132. ⟨*Фукс В. А.*⟩. Современное состояние швейцарской демократии. Подп.: *В. А. Ф—ъ*, с. 101—128 [40].
133. *Каменская М. Ф.* Знакомые (Воспоминания былого). I Семейство Головастовых. II Семейство Щепотковых, с. 129—169.
134. *Кусков П. А.* Три стихотворения: I. После бури: II. «Я люблю тебя, ребенок...»; III. «Как хорошо, что занятая...», с. 170—172.
135. Главные черты истории философии (Из истории философии Куно Фишера). Перев. Н. Н. Страхова, с. 173—200.
136. ⟨*Гаскелл Ел.*⟩. Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть четвертая, гл. XV—XXI, с. 201—285.
137. ⟨*Гербель Н. В.*⟩. Одно ненапечатанное стихотворение Пушкина («Поговорим о странностях любви...»), с. 286 [41].

138. *Достоевский Ф. М.* Униженные и оскорбленные. Роман. Эпилог. Последние воспоминания, с. 287—314.
139. *Берг Ф. Н.* «Ты их ведь знал, Они всегда...» Стих., с. 315—316.

Критическое обозрение

140. *Шилль И. Н.* Один из проектов чудесного обогащения России... — с. 1—12.
141. <*Страхов Н. Н.*>. Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений. Т. I, СПб., 1861, с. 13—19 [42].
142. Записки о Шамиле. Пристава при военнопленном А. Руновского, с. 20—34.
143. <*Достоевский Ф. М.*>. Ряд статей о русской литературе. III. Книжность и грамотность. Статья первая, с. 35—52.

Политическое обозрение

144. <*Разин А. Е.*>. Французские дела. — Итальянские дела. — Последние известия. — Общее положение, с. 1—40.

Смесь

145. *Воскобойников Н. Н.* Заметки по крестьянскому вопросу. О выгодах третейского разбирательства споров между крестьянами и помещиками, с. 1—12.
146. <*Порецкий А. У.*>. Наши домашние дела. (Современные заметки), с. 13—49.
147. <*Достоевский Ф. М.*>. Литературная истерика, с. 50—57.
148. *Кусков П. А.* Письмо к «Русскому вестнику», с. 58—62.

№ 8, август (ц. р. 23.VIII.1861; вых. 29.VIII.1861)

149. <*Гамазов М. А.*>. От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных... по Турции и Персии. Продолжение. Подп.: *М. Г.*, с. 317—348.
150. <*Острогорский В. П.*>. Липочка. Комедия в трех действиях. Подп.: *В. О.*, с. 349—411 [43].
151. *Плещеев А. Н.* «Пронзительный ветер ночной завывал...» (с немецкого). Стих., с. 412.
152. *Стопановский М. М.* М-r Отрепьев и М-me Боярышникова. Губернские сцены, с. 413—450.
153. *Баррот-Броонинг Е.* Плач детей (Из поэмы «The cry of the Children»). Перев. с англ. В. Д. Костомаров, с. 451—452.
154. *Е. А.* Из портфеля доктора, с. 453—476.
155. *Левитов А. И.* Сладкое житье. Из рассказов городского старожила, с. 478—515.
156. *Плещеев А. Н.* Погребальная песня (На мотив из Теннисона). Стих., с. 516.
157. Финансовые и иные симптомы во Франции. Статья первая, с. 517—530.
158. <*Гаскелл Ел.*). Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть пятая, с. 531—600.

Критическое обозрение

159. Рассказы о темных предметах: о волшебстве... ведьмах и т. п. Изд. М. С. Хотинским. СПб., 1861, с. 53—76.
160. Бесцветные явления. Быль молодцу не в укор. Новая комедия г. Н. Потехина («Отеч. записки», № 7), с. 77—90.

161. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая, с. 91—130.
162. ‹*Страхов Н. Н.*›. Нечто о полемике. (Письмо в редакцию «Времени»). Подп.: *Н. К.*, — с. 131—148 [44].

Политическое обозрение

163. ‹*Разин А. Е.*›. Французские дела. — Итальянские дела. — Последние известия. — Общее положение, с. 1—41.

Смесь

164. *Ашар Амедей.* Мечтательница. Повесть, с. 65—102 [45].
165. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела (Современные заметки), с. 103—134.
166. ‹*М. М. Достоевский?*›. Противоречия и увлечения «Времени», с. 135—142 [46].

№ 9, сентябрь (ц. р. 1.IX.1861; 29.IX.1861)

167. *Островский А. Н.* За чем пойдешь, то и найдешь. Женитьба Бальзаминова. Картина московской жизни, с. 5—49.
168. *Воронов М. А.* Мое детство. (Из одних записок), с. 50—81.
169. ‹*Гамазов М. Н.*›. От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных... по Турции и Персии. Продолжение. Подп.: *М. Г.*, с. 82—114.
170. *Берг Ф. Н.* Из стихотворения «Деревня», с. 115—116.
171. *Фишер Куно.* Учение Спинозы о боге. (Из истории философии Куно Фишера), с. 117—140 [47].
172. *Страннопольский Н.* Из Гейне «Помнишь мы с тобою были...» Стих., с. 141.
173. *Страннопольский Н.* Из Гавличка «Не вели ты свое тело на кладбище хоронить. . .» (С чешского) Стих., с. 142.
174. ‹*Гаскелл Ел.*›. Мери Бартон. Повесть о манчестерских тружениках. Часть шестая. Окончание, с. 144—241.
175. *Майков А. Н.* В горах. Стих., с. 242.
176. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Гл. V и VI, с. 243—272.

Критическое обозрение

177. Подвиги наших колумбов в Восточном океане: Историч. обозрение образования Рос.-Америк. компании, состав. П. Тихменевым, ч. I, 1861; Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. 1861, с. 1—19 [50].
178. ‹*Де Пуле М. Ф.?*›. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести, с. 20—33 [48].
179. «Рассвет». Журнал для девиц, с. 34—41.
180. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. Сочинение А. Корсака, с. 42—68.
181. ‹*Страхов Н. Н.*›. Об индюшках и о Гегеле. (Письмо в редакцию «Времени»). Подп.: *Н. Кос.*, с. 69—78 [49].

Политическое обозрение

182. ‹*Разин А. Е.*›. Австрийские дела. — Французские дела. — Итальянские дела. — Турецкие дела. — Американские дела. — Общее положение. — Последние известия, с. 1—32.

Смесь

183. ‹*Венюков М. И.*›. Вопросы колонизации. Подп.: М. В., с. 1—16 [50].
184. Один из важнейших педагогических вопросов, с. 17—29.
185. ‹*Порецкий А. У.?*›. Наши домашние дела. (Современные заметки), с. 30—42 [51].
186. Кабальеро Фернандо. Бедная Долорес. Повесть. Перев. с испанского В. Костомарова, с. 64—126.

№ 10, октябрь (ц. р. 27.X.1861; вых. 1.XI.1861)

187. ‹*Суслова А. П.*›. Покуда. Повесть. Подп.: *А. С—ва.*, с. 273—300 [52].
188. *Полонский Я. П.* Свежее преданье. (Роман в стихах). Гл. IV, с. 301—320.
189. Мормонизм и Соединенные Штаты, с. 321—355.
190. *Некрасов Н. А.* Крестьянские дети («Опять я в деревне. Хожу на охоту...»), с. 356—363.
191. *Григорович Д. В.* Уголок Андалузии (Из путевых записок), с. 364—434.
192. ‹*Гаспарен графиня*›. Два рассказа: I. Голубятня; II. Бедный мальчик, с. 435—460 [53].
193. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Гл. VII, VIII, IX, с. 461—496.
194. *Мадам Лакост.* (Из уголовных дел Франции), с. 524—544.
196. *Шилль И. Н.* По поводу уничтожения откупной системы и замены ее акцизной. Статья первая, с. 545—558.

Критическое обозрение

197. ‹*Владиславлев М. И.?*›. Описание некоторых сочинений... в пользу раскола. Записки Александра Б. СПб., 1861, с. 80—100 [54].
198. *Маслов Д.* Державин — гражданин. Записки Г. Р. Державина, 1743—1812. М., 1860, с. 101—146.
199. ‹*Достоевский Ф. М.? Полонский Я. П.?*›. Выставка Академии художеств за 1860—1861 год, с. 147—168 [55].
200. Поездка в Южную Россию. А. Афанасьева — Чужбинского. Часть первая. Очерки Днепра, с. 169—188.

Политическое обозрение

201. ‹*Разин А. Е.*›. Общее положение. — Французские дела. — Английские дела. — Последние известия, с. 33—66.

Смесь

202. ‹*Сунгуров К. К.*›. Плач корректора. Под.: *К. Су—в.*, 128—142 [56].
203. *Гуляев Н.* Сясь, с. 143—156.
204. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. (Современные заметки), с. 157—188.
205. ‹*Достоевский Ф. М.*›. По поводу элегической заметки «Русского вестника», с. 189—199.

№ 11, ноябрь (ц. р. 7.XI.1861; вых. 30.XI.1861)

206. *Бунаков Н. Ф.* Город и деревня. Повесть в двух частях. Часть первая, с. 1—58.
207. ‹*Гамазов М. А.*›. От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных... Малая Азия. Подп.: М. Г., с. 59—120.
208. *Никитин И. С.* Хозяин. (Посмертное стихотворение И. Никитина), с. 121—125.

209. *Плещеев А. Н.* Житейские сцены. I. Крестница. II. Свиданье, с. 126—176.
210. *Тиханович В. Г.* Стихотворения. 1. Былое. 2. На плотине, с. 177—180.
211. *Катарецкий В.* Сцены из народной жизни. Колокол, с. 181—211.
212. *Казанский П.* Мысли по поводу современного движения в русском педагогическом мире, с. 212—221.
213. *Полонский Я. П.* Беглый. Стих., с. 222—223.
214. *Шилль И. Н.* По поводу уничтожения откупной системы и замены ее акцизной. Статья вторая, с. 224—243.
215. *Гервинус Г.* Теоретический очерк истории, с. 244—286 [57].
216. *Щеглов Д. Ф.* Семейство в рабочем классе во Франции. (L'Ouvrière par Jules-Simon), с. 287—324.
217. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть первая, гл. X, XI, с. 325—360.

Критическое обозрение

218. ‹*Владиславлев М. И.*›. История английских университетов В. Игнатовича. СПб., 1861, с. 1—49 [58].
219. Физиология обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. С. А. Рачинского и Я. А. Борзенкова, т. I, 1861, с. 50—63.
220. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Ряд статей о русской литературе. Статья пятая. I. Последние литературные явления. Газета «День». II. Вопрос об университетах, с. 64—104 [59].
221. ‹*Страхов Н. Н.*›. Литературные законодатели. Письмо в редакцию «Времени» по поводу статьи «Литературные рабочие» («Современник» № 10). Подп.: *Н. Коси...*, с. 105—118 [60].

Политическое обозрение

222. ‹*Разин А. Е.*›. Французские дела. — Австрийские дела. — Турецкие дела. — Общее положение. — Последние известия, с. 1—32.

Смесь

223. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. (Современные заметки), с. 1—28.
224. *Прокопович Н. Н.* Заметка по поводу статьи «О рукописях Гоголя», с. 29—30.
225. Николай Александрович Добролюбов. Некролог, с. 31—32.

№ 12, декабрь (ц. р. 28.XII.1861; вых. 6.I.1862)

226. *Бунаков Н. Ф.* Город и деревня. Повесть в двух частях. Часть вторая, с. 361—409.
227. *Апухтин А. Н.* Актеры. Стих., с. 410—411.
228. *Бибиков П. А.* Феноменология войны. (La guerre et la paix). Соч. Прудона, с. 412—437.
229. *Жадовская Ю. В.* Отсталая. Повесть, с. 438—518.
230. *Страннопольский Н.* Афротенбург. (Подражание Гейне). Стих., с. 519—521.
231. *Хмыров М. Д.* Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндского, с. 522—622.
232. ‹*Афанасьев А. С.*›. Очерки прошлого. (Ремонтера прошлого времени). Подп.: *А. Чужбинский*, с. 625—695.
233. *Тиханович В. Г.* Молодица. Стих., с. 696—698.
234. *Берг Ф. Н.* «Не здесь, где вечный треск и шум...» Стих., с. 699.
235. *Страннопольский Н.* «Когда я в глубокой могиле...» Стих., с. 700.

Критическое обозрение

236. ‹*Владиславлев М. И.*›. Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861, с. 119—173 [61].

237. ⟨*Достоевский Ф. М.*⟩. Рассказы Н. В. Успенского, с. 179—183.
238. ⟨*Страхов Н. Н.?*⟩. Литературные воспоминания И. Панаева. Часть вторая («Современник», 1861, кн. IX, X, XI), с. 183—197 [62].
239. По нескольку слов о некоторых хороших книгах, с. 198—214 [63].

Политическое обозрение

240. ⟨*Разин А. Е.*⟩. Английские дела. — Французские дела. — Австрийские дела. — Итальянские дела. — Последние известия. — Общее положение, с. 33—76.

Смесь

241. *Белопольский В. Н.* Записки моего знакомого, с. 33—71 [64].
242. *Лесков Н. С.* О русском расселении и о политико-экономическом комитете (Заметка на статью: «Вопросы о колонизации», «Время», № IX), с. 72—80.
243. ⟨*Порецкий А. У.*⟩. Наши домашние дела, с. 87—113.
244. Полемический случай с «Основой» и «Сионом», с. 114—116.
245. Дворянин, желающий быть крестьянином, с. 117—123 [65].

«Время», 1862 год

№ 1, январь (ц. р. 8.I.1862; вых. 1.II.1862)

246. *Федоров С. Н.* Вражье лепко, да божье крепко. (Рассказ няни), с. 5—29.
247. Таинственное убийство. (Из уголовных дел Франции 1840 года), с. 30—102 [66].
248. *Майков А. Н.* Поля (Отрывок из неоконченной поэмы), с. 103—106.
249. ⟨*Данилевский Г. П.*⟩. Беглые в Новороссии. Повесть в двух частях. Часть I. Подп.: *А. Скавронский*, с. 107—214.
250. *Полонский Я. П.* Свежее преданье. Роман в стихах. Глава пятая, с. 215—250.
251. *Фукс В. А.* О налоге в западноевропейских государствах с точки зрения теории (Théorie de l'impôt par Proudhon). Статья первая, с. 251—281.
252. *Тэн Ип.* Литература и нравы Англии в XVIII столетии. Статья первая, с. 282—319 [67].
253. *Берг Ф. Н.* На улице. (Стих.), с. 320.
254. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть вторая. I. Гошпиталь, с. 321—336.

Критическое обозрение

255. *Григорьев А. А.* Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая, с. 1—30.
256. *Бибиков П. А.* По поводу одной современной повести. Нравственно-критический этюд, с. 31—57.
257. ⟨*Страхов Н. Н.*⟩. Пример апатии (Письмо в редакцию «Времени» по поводу статьи г. Антоновича «О почве». «Современник», 1861, декабрь). Подп.: *Н. Косица*, с. 58—75 [68].
258. *Аристов Н. Я.* По поводу новых изданий о расколе, с. 76—98.
259. Критики-этнографы. Малороссийский писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу. («Основа», 1861, кн. 4, 5; «День», № 3, 5, 7 и 9), с. 99—108 [69].

Политическое обозрение

260. ‹*Разин А. Е.*›. Общее положение. — Англо-американские дела. — Итальянские дела. — Австрийские дела. — Французские дела. — Последние известия, с. 1—44.

Смесь

261. *Платер Томас.* Студенческая жизнь в шестнадцатом столетии. (Отрывок из «Записок»), с. 1—27 [66].
262. Густав Вернер и его дом братства в Рейтлингене, с. 28—36 [66].
263. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 37—60.

В особом приложении

Достоевский Ф. М. «Записки из Мертвого дома», ч. I; *Полонский Я. П.* Свежее преданье. Роман. Четыре главы.

№ 2, февраль (ц. р. 26.II.1862; вых. 27.II.1862)

264. ‹*Данилевский Г. П.*›. Беглые в Новороссии. Повесть. Часть вторая. Подп.: *А. Скавронский*, с. 337—453.
265. *Берг Ф. Н.* «Говорят, толкуют, споры да слова». Стих., с. 454.
266. *Тэн Ип.* Литература и нравы Англии в XVIII столетии. Статья вторая, с. 455—493.
267. ‹*Благовещенский Н. А.*›. Из воспоминаний бывалого об Иерусалиме. Подп.: *Н. А. Бл. ...*, с. 494—523 [70].
268. *Апухтин А. Н.* Современным витиям. Стих., с. 524.
269. *Семевский М. И.* Семейство Монсов. 1688—1724. (Очерк из русской истории). Статья первая. Анна Монс, с. 525—557.
270. *Филиппов О. А.* Выдержки из руского законодательства, с. 558—564.
271. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть вторая. Гл. II. Продолжение, с. 565—597.
272. *Плещеев А. Н.* Ночь. Стих., с. 598.
273. *Катарецкий В.* Деревенские типы. I. Дворник, с. 599—628.

Критическое обозрение

274. *Бибиков П. А.* Как решаются нравственные вопросы французской драмой (Nos intimes — комедия Сарду), с. 109—120.
275. ‹*Владиславлев М. И.*›. Записки князя Талейрана. М., 1861, с. 121—133 [71].
276. ‹*Страхов Н. Н.*›. Микроскопические наблюдения. Подп.: *К. Н.*, с. 135—142 [72].
277. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и койчего другого), с. 143—163.
278. ‹*Владиславлев М. И.?*›. Девятнадцатый нумер «Дня», с. 164—168 [73].

Политическое обозрение

279. ‹*Разин А. Е.*›. Испанские дела. — Австро-турецкие дела. — Хлопчатобумажные дела. — Прусские дела. — Французские дела. — Последние известия, с. 45—77.

Смесь

280. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 65—94.
281. Некролог. Иван Иванович Панаев, с. 95 [72].
282. *Лесков Н. С.* Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России, с. 95—107 [74].

В приложении

283. Убийцы Пешара (Французское уголовное дело 1857—58 г.), с. 1—71 [75]

№ 3, март (ц. р. 7.III.1862; вых. 28.III.1862)

284. *Фатеев А. М.* Переселенец. (Ново-фракийская идиллия), с. 5—41.
285. *Фукс В. А.* О налоге в западноевропейских государствах с точки зрения теории. Статья вторая, с. 42—74.
286. *Ауэрбах Б.* Львиная лапка. Рассказ. Часть первая, с. 75—148 [76].
287. ‹*Фукс В. А.*›. Очерки последнего литературного движения во Франции, с. 149—200 [77].
288. Откуда взять сельских учителей? с. 201—212 [78].
289. *Семевский М. И.* Семейство Монсов 1688—1724. (Очерк из русской истории). Статья вторая. Генеральс-адъютант, с. 213—226.
290. *Сокальский И. П.* О музыке в России. Введение, с. 227—262.
291. ‹*Благовещенский Н. А.*›. В Фессалии. (Из путевых воспоминаний). Подп.: *Н. Бл...* с. 263—296 [79].
292. *Ососов В.* Едмон Абу и парижские студенты, с. 297—312.
293. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть вторая. Гл. IV, V, VI, с. 313—351.
294. *Плещеев А. Н.* Ночь. Стих., с. 352.

Критическое обозрение

295. Дворянство и земство. (По поводу журнальных толков), с. 1—29 [80].
296. ‹*Страхов Н. Н.*›. Н. А. Добролюбов. (По поводу I тома его Сочинений), с. 30—54 [81].
297. ‹*Владиславлев М. И.?*›. История новой философии Куно-Фишера. Том I. Перевод Н. Страхова. СПб., 1862, с. 55—64 [78].
298. ‹*Страхов Н. Н.?*›. «Ясная поляна» — журнал педагогический. Изд. гр. Л. Н. Толстым. Январь, 1862, с. 65—78 [82].
299. ‹*Владиславлев М. И.?*›. Сочинения К. С. Аксакова. I. М., 1861, с. 79—88 [78].

Политическое обозрение

300. ‹*Разин А. Е.*›. Общее положение. — Прусские дела. — Французские дела. — Итальянские дела. — Последние известия, с. 1—48.

Смесь

301. *Тверской Алекс.* Ловкий человек. (Очерк), с. 1—26.
302 ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. (Современные заметки), с. 27—54.
303. Чехи в Диканьке. (Из № 19 «Дня»), с. 54—56.
304. ‹*Сунгуров К. К.*›. Ортографическая распря. Подп.: *К. Су—в*, с. 57—74 [83].

№ 4, апрель (ц. р. 6.IV.1862; вых. 29.IV.1862)

305. *Грановский Т. Н.* Лекции из средней истории, с. 5—39 [84].
306. *Евгения Тур.* Шесть недель в гостях и дома. Очерк, с. 40—74.
307. *Ауэрбах Б.* Львиная лапка. Рассказ. Часть вторая, с. 75—186.
308. ‹*Салтыков М. Е.*› Недавние комедии. 1. Соглашение. 2. Погоня за счастьем. Подп.: *Н. Щедрин*, с. 186—223 [85].
309. *Фукс В. А.* О налоге в западноевропейских государствах с точки зрения теории. (Статья третья), с. 224—268.
310. ‹*Афанасьев А. С.*›. Конокрады. Физиологический очерк. Подп.: *А. Чужбинский*, с. 269—315.

311. *Полонский Я. П.* Двойник. Стих., с. 316.
312. *Семевский М. И.* Семейство Монсов 1688—1724. (Очерк из русской истории). III. Марта Скавронская, с. 315—357.
313. *Берг Ф. Н.* Из В. Гюго. Стих., с. 358.

Критическое обозрение

314. Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858. Собрание литературно-педагогических статей Н. И. Пирогова. Киев, 1861, с. 1—26 [86].
315. Петровская опека над русским умом. Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование Пекарского, т. I, 1862, с. 27—49 [87],
316. ‹*Страхов Н. Н.*›. Отцы и дети И. Тургенева. «Рус. вестник», 1862, № 2, с. 50—84 [88].

Политическое обозрение

317. ‹*Разин А. Е.*›. Прусские дела. — Австро-турецкие дела. — Итальянские дела. — Последние известия, с. 1—30.

Смесь

318. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 31—62.

№ 5, май (ц. р. 6.V.1862; вых. 3. VI.1862)

319. *Полетаев Н.* Голая правда. Комедия в четырех действиях, с. 5—87.
320. Людовик-Филипп и три дня февральской революции, с. 88—157.
321. *Берг Ф. Н.* «Под серой тучей город мой. . .» Стих., с. 158.
322. ‹*Разин А. Е.*›. Законы о печати во Франции. (Исторический очерк). Статья первая, с. 159—182 [89].
323. *Помяловский Н. Г.* Зимний вечер в бурсе. Физиологический очерк, с. 183—224.
324. *Добычин П. А.* Врачи и народ. (По поводу статьи г. Лескова), с. 225—257.
325. *Семевский М. И.* Семейство Монсов 1688—1724. (Очерк из русской истории). V. Екатерина Алексеевна, с. 258—290.
326. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Часть вторая. Гл. VII—X, с. 291—326.

Критическое обозрение

327. Письмо в редакцию «Времени» по поводу цветочной выставки, с. 1—9 [90].
328. Неудавшийся антагонизм. Литературная собственность. («Современник», 1862, № 3), с. 10—44 [90].
329. Критические вариации на разные темы, с. 45—59 [91].
330. *Лякуб П. М.* Ответ г. А. Александрову (25 № «Дня») По поводу его набега на Талмуд, с. 60—78.
331. ‹*Страхов Н. Н.*›. Нечто об «опальном журнале». (Письмо в редакцию). Подп.: *Н. Косица*, — с. 79—92 [91].

Политическое обозрение

332. ‹*Разин А. Е.*›. Французские дела. — Германские дела. — Итальянские дела. — Мексиканские дела. — Американские дела. — Последние известия, с. 1—37.

Смесь

333. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 38—58.

№ 6, июнь (ц. р. 8.VI.1862; вых. 2.VII.1862)

334. *Стулли Ф. С.* Праздные люди. (Эпизод), с. 5—44.
335. *Тур Евгения.* Воспоминания и размышления, с. 45—67.
336. *Крестовский В. В.* «Спасибо, добрая моя...» Стих., с. 74.
337. *Грановский Т. Н.* Лекции по средней истории, с. 75—98 [84].
338. ‹*Гуляев Н.?*›. Три сцены из мещанской жизни. Подп.: *Н. Г.*, с. 99—138 [92].
339. *Колбасин Е. Я.* Певец Кубры или Граф Дмитрий Иванович Хвостов (психологический очерк), с. 159—181.
340. ‹*Фукс В. А.*›. Естественно-исторический метод в философии (по Тэну). Подп.: *В. Ф—с*, с. 182—202.
341. *Семевский М. И.* Семейство Монсов 1688—1724. Очерк из русской истории. Пред розыском 1724 г. Приложения, с. 203—283.
342. ‹*Разин А. Е.*›. Законы о печати. (Статья вторая), с. 284—304 [89].
343. *Апухтин А. Н.* Весна. Стих., с. 305—306.

Критическое обозрение

344. Плоды ученого педантизма. Как бывает и как быть могло бы. Педагогические мысли Федора Кестнера. СПб., 1862, с. 1—17 [93].
345. ‹*Барсов Н. П.*›. О значении Бокля «История цивилизации в Англии», с. 18—39 [94].
346. *Ткачев П. Н.* О суде по преступлениям против законов печати (по поводу одной журнальной статьи), с. 40—50.

Политическое обозрение

347. ‹*Разин А. Е.*›. Общее положение. — Турецкие дела. — Итальянские дела. — Прусские дела. — Дела в Соединенных Штатах. — Мексиканские дела, с. 1—42.
348. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки. Впечатления, произведенные на Петербург пожарами. — Погибшая сокровищница. — Меры против пожаров и другие правительственные распоряжения. — Прекращение издания двух журналов. — Способы против вторжения ложных идей... и др., с. 43—64.

В особом приложении

349. *Гильдрет.* Воспоминания беглеца. (Очерки американских нравов), с. 1—64.

№ 7, июль (ц. р. 11.VII.1862; вых. 2.VIII.1862)

350. ‹*Афанасьев А. С.*›. Очерки прошлого. Моншеры. Подп.: *А. Чужбинский*, с. 5—72.
351. *Фукс В. А.* Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции, с. 73—120.
352. ‹*Гамазов М. А.*›. Недоброе место. Письма д-ра М. С. ... с южного побережья Каспия. Статья I, с. 121—169 [95].
353. *Крестовский В. В.* «Сядем вместе у березы...» Стих., с. 170.
354. *Новицкий П. В.* С берегов Рейна, с. 171—181 [96].
355. *Крестовский В. В.* Из римских элегий Гёте. (Элегия XVI), с. 182.
356. *Григорьев А. А.* Странствия Чайльд-Гарольда. Роман в стихах лорда Байрона. Песнь первая. Перев., с. 183—216.
357. *Воронов М. А.* Моя юность. (Из одних записок), с. 217—238.
358. ‹*Сунгуров К. К.*›. Непотребные буквы (Из дневника корректора). Подп.: *К. Су—в*, с. 239—250 [83].

Критическое обозрение

359. *Григорьев А. А.* Стихотворения Некрасова, с. 1—46.
360. *Арнольд Н. М.* Гелертерство и практика. Труды русского энтомологического общества в Петербурге. Кн. I, 1861 г., с. 47—82.
361. *Ткачев П. Н.* О мировых судьях. (По поводу «Писем из деревни» Сумарокова. «Отечественные записки»), с. 83—92.

Политическое обозрение

362. <*Разин А. Е.*>. Общее положение. — Австрийско-турецкие дела. — Итальянские дела. — Французские дела. — Последние известия, с. 1—34.
363. <*Порецкий А. У.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 35—64.

В особом приложении

364. *Гильдрет.* Воспоминания беглеца. (Очерки американских нравов), с. 65—176.

№ 8, август (ц. р. 14.VIII.1862; вых. 5.IX.1862)

365. <*Гамазов М. А.*>. Недоброе место. Письма доктора М. С... с южного побережья Каспия. Статья вторая, с. 5—42.
366. *Арсеньев Ф. А.* Ляйкодж. (Рассказы из охоты в зырянской стороне), с. 43—102.
367. Разбойничество в Италии, с. 103—122.
368. *Берг Ф. Н.* Зимой. Стих., с. 123—124.
369. *Воскресенский Н.* Безвыходное положение. Драматический этюд в одном действии. В стихах, с. 125—153.
370. *Берг Ф. Н.* «Вот люди странные! Сварливы, прихотливы...» Стих., с. 154.
371. *Сагатович А.* Юридический обзор одного уголовного дела, окончательно решенного в 1849 г. Часть I, с. 155—221.
372. *Плещеев А. Н.* Родное. Стих., с. 222.

Критическое обозрение

373. <*Владиславлев М. И.*>. Карамзин. Неизданные сочинения и переписка. Часть I. СПб., 1862, с. 1—34 [97].
374. *Григорьев А. А.* По поводу нового издания старой вещи. Горе от ума. СПб., 1862, с. 35—50.
375. <*Григорьев А. А.*>. Нигилизм в искусстве, с. 51—59 [97].
376. *Родевич М. В.* Наша общественная нравственность. Мысли об устройстве убежища или общества для обращающихся с пути заблуждения женщин в России... барона Э. А. Штейнгеля. СПб., 1862, с. 60—80.

Политическое обозрение

377. <*Разин А. Е.*>. Гарибальди и его стремления. — Общее положение. — Франция. — Соединенные штаты. — Турция. — Пруссия, с. 1—28.
378. <*Порецкий А. У.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 1—28.

В особом приложении

379. *Гильдрет.* Воспоминания беглеца. Очерки американских нравов, с. 177—323.

№ 9, сентябрь (ц. р. 14.IX.1862; вых. 2.X.1862)

380. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Подписка на 1863 год. «Время», журнал литературный и политический, изд. М. Достоевским, с. 1—12.
381. ‹*Салтыков М. Е.*›. Наш губернский день. Введение. I. У Пустынника. II. Обед. III. На бале. Заключение. Подп.: *Н. Щедрин*, с. 1—43 [98].
382. *Гюго В.* Собор Парижской богоматери. Кн. первая, с. 44—118 [99].
383. *Плещеев А. Н.* Она и он. Поэма, с. 119—129.
384. *Фукс В. А.* По поводу некоторых экономических вопросов. I. Свобода торговли, с. 130—177.
385. *Берг Ф. Н.* В поле. Стих., с. 178—179.
386. *Фатеев А. М.* Мелочи военного быта. Сцены и очерки из записок ротмистра Тукина, с. 180—269.
387. *Берг Ф. Н.* Воспоминание. Стих., с. 270—271.
388. *Красильников Д.* Из путевых записок по Амуру. Статья первая, с. 272—291.
389. *Крестовский В. В.* «О в этот миг, когда весь мир ликует...» Стих., с. 292.
390. Темные углы. Подп.: *А. Ч.*, с. 293—322 [100].
391. *Помяловский Н. Г.* Бурсацкие типы. Очерк второй, с. 323—355.
392. *Крестовский В. В.* Из Сафо. Стих., с. 356.

Современное обозрение

393. *Григорьев А. А.* Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая, с. 1—27.
394. Два слова о двух статьях: «Зимний вечер» Н. Помяловского («Время», май, 1862); «Родные картины» Е. Стопакевича («Современник», май, 1862), с. 28—41.
395. Заметка на одну газетную статью. (По поводу польско-русинского вопроса). Подп.: *Русин*, с. 42—54.
396. Заметка по поводу народного здоровья. Подп.: *И. Ч.*, с. 55—61.
397. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 62—83 [101].
398. ‹*Разин А. Е.*›. Политическое обозрение. Гарибальди при Аспромонте и в Специи. — Прусские дела. — Последние известия, с. 84—116.
399. ‹*Григорьев А. А.*›. Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены. Статья первая, с. 117—131 [102].
400. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Славянофилы, черногорцы и западники. Самая последняя перепалка («День» № 35, «Современное слово» № 86), с. 132—137.

№ 10, октябрь (ц. р. 11.X.1862; вых. 6.XI.1862)

401. *Федоров С. Н.* Свое и наносное Роман. Часть первая, с. 5—143.
402. *Плещеев А. Н.* Командирша. Житейские сцены, с. 144—173.
403. *Гюго В.* Собор Парижской богоматери. Кн. III—VI, с. 174—259.
404. *Крестовский В. В.* «Мать в сердцах меня журила...» Стих., с. 260.
405. *Инсаров А.* Несколько страниц из записок лекаря, гл. I—V, с. 261—312.
406. *Берг Ф. Н.* Смерть. Стих., с. 313—314.
407. *Берг Ф. Н.* «И плеск, и блеск речной волны...» Стих., с. 315.
408. *Плещеев А. Н.* Летние песни. I. «Солнце горы золотило...» II. «Ночь пролетала над миром...» III. «Бледный луч луны пробился...», с. 316—318.
409. *Щапов А. П.* Земство и раскол. Бегуны, с. 319—363.
410. *Крестовский В. В.* Из Горация. Стих., с. 364.

Современное обозрение

411. *Григорьев А. А.* Лермонтов и его направление. Статья первая, с. 1—32.
412. ‹*Разин А. Е.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 33—65 [103].
413. ‹*Ковалевский П. М.*›. По поводу годичной выставки в Академии художеств. Подп.: *П. К.*, с. 66—87 [104].
414. ‹*Разин А. Е.*›. Политическое обозрение. — Общее положение. — Прусские дела. — Итальянские дела. — Греко-славянский или восточный вопрос. — Последние известия, с. 88—119.
415. *Родевич М. В.* Купцы — реформаторы гимназии («Сев. пчела», № 246, 1862), с. 120—140.
416. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями, с. 141—163.
417. *Сокальский П. П.* Заметки по вопросу общественной нравственности. (Письмо к редактору), с. 164—180.
418. ‹*Григорьев А. А.*›. Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены. Статья вторая, с. 181—188.
419. Голос за петербургского Дон-Кихота. (По поводу статьи г. Театрина). Подп.: *Ч. Комитетский*, с. 194—216.
420. ‹*Страхов Н. Н.*›. Тяжелое время. (Письмо в редакцию «Времени»). Подп.: *Н. Косица*, с. 194—216 [105].

№ 11, ноябрь (ц. р. 12.XI.1862; вых. 4.XII.1862)

421. *Григорьев А. А.* Мои литературные и нравственные скитальчества. Гл. I—V, с. 5—31.
422. *Гюго В.* Собор Парижской богоматери. Кн. VII—IX, с. 32—140.
423. *Благовещенский Н. А.* Странница, с. 141—160.
424. ‹*Афанасьев А. С.*›. Очерки прошлого. Самодуры. Подп.: *А. Чужбинский*, с. 161—236.
425. ‹*Бондровский Н.*›. Рассказы дворового. I. Приживалка. II. Охота. Подп.: *Н. Б—овский*, с. 237—249 [106].
426. *Берг Ф. Н.* «Послушай же — ну будь ко мне добрей. . .» Стих., с. 250.
427. *Щапов А. П.* Земство и раскол. Бегуны. II, III, с. 251—297.
428. *Полонский Я. П.* Белая ночь. Стих., с. 298.
429. *Достоевский Ф. М.* Скверный анекдот. Рассказ, с. 299—352.
430. *Полонский Я. П.* На мызе. Стих., с. 353—354.

Современное обозрение

431. *Шилль И. Н.* К вопросу о постройке железной дороги на юге России, с. 1—31.
432. *Бибиков П. А.* Делопроизводство в департаментах, с. 32—48.
433. *Григорьев А. А.* Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда. Статья вторая, с. 49—73.
434. *Ткачев П. Н.* Мировой суд по смыслу «Главных оснований для проектов гражданского и уголовного судопроизводства и судоустройства», с. 74—87.
435. ‹*Разин А. Е.*›. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 88—142.
436. *Шаликова кн. А.* Письмо к редактору журнала «Время» по поводу статьи «Певец Кубры», с. 143—157.
437. *Страхов Н. Н.* Дурные признаки. (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов»), с. 158—172.
438. ‹*Григорьев А. А.*›. Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены. V, с. 173—183.
439. ‹*Разин А. Е.*›. Политическое обозрение. Общее положение. — Французские дела. — Итальянские дела. — Последние известия, с. 184—203.
440. Темные слухи. По поводу «Отзыва из Киева». («Современная летопись» № 46, 1862). Подп.: *Н.*, с. 204—212 [107].

№ 12, декабрь (ц. р. 7.XII.1862; вых. 3.I.1863)

441. *Соколовский Н. М.* Из записок следователя. В арестантской роте. I, II, III, с. 5—49.
442. ⟨*Афанасьев А. С.*⟩. Очерки прошлого. Самодуры. Часть вторая. Подп.: *А. Чужбинский*, с. 50—140.
443. *Гюго В.* Собор Парижской богоматери. Кн. X и XI, с. 141—234.
444. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Гл. VIII. Товарищи, с. 235—249.
445. ⟨*Горский П. Н.*⟩. День на бирже, ночь на квартире. (Из записок голодного человека). Подп.: *Петр Н.*, с. 250—268 [108].
446. *Попов В. П.* Монтанелли, с. 269—328.
447. *Утин Л. И.* Горькая доля. (Записано с рассказа купца Полякова), с. 329—375.
448. *Берг Ф. Н.* Зайка. Стих., с. 376—377.
449. *Григорьев А. А.* Мои литературные и нравственные скитальчества. Детство. I. Семинарист 30-х год. — II. Обычный день, с. 378—391.
450. *Полонский Я. П.* «Твой скромный вид таит в себе. . .» Стих., с. 392.

Современное обозрение

451. *Григорьев А. А.* Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда. Статья третья, с. 1—31.
452. ⟨*Страхов Н. Н.*⟩. Нечто об авторитетах. (Письмо в редакцию «Времени»). Подп.: *Н. Косица*, с. 35—45 [109].
453. ⟨*Григорьев А. А.*⟩. Князь Серебряный. Повесть времени Иоанна Грозного. Соч. графа Алексея Толстого. («Русский вестник», 1862, авг., сент., окт.), с. 46—52 [110].
454. ⟨*Разин А. Е.*⟩. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 53—77.

Библиография

455. ⟨*Родевич М. В.*⟩. Из истории Преображенского кладбища. М., 1862; Житие протопопа Аввакума... Под ред. г. Тихонравова. СПб., 1862; Нищие на святой Руси... Соч. Ив. Прыжова. М., 1862. Подп.: *М. Р. ч.*, с. 78—102 [111].
456. *Худяков Н.* Этнографический сборник... Вып. 5. СПб., 1862; Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, ч. 2. М., 1862, с. 103—109.
457. ⟨*Разин А. Е.*⟩. Политическое обозрение. — Общее положение. — Французские дела. — Греческие дела. — Последние известия, с. 110—137.
458. ⟨*Григорьев А. А.*⟩. Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены. IV, с. 138—148.
459. Наши молодые и старые ученые. Подп.: *Н.*, с. 149—153 [107].
460. ⟨*Данилевский Г. П.*⟩. Литературная подпись. (Письмо к редактору «Времени»), с. 154—155 [112].

«Время», 1863 год

№ 1, январь (ц. р. 11.I.1863; вых. 30.I.1863)

461. *Соколовский Н. М.* Из записок следователя. В арестантской роте. IV, V, VI, с. 5—34.
462. *Островский А. Н.* Грех да беда на кого не живет. Драма в четырех действиях, с. 35—110 [113].
463. ⟨*Данилевский Г. П.*⟩. Беглые воротились. Роман в трех частях. Часть I. Подп.: *А. Скавронский*, с. 111—230.

464. *Милюков А. П.* Увольнительное свидетельство. (Из записок непропавшего человека), с. 231—254.
465. *Бибиков П. А.* От Петербурга до Екатеринославля, с. 255—278.
466. *Берг Ф. Н.* Из стихотворения «В тюрьме», с 278.
467. *Берг Ф. Н.* Птицы. «Из-за моря птицы прилетали. . .» Стих., с. 279—280.
468. *Горский П. Н.* Бедные жильцы. Физиологический очерк, с. 281—301.
469. *Некрасов Н. А.* Смерть Прокла. I. «Савраска увяз в половине сугроба. . .» — II. «Привычная дума поэта. . .» — III. «В селе за четыре версты. . .» — IV. «В овраге у речки Желтухи. . .» — с. 302—305.
470. *Григорович Д. В.* Ницца и Генуя. (Из путевых записок), с. 306—360.

Современное обозрение

471. *Поимский А.* Преобразование городского общественного управления, с. 1—28.
472. <*Достоевский Ф. М.*>. Необходимое литературное объяснение, по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов, с. 29—38.
473. <*Разин А. Е.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 39—64.
474. <*Разин А. Е.*>. Политическое обозрение. — Прусские дела. — Французские дела. — Последние известия, с. 65—91.
475. *Григорьев А. А.* Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Соч. Н. Костомарова. СПб., 1863. Два тома. Статья первая, с. 92—140.
476. <*Страхов Н. Н.?*>. Жрецы науки для науки. (По поводу статьи «Наука и гениальные люди» в «Учителе», 1862, № 24), с. 141—149 [114].
477. *Страхов Н. Н.* Новая школа. Статья первая. Ясная поляна, школа, журнал педагогический, изд. гр. Л. Толстым, 1862, январь—сентябрь, с. 150—168.
478. <*Страхов Н. Н.*>. Слово и дело. Комедия в 5 действиях Ф. Н. Устрялова. (Письмо в ред. «Времени»). Подп.: *Н. Косица*, с. 169—174 [115].
479. <*Достоевский Ф. М.*>. Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях, с. 175—188.
480. Список экземплярам <«Времени»>, разосланным по губерниям в 1862 году, с. 189—210.

№ 2, февраль (ц. р. 6.II.1863; вых. 3.III.1863)

481. <*Г. П. Данилевский*>. Беглые воротились. Роман. Часть вторая. Подп.: *А. Скавронский*, с. 5—109.
482. *Бибиков П. А.* От Петербурга до Екатеринославля. II, с. 110—131.
483. *Бокль.* Очерк истории умственного развития испанского народа от пятого века до середины девятнадцатого. (Из соч. Бокля «История цивилизации в Англии»), с. 132—198 [116].
484. *Берг Ф. Н.* Два отрывка: I — «Вот, казалось туда! Там учись и живи. . .» II — «Ты, мертвец мой, приди, обними ты меня. .» Стих., с. 199—200.
485. *Салов И. А.* Бутузка. Роман в двух частях. Часть первая, с. 201—271.
486. *Милюков А. П.* Листки из памятной книжки, с. 272—286.
487. *Гербель Н. В.* Доставлено: 1. — А. Одоевский. Желание непробудного сна. Стих. 2. — А. С. Пушкин. На наводнение 7 ноября 1824 года. Стих., с. 287—288.
488. *Достоевский Ф. М.* Зимние заметки о летних впечатлениях. Фельетон за все лето. Гл. I—IV, с. 289—318.

Современное обозрение

489. *Григорьев А. А.* Наши литературные направления с 1848 года, с. 1—38.
490. <*Долгомостьев И. Г.*>. Некоторые педагогические и научные тенденции. Подп.: *Игдев*, с. 39—49 [117].

491. *Попов В. П.* Колдунья. Соч. Мишле, 1863, с. 50—83.
492. <*Разин А. Е.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 84—131.
493. История мысли. История новой философии Куно Фишера. Том II. Перев. Н. Страхова. СПб., 1863, с. 132—148 [118].
494. *Григорьев А. А.* Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены, с. 149—182.
495. <*Разин А. Е.*>. Политическое обозрение. — Общее положение. — Взгляд на русско-польское дело в Англии — во Франции — в Пруссии — в Италии, с. 183—193.
496. <*Страхов Н. Н.*>. Новое художественное произведение и наша критика. (Письмо в редакцию «Времени»). Подп.: *Н. Косица,* с. 194—212 [119].
497. <*Достоевский Ф. М.*>. Журнальные заметки. I. Ответ «Свистуну» (№ 40 «Очерков»), II. Молодое перо. По поводу литературной подписи («Современник» № 1 и 2), с. 213—221.

№ 3, март

498. Нужен ли флот России, с. 5—48.
499. <*Данилевский Г. П.*>. Беглые воротились. Роман. Часть третья. Подп.: *А. Скавронский*, с. 49—154.
500. <*Суслова А. П.*>. До свадьбы. Из дневника одной девушки. Подп.: *А. С... ва*, с. 155—187 [120].
501. *Гербель Н. В.* Послание к Основьяненке (Из Шевченко). Перев., с. 188—190.
502. *Страхов Н. Н.* Вещество по учению материалистов, с. 191—234.
503. *Салов И. А.* Бутузка. Роман. Часть вторая, с. 235—321.
504. *Берг Ф. Н.* Грезы и песни. Стих., с. 322.
505. *Достоевский Ф. М.* Зимние заметки о летних впечатлениях. Фельетон за все лето. Гл. V, VI, VII, VIII, с. 323—362.

Современное обозрение

506. *Бибиков П. А.* Территориальная военная система. Статья первая, с. 1—16.
507. *Попов В. П.* Иностранная литература. Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права). Статья первая, с. 17—53.
508. <*Разин А. Е.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 54—90.
509. *Полонский Я. П.* По поводу последней повести графа Л. Н. Толстого «Казаки». (Письмо к редактору «Времени»), с. 91—98.
510. <*Долгомостьев И. Г.*>. Сказание о «Дураковой плеши» (по поводу расприи «Современника» с «Ясной поляной»). Подп.: *Игдев*, с. 99—127 [121].
511. <*Разин А. Е.*>. Политическое обозрение. — Общее положение европейских держав по польскому вопросу. — Французские дела. — Итальянские дела. — Последние известия, с. 128—147.
512. <*Достоевский Ф. М.*>. Опять «Молодое перо». Ответ на статью «Современника» «Тревоги «Времени» («Современник», март, № 3), с. 148—163.

№ 4, апрель (ц. р. 10.IV. 1863; вых. 4. V. 1863)

513. *Бабиков К. И.* Захолустье. Повесть, с. 5—81.
514. *Полетаев Н.* В лесной глуши. Народные сцены, с. 82—97.
515. *Бибиков П. А.* От Петербурга до Екатеринославля. III, с. 98—141.
516. *Гаскелл Ел.* Руфь. Роман мистрисс Гескель, автора романа «Мери Бартон» (с английского). Часть первая, с. 112—248 [122].
517. <*Михайлов М. Л.*>. Хуан (Из драматических сцен Барри Корнволя) Подп.: *Мих. Илецкий*, с. 249—261 [123].
518. *Крестовский В. В.* Цыганке. Стих., с. 262.

519. *Горский П. Н.* Бедные жильцы (Физиологический очерк). Высокая любовь (Повесть), с. 263—294.
520. *Крестовский В. В.* Слезы. Стих., с. 295.
521. *Пальмин Л. Н.* «Сквозь нагар свеча угрюмо блещет...» Стих., с. 296.

Современное обозрение

522. <*Знаменский П. В.*>. Еще статья о новой книге («Северно-русские народоправства во времена вечевого уклада», соч. Н. Костомарова, 1863). Подп.: *МН*, с. 1—45 [124].
523. *Бибиков П. А.* Территориальная военная система. Статья вторая, с. 46—62.
524. *Родевич М. В.* Некоторые черты из истории послепетровского времени. По поводу книги г. Пекарского: «Маркиз де-ла-Шетарди в России». СПб., 1862, с. 63—102.
525. *Ткачев П. Н.* Наши будущие присяжные, с. 103—120.
526. *Попов В. П.* Иностранная литература. Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права). Статья вторая, с. 121—151.
527. <*Страхов Н. Н.*>. Роковой вопрос. (Заметка по поводу польского вопроса). Подп.: *Русский*, с. 152—163 [125].
528. <*Разин А. Е.*>. Наши домашние дела. Современные заметки, с. 164—209.
529. <*Разин А. Е.*>. Политическое обозрение. Общие положения, с. 210—220.
530. *Сокальский П. П.* Наши главные спорные пункты. Статья первая, с. 221—262.

«Эпоха», 1864 год

№№ 1 и 2, январь и февраль (ц. р. 20.III.1864; вых. 24. III. 1864)

1. *Тургенев И. С.* Призраки. (Фантазия), с. 1—31.
2. *Гербель Н. В.* Стансы. (Из Байрона), с. 32 [1].
3. *Горский П. Н.* Бедные жильцы. В больнице и на морозе (Из записок Страстотерпцева), с. 33—63.
4. *Ержинский О.* Старые и новые порядки. (Записки помещика), с. 64—202.
5. *Соколовский Н. М.* Больницы, их администрация и хозяйство, с. 203—220.
6. Из уголовных дел Франции. Госпожа де-Прален (Praslin). Процесс 1847 года, с. 221—280.
7. *Гейне Г.* Черты из истории религии и философии в Германии. От Канта до Гегеля, с. 281—324 [2].
8. *Аверкиев Д. В.* Университетские отцы и дети, с. 325—349.
9. *Гербель Н. В.* «Давно я не вижу небесной лазури...» Стих., с. 350.
10. *Милюков А. П.* Листки из памятной книжки, с. 351—366.
11. *Бабиков К. И.* Первые слезы. Рассказ, с. 367—391.
12. <*Разин А. Е.?*>. Что такое польские восстания? с. 393—420 [3].
13. *Григорьев А. А.* Русский театр. I. По возобновлении в первый раз, с. 428—468.
14. <*Долгомостьев И. Г.?*>. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Ф. Смита. Переведено с немецкого... Квитницким. Томы I и II. СПб., 1863. Статья первая, с. 469—495 [4].
15. *Майков А. Н.* «Осенние листья по ветру кружат...» Стих., с. 496.
16. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья. I. Подполье, с. 498—529 *.
17. *Дуров С. Ф.* Смех. (Из Барбье). Стих.

* Вместо 529 напечатано 519, далее четыре стр. не нумерованы, а далее идет нумерация со стр. 522.

18. *Крестовский В. В.* Ерши. (Отрывок из романа «Петербургские трущобы»), с. 522—575.
19. ‹*Страхов Н. Н.*›. (Письмо в редакцию «Эпохи»). Подп.: *Н. Косица*, с. 576—586 [5].
20. ‹*Филиппов М. А.*›. О коммерческих судах и о делах торговой несостоятельности, с. 587—607 [6].
21. ‹*Осокин Н. А.*›. Иероним Савонарола. Опыт исторической монографии. Статья первая, с. 608—682 [7].
22. *Шпильгаген Ф.* Загадочные натуры. Роман. (В особом приложении), с. 1—200 [8].

№ 3, март (ц. р. 23.IV.1864; вых. 3. V. 1864)

23. *Зарубин П. А.* Происшествие сороковых годов. (Эпизод из романа). Часть первая, с. 1—74.
24. *Соколовский Н. М.* Записки следователя. Немногие из убылых, с. 75—97.
25. ‹*Колошин С. П.*›. Рим, Папа и Антонели. Политический очерк. Подп.: *С. К.*, с. 98—119 [9].
26. *Григорьев А. А.* Мои литературные и нравственные скитальчества, с. 120—159.
27. *Ткачев П. Н.* Быть или не быть сословию адвокатов. (О книгах Миттермайера 1863 и 1864 г.), с. 160—191.
28. *Гейне Г.* Черты из истории религии и философии в Германии. От Канта до Гегеля. (Статья вторая и последняя), с. 192—221 [2].
29. *Григорьев А. А.* Русский театр в Петербурге. II. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах... — с. 222—240.
30. *Головачев А. А.* О средствах к отвращению затруднений нашего денежного рынка, с. 241—275.
31. *Аверкиев Д. В.* Г. Костомаров разбивает народные кумиры, с. 276—297.
32. *Майков А. Н.* Шекспир. (Читано на его трехсотлетнем юбилее 23 апреля). Стих., с. 276—297.
33. *Аверкиев Д. В.* Университетские отцы и дети. (Продолжение) Дети, с. 301—324.
34. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца, 1864, март. Подп.: *Летописец*, с. 325—347 [10].
35. ‹*Долгомостьев И. Г.?*›. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Статья вторая, с. 348—374 [4].
36. *Шпильгаген Ф.* Загадочные натуры. Роман. (В особом приложении), с. 201—306.

№ 4, апрель (ц. р. 3.VI.1864; вых. 7. VI. 1864)

37. *Зарубин П. А.* Происшествия сороковых годов. (Эпизод из романа). Часть вторая и последняя, с. 1—72.
38. *Голицын М. Г., кн.* Собрату. Стих., с. 73—74.
39. *Милюков А. П.* Вопрос о малороссийской литературе, с. 75—102.
40. *Милюков А. П.* Листки из памятной книжки, с. 103—120.
41. *Полонский Я. П.* Разлад. Сцены из последнего польского восстания, с. 121—256.
42. ‹*Долгомостьев И. Г.?*›. История польского восстания и войны 1830—1831 годов. Статья третья и последняя, с. 257—286 [4].
43. *Аверкиев Д. В.* Как отвечают г.г. профессора, с. 287—291.
44. *Полонский Я. П.* «Все, что меня терзало — все давно. . .» Стих., с. 292.
45. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья. II. Повесть по поводу мокрого снега, с. 293—367.

46. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Апрель 1864. Подп.: *Летописец*, с. 368—387.
47. *Шпильгаген Ф.* Загадочные натуры. Роман. Окончание. (В особом приложении), с. 307—486.

№ 5, май (ц. р. 7.VII.1864; вых. 12.VII.1864)

48. *Утин Л. И.* Проза жизни. (Рассказ Немирова), с. 1—26.
49. *Соколовский Н. М.* Записки следователя. Немногие из убылых. Озорков, с. 27—52.
50. *Ахшарумов Н. М.* Мудреное дело. (Очерк из летописей русской словесности. В трех частях). Часть I. Отсталой, с. 53—109.
51. *Ревиль А.* Предки европейцев по исследованиям новейшей науки, с. 110—143.
52. *Григорьев А. А.* Мои литературные и нравственные скитальчества. I — Запоздалые струи. II — Вальтер Скотт и новые струи, с. 144—168.
53. *Ковалевский Е. П.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. (Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии), с. 169—193 [11].
54. *Ренан Э.* Высшее обучение во Франции, его история и будущность, с. 194—217.
55. *Аверкиев Д. В.* Вилльям Шекспир. Статья I, с. 218—246.
56. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Май. Подп.: *Летописец*, с. 247—254.
57. *Григорьев А. А.* Парадоксы органической критики. (Письма к Ф. М. Достоевскому) I., с. 255—273.
58. ‹*Достоевский Ф. М.*› Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах, с. 274—294.
59. *Лисовский М.* Гипотеза о будущей судьбе мира, с. 295—312.
60. *Сильсфильд Ч.* Токеа или Белая роза. Повесть из последней англо-американской войны. В трех частях. Часть первая. (В особом приложении), стр. 1—158 [12].

№ 6, июнь (ц. р. 20.VIII.1864; вых. 30.VIII.1864)

61. *Достоевский Ф. М.* Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском, с. I—VI.
62. *Ахшарумов Н. Д.* Мудреное дело (Очерк из летописей русской словесности). Часть II, с. 1—99.
63. *Серов А. Н.* Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика, с. 100—121.
64. *Страхов Н. Н.* Опыты изучения Фейербаха, с. 122—156.
65. ‹*Суслова А. П.*›. Своей дорогой (Рассказ). Подп.: *А. С—ва*, с. 157—192 [13].
66. *Аверкиев Д. В.* Вилльям Шекспир. Статья II, с. 193—221.
67. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Июнь. Подп.: *Летописец*, с. 222—243.
68. *Григорьев А. А.* Русский театр в Петербурге. 1) Об одной из причин безнадежного состояния нашей сцены, с. 244—250.
69. ‹*Аверкиев Д. В.*›. Русский театр в Петербурге. Летние заметки. (Письмо в редакцию «Эпохи»). Подп.: *Н. Р.*, с. 251—256 [14].
70. ‹*Колошин С. П.*›. Иезуиты и их уложение. Подп.: *С. К—н*, с. 257—263 [15].
71. *Григорьев А. А.* Парадоксы органической критики. Письмо второе, с. 264—277.
72. ‹*Порецкий А. У.?*›. Наши домашние дела, с. 278—297 [16].
73. *Сильсфильд Ч.* Токеа или Белая роза. Повесть из последней англо-американской войны. (В особом приложении), с. 159—306.

№ 7, июль (ц. р. 19.IX.1864; вых. 29.IX.1864)[17]

74. От редакции. ‹Без подписи›, с. I—IV.
75. *Ахшарумов Н. Д.* Мудреное дело. Очерк из летописей русской словесности. Часть III, с. 1—120.
76. *Ренан Э.* Древние религии, с. 1—32.
77. *Страхов Н. Н.* Естественные науки и общее образование, с. 1—32.
78. *Фатеев А. М.* Ералаш. (Очерк), с. 1—28.
79. *Соловьев Н. И.* Теория безобразия, с. 1—16.
80. ‹*Аверкиев Д. В.*›. Значение Островского в нашей литературе. (Письмо к редактору «Эпохи»). Подп.: «*Один из почитателей Островского*», с. 1—12[18].
81. *Григорьев А. А.* Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Д. В. Григорович, с. 1—26.
82. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Июль. Подп.: *Летописец*, с. 1—14.
83. *Достоевский Ф. М.* Необходимое заявление, с. 1—4.
84. *Аверкиев Д. В.* Русский театр в Петербурге. Первые три недели сезона, с. 1—18.
85. *Григорьев А. А.* Русский театр в Петербурге. Голос старого критика, с. 19—20.
86. *Серов А. Н.* Заметка современного знаменитого мыслителя (из немузыкантов) о девятой симфонии Бетховена. Перевод и комментарий А. Серова, с. 1—18.
87. ‹*Порецкий А. У.?*›. Наши домашние дела, с. 1—14[19].
88. *Сильсфильд Ч.* Токеа или Белая роза. Повесть из последней англо-американской войны. (Окончание). (В особом приложении), с. 307—470.

№ 8, август (ц. р. 22.X.1864; вых. 27.X.1864)

89. ‹*Достоевский Ф. М.*›. От редакции. Подп. ‹Объявление о подписке на журнал «Эпоха» 1865 г.›. *Редактор А. Порецкий*, с. I—VIII.
90. ‹*Энгельгардт С. В.*›. Лиза. Подп.: *Ольга N.*, — с. 1—26[20].
91. ‹*Смирнов Д. А.*›. Отрывки из записок мирового посредника. Подп.: *Вл. Нарпенский*, — с. 1—52[21].
92. *Калатузов В. И.* Монтаны. 1. Никифорыч. 2. Келейницы, с. 1—48.
93. ‹*Мундт Н. П.*›. Рим. (Современный очерк). Подп.: *Н. М.*, — с. 1—44[22].
94. *Милюков А. П.* Посмертные записки одного скитальца, с. 1—80.
95. ‹*Корвин-Круковская А. В.*›. Сон. Подп.: *Ю. О—в*, — с. 1—24[23].
96. ‹*Долгомостьев И. Г.*›. Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России. Статья первая. Подп.: *Ив. Григорьев*, с. 1—32[24].
97. *Аверкиев Д. В.* Аполлон Александрович Григорьев, с. 1—16.
98. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Август. Подп.: *Летописец*, — с. 1—24.
99. ‹*Порецкий А. У.*›. Наши домашние дела, с. 1—28[25].
100. ‹*Головачев А. А.*›. Политическое обозрение, с. 1—30[26].
101. *Шпильгаген Ф.* Из мрака к свету (Продолжение романа: Загадочные натуры), с. 1—120.

№ 9, сентябрь (ц. р. 22.XI.1864; вых. 28.XI.1864)

102. ‹*Корвин-Круковская А. В.*›. Михаил. Повесть *Ю. О—ва*, с. 1—58[23].
103. *Воронов Н.* Материал для размышлений. Из рассказов моего приятеля, с. 1—24.
104. *Полонский Я. П.* I. — «Чтобы песня моя разлилась как поток. . .» II. — Чужое окно. III. — Век. IV. — Что если? V. — Вавилонское стол-

потворение. VI. — Последний вздох. VII. — Поэту-гражданину. Стих., с. 1—4.

105. *Владиславлев М. И.* Реформаторские попытки в психологии, с. 1—82.
106. *Плещеев А. Н.* Попутчики (Сцены), с. 1—54.
107. *Станюкович К. М.* Глава из очерков морской жизни, с. 1—33.
108. *Воронов Н.* Лондонский пансион. Очерк из жизни наших туристов, с. 1—16.
109. *Страхов Н. Н.* Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве, с. 1—50.
Достоевский Ф. М. Примечание, с. 51—55.
110. *Бабиков К. И.* Памяти А. А. Григорьева. Стих., с. 56.
111. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Чтобы кончить. Последнее объяснение с «Современником», с. 1—8.
112. Несколько слов по поводу книги Г. Лохвицкого «Губерния, ее земские и правительственные учреждения», с. 1—8.
113. *Аверкиев Д. В.* Русский театр в Петербурге. I. — Печальные рассуждения о состоянии театральной критики в С.-Петербурге. II. — «Шутники» Островского. III. — Исполнение «Шутников», с. 1—16.
114. ‹*Порецкий А. У.? Филиппов О. А.?*›. Наши домашние дела, с. 1—18 [27].
115. ‹*Достоевский Ф. М.? Головачев А. А.*›. Политическое обозрение, с. 1—26 [28].
116. *Шпильгаген Ф.* Из мрака к свету. Роман. Часть вторая, с. 1—128.

№ 10, октябрь (ц. р. 24.XI.1864; вых. 12.XII.1864)

117. *Аверкиев Д. В.* Мамаево побоище. Летописное сказание (Картины русской жизни XIV века) в стихах, с. 1—136.
118. *Филиппов М. А.* Об особых родах гражданского судопроизводства. Статья первая, с. 1—46.
119. *Лотце.* Наслаждение в жизни и труд, с. 47—76 [29].
120. *Бабиков К. И.* Глухая улица. Роман в трех частях. Часть первая, с. 1—112.
121. *Полонский Я. П.* Обманутой. Стих. (пагинации нет).
122. *Аверкиев Д. В.* Охотничья песня. (Из либретто оперы А. Н. Серова «Рогнеда») (пагинации нет).
123. ‹*Долгомостьева М.*›. Институтки. Подп.: *М. Дол—ева,* — с. 1—40 [30].
124. ‹*Страхов Н. Н.*›. Заметки летописца. Последние два года в петербургской журналистике. Подп.: *Летописец,* — с. 1—19.
125. ‹*Достоевский Ф. М.*›. Каламбуры в жизни и в литературе, с. 20—32.
126. ‹*Аверкиев Д. В.*›. Русский театр в Петербурге. Павел Васильевич Васильев. Подп.: *Дм. Ав.,* — с. 1—8.
127. *Фабрициус А. К.* Записка о начале почты в России. (В память 200-летия почтового ведомства в России), с. 1—58.
128. ‹*Филиппов О. А.?*›. Наши домашние дела, с. 1—24 [27].
129. *Шпильгаген Ф.* Из мрака к свету. Часть третья, с. 1—110.

№ 11, ноябрь (ц. р. 24.XII.1864; вых. 1.I.1865)

130. *Бабиков К. И.* Глухая улица. Роман. Часть вторая, с. 1—104.
131. ‹*Долгомостьев И. Г.*›. Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России. Статья вторая. Подп.: *Ив. Григорьев,* — с. 1—23 [31].
132. *Воронов Н.* Долина Риона. (Из путевых воспоминаний), с. 1—22.
133. ‹*Щукин Н.?*›. Уличная промышленность Пекина. (Из записок русского миссионера), с. 1—12 [32].
134. *Чаев Н. А.* Сват Фадеич. Предание в лицах, с. 1—72.

135. *Соколовский Н. М.* Записки следователя. (Немногие из убылых), с. 1—54.
136. *Фишер Куно.* Самопризнания Шиллера. Публичная лекция, читанная в Иене 4 марта 1857 г., с. 1—38.
137. <*Страхов Н. Н.*>. Заметки летописца, с. 1—16 [33].
138. *Соловьев Н. И.* Теория пользы и выгоды, с. 1—16.
139. *Аверкиев Д. В.* По поводу самопризнаний двух петербуржцев, «Современник», 1864, V, с. 1—17.
140. *Зарубин П. А.* Еще один практический взгляд на всероссийскую сельскохозяйственную выставку, с. 1—17.
141. <*Владиславлев М. И.*>. Литературные впечатления новоприезжего. Подп.: *М. Ва.*, — с. 1—16 [34].
142. <*Порецкий А. У.*>. Наши домашние дела. (В оглавлении «Внутреннее обозрение»), с. 1—22 [35].
143. *Шпильгаген Ф.* Из мрака к свету. Часть третья, с. 1—92.

№ 12, декабрь (ц. р. 25.I.1865; вых. 25.I.1865)

144. *Бабиков К. И.* Глухая улица. Роман. Часть третья, с. 1—90.
145. *Филиппов О. А.* Мотивы русского уголовного права, с. 1—28.
146. *Воронов Н.* Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России, с. 29—40.
147. *Бунаков Н. Ф.* Наши браконьеры. Легенда, с. 1—88.
148. *Иванин М. И.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда, с. 1—48.
149. <*Бунаков Н. Ф.*>. Ума помрачение. Очерк из старой губернской жизни. Подп.: *Н. Федорович*, — с. 1—16 [36].
150. *Серов А. Н.* Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика. II, с. 1—18.
151. *Смирнов Д. А.* Из старинной бывальщины. I — Майданы. II — Полотенце. III — Меркулыч, с. 1—62.
152. *Аверкиев Д. В.* По поводу самопризнаний двух петербуржцев. «Библиотека для чтения», 1864, VI, с. 1—14. *Достоевский Ф. М.* Примечание.
153. <*Страхов Н. Н.*>. Заметки летописца. Общий обзор и заключение. Подп.: *Летописец*, — с. 15—25.
154. <*Аверкиев Д. В.*>. Прощание с Васильевым, с. 26—28.
155. *Соловьев Н. И.* Бесплодная плодовитость, с. 1—14.
156. *Соловьев Н. И.* Женщинам, с. 15—24.
157. <*Достоевский Ф. М.?*>. Наши домашние дела, с. 1—28 [37].
158. <*Немшевич К.?*>. Политическое обозрение. Общий обзор главнейших политических событий прошлого года, с. 1—32 [38].
159. *Шпильгаген Ф.* Из мрака к свету. Роман. Часть четвертая, с. 1—76.

«Эпоха», 1865 год

№ 1, январь (ц. р. 5.II.1865; вых. 13.II.1865)

160. *Чаев Н. А.* Димитрий Самозванец. (Драма в пяти действиях), с. 5—104.
161. *Калатузов В. И.* Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы, с. 1—38.
162. <*Лесков Н. С.*>. Леди Макбет нашего уезда. (Очерк). Подп.: *М. Стебницкий*, — с. 39—80.
163. *Филиппов О. А.* Мотивы исправительных наказаний, с. 1—12.
164. *Полонский Я. П.* Свет и его тени. Комедия в четырех действиях, с. 1—70.

165. *Потехин Н. А.* Уездное дитя, с. 1—32.
166. *Соловьев Н. И.* Дети, с. 1—24.
167. *Образцов И. Я.* Киевские ученые в Великороссии, с. 1—58.
168. *Владиславлев М. И.* Современный материализм. Физиологические письма Карла Фохта. СПб., 1864, с. 1—16.
169. <*Страхов Н. Н.*>. Заметки летописца. Январь. Подп.: *Летописец*, — с. 1—14.
170. <*Демерт Н. А.*>. Записки служившего по мировым учреждениям, — с. 1—32 [39].
171. <*Немшевич К.?*>. Политическое обозрение. Североамериканская война, с. 1—18 [40].
172. Наши домашние дела, с. 19—40.
173. *Занд Морис.* Каллироэ. Повесть, с. 1—128.

№ 2, февраль (ц. р. 13.III.1865; вых. 22.III.1865)

174. *Потехин Н. А.* Врач-специалист. Комедия в четырех действиях, с. 1—108.
175. *Филиппов О. А.* Системы русских исправительных наказаний, с. 1—36.
176. *Достоевский Ф. М.* Необыкновенное событие или Пассаж в Пассаже, справедливая повесть... Семеном Стрижовым доставлено, с. 1—40.
177. <*Смирнов Д. А.*>. Отрывки из записок мирового посредника. Подп.: *Вл. Нарпенский*, с. 21—74 [21].
178. <*Бенни А. И.*>. Из петербургской форточки, с. 75—92 [41].
179. *Молчанов И.* Очерки из жизни московских белошвеек, с. 93—138.
180. *Катарецкий В.* Сцены из простонародной жизни. Святочный вечер, с. 139—151.
181. *Страхов Н. Н.* Новые письма Аполлона Григорьева, с. 152—182.
182. *Соловьев Н. И.* Разлад (Критика критики), с. 1—40.
183. <*Страхов Н. Н.*>. Заметки летописца. Подп.: *Летописец*, с. 1—6.
184. *Аверкиев Д. В.* Текущая литература. I — Всякому по плечу. II — Литературное шарлатанство, с. 7—38.
185. Наши домашние дела, с. 1—24.
186. <*Немшевич К.?*>. Политическое обозрение, с. 1—24 [40].
187. *Занд Морис.* Каллироэ. Повесть. Заметка Кадане, с. 129—160.

Комментарии к росписи журнала «Время»

[1] Ред. кн. II, 5 января 1861 г. Расписка Д. Михаловского в получении за перевод трех рассказов Э. По.

[2] По «Библиографическому указателю...» (под ред. К. Д. Муратовой, 1962, № 2134) автор рецензии М. Погодин. Никаких сведений о сотрудничестве Погодина во «Времени» у нас нет.

Сомнительно предположение Б. В. Томашевского о принадлежности рецензии Страхову на основании полученного гонорара. Страхов вступил в журнал как автор научного отдела и дал для № 1 статью «Жители планет», за которую получил 7 января 206 р. Страхов писал так о начале сотрудничества в журнале: «От меня непременно желали статей по литературной критике: я отказывался и стал настойчиво указывать на Григорьева». — *Н. Н. Страхов.* Воспоминания. — В сб. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 202. Лишь с отъездом Григорьева в Оренбург Страхов стал писать литературно-критические статьи.

[3] *С. А. Венгеров.* Собрание сочинений, т. V, стр. 256; *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 374; *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII. — *Ф. М. Достоевский.* Собрание сочинений, т. XIII. М., 1930, стр. 609. В ред. кн. имени Писемского нет.

[4] Ред. кн. II, 7 января 1861 г.: «За библиограф. статью и стихи в фельетоне получил Дмитрий Минаев».

[5] Ред. кн. II, 7 января 1861 г.: «За корректуру и за внутренние новости в № 1 жур. «Время» получил Порецкий».

В дальнейшем ссылки на расписки Порецкого не приводятся.

[6] Ред. кн. II, 15 февраля 1861 г.: «За политическое обозрение в № 1 получил Разин».

В дальнейшем ссылка на расписки Разина за Политическое обозрение не приводится.

[7] Ред. кн. II, 28 января 1861 г., расписка Р. Штрандмана в получении за перевод «Процесса Лассенера».

[8] *Н. Н. Страхов.* Критические статьи (1861—1894), т. II. Киев, 1902, стр. 250—251, с указанием, что последний абзац «Вообще многие поэты...» и до конца — приписка Достоевского.

[9] Под статьей подп.: «Воронеж». — Ред. кн. I, 24 февраля 1861 г.: «Де Пуле в Воронеж — 50 р.». См.: «Письма М. М. Достоевского к М. Ф. Пуле». — Сб. «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина, стр. 242—249.

[10] *Н. Н. Страхов.* Критические статьи, т. II, стр. 242—249.

[11] Б. Егоров вносит в «Библиографию трудов А. А. Григорьева» № 237 и № 238 предположительно. (См.: «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 98, 1960.) В. В. Виноградов видит в рецензии А. А. Григорьева на произведение Генслера правку Ф. М. Достоевского (См. «Русская литература», 1964, № 2, стр. 77).

12 Ред. кн. II, 12 февраля 1861 г.: «За разбор в 2 № «Времени» А. Майков — 21 р. 88 к.».

В Ред. кн. I, 12 февраля так же: «Майкову за № 2 — 21 р. 88 к.» Разбор — два кратких юмористических разговора сотрудника журнала со старым чиновником о бытовых предрассудках.

13 Б. В. Томашевский предполагает авторство Разина «судя по конторским книгам» (*Ф. М. Достоевский.* Собрание сочинений, т. XIII. Примечания, стр. 609).

В Ред. кн. II под 14 февраля запись без фамилии: «За фельетон в № 2 — 41 р. 34 к.» Ниже под 15 февраля две записи с расписками Разина в получении гонораров за Политическое обозрение в № 1 и № 2. Фельетон о театре с отзывом о комедии Н. Потехина «Дока».

Разин никогда не писал ни о литературных произведениях, ни о театре. Не писал он и фельетонов. Вероятнее авторство Григорьева, писавшего о театре и получившего по Ред. кн. I между 12 и 21 февраля 40 руб. без обозначения за что.

14 Ред. кн. II, 6 февраля и 25 марта: «В счет перевода Артура Пима Е. Моллер»; 28 марта: «За перевод Пейма Ю. Померанцева».

15 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 98, 1960, № 240.

16 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 241.

17 Ред. кн. II, 21 марта 1861 г.: «Получил за статьи 3 № «Времени» 81 р. 25 к. — Н. Страхов».

Одна из статей — по росписи № 59 — всего 9 стр., в данной — 16 стр. Объем обеих соответствует полученному гонорару. Начало и конец статьи, вероятно, принадлежат редакции. Для Страхова характерны выпады против «Современника». — См. *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII, стр. 611.

18 *Н. Н. Страхов.* Критические статьи, т. II, стр. 252—270.

19 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 242; *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 291.

20 Ред. кн. II, 20 и 21 марта 1861 г.: «За перевод Лезюрка Дорошенко».

21 Ред. кн. I — 20 марта: Ред. кн. II — 19 апреля 1861 г.: «За перевод в № 4 статьи получил А. Коржевский».

22 О переводе «Мери Бартон» Е. Г. Бекетовой см.: *В. С. Нечаева.* Журнал «Время» М. М. и Ф. М. Достоевских. 1862—1863. М., «Наука», 1972, стр. 145, 172.

В Ред. кн. II расписки А. Н. Бекетова 5 мая, 2 июня, 21 июля. Ред. кн. I, 31 декабря 1861 г. запись: «Бекетову — 100».

23 Ред. кн. II, 21 апреля 1861 г..: «За две статьи сто девяносто три руб. 75 к. получил Разин». Сумма гонорара соответствует оплате «Полит. обозрения» и данной статьи. Порецкий получил за апрель, как обычно: «За статью и корректуру — 95 р.»

24 *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма 1861—1862. СПб., 1890, стр. 1; Н. К. — сокр. псевд.: Н. Косица.

25 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 241, 244.

26 См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 247—248; *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII собр. соч. Достоевского, стр. 609—610.

27 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 245.

28 Авторство Кускова вскрыто Достоевским в «Литературной истерике» (Достоевский, т. XIII, стр. 227). По росписи — № 147 и 148.

29 По мнению Б. В. Томашевского, автор «Письма» — Н. Н. Страхов. Примечание к нему на стр. 151—152 Ф. М. Достоевского. См.: *Достоевский*, т. XIII, стр. 198—199 и Примечания к т. XIII, стр. 596.

[30] Перевод, вероятно, Ю. П. Померанцевой, получившей «за № 5 — 30 р.» — Ред. кн. I, 29 мая.

[31] Б. Егоровым в «Библиографию трудов А. А. Григорьева» не включено. См.: *Б. В. Томашевский.* Примечания к собр. соч. Достоевского, т. XIII, стр. 610; *В. Я. Кирпотин.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966, стр. 173.

[32] *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 248.

[33] *Б. В. Томашевский.* Примечания, стр. 610. Возражения против атрибуции статьи Ф. М. Достоевскому.

[34] О включении в эту статью отрывка из неопубликованной статьи Страхова см.: *Н. Н. Страхов.* Критические статьи, т. II, стр. 267; *Б. В. Томашевский.* Достоевский-редактор. — Собр. соч., т. XIII, стр. 596.

[35] Под примечаниями к статье сокр. подпись: *Н. С.*

В Ред. кн. II расписка рукой Страхова: «За июньскую книжку 63 р. 25 к.», что слишком много за один № 119 (по росписи).

[36] Ред. кн. II, 30 июня: «За статью от Босфора до Персидского залива... получил Гамазов».

[37] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 14; см. выше прим. 24.

[38] Ред. кн. II, 26 июня: «За критику в 6 № «Времени» получил 70 р. Михаил Владиславлев». Вероятно, это оплата за № 120 и 121 (по росписи).

[39] *Н. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 167. Под рассказом дата — 8 марта 1861 г.

Ред. кн. II — 4 и 14 мая Моллер получил «вперед» 31 руб.

[40] Ред. кн. II, 17 января 1862 г.: «За Швейцар. демокр. получил Вл. Фукс».

[41] Примечание к тексту: «Доставлено в редакцию Н. В. Гербелем».

[42] *Н. Н. Страхов.* Критические статьи, т. II, стр. 270—277.

[43] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 46.

[44] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, т. II, стр. 39.

[45] Возможно, что о переводе этого романа писал в воспоминаниях П. В. Быков. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 70.

[46] Статья, несомненно, принадлежит редакции. Об ее атрибуции Ф. М. Достоевскому см.: *Б. В. Томашевский.* Примечания, стр. 611.

[47] Примеч. к заглавию: «Отрывок из первого тома, которого перевод приготовляется к печати». Перевод К. Фишера готовил и опубликовал Н. Н. Страхов.

[48] Хотя инициатором и автором этой рубрики являлся Ап. Григорьев, эту статью Б. Егоров не включил в его «Библиографию». Так как Григорьев уехал в Оренбург, редакция могла использовать в рубрике другого автора. О Де Пуле см. в кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 258.

[49] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 66.

[50] Авторство М. И. Венюкова в № 183 по росписи раскрывается по его упоминанию о выступлении на заседании в марте 1861 г. в политико-экономическом комитете Географического о-ва по вопросам колонизации, а также по ответу на эту его статью Н. С. Лескова «О русском расселении...», напечатанному в № 12 «Времени», 1861 г. (см. № 242 по росписи).

Будущий крупный ученый, географ и этнограф, корреспондент Герцена, эмигрировавший из России в 1877 г., уже в статье 1861 г. выявил свое демократическое мировоззрение в защите отбывших наказание поселенцев Сибири, в высокой оценке влияния «бывших ссыль-

ных» (очевидно, политических) на рост образованности сибиряков. В той же сентябрьской книжке «Времени», где напечатана статья Венюкова «Вопрос о колонизации», находится анонимная рецензия на два историко-географических труда, названная иронически «Подвиги наших колумбов в Восточном океане» (№ 177 — по росписи). Очень вероятно, что это резкое обличение действий русских колонизаторов на Дальнем Востоке с описанием грубейшей эксплуатации жителей северных окраин принадлежало Венюкову, путешествовавшему в 1857—1859 гг. по Дальнему Востоку, а в конце 60-х годов выступившему в «Колоколе» с анализом царской политики в Восточной и Западной Сибири (*А. И. Герцен.* Полное собр. соч. в тридцати томах, т. XXIX, Изд-во АН СССР, стр. 326, 688, 692, 695).

М. И. Венюков предполагал дальнейшее сотрудничество во «Времени». В «Списке статьям» под № 37/76 (Статьи научного содержания) записана рукопись: «Заметки о предмете всеобщей истории Венюкова».

[51] Соглашаясь с Б. Томашевским, который отвергает атрибуцию Л. Гроссмана Ф. М. Достоевскому отрывков из «Наших домашних дел» за июль, август, ноябрь и декабрь (Примечания к т. XIII, стр. 610—611), считаем весьма вероятным участие редакции в «Наших домашних делах» за сентябрь: «I — Журнальные интересы».

[52] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. III, стр. 71.

Неверное указание Л. Гроссмана в «Жизни и трудах Достоевского» (1935, стр. 106), что рассказ А. П. Сусловой «Покуда» напечатан в майской книжке «Времени».

[53] Сведения о рассказах Гаспарен и переводчице их Ю. П. Померанцевой см.: *Б. В. Томашевский.* Достоевский-редактор, стр. 572.

[54] Ред. кн. II, 13 октября 1861 г.: «Тридцать семь руб. получил за X том М. Владиславлев». Другие критические статьи нет оснований приписывать Владиславлеву.

[55] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 263—264. К аргументам за авторство Полонского второй части этой статьи добавим, что он был автором статьи «О выставке в Академии художеств», помещенной в «Русском слове» (1860, № 10, 11, 12). Насколько свойственны были Полонскому суждения о пейзажистах, в частности швейцарских, свидетельствует реплика одного из персонажей его пьесы «Свет и его тени» («Эпоха», 1865, № 1): «Вообрази, Aline, видит пейзаж Каляма, а уверяет, что Айвазовский».

[56] Ред. кн. II, 30 ноября 1861 г. запись почерком К. Сунгурова: «За корректуру и за статью (Плач корректора) получил 65 р.»

Капитон Корнилович Сунгуров, бывший в 1861—1862 гг. корректором во «Времени» и поместивший в журнале три юмористических рассказа, состоял в 1860 г. «одним из вольнослушателей Петербургского университета». О его выступлении на студенческой сходке сообщал «Колокол» Герцена в заметке «Гонение гласности и студентов» (*А. И. Герцен.* Полное собр. соч., т. XIV, стр. 530). В 1863 г. Капитон Сунгуров был судим «за недонесение кому следует о получении им возмутительных воззваний, хранении оных у себя и передачу другим», за что был приговорен к заключению в крепости на год и высылке потом из Петербурга (*А. И. Герцен.* Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 482, 684). О К. К. Сунгурове см.: «Литературное наследство», т. 86, стр. 581—589.

[57] Ред. кн. II, 2 декабря 1861 г.: «Барсову за статью Теор. очерк истории 45 р.» Очевидно, гонорар за введение и перевод.

[58] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 66.

[59] О принадлежности Ф. М. Достоевскому «II. — Вопрос об университетах» см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 144—148.

[60] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 81, а также выше, прим. 24.

[61] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 66.

[62] См. прим. 17 к № 58 по росписи. *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII, стр. 611.

Ред. кн. II, 4 июля 1862 г. «Страхову за декабрьскую книжку — 43 р. 75 к.»

[63] Оценка книг по географии и естествознанию могла принадлежать Разину (см. о его интересах в этой области кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 59).

За декабрь он получил 183 р. 72 к., а его Политическому обозрению в 43 стр. соответствовал бы гонорар в 160 р. (Ред. кн. II, 9 января 1862 г.).

[64] Содержание рассказа позволяет считать его автором В. Н. Белопольского, врача, сына священника Орловской губ., хотя среди перечня его статей медицинского содержания литературные сочинения не значатся (*Л. Ф. Змеев.* Русские врачи писатели. Тетрадь 4. СПб., 1888, стр. 25).

[65] Принадлежность Ф. М. Достоевскому № 244 и № 245 (по росписи) см.: *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII, стр. 611 не доказана.

[66] Переводчиками №№ 247, 261, 262 являются Сунгуров и Рогальский. — Ред. кн. II, 1 февраля 1862 г.

[67] Ред. кн. II, 1 февраля 1862 г.: «Юлии Петровне ‹Померанцевой› за перевод Тэна».

[68] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 81.

[69] Судя по размеру гонорара (ред. кн. II, 29 января 1862 г.) и по содержанию «Наших домашних дел», это январь, где Порецкий разбирает первые номера «Дня» за 1862 г., ему могла принадлежать и эта заметка.

[70] Ред. кн. II, 3 марта 1862 г.: «За статью о Иерусалиме получил Н. Благовещенский».

[71] Ред. кн. II, 12 февраля 1862 г.: «За февр. книгу пол. Владиславлев». См. письмо М. М. Достоевского Владиславлеву: «Посылаю Вам «Записки Талейрана...»

[72] Ред. кн. II, 4 июля 1862 г.: «За февральскую» книгу Страхов получил 65 р. 75 к. Подпись К. Н. — перевернутое Н. К.‹осица›. Возможно, в этот гонорар входит и оплата «Некролога И. И. Панаеву» (№ 281). См.: *Б. В. Томашевский.* Примечания к т. XIII, стр. 611.

[73] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 273. Ред. кн. II, 12 февраля, вторая запись об оплате Владиславлева. Ср.: *Б. В. Томашевский.* Примечания, стр. 611.

[74] Ред. кн. II, 3 марта: «За статью о врачебн. вопр. получил Лесков — 37 р.»

[75] Ред. кн. II, 25 февраля: «Сорок руб. за перевод «Убийство Пешара» получил Баканин».

[76] Ред. кн. II, 1 апреля и 1 мая 1862 г.: расписки Ю. П. Померанцевой в получении гонорара за перевод «Львиной лапки».

[77] Кроме данных Ред. кн. II, 1 апреля 1862 г., укажем на следующее высказывание В. Фукса в подписанной им статье «Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции» («Время», 1862, кн. 7, стр. 74): «В одной из наших статей мы уже имели случай указать на причины такого страшного упадка литературы во Франции».

[78] Очень возможно авторство Владиславлева, прекрасно знавшего быт сельского духовенства и окончившего Новгородскую семинарию, кото-

рая упоминается в статье. За март Владиславлев получил 120 руб. (Ред. кн. II, 14 мая 1862 г.). Кроме данной статьи, ему, вероятно, принадлежат рецензии на перевод Страхова К. Фишера (№ 297) и на Сочинения К. Аксакова (№ 299). Все три статьи составляют 31 стр.

79 Ред. вед. II, 1 апреля 1862 г.: «За статью в мартовской книжке о Фессалии 80 р. получил Н. Благовещенский».

80 Ред. кн. не дают ключа к открытию автора этой, несомненно, близкой редакции и важной для журнала статьи.

Порецкий получил «за две статьи в мартовскую книгу 81 р.» (ред. кн. II, 29 марта), т. е., кроме «Наших домашних дел», еще за одну статью. Но это мог быть и № 298 (см.: *Б. В. Томашевский*. Примечания к т. XIII, стр. 611). По установкам статья «Дворянство и земство» близка Разину (см. кн.: *В. С. Нечаева*. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 84—87).

81 См.: *Н. Н. Страхов*. Критические статьи, т. II, стр. 277—307.

82 См.: *Б. В. Томашевский*. Примечания к т. XIII, стр. 611, 612, — где автором предполагается Порецкий. Но возможно авторство и Страхова, который поместил во «Времени» 1863 г. № 1 статью о «Ясной поляне» (*Н. Н. Страхов*. Критические статьи, т. II, стр. 397—419).

Страхов получил «за мартовскую книгу 154 р. 70 к.» (Ред. кн. II, 4 июля 1862 г.). Следовательно, в ней были еще его статьи, кроме статьи о соч. Добролюбова.

83 О Сунгурове см. прим. 56.

Ред. кн. II, 29 марта 1862 г.: «За Сунгурова получил А. И. Баканин 45 р.» Баканин — также корректор «Времени». О нем см. «Литературное наследство», т. 86, стр. 582.

Ред. кн. II, 6 сентября 1862 г.: «За корректуру и статью июльской книжки» получил Баканин. Имя Сунгурова более в Ред. кн. не встречается.

84 Ред. кн. II, 14 февраля 1863 г.: «За лекции Грановского для передачи г. Алябьеву получил 178 р. Ив. Веригин».

85 Ред. кн. I, 5 мая: «Щедрину — 200».

86 См. кн.: *В. С. Нечаева*. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 141.

87 Вероятно, автор Владиславлев, получивший 14 мая «За апрель» 78 р. (Ред. кн. I); но Ред. кн. II — 48 р.

88 См. кн.: *В. С. Нечаева*. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 256—257. Ред. кн. II, 4 июля: «За апрельскую книжку получ. Страхов — 104 р.»

89 См. кн.: *В. С. Нечаева*. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 294—296, где на стр. 295 строка 1 вместо «июньской и июльской» надо читать «майской и июньской» книжках. Ред. кн. II, 26 июня: «231 р. 87 к. за три статьи получил Разин. Получено за июнь остальные — 20». 22 января 1863 г.: «За июнь 226 р. 25 к. пол. Разин». Это гонорар за два политических обозрения и две статьи о «Законах печати» в майской и июньской книгах 1862 г.

90 По Ред. кн. II, 15 июня Владиславлев получил за майскую книгу 84 руб. Думаем, что ему принадлежит это «Письмо», с демократическим оттенком и с упоминанием флоры Новгородской губ., а также следующий по росписи № 328, в своей основной части, тогда как его начало и конец предполагаем принадлежащими редакции.

91 По Ред. кн. II, 4 июля Страхов получил «За майскую книжку» — 56 р. 25 к. Это за несомненно ему принадлежащий № 331 по росписи (*Н. Н. Страхов*. Из истории литературного нигилизма, стр. 130) и, вероятно, за участие вместе с редакцией в № 329. Об участии Достоевского в № 329 см.: *Б. В. Томашевский*. Примечания к т. XIII, стр. 612.

92 Ред. кн. II, 7 августа: «Получил Николай Гуляев 59 р. 37 к.»

93 По характеру и содержанию очень возможно, что Владиславлева, получившего 24 июля 47 р. (Ред. кн. II).

94 См. письмо Н. П. Барсова к Ф. М. Достоевскому из Вены от 4 апреля 1862 г. с запросом, принята ли его статья о значении Бокля (Библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II, 70).

В Ред. кн. I, 14 мая запись: «Барсову, получил Тиблен 50».

95 Ред. кн. II, 28 декабря: «В счет следуемых Г. Гамазову за статью «Недоброе место» получил А. Кузаняк».

96 Публицист П. В. Новицкий, эмигрант, член русской конспиративной пропагандистской организации в Гейдельберге, так называемой «Гейдельбергской читальни». О сношениях с Герценом см.: *А. И. Герцен.* Полное собр. соч., т. XVI, стр. 296, 317, 469. (В «Литературном наследстве», т. 41—42, стр. 6, статья Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и молодая эмиграция».)

97 Письмо М. М. Достоевского Ф. М. Достоевскому 28 июля 1862 г.: «На будущий номер критика тоже будет хорошая. Григорьев напишет вторую статью о Толстом и еще статью о нигилизме в искусстве. Будет еще большая статья о переписке Карамзина Владиславлева». (Сб. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», стр. 538. Л., 1935). *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 252.

98 Ред. кн. вед. II, 25 октября: «Салтыкову — 380».

99 Перевод Ю. П. Померанцевой. Ред. кн. II — 16, 18, 28 декабря 1862 г.

100 Ред. кн. I, январь 1863 г.: «За повесть «Темные углы» получил В. Стрельников».

Повесть рассказана от лица женщины. Подписанные под ней инициалы не соответствуют инициалам получателя.

101 Ред. кн. II, 13 декабря: «За статьи в июле, августе и сентябре получ. Порецкий 123». Это последняя расписка Порецкого в ведомостях журнала «Время».

102 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, стр. 254.

103 О Разине, заменившем с октября 1862 г. Порецкого в этом отделе, см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 90 и прим. 101.

Ред. кн. II, 22 января 1863 г. (но за 1862 г.) резкое увеличение гонорара Разина с октября.

104 Ред. кн. I, «1863, 7 январь. За прошлый год. Ковалевскому — 138».

105 *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 149. Ред. кн. II, 7 ноября.

106 Ред. кн. II, 11 декабря: Бондровскому за «Рассказы дворового».

107 По содержанию близость к будущей статье для «Эпохи» 1864 г. «Воздушные явления» Н. Н. Страхова. Возможно, *Н.* — одна из разновидностей его подписи. См. также книгу 12 за 1862 г. с той же подписью (№ 459 — по росписи).

В ней Страхов мог иметь в виду командированного за границу Владиславлева, о серьезности научных занятий которого он был хорошо осведомлен. Гонорар Страхова записан суммарно: Ред. кн. II, 5 марта 1863 г.: «За ноябрь, декабрь 1862 и Генварь 1863 Страхов 304 р.»

108 Ред. кн. II, 8 января 1863 г.: «Получил за статью в декабрьской книге 1862 П. Горский».

109 *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 149.

110 *Б. Егоров.* Библиография трудов А. А. Григорьева, № 262.

111 *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. III, стр. 15. Ред. кн. II, 26 февраля 1863 г.: «Родевичу — 70».

112 Письмо от имени А. Скавронского, автора «Беглых в Новороссии», т. е. Г. П. Данилевского. *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. III, стр. 115.

[113] Ред. кн. II, 25 октября 1862 г.: «Островскому — 300»; 23 декабря: «Получено за пиэсу «Грех да беда на кого не живет» в счет А. Островский 800»; 29 декабря: «Островскому двести рублей»; 30 января 1863 г. «Островскому в феврале 100. Островскому вперед 100». В Ред. кн. I те же суммы, но с иными датами: 1862 г. — «30 октября Островскому 300», 29 декабря: «Островскому по почте 200»; 31 декабря: «Островскому остальные 125»; 1863 г., 7 января: «Островскому 100», 30 января: «Островскому вперед 100».

[114] По направленности статьи против немецкой педагогики и ориентации журнала «Учитель» она близка статье Страхова о журнале «Ясная поляна» (по росписи — № 477) и статье, подписанной *Н.* (по росписи — № 459 и прим. 107). См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», стр. 149—151.

[115] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 200. О гонораре см. прим. 107.

[116] Ред. кн. II, 12 марта: «За перевод из Бокля получил Н. Шульгин».

[117] Ред. кн. II, 5 марта: «За статью «Некоторые педагогические и научные тенденции» получ. Ив. Долгомостьев».
И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. I, стр. 429.

[118] Эрудиция, пропаганда идеалистической философии, нападки на современность очень напоминают Страхова, который, конечно, не мог подписать рецензию на свой перевод.

[119] *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 209.

[120] Ред. кн. II, 9 апреля 1863 г.: «Сусловой за нов. «До свадьбы» 80».

[121] Ред. кн. II, 9 апреля: «За ст. «Сказание о Дураковой плеши». Ив. Долгомостьев получил 50 р. и еще 20 руб. сер.»

[122] Ред. кн. II, 19 марта: «По поручению Г. Маркеловой за перевод Руфи вперед получила М. Андреева 50 р.»; 14 мая: «Переводчице романа Руфь 100 р.» См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864—1865, стр. 135—136.

[123] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. I, стр. 433. Ред. кн. II, 7 мая: «Сто тридцать руб. получил за стихотворение «Хуан». Николай Гербель».

[124] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 165.

[125] *Н. Н. Страхов.* Воспоминания, стр. 247: «Первою статьею об этом деле была моя статья «Роковой вопрос» в апрельской книжке...»

Комментарии к росписи журнала «Эпоха»

1 Под стихотворением и в оглавлении Г. Гербель.

2 Продолжение этой статьи, напечатанное в мартовской книге (№ 28— по росписи), имеет большие примечания, подписанные Н. С.

Считаем, что перевод и примечания принадлежат Н. Н. Страхову. Он получил в феврале—апреле (Ред. кн. I) 355 руб., что не могло соответствовать его публицистическим статьям в № 1—3 (32 стр.).

3 О принадлежности Разину см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864—1865, стр. 67—68. Ред. кн. I, 12 февраля: «Разину 300».

4 Компиляция продолжалась в № 3 и № 4. В Ред. кн. II, 27 марта: «За статью в 1 и 2 №№ получил 42 р. 18 к. Ив. Долгомостьев»; 1 мая: «За статью в мартовской книжке 116 р. 50 к. получил Ив. Долгомостьев»; 11 июня: «За статью в апрельской книжке 46 р. 87 к. получ. Ив. Долгомостьев».

5 *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, стр. 292.

6 Ред. кн. II, 4 апреля: «Получил за статью «О коммерческих судах» 75 р. Филипов». См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 58.

7 Ред. кн. II, 17 августа: «Сто сорок два руб. за статью «Иероним Савонарола» получ. Н. А. Осокин».

8 Романы Шпильгагена в течение всего 1864 г. переводила Ю. П. Померанцева. В Ред. кн. II ряд записей о полученных для нее Н. Н. Страховым гонорарах.

9 См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 89—90. Ред. кн. I, 15 мая: «Колошину через Аксакова 65 р. 62 к.»

10 *Н. Н. Страхов.* Из истории литературного нигилизма, I—XI. Статьи под этим названием в ж. «Эпоха» — с марта 1864 по февраль 1865 г.

11 В оглавлении — Ег. Ковалевский, под статьей — Ев. Ковалевский. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха».

12 Переводчик повести А. К. Герих. Ред. кн. II, 29 октября 1864 г.: «Г. Гериху за Токею 203 р. 15 к.» См. его письмо в ред. «Эпохи» из Киева от 7 марта 1865 г. с просьбой об уплате гонорара (Рукописный отд. Пушкинского Дома).

13 Ред. кн. I, 7 сентября: «Г-же Сусловой за повесть 83».

14 Ред. кн. II, 25 августа: «За статью о Шекспире и театре за 6-й номер 94 р. 50 к. Д. Аверкиев». В оглавлении автор помечен Н. Д. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 166.

15 Ред. кн. II, 25 февраля 1865 г.: «За статью Г. Колошина, напечатанную в июньской книжке «Эпохи» 1864, получил для доставления Г. Колошину пятнадцать рублей И. Золотарев».

16 Хотя Ред. кн. II, 16 сентября записано: «За июньскую книгу получил 60 Порецкий», — это, возможно, и оплата за редакторство, т. е. «жало-

ванье». См. Ред. кн. I, 29 сентября запись: «Порецкому 24 р. 50 к. Ему же жалов. 51 р. 50 к.» См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха».

[17] Каждая статья этой и следующих книг имеет свою пагинацию. Сквозная нумерация отсутствует.

[18] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 291—292.

[19] Ред. кн. II, 29 сентября: «Получил за июль Порецкий 76». См. прим. 16.

[20] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 296. Письмо С. В. Энгельгардт Ф. М. Достоевскому 10 октября 1864 г. — Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, ф. II.10.8.

[21] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 250. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 52.

[22] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. II, стр. 224. Письмо Ф. Ф. Веселаго Ф. М. Достоевскому 17 августа 1864 г. — Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, ф. 93, II.2.28.

[23] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, стр. 300 — Юрий Орбелов. См.: *Ф. М. Достоевский.* Письма, т. I, стр. 381—382, 573—574.

[24] Ред. кн. II, 24 октября: «За статью в авг. книжке 77 руб. 50 к. пол. Ив. Долгомостьев». *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. I, стр. 304.

[25] Ред. кн. II, 27 октября: «За августовскую книгу 115 р. получил Порецкий». Размер гонорара, несомненно, заключает как «жалованье» за редакторство, так и оплату за статью, см. прим. 16.

[26] Ред. кн. I, 23 октября: «Головачеву — 112». См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 76.

[27] Ред. кн. II, 22 декабря: «В счет сентябрьской книги получил Порецкий 50 р.»; «в счет моих статей Филиппов 53».

О. А. Филиппов писал в отделе «Наши домашние дела» (см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 42—43). Ему как юристу, вероятно, принадлежит статья этого отдела в октябрьской книге о судебной реформе.

[28] Гон. вед. I, 27 ноября: «Головачеву 81 р. 25». См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 80—82. Считаем, что начало обозрения принадлежит Ф. М. Достоевскому.

[29] Перевод из «Микрокосмоса», т. III, Лотце, вероятно, принадлежит Владиславлеву (см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 106). В Гон. вед. I — ряд записей сумм, полученных Владиславлевым, начиная с 30 октября 1864 г., т. е. его возвращения из-за границы, но их трудно приурочить к той или иной его работе.

[30] *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. I, стр. 326. Ред. кн. I, 22 декабря: «Г-же Долгомостьевой 30».

[31] Ред. кн. II, 31 декабря: «За статью в ноябрьской книжке восемьдесят руб. получил Ив. Долгомостьев». См. также прим. 24.

[32] Ред. кн. I, 2 января 1865 г.: «Н. Щукину 36 р. 75 к.» Ред. кн. II, 2 января 1865 г.: «За статью «Уличный быт Пекина» получил Щукин». В «Списке статей...» под № 93 научных статей записано: «Землетрясение в Иркутске» Щукина. Это, очевидно, Щукин Николай Семенович — род. в Иркутске, учился в С.-Петербургском университете, был привлечен к суду за принадлежность к о-ву «Молодая Сибирь» и сослан в Пинегу, где умер в 1870 г. Дата его рождения в «Русском биографическом словаре» (том Щапов—Юшевский, стр. 154) указывается 1838 г., однако, в «Современнике» 1852 г. (июль Смесь) имеется публикация «Н. С. Щукин «Поход капитана Павлуцкого в Чукотскую землю».

Хотя анонимная статья в «Эпохе» имеет подзаголовок «(Из записок миссионера)», но в ней исключительно описание быта с некоторыми ссылками на современную русскую журналистику (женская эмансипация). Вероятно, материал статьи, явно собранный очевидцем, был

подготовлен к печати Щукиным. В Записной тетради 1864—1865 г. Достоевским записано 6 октября 1864 г.: «От Щукина «Пристрастные» ‹?› через месяц» («Литературное наследство», т. 83, стр. 204).

[33] Подписи «Летописец» нет в тексте и нет в оглавлении, но несомненна принадлежность Страхову. В последней части «Воздушных явлений» (стр. 13—16) — краткое изложение его статьи, запрещенной цензурой. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 16.

[34] См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 197—198.

[35] См.: *Достоевский.* Письма, т. I, стр. 379; кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 43—44.

[36] «Записки Н. Ф. Бунакова». СПб., 1909, стр. 60—61. *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. III, стр. 202. Под этим псевдонимом Бунаков писал в «Русском слове».

[37] Считаем, что первые шесть страниц принадлежат Ф. М. Достоевскому, остальные — о направлении южной железной дороге, возможно, Порецкому. См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 44—47.

[38] Ред. кн. II, 10 февраля 1865 г.: «За статью в декабре 1864 получил сто рублей. Константин Немшевич». Ред. кн. I, 16 февраля: «Немшевичу — 100». Только об этой статье (№ 158 по росписи) по размерам и отсутствию атрибуции может идти речь в этих записях. Мы предполагаем в № 158 участие Ф. М. Достоевского (см. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 83—84).

[39] См. письмо Н. А. Демерта Достоевскому 4 мая 1865 г.: «...я сдал Вашему секретарю статью свою «Записки служившего по крестьянскому делу», продолжение той, которая была напечатана в первой книжке «Эпохи». — Библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II.3.20.

[40] Достоевский писал Страхову 26 февраля 1869 г.: «Политического обозревателя хорошего у нас можно найти (кстати, тот молодой человек, чиновник, который писал в последних номерах «Эпохи» политическое обозрение; забыл даже фамилью его. Очень, *очень талантливый* и, кажется, превосходный молодой человек»). Письма, т. II, стр. 168. См. прим. 38.

Не был ли К. Немшевич также автором политических обозрений в январе—феврале 1865 г.?

[41] Письма А. И. Бенни Ф. М. Достоевскому 1864—1865 г. с сообщением о работе над «Петербургской форточкой» (Библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 93, II.1.83). См. кн.: *В. С. Нечаева.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», стр. 93—95.

Список сотрудников журналов «Время» и «Эпоха» [1]

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905) — Эп. 8, 31, 33, 43, 55, 66, 69, 80, 84, 97, 113, 117, 122, 126, 139, 152, 154, 184
Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893) — Вр. 48, 227, 268, 343
* Аристов Николай Яковлевич (1834—1882) — Вр. 258
Арнольд Николай Михайлович (1832—1899) — Вр. 360
Арсеньев Флегонт Арсеньевич (р. 1832) — Вр. 366
Афанасьев (Чужбинский) Александр Степанович (1817—1875) — Вр. 232, 310, 350, 424, 442
Ахшарумов Николай Дмитриевич (1819—1893) — Эп. 50, 62, 75

Бабиков Константин Иванович (1841—1873) — Вр. 69, 75, 513; Эп. 11, 110, 120, 130, 144
Баканин Анатолий Иванович — Вр. *283*
Барсов Николай Павлович (1839—1889) — Вр. *215*, 345
Бекетова Елизавета Григорьевна (1836—1902) — Вр. *73*, *91*, *112*, *136*, *158*, *174*
*Белопольский Василий Николаевич (1836—1883) — Вр. 241
Бенни Артур Иванович (1840—1867) — Эп. 178
*Берг Федор Николаевич (1839—1909) — Вр. 51, 52, 89, 113, 116, 130, 139, 170, 234, 253, 265, 313, 321, 368, 370, 385, 387, 406, 407, 426, 448, 466, 467, 484, 504
Бибиков Петр Алексеевич (1832—1875) — Вр. 228, 256, 274, 432, 465, 482, 506, 515, 523
*Благовещенский Николай Александрович (1837—1889) — Вр. 267, 291, 423
Бондровский Н. — Вр. 425
*Бунаков Николай Федорович (1836—1904) — Вр. 97, 206, 226; Эп. 147, 149
Быков Петр Васильевич (1843—1930) — Вр. *164*

*Венюков Михаил Иванович (1832—1901) — Вр. 177?, 183
Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890) — Вр. 120?, 121?, 197?, 218, 236, 275, 278?, 299?, 373; Эп. 105, 119, 141, 168
Воронов Михаил Алексеевич (1840—1873) — Вр. 129, 168, 357
Воронов Николай — Эп. 103, 108, 132, 146
Воскобойников Николай Николаевич (1838—1882) — Вр. 145
Воскресенский Николай — Вр. 369

---

[1] В аннотации сообщаются порядковые номера в росписях журналов, под которыми значатся произведения данного автора. Цифры, набранные курсивом, обозначают работу переводчика художественной прозы или научных статей.
* Звездочка у фамилии автора обозначает наличие его рукописи в «Списке статьям (рукописям) 1863» (см. стр. 276—288).

«Список статьям (рукописям) 1863 год»

Из архива редакции журналов

Из редакционного архива журналов «Время» и «Эпоха» до нас дошла тетрадь, в которую М. М. Достоевский собственноручно вносил сведения о поступивших в редакцию рукописях *. Публикация этого документа, содержащего свыше 450 названий произведений литературы, авторы которых желали быть напечатанными в журналах братьев Достоевских, явится, по моему мнению, ценным источником как для исследователей, изучающих эти журналы, так и для историков журналистики 1860-х годов. При всем несовершенстве записей (фамилии некоторых авторов отсутствуют или воспроизведены неточно, так же как и названия некоторых статей) в самом перечне имен авторов и в заглавиях их рукописей запечатлен состав и интересы большого отряда русских журналистов периода революционной ситуации начала 60-х годов.

Из поименованных в списке рукописей только двенадцать были опубликованы во «Времени» и шесть в «Эпохе». Соображения по поводу ряда авторов и их произведений, внесенных в перечень, были мною изложены в статье «Из архива журнала «Время» (сб.: «Достоевский и его время». Л., «Наука», 1971, стр. 283—295). Здесь же ограничусь пояснениями к воспроизведению «Списка» в печати.

Вся тетрадь записана чернилами ровным бисерным почерком М. М. Достоевского. Но в конце второго, третьего и четвертого разделов находятся записи рукописей без порядковых номеров, сделанные карандашом и, возможно, другой рукой.

Номера, стоящие перед названием рукописи, иногда имеют вид дроби. Ее «знаменатель» — номер этой рукописи, под которым она значилась в «старой тетради», имевшейся в редакции.

Недописанные слова дополняются в ломаных скобках < >. Зачеркнутое ставится в прямые скобки [ ]. (?) — обозначает сомнительное чтение слова, после которого этот знак стоит. Вписанное позднее, главным образом сведения о возвращении рукописи, печатается курсивом.

У номеров рукописей, *опубликованных* в журналах М. М. и Ф. М. Достоевских, ставится *звездочка*.

---

* Рукопись была передана мне дочерью М. М. Достоевского, Екатериной Михайловной, в 1926 г.

Список статьям (рукописям)

Стихотворения

№ 1 Стихотворения Волгина
№ 2 Стихотворения Добротворского
№ 3 » » » Савелы
№ 4 Песня. Миронова
№ 5 Кадырбек. Мовы
№ 6 Феня. Ступишина
№ 7 Народному поэту. Егожевского
[№ 8 Исповедь. Запольского] *возвращена 11 июня Г. Губину*
№ 9 Ноты
* № 10 Афротенбург
№ 11 Покой. Тишова
№ 12 Монастырка
№ 13 Стихотворения. Брянчанинова
№ 14 Преступник. Комарова
№ 15 Трудная доля. Гевенманского
№ 16 Переводы из Гете. Певец и другие
№ 17 Ночь в лесу и другие
№ 18 Теория любви. Ив. Рор.
№ 19 Весна. Ваненко
№ 20 Толпа. Миронова
№ 21 Стихотворения. Соколова
№ 22 » » » Дейнекк
№ 23 Незаконнорожденный. Лаухина
№ 24 Русалка. Из рассказов старика Пахомина и чиновника Шпайнфельда
№ 25 Стихотворения. Вормса
№ 26 Последнее прости. Ромашкевича
№ 27 Стихотв. В. П. (неудобны для печати)
№ 28 Переводы из Гейне. Кузнецова

Драматические произведения

№ 1 Охота по красному зверю. Николаенко
№ 2 Бунтовщики. Голянкина
№ 3 Доезжачий. Боборыкина
№ 4 Мщение. Колодия
№ 5 Потерянные и найденные [книги] деньги. В—р
№ 6/стар. тет. 9 Супружеское счастие. *Возвратить. — Нет*
№ 7 Кухня. Мартынова
№ 8 Вдовец. Драм<а>. Ксении Газ. — *Нет*
№ 9/15 Друзья. С. Б. — *Нет*
№ 10 Девять суток из жизни чиновника. — *Нет*
№ 11/18 Очередная. Самсонова
[№ 12 Раскольник. Др<ама>. Решетилова [1]]. *Отправлена автору в Пермь 5 [февраля] марта*
№ 13 Близко локоть, да не укусишь. Пятерикова
№ 14 Как судить. Александера — *нет*
№ 15 Не он первый, не он последний. Ларинского
[У фонтана. Его же] — *под № 11*
№ 16 Хлодновский. Бородинского
№ 17 Болото. Васильева — *нет*

---

[1] *Описка:* Драма Решетникова.

№ 18 Сплетни. Солнцева
№ 19 Не рой другому яму, сам попадешь. Панова
№ 20/34 [В деньгах счастье. Возвратить.] *Возвращена 18 д<екабря> человеку Матвею. Квартальный* (?)
№ 21 [Из неудавшейся жизни. А. Г.]
№ 22 Миша Табашник. К. Н. Б.
№ 23 Заложенный дом. Наумова
№ 24 Пред транспарантом памятника 1000 лет<ия> России. Канаева
№ 25/40 Помешанные. Щулепникова. — *Нет*
[№ 26 Покорение Царства Казанского. Костарева] *возвращена автору 15 января 1863*
№ 27 Каникулярное время. Лебедева
№ 28 [Нашла коса на камень. Горбунова.]
№ 29 Нашла коса на камень. Андреева
№ 30 Пантеон провинциальных представителей современности. Самоучка (псевдоним)
№ 31 Патент. Влад. Матаревского
№ 32 Российский Отелло. Попова
* № 33 Народные сцены «В лесной глуши». «В свете и дома». Полетаева. *Нет*
№ 34 Купеческая сделка или невестке в отместку. Мыльникова
№ 35 Анжело. Соч. Викт. Гюго (перевод)
№ 36 Знать уж доля такая. Иванова. *Нет*
№ 37 Митюха Валдайский. *Нет*
№ 38 Честь и бесчестие. Ф. Домелункина
№ 39 Губернская сваха. Драм<а>. Пескова
[№ 40 Пьяница. Драма. Барановского.] *возвращена*
Экзамен (сем<ейная> сц<ена>) *к возврату Красноперова*
Откупщик. М. Цветаева — *возвратить*
Сваха. Шумова (псев. Канаев)
Сима. Александровский. *Возвр.*
Сцена у фонтана. Лоринский.

Статьи серьезного (ученого) содержания

№ 1 Письма о предметах ботаники и ботан<ической> географии. Анатол. Дувуара
№ 2 Гарибальди и Кавур. Серно-Соловьевича
№ 3 Галич, Солигалич и солигалич<ские> минеральные воды. Новикова
№ 4 История воздухоплавания. Федоровича
№ 5 Юридические сомнения неюриста. Весского
[№ 6 Заметки башкира о башкирцах. Лачинова]
6. Опыт историч<еского> оправдания те(?) Петра I. PC.
№ 7 Письма об эстетическом воспитании человека. Перевод
№ 8 Обозрение духовных журналов. С.
№ 9 [Публичный курс о современной словесности Судовщикова в Киеве. М. Д.]

Современная педагогика — Родевича

№ 10 Медиумы и духи. А. К-цева

№ 11 Политико-экономический роман в рус. литературе

№ 12 Община и феодализм

№ 13 Общие замечания о нравственном воспитании в училищах

№ 14 Очерки чудских городов. Георгиевского

№ 15 Действительность и идеал гимназий. Урванцова

№ 16 Демократия. Кангера

№ 17 Наши университетские дела. Лавриченко

[№ 18 Бенедикт Арнольдт. Шлихтера.] *возвращена Шлих‹теру›. Публичный курс соврем‹енной› словесн‹ости› Судовщикова в Киеве*

№ 19 Господство формализма в духовных школах. Ф. З.

№ 20 Описание постепенного развития гоньбы в России. *Возвр‹ащено›*

№ 21 Картина отношений уездных врачей к полиции в Сибири. Кривошапкина

№ 22 Производство следствия о купце Вожголове. Букина

№ 23 По поводу комедии Боборыкина. Животоносова

№ 24 Историческая записка о начале духовной войны в Дагестане

№ 25 О договорах киргизовских царан с оргеевским купцом. Андржиевского

№ 26 Значение шотландской системы банков в народном хозяйстве. Еремеева

№ 27 Верховье Нила и Судан. Гилярова (перевод)

№ 28 О собственности, из сочин. Тьера. Пиотрашко

№ 29/50 Исторический очерк событий в России с 1742—1762. Петрова

№ 30 [Сравнение балансов Государственного банка.] (Погорного-Подельного). Пфейфера

По поводу оценки чистого дохода с недвиж‹имого› имущ‹ества› в Москве

№ 31 Дело о шести убийствах. Перевод

№ 32/57 [Практическая сторона реформ с 8 июня 1860 года в русском следственном процессе.] П. Александрова

* *Мысли Русского о Польше*

№ 33 Всемирная история Шлоссера

№ 34 [Пользование мирской землей и круговая порука. Герарда] *18 янв‹аря› 1863 возвращена автору*

№ 34 По поводу рассказа Чернышевского

№ 35 Заметки на статью о рабочем классе. Игнатьева (из редакции Рус. слова)

№ 36 Фребель. Историко-педагогический очерк (перевод)

№ 37/76 Заметки о предмете Всеобщей истории. Венюкова

№ 38/80 Два слова о репрессивной цензуре. (Письмо в Редакцию)

№ 39 [Лопе де Вега и Кальдерон. Взгляд на современную драму.] Байсмана

Князь Серебряный

№ 40 Испанские романсы

№ 41/81 Письмо в редакцию. Соколова
№ 42 [Петербургский вестник Камбека]
По поводу наивной просьбы откупщика
№ 43 Суд присяжных.
№ 44 [Табачная промышленность.]
О конкурсе русск<ого> музык<ального> общества
№ 45 Замечания на статью о первоначальном народном обучении. Воропанова
№ 46/108 Мысли и рассуждения о незаконнорожденности. Сагатовича
[№ 47/109 О причинах войны с Финляндией при Грозном. Руднева.]
Возвращено 15 января автору.
Мысли и личность человека (перев.)
№ 48/111 О сельской медицине. Коляновского
№ 49/112 Старая педагогика. Ф. А.
№ 50/113 [Ломбардия. Мечникова.]
Защитники и порицатели
[№ 51/114 Замечания о проекте о податном устройстве мещанских обществ.] *Возвращена 16 июля*
[№ 52/116 Жизнь Маццини. Взята для переделки.] *Возвращена*
[№ 53/117 Опыт разрешения вопроса о способе устройства сельской медицины в России.] *Возвращена автору 22 января 1863*
*[№ 54/121 Нужен ли флот в России.] *Печатается*
№ 55/122 Ремонстрации. Эпизод из истории английского парламента. Белюговой. Перев.
№ 56/123 Автобиографические очерки о ранней службе в Великобританском флоте. Абрамова.
№ 57/124 Поездка на Сыр-Дарью в 1862. Тутолмина
[№ 58/125 О нравственном развитии человека. Соколова.] *Возвращена Алек. Ив. Щелкину*
№ 59/127 Вестник Ю<го>-Запад<ной> и З<ападной> России
№ 60/128 Об арестантах
*№ 61/130 Этнографический сборник, издав. Им<ператорским> Геогр<афическим> Общ<еством>. Худякова
№ 62/131 Ревизия. Истомина (на одном листке)
№ 63/132 Общество и его законы движения. Перевод
№ 64/133 Практические наблюдения и замечания о судопроизводстве по своду законов
*[№ 65/134 О преобразовании городского общественного управления.] *Напечатана*
№ 66 По поводу одной новой комедии
№ 67/135 Из провинции. Арефьева
№ 68/105 Естественноисторический метод в философии. По Тэну
№ 69/107 Несколько слов по поводу статьи «Об организации и служебных нравах нашей учебной системы». Бобровского
№ 70 Опыт изучения войн Богдана Хмельницкого
№ 71 Лишение свободы
[№ 72 Патриарх Всероссийский Иоаким.] *Возвращена 7 мая*
№ 73 Переписка между городскою думою и духовенством

№ 74 Несколько слов о современной теории происхождения видов. Мечникова

№ 75 [Беседа об астрономии. Перев. Кисловского]

№ 76 Введение в историю XIX стол. Гервениуса. Лебедева перев.

[№ 77 Макбет. Приходкин.] *Возвращена*

№ 78 Об истории и естественных законах земледелия. Паульсона

№ 79 Отзыв Г. Берикеру на статью его о «домашней народной медицине» Оскоченского

№ 80 О старой и новой системе гербового сбора в связи с судопроизводством и судоустройством

№ 81 Упрек и совет духовным журналам. Троицкого

№ 82 О смертной казни } Филиппова

№ 83 [О мировом суде] *Возвращена* } Филиппова

[№ 84 Современное состояние вопроса о тюремном заключении. Доктора Миттермайера. Перевод.] *Возвращена 16 апреля*

№ 85 Французская революция. Карлейля (перев.)

№ 86 Полицейские дознания. Иваненко

№ 87 Об языковском праве доктора. Современные гуманисты. Понятовского

№ 88 Из Августа Тьери. Переводы Беляевского

№ 89 Одно из разрешений социальной задачи об обеспечении рабочего класса

[№ 90 Отрывок из сочинения: Посольство в Китай. Перевод]. *Возвращено 30 июня*

№ 91 Фабрикация стеарина. Шишкевич

№ 92 Ответ на вызов император<ского> Вольно-Экономич<еского> общества

№ 93 Землетрясение в Иркутске. Щукина

*№ 94 Больницы, их администрация и хозяйство. Соколовского

№ 95 Мюридизм и Газават в Дагестане по объявлению Шамиля. Казен-Бека

№ 96 Несколько слов о народном образовании. Шульгина

[№ 97 Савиньи и его отношение к современной юриспруденции. Перевод Кенига.] *Возвращена*

№ 98 Критич<еский> взгляд на основу системы Коперника. Несмеянова

№ 99 Протест. Николая Бурнази

№ 100 Алексей Яковлевич Поленов. Поленова

№ 101 Об органическом единстве в животных и растениях. Перев. (Из Revue des deux Mondes)

№ 102 [Англия и англичане.] *Возвращена 18 июня*

№ 103 Сосьяльное зеркальце. Самарина

— Материалы для ист<ории> диплом<атических> сношений России с Рагузской республикой (1806). Викентий Макушев. (Приложений много на разных языках). *Возвращена 11 июня 64 г.*

— Борьба за свободу в Риме (Коковцев). Компиляция

— История социализма. Еремеева. (В переплете)

— Спиноза (Льюиза, пер. Левензона)
— Свящ. искусство и алхимия. Хотинский
— Жизнь по отношениям своим к человеческим желаниям. Соч. В. Шевича

Романы, повести и рассказы

№ 1 Свадебные обряды крестьян Осташковского уезда. Озеро Дыхло. Веригина
№ 2 Дело о Шарлоте Берефельдт (об убийстве мужа). Перевод
*[№ 3 Руфь. Роман Гескель, перев. с англ.] *Печатается*
[№ 4 Наташа.] *Возвращена Г. Губину 11 июня*
№ 5 Катюша
№ 6 Письмо к Гоголю. Архимандр<ита> Феодора
№ 7 Мысли женщины о женщинах
№ 8 Ночь в игорном доме. Шеллера
№ 9 Перчатка. Моллера
№ 10 Старая яблочница. Комарова
№ 11 Поездка в Арасан. С. К-н
№ 12 Выдержки из дневника. Корнбута
№ 13 Из учительского быта. Казанского
№ 14 Татарщина
№ 15/ [Кого винить. Шлихтера.] Кого винить. Наумова
19, 53, 53 *Возвращена 14 мая*
[Темные уголки.] } [Шлихтера]
[Левизор.] }
№ 16 Тетушка.
№ 17 Записки туриста. А. Г.
№ 18 Прасол. Белопольского
№ 19 Судьба. Рассказ моего товарища. Блохина
№ 20 В глуши. Кыбинова
№ 21 Вероника. Перев. из Шокке
№ 22 Статья Властова
№ 23 Туда и откуда. Олжестьевой
№ 24 Провинциальная кутерьма. Быль. А...
№ 25 Презрение к публике. Берга
№ 26 Типы. Анда
№ 27 Об Одессе. Двержинского
№ 28 Солдатка. Заветного
№ 29 Письмо к провинциалам
№ 30 Он и она. Роман Поль-де-Мюссе
№ 31 Деревенский учитель. Перев. из Ауэрбаха
№ 32 Гувернантка
№ 33 О конкурсах рус<ского> музыкальн<ого> общества
№ 34 Два отрывка из повести. Измайлова
№ 35 Превращение. Роман Монте-Бени. Соч. Гаусорка
№ 36 Дела давно минувших дней. Серебряникова
№ 37 Случай [книго]продавца. Н. Новицкого

№ 38 Клад и стихотворение «Народному поэту». Аристовского
№ 39 Сонгоров. Львова
№ 40 Пансионское пленение и гимназии. (Из записок Черновской)
№ 41 Непрактический юноша. Мельчевского
№ 42 Записки о жизни. Полевого
№ 43 Червленная станица. Ширяевского. *Возвр.*
№ 44 Разлад. Повесть Качковского. Перев. с польского
№ 45 Болеслав Храбрый. Перев. с польского
№ 46 Пробуждение
№ 47 Поля. Рассказ. Барсуковского (*доставл<ено> Плещеевым*)
№ 48 Могла ли быть она счастлива? Панова
№ 49/65 Не поняли
№ 50 Именинный обед. Чернявского
№ 51/68 Битый. *Суворина. Ноты между(?) чьи*
Вступление в брак. Слепцова
№ 52 Старая церковь. Пельской. *Взята В. Фуксом для передачи 9 июля*
№ 53 Скиты. Ф. Домелункина
№ 54 На поседке. Бунакова
№ 55 Записки иркутского жителя
№ 56 Свой кружок
№ 57 Серое горе. Ваненко
№ 58 Нечто о сельских училищах и их учителях. Луконина
№ 59 Ирландские общества в XIX веке. Перевод
№ 60 Весною. Гаузенберга
№ 61 Кухарка. Липской
№ 62 Две институтки. В. В-ской
№ 63 Неудавшийся роман. Толстого (?)
№ 64 Погибший часовой
№ 65 Женоубийца. Ливанова
№ 66 Из записок доктора — Квартира с углами. Белопольского
№ 67 Воспоминания следователя [Щедрина]
№ 68 Блойсдэльская колония. Готорна
№ 69 Фофо и Гаэтано
№ 70 Протест оглашенного
№ 71 Извлечение из нравствен<ной> истории женщин. Соч. Легуве. Перев.
№ 72 Долин
№ 73 Путевой журнал из Одессы в Грузию
№ 74 Просветители Безводска. Онежского
№ 75 Воспитательница. Кашина
№ 76 Недавние воспоминания из жизни полицейской. Мещерского
№ 77 Рассказ мещанина. Прозорова
№ 78 Приключения Филиппа. Ром<ан> Теккерея. Пер.
№ 79 Хронические болезни. Занского
№ 80 Сивалев. Венцова
*№ 81 Ералаш. Фатеева
№ 82 Обманчивый блеск. Ром<ан> Марии Политковской

№ 83	Отъезд. Железнодорожные попутчики
№ 84	Черновик. Золотарева
№ 89	Молот. Ивашкевича
№ 90	Г-жа Жефос. Перевод
№ 91	Предания о разбойниках. Аристова
№ 92	Портрет. Раменского
№ 93	Секуция. Копаносевича
№ 94	Поездка в Гельсингфорс. Белюстина
[№ 95/133	Домик в горах. Самогоровой] *Возвращена. Г. Княжевичу 26 марта*
№ 96/135	Певица. Отрывок из моей жизни. Зиновьева
[№ 97	Застарелое зло. Благовещ<енского>.] *Возвращено автору*
№ 98	Вечер у полковн<ика> Муравья
№ 99	Леленька. Физиологический очерк. Лаврова *и при них стихи Дубровочкина*
№ 100	Две жертвы в год
№ 101	Из походной жизни. Иванова
[№ 102	Скрипач. Решетникова.] *Возвращена автору в Пермь, 5 марта*
№ 103/145	Охотник. Полянского
[№ 104	Мать и дочь. Сонгоровой.] *Возвращена 26 фев<раля> и Домик в горах. Послана к Г. Княжевичу*
№ 105	Записки незаметного человека. Шадрина
[№ 106	Маша. Антокарского.] *Возвращена автору 26 февраля*
№ 107	Из портфеля мирового посредника. Очерк — Два друга
№ 108	Три главы из оборотня. Никол<ай> Ив<анович> Ребров Александрович
*[№ 109/162	Бутузка. Салова.] *Напечатана*
*№ 110	Из походных записок по Амуру. Красильникова
№ 111/164	Сословная вражда. Туман жизни с искрами света. Маркова
№ 112	Побегушка. Витковского
№ 113/167	Несколько заметок на старую тему. (Прислано от Благосветлова)
№ 114	Походные заметки отставного поэта. Бажанова
*№ 115	С берегов Рейна. Новицкого
№ 116/171	Два часа на станции — статья с подписью Шалунья. [Катарецкого] Розенфельдта
№ 117	Прогрессист поручик
№ 118	Рассказ. Мар. Цветинович
№ 119	Наш женский вопрос
№ 120/177	Четыре дня в жизни Мухина. Гуляева
№ 121	Воспоминания моего детства. П. О-цкого
№ 122	Век пережить не поле перейти
№ 123/180	Аленка. Суворина
№ 124	Птенцы из бурсы. Преображенского
№ 125	Муж Агаты. Гулевича (перев.)
№ 126/185	Слепая. Артоболевского
№ 127	Неудавшаяся жизнь. Скибневского
[№ 128	Рекреация.] *Возвращена автору 28 января*

№ 129	Борьба. Оболенского
№ 130	Ханжи и нищие. Савина
*№ 131	Из путевых записок по Амуру. Красильникова
[№ 132	Розовая маска. Раштанова.] *Возвращена автору 19 февраля*
[№ 133/193	Записки несовершеннолетнего. Калицкого.] *Возвращена 24 марта*
№ 134	Добренькая тетенька или детская привязанность. Васи Жук
№ 135	Анюта. Турского
№ 136/199	Тридцать лет назад. Башицкого
№ 137	Постоялый двор. Сергеева
№ 138/203	Плавание по Тигру и Шапиль-арабу. Гамазова
№ 139	Эпизод из обыкновенной жизни
№ 140	Из помещичьего быта
№ 141	Воспоминания семинариста. Калашевича
[№ 142	Усы. Л. К.] *Возвращена 30 апреля*
№ 143	Обманутый подпоручик
№ 144	Провинциальные газеты, редакторы и сотрудники (Очерк из записок литературного быта обывателя). Дмитриева
№ 145	Лучшие годы. Пащенко
[№ 146	Обиженные обижающие.] *Возвращена автору 26 февраля*
[№ 147/226	Сновидение или убийство <1 не разобр.> Филиппова.] *Возвращена автору*
[№ 148	Вражда. Никольского.] *Возвращена автору 12 февраля*
[№ 149	Воспоминание о службе старых времен. Беляева.] *Возвращ. 2 июля*
№ 150	[Дорога. Забелина.] *Возвр.*
№ 151	Рассказ извозчика. Тутолмина
№ 152	Экзамен. Красноперова
[№ 153	Командировка. Юрия Кост-ко.] *Возвращена автору 10 февраля*
[№ 154	Сербские легенды.] *Возвращена автору 15 апреля*
№ 155	[Любовь женщины.] *Возвращена Г. Езефовичу 22 янв. 1863 г.*
№ 156/236	Ваня Кашин
№ 157	Через час по ложке. Каргопольцева (псевд. Бакулина)
№ 158	В защиту женщин
№ 159	Русские разговоры в ноябре 1862. Успенского
*№ 160/240	Наши браконьеры. Бунакова
№ 161	Исповедь отставного
№ 162	Прихоть. Чичагова
[№ 163	Елизавета Петровна Брызгалова.] *Возвращена автору 28 января*
[№ 164	От тебя не больно. Лескова.] *Возвращена 10 апреля*
[№ 165	Наши взгляды на женщину.] *Отправлена г. Аксакову февр. 6 дня*
[№ 166/245	Встреча. Яковлева.] *Кажется возвращена*
№ 167	Молодые годы. Кузнецова
№ 168	Несколько лет назад
[№ 169/248	Статья (без названия)]

[№ 170 Жизнь в корпусе.]
№ 171 Из студенческих мечтаний и воспоминаний. Самоцветова
№ 172 [Пантофель. Соч. Элеоноры Штарейт. Перев. Павловского] *Возвращена автору 15 января*
№ 173 Картины былого. Волынского
№ 174 Черная доля
№ 175 Материалы для романа. Мишкевича
[№ 176 Вильно, Рига и Псков.] *Возвращена 10 апреля*
№ 177 Несколько слов семинариста по поводу «Очерков» Помяловского
№ 178/258 Моя судьба. Камской
№ 179 Сен-Пуанский каменотес. Ламарт. (перев.)
№ 180 Несчастный семинарист
№ 181 [Кутчанское происшествие. А. З.]
[Горькие минуты.]
* № 182 [Тетушка. Племянник и жильцы.] Горского
[Бедные (очерк) — Высокая любовь.] *Напечатана*
[№ 183 Зимний вечер в домике Уткиной. Рыпинского.] *Возвращ. 16 апр.*
[№ 184 Несколько слов правды (за женщин).] *Возвращена 10 апреля*
*№ 189 Сцены из простонародной жизни. Каторецкого. (Святоч‹ный› вечер)
№ 190 Будничные сцены. Янтковского
№ 191 Отрывок из записок одного студента
№ 192 Пробуждение. Из Гейне
№ 193 Две ошибки. Н. Жаринова
[№ 194 Сколько голов, столько умов. Микешина.] *Возвращена г. автору 28 янв.*
*[№ 195 Ницца и Генуя. Григоровича.] *Напечатана*
№ 196 Мои воспоминания об учебном заведении для колоновожатых и об учредителе его Н. Н. Муравьеве
№ 197 Дело семейное. Татаринова
№ 198 Департамент при старом директоре
[№ 199 Воспоминания бурсака. Южакова.] *Возвращена автору 28 января*
[№ 200 Благотворительное общество. Горского.] *Возвращена автору 5 марта*
[№ 201 Тяжелая минута. К. М-ский.] *Возвращ. 21 мая*
№ 202 Не забудь. Пов. Дмитриева
№ 203 Нравственный взгляд на институт в общем их виде
*№ 204 Темные углы
№ 205 Гвоздиков. Савича
№ 206 Уездный банкир или муж, жена и компаньонка. Тулубьева
[№ 207 Грустная повесть. Никитина.] *Возвращена автору*
№ 208 Сватовство Куртиса, Цинцинат и медвежья охота
[№ 209 Сугробские картины. Кораблева.] *Возвращена*
№ 210 Минуты увлечения. Полянского
№ 211 Маскарад. Барлеева

№ 212 Благодетели. Роман в двух частях. } Луканина
Рассказы старого служаки. } Луканина
№ 213 Озерской приход. Бунакова
№ 214 Из путевых записок
№ 215 Гоголь в Одессе. Воспоминания провинц<иального> актера. Толченова
*[№ 216 Уличный быт Пекина. Щукина.]
№ 217 Бурлак. Михайлова
№ 218 На перепутье. Рассказ. Шведова
Сибирский анекдот, его же
№ 219 Выдержки из записок женщины. Лободы
№ 220 Современный вопрос. Федорова
Откупные мемуары или некролог одного купца. Его же
№ 221 Фотографические снимки. Е. А. С-вой
№ 222 Венец и могила. Роман. Муравьева
№ 223 Уездный очерк
№ 224 От Урала до устья Амура
№ 225 Сцены из народного быта. Ильинского
№ 226 Из жизни бедных людей (физиологич<еский> очерк) Орлова
[№ 227 Протеже короля Оскара (перев. с шведского).] *Возвращена 14 мая*
№ 228 [Поуралье. Писарьского.] *Возвр.*
№ 229 Вдовец Левель. Теккерея. Перевод
[№ 230 Закал. Борейши.] *Возвращена*
№ 231 Рассказ старого офицера. Пашкова
№ 232 Младшая внучка пастора Мея. <?> Пер. с немец<кого>
№ 234* Брильянты. Повесть. Перев. с немецкого
№ 235 Как оно есть. Никифорова
№ 236 [Сказание уральских казаков. Железнова.] *Получил по поручению восп. Болдырев*
№ 237 Спокойная жизнь. Сибирский роман. Абрамова
№ 238 [Эрд. . . (?) ута. Рассказ Ауэрбаха. Перевод.] *10 сентября. Получил В. Слепцов*
№ 239 Виктор Гюго, его защитники и антагонисты. Михаила Библиомана
№ 240 Отрывок из воспоминаний о деревенской жизни
[№ 241 Статья, подходящая к двум замечательным статьям о грамоте. Ковалевского.] *Возвращена Лисенкову 30 июня*
№ 242 Московское семейство. Глинки
№ 243 Отписка есаула
№ 244 Картины провинциального быта
№ 245 Город Смуров. Чужбинского
№ 246 Три поколения. Роман. Неизвестного
№ 247 Русская колония Александрова близ Потсдама. Ломачевского
№ 248 С чужого края. Полетаева
[№ 249 Анна Алексеевна. Рассказ. Маслова.] *Возвращена*

---

* № 233 в рукописи отсутствует.

№ 250 [Леопольд. Рассказ Бертольда Ауэрбаха. Перевод.] *10 сентября. Получил В. Слепцов*
№ 251 Рассказы из истории забитых. Аристова
№ 252 Семейная тайна. Ростислава Ступишина
[№ 253 Сосьяльное зеркальце. Самарина.]
№ 253 Маленький роман на водах Теплицких
Рекрут одиночка (?) Малахия Лахиды (псевд. Скабка)
Между двух огней. Пов<есть> Павловича. Доставлена Чужб<инским>
Нежная мать. Пов<есть> С-ва
Город Смуров. А. Чужбинского
Венгерский поход. Фатеева. *Возвратить*
Дом без хозяина. Ливанова
Субъект. Пов<есть> Николича
Змей-удав. О. Касторской (*забр. в Б<иблиотеку> д<ля> чтения*)
[Борьба за свободу.] Пылины. Пов<есть> Замошникова (из Б<иблиотеки> д<ля> ч<тения>)
Сцены из народного быта. Картина 1-я. г. Чудина
Его же 2 стихотворения
Князь Курбский. Колобова. Его же 1 стихотв<орение>
* Лиза. Ольги Н.
Дядюшка. Волгонский (де Роберти)
Крестьянская свадьба в Малороссии. } Горыцвет
Сеня }
Пронюнский. Соч. Ходзько (пер. с польского)
Всякому свое (Кошкарева). Ореховский
Инсарского: От Саратова до Баку (1851 г.)
С Кавказа на Урал
NB. Лесная часть
Еще рано. Сосногорова

Указатель имен *

---

* Кроме данной книги, указатель относится также к книге В. С. Нечаевой «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (М., 1972), что отмечается пометами Вр. или Эп.; курсивом даны авторы, указанные в «Списке статьям (рукописям) 1863 год».
Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский в указатель не включены. Указатель составлен Б. А. Михелевой.

* В рукописи ошибочно: Самогорова, Сонгорова

---

* На стр. 199 вместо А. Щапов следует читать И. Г. Прыжов.

Оглавление

Вера Степановна Нечаева

Журнал
М. М. и Ф. М. Достоевских
«Эпоха»
(1864—1865)

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Гудимова*
Художник *И. Н. Сальник*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, В. А. Шварцер*

Сдано в набор 23/VIII 1974 г.
Подписано к печати 31/I 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 8000. А-02022.
Тип. зак. 1435. *Цена 1 р. 52 к.*

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, дом 12

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
29	11 св.	предсказания	преуспеяния
81	18 св.	относительного	обстоятельного
110	11 св.	боге	бога
111	10 св.	оплевавшем историю	оплевавшем нашу историю
114	5 сн.	науки	нации
253	15 св.	№ 3 Март	№ 3, март (ц. р. 8 III 1863; вых. 3 IV 1863)
300	19 св.	Косидат	Косица

В. С. Нечаева